

МЭГГИ
СТИВОТЕР

КОРОЛЬ-
ВОРОН

О переводе

Оригинальное название: *The Raven King (The Raven Cycle #4) by Maggie Stiefvater*
Мэгги Стивотер "Король Ворон"

Серия: *The Raven Cycle #4 / Вороновъй круг #4*

Перевод: *Виктория Салосина, Екатерина Шмелева*

Вычитка: *Виктория Салосина, Екатерина Шмелева*

Количество глав: 23

Переведено в рамках проекта http://vk.com/bookish_addicted

Для бесплатного домашнего ознакомления

Релиз не для продажи

Пролог

Ричард Гэнси III уже и забыл, сколько раз ему говорили, что ему предназначено величие.

Его воспитывали для этого; благородство и целеустремлённость зашифрованы в обеих ветвях его родословной. Отец его матери был дипломатом, творцом своей судьбы; отец его отца был творцом, дипломатом шика. Мама его матери обучала детей европейских принцесс. Отец матери построил школу для девочек ей в наследство. Гэнси были придворными и королями, и когда не находилось замка, куда их пригласить, они строили его себе сами.

Он был королём.

Давным-давно самый младший Гэнси был зажат осами до смерти. Во всех отношениях ему дали все преимущества и в смертности тоже. Голос прошептал ему на ухо: *«Ты будешь жить из-за Глендовера. Кто-то другой умирает на энергетической линии, когда не должен, так что ты будешь жить, когда не должен»*.

Он умер, но не смог остаться мёртвым.

Он был королём.

Его мать, сама по себе королева, приняла вызов от конгресса штата Вирджиния, и неудивительно, что элегантно вошла в десятку победителей на выборах. По нарастающей. Были ли тут когда-нибудь сомнения? Да, вообще-то, всегда, постоянно, потому что Гэнси не требовали благосклонностей. Часто они даже не просили. Они делали что-то другим и тихо надеялись, что те были бы в состоянии сделать то же им.

Сомнение... Всё, что делал Гэнси, было сомнением. Гэнси смело забрался в темную мутную воду, судьбу, неуверенный ни в чём, кроме намёка на меч, зажатый в многообещающей ладони.

Если не считать... Всего несколько месяцев назад этот Гэнси залез в тёмную неопределённость будущего, потянувшись за обещанием меча, а вместо этого вытащил зеркало.

Справедливо... Каким-то вывернутым наизнанку образом это чувствовалось справедливым.

Было двадцать пятое апреля, канун дня Святого Марка. Годами ранее Гэнси читал книгу «Великая тайна: энергетические линии мира» Роджера Мэлори. В ней Мэлори тяжеловесно объяснял, что в канун дня Святого Марка бдение на энергетической линии раскрыло бы духи тех, кто должен был умереть в течение следующего года. К тому времени Гэнси видел все виды чудес, происходящих рядом или на энергетических линиях — девочку, которая могла читать книги в полной темноте столько, сколько она находилась на энергетической линии; старую женщину, которая могла поднять ящик с фруктами только силой мысли; трио смуглых близнецов, рождённых на энергетической линии, у которых из глаз текли кровавые слёзы, а из ран солёная вода — но ни одно из них не включало его. Не подразумевало его. Не объясняло его.

Он не знал, почему был спасён.

Ему нужно было знать, зачем он был спасён.

Потому он проводил всенощное бдение на энергетической линии, которая стала его лабиринтом, дрожа в одиночестве на парковке «Святого Спасителя». Он ничего не видел, ничего не слышал. Наступившим утром он присел возле своего Камаро, утомлённый на грани сумасбродства, и проигрывал ночную запись.

На диктофоне его собственный голос прошептал: «Гэнси». Пауза. «Это всё, что есть».

Наконец, это случилось. Он больше не был всего лишь наблюдателем в этом мире; он принимал в нём участие.

Даже тогда маленькая часть Гэнси подозревала, что на самом деле означало услышать собственное имя. Он знал это, возможно, к тому моменту, когда его друзья приехали на выручку его машине час спустя. Он знал это, наверное, когда экстрасенсы на Фокс Вей

300 раскладывали на него карты таро. Он знал это, возможно, когда пересказывал всю историю лично Роджеру Мэлори.

Гэнси знал шёпот чьих голосов раздаётся вдоль энергетической линии в канун дня Святого Марка. Но он провёл несколько лет, удерживая в цепях свои страхи, и был ещё не готов расстегнуть их поводки.

Так было, пока не умерла одна из экстрасенсов Фокс Вей 300, пока смерть снова не стала чем-то реальным, и Гэнси не мог и дальше отрицать правду.

Гончие Аглионбайского Охотничьего Клуба провыли этой осенью: прочь, прочь, прочь. Он был королём.

В этом году он умрёт.

Эпиграф

Спать, плыть и видеть сны, всегда.

Алджернон Чарльз Суинбёрн

«Сон пловца»

Такими знаменьями я отмечен;

И ход всей жизни ясно показал,

Что не причтён я к заурядным смертным.

Уильям Шекспир

«Генри IV»

(перевод Е. Бируковой)

Дорогой, композитор наступил в огонь.

Энн Секстон

«Поцелуй»

Глава 1

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она всегда была о женщинах с Фокс Вей 300.

Истории разбегаются во всех направлениях. Когда-то давным-давно жила-была девушка, которая очень хорошо умела играть со временем. Чуть отойдем в сторонку: когда-то давным-давно жила-была дочь этой девушки, которая очень хорошо умела играть со временем. А теперь вернемся к основному повествованию: когда-то давным-давно жила-была дочь короля, которая очень хорошо умела играть со временем.

Начала и окончания простирались до самого горизонта.

За исключением Блу Сарджент, все женщины с Фокс Вей 300 были экстрасенсами. Исходя из этого, можно было бы предположить, что у жильцов сего дома было много общего, но на самом деле у них было столько же общего, сколько у музыкантов в группе или врачей в больнице, или у похоронных дел мастеров. Экстрасенс — это не столько тип личности, сколько набор навыков. Мировоззрение. Общее понимание того, что время, как и история, не есть прямая — это океан. Если вы не смогли отыскать то самое нужное вам мгновение, значит, вы просто недостаточно далеко заплыли. Вполне возможно, что пока вы ещё не очень хорошо плаваете. Также вполне возможно, что эти женщины, пусть неохотно, но согласятся с тем, что некоторые мгновения довольно хорошо спрятаны во времени и должны быть оставлены глубоководным созданиям. Которые вполне могут походить на морских чертей с жуткими зубами и фонариком, висящим у них перед глазами. Или на Персефону Полдма. Хотя она уже мертва. Наверное, это был плохой пример.

На дворе стоял понедельник, когда женщины Фокс Вей 300, наконец, решили оценить неминуемый приговор, нависший над Ричардом Гэнси, разрушение своих жизней, о чём они знали наверняка, и, если уж на то пошло, насколько эти события взаимосвязаны. Ко всему прочему, Джими провела очищение чакры в обмен на бутылку доброго огненного торфяного виски и жаждала распить его в компании.

Кайла вышла из дома в этот жальший октябрьский денёк, чтобы повернуть табличку возле почтового ящика стороной, на которой было написано: «ЗАКРЫТО, СКОРО ВЕРНЁМСЯ!» Джими же, истово верующая в магию трав, принесла несколько подушечек, начинённых полынью (для улучшения проекции души в различных плоскостях), и поставила гореть на древесном угле розмарин (для памяти и ясновидения, что есть одно и то же в двух разных направлениях). Орла помахала тлеющим пучком шалфея над колодой карт таро. Мора установила гадальный шар из чёрного стекла. Гвенллиан противно напевала радостную песенку, пока разжигала свечи, расставленные по кругу, и задёрнула шторы. Кайла вернулась в гадальную с тремя статуями, покоившимися на сгибе руки.

— Здесь воняет, как в чёртовом итальянском ресторане, — сообщила Джими, не переставая мурлыкать себе под нос, при этом раздувая дым и повиливая своим мощным задом. Кайла разместила свирепую статую Ойи на собственном стуле, а танцующую статую Ошуна рядом с Морой. Но вцепилась в третью статую: Йемайи, водной богини йоруба¹, которая всегда ставилась рядом с Персефоной, когда не находилась на комод в спальне Кайлы. — Мора, я не знаю, куда поставить Йемайю.

Мора указала на Гвенллиан, которая ткнула в ответ пальцем в Мору.

— Ты сказала, что не хочешь делать это с Адамом, так что остается она.

— Никогда такого не говорила, — ответила Кайла. — Я говорила, что он находится слишком близко ко всему этому.

На самом деле все они находились слишком близко к данной ситуации. Они уже несколько месяцев к ряду были очень близко к этой ситуации. Они были настолько близко к сложившейся ситуации, что уже и не разобрать — существовали ли они, вообще, когда-нибудь вне её.

Орла перестала жевать свою жвачку на довольно продолжительное мгновение и спросила:

— Готовы?

— МммммнееехватаетБлууууммммм, — сообщила Джими, всё ещё напевая и раскачиваясь.

Это было правдой. Отсутствие Блу ощущалось. Будучи мощным усилителем парапсихологических явлений, она была бы полезна в таком деле как это, но прошлым вечером они все шёпотом сошлись во мнении, что было бы жестоко обсуждать судьбу Гэнси у неё на глазах больше необходимого. Они решили, что сумеют обойтись Гвенллиан даже несмотря на то, что та была и наполовину не так сильна, и с ней было вдвойне сложнее.

— Мы ей позже сообщим результат, — сказала Мора. — Думаю, будет лучше извлечь Артемуса из кладовки.

¹ Йоруба (йоруба *Oṣo Yorùbá*) — группа родственных негроидных народов, населяющих западную Африку (от устья реки Нигер до Гвинейского залива): государства Нигерия, Того, Бенин, Гана). Ошун (йоруба *Oṣun*, англ. *Oshun*, исп. *Ochún*, IPA: [oˈʃun]) — в мифологии йоруба богиня любви и пресноводных водоёмов, жена Шанго. Аналог греческой Афродиты. Женщины к ней обращаются в поисках любви, а мужчины — богатства. В человеке управляет пищеварением и половыми органами. Её день — суббота, а цвета — белый и золотой. Ошун отличается добрым нравом, но может проявлять и склонность к разрушению. У неё есть муж, бог грома и молнии, который покорил богиню своим танцем и у которого она является любимой женой. Йемайя — её морская сестра. Йемайя, Йеманжа (*Yemoja*, *Yemaja*, *Iemanjá*, от йоруба *Yeje omo eja* — «Мать Рыб») — в мифологии йоруба богиня-мать, покровительница женщин, воплощение реки Огун. Впоследствии культ Йемайи прижился и широко распространился среди чернокожего населения Латинской Америки, слившись с католической традицией почитания Богородицы. У йоруба Йемайя почиталась как богиня материнства, покровительница женщин, воплощение реки Огун. Её имя означает «Мать Рыб» или «Мать, чьи дети подобны рыбам», что намекает на плодородие богини, а также на её водную природу. Она — одна из ориша и сама является матерью многих ориша. Её родителями считаются Одудува и Обатала.

Артемус — бывший возлюбленный Мора, биологический отец Блу, советник Глендовера, обитатель кладовки дома по адресу Фокс Вей 300. Он был извлечен из волшебной пещеры всего чуть больше недели назад и за всё это время сумел абсолютно ничего не внести в их эмоциональные или интеллектуальные ресурсы. Кайла нашла его мягкотелым (и она была права). Мора считала его неправильно понятым (и она была права). Джими же полагала, что у него был самый длинный нос из всех когда-либо встречавшихся ей (и она была права). Орла не верила, что самозаточение в кладовке было достаточной защитой от медиума, который тебя ненавидит (и она была права). Вообще-то, это Гвенллиан была тем самым медиумом, который его ненавидел (а вот она была не права).

Море потребовалось всего ничего, чтобы убедить его оставить кладовку, и даже после того, как Артемус присоединился к ним за столом, он не выглядел, будто принадлежит этому месту. Отчасти из-за того, что он был мужчиной, а отчасти из-за того, что он был гораздо выше прочих. Но в основном из-за того, что у него были тёмные, постоянно обеспокоенные глаза, которые говорили, что их владелец повидал мир, и это для него оказалось слишком. Такой нешуточный страх совершенно противоречил различным степеням уверенности в себе, которые несли в себе экстрасенсы, собравшиеся в комнате.

Мора с Кайлой знали его ещё до рождения Блу, и обе думали, что Артемус был гораздо ниже, чем тогда. В общем, это Мора так думала. А Кайла думала, что чуть ниже, потому как изначально была не очень высокого мнения о нём. Но с другой стороны, долговязые мужчины, появляющиеся из мистических рощ, никогда не были в её вкусе. Джими разлила виски.

Орла закрыла двери в гадальную.

Женщины расселись.

— Что за сбор, — сказала Кайла, тем самым начав (и она была права).

— Он же не может быть спасён, так? — спросила Джими. Она подразумевала Гэнси. Её взор был слегка затуманен. Не то чтобы она очень любила Гэнси, но она была очень сентиментальной личностью, и сама мысль, что юноша может погибнуть в рассвете юности, тревожила её.

— Мм, — произнесла Мора.

Женщины пригубили напитки. Артемус воздержался. Он бросил нервный взгляд на Гвенллиан. Гвенллиан, всегда украшенная грандиозным гнездом из волос, начинённым карандашами и цветами, посмотрела на него в ответ. Жар её глаз мог поджечь алкоголь, оставшийся в её рюмке.

Мора поинтересовалась:

— Тогда нужно ли нам останавливать это?

Орла, самая юная и громкая в комнате, по-юношески и громко рассмеялась:

— И как же ты предлагаешь его остановить?

— Я сказала «это», не «его», — скорее злобно ответила Мора. — Я бы не стала притворяться, будто воображаю, что у меня есть силы, чтобы помешать этому мальчику искать в Вирджинии собственную могилу. Но другие...

Кайла впечатала свою рюмку в столешницу.

— О, я смогла бы его остановить. Но это не главное. Всё уже расставлено по местам.

(Всё уже расставлено по местам: отставной наёмный убийца в настоящий момент спит с Морой; его одержимый сверхъестественностью босс в данный момент спит в Бостоне; жуткая сущность похоронена в камнях под энергетической линией; невиданные создания выползают из пещеры позади заброшенной фермы; мощь энергетической линии растёт; волшебный лес живёт на энергетической линии; юноша заключил сделку с волшебным лесом; другой юноша обладает способностью оживлять сны; один мёртвый

юноша отказывается обрести покой; одна девушка на 90% сверхъестественно увеличивает вышеупомянутый список.)

Женщины сделали ещё по глотку.

— Разве им стоит продолжать ходить в тот чокнутый лес? — спросила Орла. Ей было плевать на Энергетический пузырь. Она как-то ходила со всеми и подошла достаточно близко к лесу, чтобы... почувствовать его. Её дар ясновидения лучше всего работал по телефону или по электронной почте; лица только вставали на пути у правды. У Энергетического пузыря не было лица, а энергетические линии были, в принципе, лучшими телефонными проводами в мире. Она смогла почувствовать, что её просят о чём-то. Она не могла сказать наверняка, о чём именно. Но она и не ощущала, что обязательно просили что-то плохое. Она лишь почувствовала чудовищность этих запросов, тяжесть обещаний. Судьбоносную. Спасибо большое, но Орлу устраивала её жизнь, поэтому она отдала себе должное и была такова.

— С лесом всё в порядке, — высказался Артемус.

Все женщины посмотрели на него.

— Подробнее, что значит «всё в порядке»? — попросила Мора.

— Энергетический пузырь любит их. — Артемус скрестил огромные руки на коленях и устремил свой огромный нос на них. Его взгляд продолжал то и дело дёргаться в сторону Гвенллиан, словно он боялся, что она решит прыгнуть на него. Гвенллиан многозначительно погасила одну из свечей своей рюмкой; в гадальной комнате стало на один крошечный огонёк темнее.

— Может, объяснишь? — вмешалась Кайла.

Артемус промолчал.

Мора сказала:

— Примем это мнение к сведению.

Женщины снова выпили.

— Кто-нибудь из нас, находящихся в этой комнате, умрёт? — спросила Джими. — Кто-нибудь ещё из наших знакомых являлся во время церковного бдения?

— Это нас не касается, — отрезала Мора. Вообще-то, церковное бдение предсказывало гибель только тех, кто родился в городе или прямо на дороге духов (или, как в случае Гэнси, переродился), а все, кто сейчас сидел за столом, были неместными.

— Однако касается Блу, — подметила Орла.

Мора агрессивно собрала карты в колоду и перетасовала.

— Но это не гарантия безопасности. Есть судьбы хуже смерти.

— Тогда давайте раскладывать карты, — предложила Джими.

Каждая женщина подержала свою колоду у сердца, а потом вытянула одну карту наугад. Они положили карты на стол лицом вверх. Таро — нечто очень личное и, по сути, искусство, каждая карта отражает свою владелицу. Колода Моры была в тёмных линиях и выкрашена простыми цветами, одновременно небрежная и чистая. Колода Кайлы была яркой и напыщенной, карты которой ломились от переизбытка деталей. Каждая карта в колоде Орлы демонстрировала целующуюся парочку или парочку, занимающуюся любовью, вне зависимости от того, означала она поцелуй или занятие любовью или нет. Гвенллиан создала свою собственную колоду, исцарапав обычные игральные карты тёмными, устрашающими символами. Джими же ещё в 1992 году заморозили «Священные кошки и Святые женщины», карты, которые она нашла в каком-то комиссионном магазинчике.

Все женщины открыли друг другу пять различных видов Башни. Версия Башни Кайлы, пожалуй, лучше всего отображала значение карты: в замок, излучающий НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ, ударила молния и подожгла его, кроме того, на него нападало нечто, напоминающее африканских коралловых аспидов. Женщина в окне в полной мере испытывала на себе последствия от удара молнии. С самого верха башни, с крепостной

стены был сброшен мужчина, а может быть, он выпрыгнул сам. Как бы там ни было, он тоже был охвачен огнём, и змея хотела его заполнить.

— Итак, мы все умрём, если ничего не предпримем, — высказалась Кайла.

Гвенллиан пропела:

— Owynus dei gratia Princeps Waliae, ха-ла-ла, Princeps Waliae¹, ха-ла-ла...

Подняв высоко голову, Артемус будто собрался встать. Мора, дабы унять его порыв, опустила руку ему на плечо.

— Мы все умрём, — согласилась Мора. — Когда-нибудь. Давайте не будем паниковать.

Кайла не сводила взгляда с Артемуса.

— Только один из нас паникует.

Джими передала по кругу бутылку виски.

— Пора найти какие-нибудь решения, дорогие. И как же нам их искать?

Все женщины устремили взгляды на чёрный гадальный шар. Хотя в нём не было ничего примечательного: это был обыкновенный стеклянный шар за одиннадцать баксов, купленный в одном из магазинчиков, в которых полно кошачьей еды, мульчи и дешёвой электроники. В клюквенно-виноградном соке, что заполнял его, не было мистической силы. Но всё же было что-то зловещее в том, как жидкость, казалось, беспокойно себя вела. Шар отражал только тёмный потолок, но было похоже, что он хотел показать нечто большее. Гадальный шар демонстрировал варианты возможного будущего. Не все из них хорошие.

(Одна из возможностей: использование отражения, чтобы отделить душу от тела, и дальнейшая смерть.)

Хотя именно Мора принесла шар, теперь она же его оттолкнула.

— Давайте прочитаем всю жизнь, — предложила Орла. Она лопнула пузырь из жевательной резинки.

— Ну уж нет, — отрезала Кайла.

— Всех нас? — уточнила Мора, словно возражения Кайлы не прозвучало. — Прочтём нашу жизнь как целой группы?

Орла махнула рукой, указав на все колоды; её огромные деревянные браслеты удовлетворённо стукнулись друг о друга.

— Мне нравится, — согласилась Мора. Кайла с Джими вздохнули.

Обычно для гадания используется только часть из семидесяти восьми карт колоды. Три или десять. Может, на одну или две больше, если нужно было что-то уточнить. Каждому месту для карты задавался один вопрос: В каком состоянии ваше подсознание? Чего вы боитесь? Что на самом деле вам нужно? И каждая карта, помещаемая в это самое место, давала один соответствующий ответ.

Семьдесят восемь карт — это множество вопросов и ответов.

Особенно, если гадают пятеро.

Кайла с Джими вновь вздохнули, но принялись тасовать карты. Потому что это было правдой: у них имелось много вопросов. И им нужно было много ответов. Женщины одновременно перестали тасовать, закрыли глаза и поднесли колоды к сердцу, сосредоточившись только друг на друге, на переплетении их жизней между собой. Свечи мерцали. На скульптурах богинь играли длинные и короткие, а потом снова длинные тени. Гвенллиан замычала, следом за ней себе под нос замурлыкала и Джими.

И только Артемус сидел в стороне, нахмутив брови.

Но женщины включили его в свой круг, когда стали раскладывать колоду. Сначала они выкладывали узоры из карт на твёрдую столешницу, шепча возможные положения и значения друг для друга во время процесса. Затем они вырисовывали из них ветви так, чтобы те указывали только на Артемуса, только на Джими, только на Орлу. А затем они

¹ (лат.) Овинус, благодать Божья, снизойди на принца Валлийского.

разложили карты в виде корней, направленных только на Кайлу, только на Мору, только на Гвенллиан. Они стукнулись головами, положили карты друг на друга, рассмеялись над созданной ими же путаницей и ахнули, взглянув на порядок изображений. В итоге появилась история. Она была о людях, которые изменились, и людях которые их изменили. Гадание включало в себя все самые сочные фрагменты их жизней: когда Мора влюбилась в Артемуса; когда Джими ударила Кайлу; когда Орла тайно опустошила общий банковский счёт на веб-сайт для бизнеса, который до сих пор приносит деньги; когда Блу сбежала из дома и была возвращена назад копами; когда Персефона умерла.

Ветвь, что вела к Артемусу, была мрачной и гнилой, захламлённой мечами и страхом. Темнота в ней вела к стволу, соединяясь с чем-то зловещим, разлагающимся в корне, который принадлежал Гвенллиан. Очевидно, что эта темнота была тем, что убьёт всех, если они ничего не предпримут, хотя сказать точно что это, было невозможно. Женское ясновидение никогда не было способно проникнуть непосредственно на энергетическую линию, а эта темнота была сосредоточена именно там. В то же время выход из этой темноты существовал за пределами энергетической линии. Он казался многогранным, сомнительным и трудным. Хотя развязка была незамысловатой.

— Предполагается, что они должны работать вместе? — с сомнением в голосе поинтересовалась Кайла.

— Именно это здесь и сказано, — ответила Мора.

Джими потянулась к бутылке, но та оказалась пуста.

— А мы не можем просто сами с этим разобраться?

— Мы просто люди, — ответила Мора. — Обычные люди. Они особенные. Адам связан с энергетической линией. Ронан — грезящий. А Блу усиливает всё это.

— Богатенький Ричи — всего лишь человек, — заметила Орла.

— Да, и он собирается умереть.

Женщины снова рассматривали, покрытое таро пространство.

— Это значит, она ещё жива? — спросила Мора, постучав по карте на одной из ветвей — Королеве Мечей.

— Возможно, — пробурчала Кайла.

— Это значит, она собирается уехать? — поинтересовалась Орла, похлопывая другую карту и ссылаясь на другую «она».

— Возможно, — вздохнула Мора.

— Это значит, она собирается вернуться? — требовательно спросила Кайла, указывая на третью карту и имея в виду третью «она».

— Возможно, — завопила Гвенллиан, вскочив из-за стола. Она начала вращать руками в воздухе.

Ни одна из них не могла больше спокойно сидеть. Кайла отодвинула свой стул.

— Принесу ещё выпить.

Джими хмыкнула в знак согласия.

— Если это конец света, то почему бы и нет.

Когда другие вышли из-за стола, Мора осталась, глядя то на отравленную ветвь из карт Артемуса, то на самого Артемуса, сгорбившегося за ней. Случайные мужчины из мистических рощ больше не были в её вкусе. Но, тем не менее, она помнила, как любить Артемуса, и этот Артемус был сильно истощён.

— Артемус? — позвала она мягко.

Он не поднял голову.

Она коснулась пальцем его подбородка, он вздрогнул. Она наклонила его лицо так, чтобы смотреть на него глаза в глаза. Он никогда не стремился заполнять пространство словами, и всё ещё этого не делал. И выглядел так, будто никогда не стал говорить бы ни слова, если бы мог.

С тех пор, как они оба выбрались из пещеры, Мора не задавала ему вопросов ни о чём, что произошло за эти годы, пока они не виделись. Но теперь она спросила:

— Что с тобой произошло, что сделало тебя таким?
Он закрыл глаза.

Глава 2

— Где, чёрт побери, Ронан? — спросил Гэнси, эхом повторив слова, которые тысячи людей произносили, с тех пор как человечество освоило речь. Когда он вышел из научного корпуса, то немного отклонил голову назад, будто Ронан Линч — грезящий среди спящих, сражающийся среди людей, прогуливающий среди занятий — мог каким-то образом пролетать сверху. Его там не было. Только самолёт, неслышно оставляющий след посреди чистой синевы над школьным двором Аглионбая.

По другую сторону железного забора рядом с ними городок Генриетта издавал продуктивные послеобеденные деловые шумы. По эту сторону — студенты Аглионбая издавали непродуктивные послеобеденные подростковые шумы.

— Он был на технологии?

Адам Пэрриш — маг и загадка, студент и логик, мужчина и мальчик — переместил амбициозно гружёную сумку на другое плечо. Он не видел причин, зачем бы Гэнси верить, что Ронан был где-то рядом с академией. Потребовалась вся сила воли Адама, чтобы сосредоточиться на Аглионбае после недели волшебных пещер и мистических спящих, которые теперь у них были, а Адам здесь самый мотивированный студент. Ронан, с другой стороны, известной лишь ему закономерностью показывался только на уроках латыни, и теперь, когда всех учеников латыни позорно перевели в дополнительную группу французского, что ему ещё оставалось?

— Был? — повторил Гэнси.

— Я думал, это риторический вопрос.

Гэнси выглядел рассерженным примерно столько, сколько времени потребовалось бы последней бабочке, чтобы обдаться их осенним бризом.

— Он даже не пытается.

Прошло больше недели с тех пор, как они достали Мору (маму Блу) и Артемуса (отца Блу?) из системы пещер. Три дня с тех пор, как они посадили Роджера Мэлори (древнего британского друга Гэнси) на самолёт обратно в Великобританию. Два дня, как на этой неделе вернулись в школу.

Ноль дней присутствия Ронана.

Была ли это ненужная ошибка? Да. Была ли это целиком ответственность Ронана Линча? Да.

Позади них в научном корпусе громко прозвенел колокольчик спустя две минуты после того, как урок фактически закончился. Это был правильный колокольчик с правильной верёвкой, и он, как предполагалось, правильно звонил в конце урока для правильных студентов. Двухминутное несоответствие раньше времени старило Адама Пэрриша. Ему нравилось, когда люди знали, как делать свою работу.

— Скажи что-нибудь, — попросил Гэнси.

— Звонок.

— Всё ужасно, — согласился Гэнси.

Двое друзей шагали через спортивную площадку. Маршрут из научного корпуса в Грубер Холл был подарком, десять роскошных минут жадных глотков воздуха и солнечного света между уроками. Нахождение в кампусе, как правило, успокаивало Адама, предсказуемая рутина убаюкивала его. Прилежно учиться. Ходить на уроки. Поднимать руку. Отвечать на вопрос. Продвигаться к получению диплома. Другие одноклассники жаловались на работу. Работу! Работа была островом, к которому Адам плыл в беспокойном море.

А море было очень беспокойным. Монстры клокотали на энергетической линии под ними. Лес прорастал сквозь руки и глаза, которыми Адам пожертвовал для

Энергетического пузыря. И Гэнси, как предполагалось, умрёт до апреля. Это был океан проблем... Глендовер был островом. Пробудить его означало получить милость, и такая милость могла бы спасти Гэнси жизнь. Этой заколдованной стране нужен заколдованный король.

В прошлые выходные Адам дважды видел во сне, что они уже нашли Глендовера и теперь ищут его снова. В первую ночь это был кошмар. Во второй раз — облегчение.

Он осторожно спросил:

— Что дальше в поисках Глендовера?

— Пещера Диттли, — сказал Гэнси.

Такой ответ поразил Адама. Обычно Гэнси отдавал предпочтение осторожному подходу, а пещера Диттли была подходом противоположным. Для начала, после того, как они вытащили оттуда дочь Глендовера Гвенллиан, из жерла пещеры время от времени стали выползать странные животные. Ну и в конце, Пайпер Гринмантл застрелила Джесси Диттли на входе. Всё в этой пещере разило прошлой и будущей смертью.

— Ты не думаешь, что Гвенллиан сказала бы нам, если бы считала, что её отец был ещё ниже, вместо того, чтобы заставлять нас блуждать по пещере среди костей?

— Думаю, Гвенллиан преследует собственные цели, — ответил Гэнси. — И ещё я должен выяснять, какие у неё могут быть цели.

— Я просто считаю это неразумным риском. Плюс, там место преступления.

Если бы Ронан был здесь, он бы заметил: «Везде место преступления».

Гэнси предположил:

— Это означает, что у тебя есть другие идеи?

Идеи? Во множественном числе? Адам был бы счастлив иметь хотя бы одну идею. Самый многообещающий путь, пещера в Энергетическом пузыре, разрушился во время их последней экскурсии, и никакие новые возможности, казалось, не появлялись, чтобы его заменить. Гэнси заметил, что это было похоже на проверку способностей, и Адам не мог не согласиться. Энергетический пузырь устроил им испытание, и они набросились на него, так или иначе, они оказались не на высоте. Хотя всё ощущалось таким правильным. Он и Ронан работали вместе, очищая пещеру от опасностей, а потом вся группа объединила свои таланты, чтобы ненадолго оживить скелеты древнего стада, которое привело Ронана и Блу к Море. С тех пор каждую ночь, прежде чем заснуть, Адам вновь проживал те воспоминания. Грёзы Ронана, Адам, концентрирующийся на энергетической линии, усиливающая её Блу, Гэнси, приводящий весь план в движение. Адам никогда не чувствовал себя так... естественно прежде. Они были слаженным механизмом. Но это не привело их к Глендоверу.

Адам предложил:

— Больше говорить с Артемусом?

Гэнси издал звук «хмм». Получилось бы пессимистично у кого угодно, но у него вышло очень двояко.

— Не думаю, что будут проблемы с тем, чтобы поговорить с Артемусом. Меня беспокоит, как получить от него ответ.

— Мне казалось, ты всегда говорил, что ты убедителен, — сказал Адам.

— Опыт этого не доказал.

— Гэнси, парень! — прокричал голос с другой стороны поля. Уитман, один из старых товарищей Гэнси по команде гребцов, поднял три пальца в знак приветствия. Гэнси не ответил, пока Адам слегка не коснулся его плеча тыльной стороной ладони. Гэнси моргнул, а затем выражение его лица преобразилось в улыбку Ричарда Кемпбела Гэнси III. Каким сокровищем была эта улыбка, передаваемая сквозь века от отца к сыну, запрятанная в сундуках с приданым, пока в поколениях нет сыновей, отшлифованная и с гордостью демонстрируемая всякий раз, когда компания перестаёт быть интересной.

— Сит-уит, — отозвался Гэнси, его старый южный акцент благородно перекатывался сквозь гласные. — Ты оставил ключи в двери!¹

Смеясь, Уитман застегнул ширинку. Он подпрыгнул к ним и вступил с Гэнси в непринуждённый разговор. Спустя мгновение ещё двое парней к ним присоединились, затем ещё двое. Они легко подтрунивали друг над другом, поверхностно, энергично и дружелюбно, реклама порядочного и хорошего образования.

Это был мастер-класс, который Адам так никогда и не усвоил, хотя проводил месяцы специального обучения. Он анализировал манеры Гэнси, разбирал реакции других парней и упорядочивал образцы диалогов. Наблюдал, как лёгкий жест раскручивал мужской разговор, элегантно, словно фокус. Он обращал внимание на закулисные моменты: как печальный Гэнси мог в одно мгновение стать радушным. Но ему никак не удавалось поработать над практическими занятиями. Тёплые приветствия замерзали на губах. Небрежные жесты становились презрительными. Ровный зрительный контакт превращался в нервную пристальный взгляд.

Он заново брал этот урок каждый квартал, но решил, что это маловероятно, возможно, там были некоторые навыки, которые даже Адам Пэрриш не мог постичь.

— Где Пэрриш? — спросил Энгл.

— Он здесь, — ответил Гэнси.

— Не знаю, как я пропустил ветер с ледника, — сказал Энгл. — Как дела, чувак?

Это был риторический вопрос, на который нужно отвечать слегка искусственной улыбкой. Парни были тут из-за Гэнси. Где Пэрриш? Слишком далеко, чтобы пешком дойти туда за день.

Когда-то давно такие взаимоотношения огорчили бы Адама. Испугали бы его. Но сейчас он был уверен в своём месте одного из фаворитов Гэнси, так что он всего лишь сунул руки в карманы и спокойно пошёл вместе с остальными.

Внезапно Адам почувствовал, как Гэнси напрягся рядом с ним. Остальные всё ещё гудели и смеялись, но выражение лица Гэнси стало задумчивым. Адам проследовал за его пристальным взглядом к большим колоннам, держащим крышу Грубер Холла. Директор Чайлд стоял наверху лестницы между ними с учебником или чем-то подобным в руке. Кожистая птица, а не человек, сердечная рекомендация солнцезащитного крема и широкополых шляп.

— Хорошо, джентльмены, — позвал он. — Я смог услышать вас из своего кабинета. Мы ведём себя как вороны? Занятия ждут.

Кулаки друг о друга ударены, волосы приглажены, плечи похлопаны. Остальные парни разошлись, Гэнси и Адам остались. Чайлд поднял руку по направлению к Гэнси в своего рода волновом движении, прежде чем нырнуть в кабинеты Грубер Холла. И снова Гэнси выглядел рассерженным, а потом он стал выглядеть никак. И возобновил путь на урок.

— Что это было? — поинтересовался Адам.

Гэнси притворился, будто не слышал, пока они поднимались по лестнице туда, где только что стоял Чайлд.

— Гэнси, что это было такое?

— Что?

— Рука. Чайлд.

— Дружелюбный жест.

Не то чтобы мир не был более дружелюбен к Гэнси, чем к Адаму, но не директор Чайлд.

— Скажи, что мне не расскажешь, но не ври.

¹ «Ты оставил ключи в двери!» — популярный в Америке розыгрыш автомобилистов. Водители соседних машин сообщают об этом объекту розыгрыша во время езды. Водители часто выглядывают за дверь, тогда как если двигатель работает, значит, ключи в замке зажигания.

Гэнси проявил чрезмерную заботу, заправляя рубашку и одёргивая свитер. Он не смотрел на Адама.

— Я не хочу ссориться.

Адам обоснованно предположил:

— Ронан.

Глаза Гэнси украдкой метнулись к нему и снова уставились на свитер.

— Ни за что, — вздохнул Адам. — Что. Нет. Ты не сделал этого.

Он точно не знал, в чём обвинял Гэнси. Просто... он знал, что Гэнси желал для Ронана, и знал, как Гэнси что-либо получал.

— Я не хочу ссориться, — повторил Гэнси.

Он потянулся к двери, Адам, чтобы помешать, положил на дверь свою руку

— Посмотри вокруг. Ты видишь Ронана? Ему всё равно. Что бы ты ни пытался засунуть ему в глотку, все равно оставит его голодным.

— Я не хочу ссориться.

Гэнси спасло раздавшееся жужжание, телефон звонил. Строго говоря, им не разрешалось принимать звонки в течение учебного дня, но он достал сотовый и повернул экраном так, чтобы Адам видел. Два факта поразили Адама: во-первых, экран сообщал, что звонила мама Гэнси, что, скорее всего, было так, а во-вторых, телефон Гэнси показал время 6:21, что точно было не так.

Поза Адама неуловимо изменилась, он больше не мешал Гэнси войти в Грубер, а скорее опирался рукой на дверь, будто бы стоя на стрёме.

Гэнси приложил трубку к уху.

— Алло? О, мам, я в школе. Нет, выходной был вчера. Нет. Конечно. Нет, только давай быстро.

Пока Гэнси говорил по телефону, Энергетический пузырь поманил Адама, предлагая поддержать его, предлагая подкрепить его утомлённую фигуру, и всего на минуту он это позволил. На несколько непринуждённых вдохов всё стало листьями и водой, стволами и корнями, камнями и мхом. Энергетическая линия рокотала в нём, прибывая и отступая, или наоборот. Адам мог сказать, лесу нужно поведать ему что-то, но он не мог разобрать, что же это было. Ему следовало погадать после школы или найти время, чтобы вообще пойти в лес.

Телефон был отключен, убран. Гэнси сказал:

— Она хотела знать, нравится ли мне идея проведения последнего этапа предвыборной кампании здесь, в кампусе, в эти выходные. Не возникнет ли здесь противоречие со Днём Ворона, нормально ли будет это обсудить с Чайлдом? Я сказал, что... Ну, ты слышал, что я сказал.

На самом деле Адам не слышал. Он слушал Энергетический пузырь. Фактически, он всё ещё слушал его настолько внимательно, что когда тот внезапно и неожиданно покачнулся, он тоже покачнулся. Ослабленный, он схватился за ручку двери, чтобы устоять.

Гул энергии внутри него исчез.

Адаму едва хватило времени задаться вопросом, что произошло, и вернётся ли энергия, как энергетическая линия внутри него снова ожила. Листья развернулись где-то в подсознании. Он выпустил ручку двери.

— Что это было? — спросил Гэнси.

— Что? — Адам немного запыхался, но, тем не менее, почти точно имитировал более ранний тон Гэнси.

— Не будь ослом. Что случилось?

Случилось то, что кто-то отнял огромное количество энергии у энергетической линии. Достаточно, чтобы заставить перевести дух даже Энергетический пузырь. Исходя из небольшого опыта Адама, существовало только несколько вещей, способных на такое. Пока энергия медленно возвращалась к прежней скорости, он сообщил Гэнси:

— Я вполне уверен, что знаю, чем занят Ронан.

Глава 3

Тем утром Ронан Линч проснулся рано, без будильника, думая о доме, доме, доме. Когда он уходил, Гэнси всё ещё спал — телефон был зажат у него в руке, а очки во время сна сместились на несколько дюймов прочь по матрацу от тела. Ронан сполз вниз по лестнице, прижимая ворона к груди, чтобы тот не пикнул. Снаружи, разросшаяся трава сложила росу на ботинки Ронана, а туман обвился вокруг шин тёмно-серого БМВ. Небо над Фабрикой Монмаут излучало цвет мутного озера. Было холодно, но горячее сердце Ронана полыхало. Он уселся в машину, позволяя ей стать его кожей. Ночной воздух всё ещё лежал, свернувшись калачиком, под сидениями, и прятался в кармашках дверей. Он дрожал, когда пристегивал своего ворона ремнями безопасности к пассажирскому сидению. Не самый шикарный крепёж, но эффективный для того, чтобы помешать представительнице семейства вороновых хлопать крыльями, болтаясь по салону спортивной тачки. Чейнсо клюнула его, но не так сильно, как холод раннего утра.

— Подай мне пиджак, какашка? — обратился он к птице. Она же в ответ на просьбу ткнула клювом механизм стеклоподъемника, чтобы он взял одежду сам. Его школьный пиджак был там же безнадежно смят под коробкой-пазлом, объектом из грёз, который умел переводить несколько языков, включая волшебный, на английский. Когда он собирался снова в школу? Никогда? Он подумал, что может завтра официально покинуть это заведение. На этой неделе. На следующей неделе. А что его остановит?

Гэнси. Деклан. Память об отце.

У него ушло двадцать пять минут, чтобы доехать до Сингерс Фоллс, даже в этот ранний час. И было ещё много времени до рассвета, когда он проехал через несуществующий город и, наконец, добрался до Барнс. Над его машиной туннелем в полмили сомкнулись колючки, ветви и деревья. Вырезанная из лесистых предгорий, куда можно добраться только по извилистой дороге через чащу леса, собственность жила звуками окружающего её неопрятного леса Вирджинии: дубовые листья неуверенно трепетали друг против друга, койоты и олени, треща ветками, пробегали между деревьями, сухая трава перешёптывалась, совы допытывали сов, всё дышало и исчезало из виду. Для светлячков было слишком холодно, но, тем не менее, они блестели то тут, то там, исчезая и появляясь из небытия над полями.

Это принадлежало ему. Причудливое, бесполезное, но прекрасное. Ронан Линч обожал грезить о свете.

Было время, когда Барнс был всей экосистемой Ронана. Линчи редко его покидали, когда он был юн, потому что не было необходимости, потому что Найл Линч мало кому доверял и считал, что вряд ли кто-то сможет позаботиться о поместье в его отсутствие. Аврора, их мама, как-то объяснила, что лучше всего встречаться со своими друзьями у них в домах, потому что у папы много хрупких вещей по всей ферме. Одна из хрупких вещей — Аврора Линч. Златокудрая Аврора была, очевидно, королевой места под названием Барнс, нежной и радостной правительницей страны умиротворения и секретов. Она была покровительницей причудливого искусства своих сыновей (хотя Деклан, самый старший, был наименее причудлив), и она была неутомимым товарищем в выдуманных играх своих сыновей (хотя Деклан, самый старший, был наименее игрив). Она, конечно, любила Найла — все просто обожали Найла, поэта-хвастуна — но в отличие от всех остальных, она предпочитала его, прибывающего в тихом настроении. Она любила правду, но трудно было любить обоих: правду и Найла Линча, когда последний начинал говорить.

Она была единственным человеком, которого он не мог ослепить, и он любил её за это.

Только много лет спустя Ронан узнал, что король нагрел свою королеву. Но теперь, по прошествии времени, он понял, что это имело смысл. Его отец тоже любил грезить о свете.

Внутри дома Ронан включил несколько светильников, чтобы вытолкнуть темноту наружу. Недолгие поиски закончились обнаружением ведра с кубиками с буквами, которые он высыпал перед Чейнсо, чтобы та их рассортировала. Затем он поставил одну из отцовских пластинок Боти Бэнд¹, и как только раздался потрескивающий звук скрипок и флейт, который разлетелся пылинками по узким коридорам, он стёр пыль с полок и отремонтировал сломанный шарнир у буфета на кухне. Когда утреннее солнце наконец-то пролилось золотом на огороженную узкую долину, он продолжил перекрашивать изношенную деревянную лестницу в старую спальню родителей.

Он вдохнул. Он выдохнул.

Он забывал, как дышать, когда был не дома.

Время текло тут по своим законам. День в Аглионбае был разбит на чётко очерченные фрагменты, которые не имели значения, и разговоры, которые не оставались в памяти. Но тот же день, проведённый в Барнс, протекал с ленивой самоуверенностью, наполненный в четыре раза большим количеством вещей. Чтением на подоконнике, просмотром старых фильмов в гостиной, ленивой починкой хлопающей сарайной двери. Часы здесь длились столько, сколько им было нужно.

Постепенно на его воспоминания прошлого — всего, чем это место было для него, когда здесь жила вся семья Линч — стали наслаиваться воспоминания и надежды последующего — каждой минуты, когда Барнс был его, всё время, что он провёл здесь в одиночестве или с Адамом, грезя и строя планы.

Дом, дом, дом.

Пора было поспать. Погрезить. Ронан в мыслях держал один специфический объект, который пытался создать, и он был не настолько глуп, чтобы считать, будто способен создать его с первой попытки.

«Правила грёз», — нараспев произнёс Джона Майло.

Ронан сидел на уроке английского. Одетый в плед Майло, учитель английского, стоял перед светящейся интерактивной доской. Его пальцы метрономом водили по доске, нажимая на слова: Правила для грезящих. Правила для нагретого.

«Энергетический пузырь?» — спросил Ронан класс. Ненависть сковала льдом его мысли. Он бы никогда не забыл запах этого места: резины и чистящего средства, плесени и общепитного терияки².

«Мистер Линч, хотите чем-то поделиться?»

Безусловно: «Я не задержусь в этом треклятом классе ни на секунду дольше...»

«Вас здесь никто и не держит, мистер Линч. Аглионбай — это выбор. — Майло выглядел разочарованным. — Давайте сосредоточимся. Правила для нагретого. Мистер Линч, прочтите это вслух».

Ронан промолчал. Они не могли его заставить.

«Грёзы легко разрушаются, — пропел Майло. Его слова прозвучали рекламным слоганом для чистящего средства. Трудно поддерживать необходимый баланс между подсознательным и сознательным. — На странице четыре вашего текста есть схема». Страница три была чёрной. Четвёртой не было и в помине. Не было никакой схемы. «Правила для нагретого. Мистер Линч, может быть, вы присядете, заправите рубашку и покажете мне какой-нибудь аглионбайский трюк? Психопомп³ может помочь сохранить ваши неуспешные мысли. Все удостоверьтесь, что видите здесь своего нагретого приятеля».

¹ Боти Бэнд — ирландская группа, существовавшая в середине 1970г;

² Терияки — распространённый в Японии сладкий соус.

³ Психопомп — проводник душ в загробный мир.

Нагретого друга Ронана здесь не было. Однако здесь был Адам, который сидел на самом дальнем ряду. Внимательный. Занимающийся. Этот Студент Аглионбая Представляет Собой Наследие Америки. Его учебник был виден в пузыре над головой, который символизировал собой мысль, исписанный заметками и диаграммами.

Борода Майло удлинилась с начала урока.

«Правила для грезящих. На самом деле они про высокомерие, не так ли? Мистер Линч, не хотите нам рассказать, как умер Бог?»

«Это бред сивой кобылы», — сказал Ронан.

«Если считаете, что знаете лучше, то выходите и учите класс сами. Я просто пытаюсь понять, почему вы считаете, что не закончите жизнь, как ваш отец. Мистер Пэрриш, правила для грезящего?»

Адам ответил, следуя букве учебника:

«Хини чётко даёт понять на двадцатой странице, что грезящие относятся к классу оружие. И в исследованиях, представленных экспертами, видно, как это подтверждается в повседневной жизни. Пример А: отец Ронана мёртв. Пример Б: К мёртв. Пример В: Гэнси мёртв. Пример Г: я тоже мёртв. Пример Д: Бог мёртв, как вы уже заметили. Я бы ещё добавил к перечню Меттью и Аврору, но они не люди на основании исследования 2012 Глассера. У меня есть график».

«Да пошёл ты», — выдал Ронан.

Адам выглядел так, словно выдохся. Он больше не был Адамом, Адам превратился в Деклана. «Ронан, хоть раз в своей чёртовой жизни сделай домашнее задание. Ты же даже не знаешь что ты?»

Ронан проснулся злым и несолоно хлебавши. Он оставил диван, чтобы похлопать дверцами некоторых шкафчиков на кухне. Молоко в холодильнике прокисло, а Меттью доел все хот-доги ещё в последний раз, когда приезжал. Ронан рвал и метал в убывающем утреннем свете, проникающем через ширму крыльца, и сорвал странный фрукт с комнатного дерева, которое вырастило плоды в виде орехов, покрытых шоколадом. Пока он порывисто расхаживал взад-вперёд, Чейнсо хлопала крыльями у него за спиной, нападая на тёмные пятна, которые, как она надеялась, были брошенным арахисом. Правила для грезящих: Майло во сне спросил его, где был его нагретый компаньон. Хороший вопрос. Девочка-Сиротка преследовала его во снах так долго, что он уже и не помнил того времени, когда её не было. Девочка-Сиротка — несчастное маленькое существо с белой кипой¹, натянутой на короткие неровно стриженные светлые-пресветлые волосы. Когда-то он считал, что она старше, но, может, тогда просто он был младше. Она помогала ему прятаться во время ночных кошмаров. Теперь же она чаще сама пряталась за Ронана, но она всё ещё помогала ему сосредотачиваться на поставленной цели. Когда Майло упомянул о ней, Ронану показалось странным, что она не появилась. Весь сон был странным.

«Ты же даже не знаешь что ты?» Он не знал наверняка, но ему казалось, что он уже лучше справляется с жизнью, где нужно раскрывать свои тайны. Его сон может идти лесом.

— Брек, — произнесла Чейнсо.

Бросая с неё арахис, Ронан зашагал обратно в дом искать вдохновение. Иногда дотрагиваться руками до чего-то реально существующего помогало, когда становилось трудно грезить. Чтобы успешно вынуть в реальный мир нагретый объект, ему необходимо было знать, каков тот на ощупь, на запах, тянется ли он, можно ли его сгибать, как на него действовала сила притяжения и действовала ли вообще, свойства, которые превращали предмет в физически существующий из эфемерного.

В спальне Меттью взгляд Ронана зацепился за шёлковый кисет с магнетиками. Пока он изучал ткань, Чейнсо деликатно вразвалочку прошествовала у него между ног,

¹ Кипá — еврейский головной убор, ермолка.

издавая тихий рычащий звук. Ему не дано было понять, отчего чаще всего она выбирает хождение и прыжки. Вот были бы у него крылья, он бы только и делал, что летал.

— Его здесь нет, — сказал ей Ронан, когда она вытянула шею, чтобы попытаться увидеть поверхность кровати. Крякнув в ответ, Чейнсо безуспешно искала, чем бы себя потешить. Меттью был шумным, радостным мальчишкой, но его комната была опрятна и прибрана. В ней не было ничего лишнего. Ронан раньше думал, что это из-за того, что Меттью хранил весь свой беспорядок внутри своей курчавой головы. Но теперь он подозревал, что это оттого, что у Ронана тогда не хватило воображения пригрезить полностью сформировавшуюся личность. Трёхлетний Ронан очень хотел брата, любовь которого к нему была бы полной и незамысловатой. Трёхлетний Ронан нагрезил Меттью, противоположность Деклана во всех смыслах. Был ли он человеком? Адам/Деклан во сне, похоже, так не считал, но Адам/Деклан во сне также был явным лжецом.

Правила для грезящих.

«Грезящие относятся к классу оружие».

Ронан уже знал, что он был оружием, но он пытался это компенсировать. Сегодняшней его целью было пригрезить нечто такое, что помогло бы сохранить Гэнси жизнь на случай, если его снова ужалят. Разумеется, Ронан уже создавал антитоды: шприцы с адреналином и другие лекарства; но проблема состояла в том, что он бы не узнал, сработают они или нет, пока не стало бы слишком поздно, если не сработают. Так что теперь план получше: прозрачный кожный щит. Нечто такое, что защитит Гэнси от того, что ему навредит.

Ронан не мог отделаться от мысли, будто опаздывает.

Сработает. Это будет круто.

В обед Ронан оставил свою постель, спустя ещё две неудавшихся попытки создать успешную броню. Он натянул перепачканные грязью ботинки и сильно поношенную толстовку и вышел на улицу.

Барнс представлял собой конгломерат хозяйственных построек, гаражей и больших амбаров для скота; Ронан остановился перед одним, чтобы заполнить кормом вёдра и поднять соляной кирпич наверх пеллет¹ — вариация установленного порядка, когда он был ребенком. Затем он отправился к пастбищу на холме, минуя безмолвные глыбы нагретого его отцом стада коров, упрямо спящих по обе стороны поля. По дороге он свернул к одному из больших сараев с техникой. Встав на цыпочки, пошарил в верхней части дверного косяка, пока не нашел крошечный нагретый цветок, который там оставлял. Когда он подбросил цветок, тот завис у него над головой, низвергая из себя непрерывное желтоватое свечение, достаточное, чтобы осветить дорогу через сарай без окон. Ронан прошёл запылённой дорожкой мимо сломанного и несломанного оборудования, пока не нашёл своего ночного кошмара-альбиноса, свернувшегося на капоте ржавой старой машины, белая изодранная угроза с закрытыми глазами. Его бледные и свирепые когти исцарапали капот, оголив тот до металла. Ночной кошмар провёл здесь уже больше нескольких часов. Тварь открыла розоватый глаз и оценивающе уставилась на него.

— Тебе что-то нужно, ты, маленький ублюдок? — поинтересовался Ронан. Кошмар вновь закрыл глаз.

Ронан оставил его и продолжил путь с вёдрами корма, продуктивно постукивающими, позволяя нагретому цветку вести его, хотя он и не нуждался в этом при дневном свете. К тому времени, как он прошёл самый большой амбар для скота, он больше был не один. По обе стороны от него сквозь землю неистово пробивалась трава. Из травы выскакивали сурки, крысы и несуществующие зверушки, бежали по его следам и выбегали перед ним, на краю леса появлялись олени, их затенённая шкура была невидимой, пока они не начинали двигаться.

¹ Пеллеты — фекальные комочки

Некоторые звери были настоящими. Большинство оленей были обычными белохвостыми оленями Вирджинии, которых Ронан подкармливал и приручал только радости ради. Их одомашнивание помогало существованию нагренного оленёнка, который жил среди них. Он был бледен и прекрасен с этими своими трепещущими ресницами и острыми красноватыми ушками. Ныне он был первым, чтобы принять у Ронана кусок соли, когда тот вкатил его на поле, а он в обмен предложил Ронану потрепать короткий, грубый мех холки и содрать репей с шелковистых волосков за ушами. Один из диких оленей грыз соляные кусочки с ладоней Ронана, а остальные терпеливо ждали, когда он ссыпет соль в траву. Наверное, кормить их было противозаконно. Ронан всё никак не мог запомнить, что считалось в Вирджинии незаконным: кормить оленей или отстреливать.

Мелкие животные подобрались ближе, некоторые даже топтали ему ботинки, какие-то вылезали на траву рядом с ним, другие пугали оленей. Он рассыпал соль и для них тоже и осмотрел их на предмет ран и клещей.

Он вдохнул. Он выдохнул.

Он думал о том, какой хочет видеть кожную защиту. Может быть, она не должна быть невидимой. Может быть, она могла бы быть серебряной. А может быть, у неё должны быть маячки.

Ронан улыбнулся этой мысли, внезапно почувствовав себя нелепым, ленивым и безрассудным. Он поднялся, позволяя неудаче дня скатиться с его плеч и упасть на землю. Когда он потянулся, белый оленёнок поднял голову, чтобы внимательно рассмотреть его. Другие отметили пристальное внимание хромого и последовали его примеру. Они были прекрасны, какими могли быть в грёзах Ронана, какими могли быть в Энергетическом пузыре, только сейчас они были наяву. Каким-то образом, хотя Ронан этого момента и не отметил, разделение между жизнью наяву и жизнью во сне начало сужаться. И хотя половина этого странного стада заснёт, если он умрёт, пока он был здесь, пока он вдыхал и выдыхал, он был королём.

Он оставил своё дурное настроение в поле. Вернувшись домой, он уснул.

Глава 4

Лес был Ронаном.

Он лежал лицом в грязи, раскинув руки, пальцами зарывшись в почву за силой энергетической линии. От него пахло падающими и горящими листьями, смертью и возрождением. Воздух был его кровью. Голоса, бубнящие что-то ему из ветвей, были его собственными, эхом повторяющими самих себя. «Ронан, опять Ронан. Ронан снова. И ещё раз Ронан».

— Вставай, — велела Девочка-Сиротка на латыни.

— Нет, — ответил он.

— Тебя поймали? — спросила она.

— Я не хочу уходить.

— Я хочу.

Он как-то посмотрел на неё, хотя был неподвижен, запутавшись в корнях пальцами, и чернильные ветви росли из тату на голой спине. Девочка-Сиротка стояла с ковшом для раздачи кормов в руках. Глаза её были тёмными и впалыми, словно глаза вечно голодного или вечно жаждущего. Белая кипа сползла вниз по её медовым, неровным, коротким волосам.

— Ты просто часть сна, — сообщил он. — Ты всего лишь какая-то хренотень моего воображения.

Она заскулила, как побитый щенок, и он сразу ощутил злость на неё или на себя. Почему он не должен просто говорить, чем она была?

— Я искал тебя раньше, — сказал он, потому что только что вспомнил об этом. Её присутствие снова и снова напоминало ему, что он был во сне.

— Кра, — произнесла она, всё ещё обиженная его предыдущим заявлением. Ронана раздражало, что она украла у Чейнсо имя, которым та его называла.

— Найди себе своё, — выдал он, но уже потерял охоту быть с ней жёстким, даже если это была просто честность. Она села около него, подтянув колени к груди.

Прижавшись щекой к прохладной почве, он тянулся дальше в землю. Кончики пальцев задевали личинки и дождевых червей, кротов и змей. Личинки раскручивались, когда он миновал их. Дождевые черви вливались в это путешествие. Мех кротов прижимался к нему. Змеи обматывали его руки. Он был всеми ими.

Он вздохнул.

Над землёй Девочка-Сиротка качалась и пела про себя немного жалобно, с тревогой глядя на небо.

— *Periculosum*, — предупредила она. — *Suscitat*¹.

А он не чувствовал никакой опасности. Просто земля и сила энергетической линии, и ветви его вен. Дом, дом.

— Это здесь, внизу, — сказал он. Грязь глотала его слова и направляла вверх новые побеги.

Девочка-Сиротка скрючилась у его ног и задрожала.

— *Quid...* — начала она, а потом продолжила, запинаясь, на английском: — Что это?

Кожа. Мерцающая, почти прозрачная. Он находился достаточно ниже поверхности леса, чтобы разглядеть фигуру посреди грязи. Она имела форму тела, будто оно зарождалось под землёй, будто оно ожидало, когда будет выкопано. Его структура ощущалась, как ткань мешка в комнате Меттью.

— Есть, — произнёс Ронан, когда его пальцы задели поверхность. «Помоги мне это удержать», — должно быть, он только подумал это, не сказал вслух.

Девочка-Сиротка начала плакать.

— Будь осторожен, будь осторожен.

Она едва закончила просьбу, как он ощутил...

Что-то.

Ко... кого-то?

Не прохладные, сухие чешуйки змей. Не тёплое, стремительное сердцебиение кротов. Не грязно-подвижную мягкость дождевых червей или гладкую, вялую плоть личинок.

Это была тьма.

Она просачивалась.

Это было не столько создание, сколько не-создание.

Ронан не ждал. Он узнал ночной кошмар, когда ощутил его.

— Девочка, — попросил он, — вытащи меня.

Он ухватил нагретую кожу одной из рук-корней, стараясь побыстрее зафиксировать её ощущение в памяти. Вес, плотность, реалистичность. Девочка-Сиротка скребла почву вокруг него, роясь, словно собака, издавая тихие испуганные звуки. Как же она ненавидела его грёзы.

Тьма, которая не была тьмой, подкрадывалась сквозь грязь. Она пожирала то, чего касалась. Вернее, что-то там было, а потом его не было.

— Быстрее, — рывкнул Ронан, отступая с кожей, зажатой в пальцах-корнях.

Он мог бы оставить нагретую кожу и разбудить себя.

Но он не хотел её оставлять. Это могло бы сработать.

Девочка-Сиротка держала его за ногу или за руку, или за одну из его ветвей и тянула, тянула, тянула, стараясь вырвать его из земли.

¹ (лат.) Это опасно. Он поднимается.

— Кра, — зарыдала она.

Тьма разъедала. Если бы она схватила Ронана за руку, он мог бы проснуться без руки. Он собирался остановить череду своих потерь...

Девочка-Сиротка упала, рывком освободив его от почвы. Чернота взорвалась из земли позади него. Не думая, Ронан бросился на защиту девочки. «Нет ничего невозможного», — произнёс лес или тьма, или Ронан.

Он проснулся. Обездвиженным, как было всегда, когда он приносил что-нибудь любых размеров из снов. Он не чувствовал рук. «Пожалуйста, — думал он, — пусть у меня ещё будут руки». И не чувствовал ног. «Пожалуйста, — думал он, — пусть меня ещё будут ноги». Он провёл несколько долгих минут, пялясь в потолок. Ронан находился в гостиной на старом клетчатом диване и смотрел на те же три трещины, что много лет составляли букву М. Пахло гикори и самшитом. Чейнсо хлопала крыльями над ним, пока не уселась на его левой ноге.

Так что у него всё ещё должна быть хотя бы одна нога. Сейчас он уже не смотрел на тьму и не смог бы чётко сформулировать, что делало её такой ужасающей.

Медленно к пальцам возвращалась способность двигаться, должно быть, они всё ещё тоже имелись. Нагретая кожа явилась вместе с ним и наполовину свисала с дивана. Она была тонкая и иллюзорная на вид, запачканная грязью и разорванная в клочья. У Ронана имелись конечности, но одежда шла в стирку. А ещё он был голоден. Телефон зажужжал, и Чейнсо перелетела, хлопая крыльями, на спинку дивана. Обычно Ронан бы его не проверил, но он был слишком обеспокоен воспоминаниями о небытии во сне, поэтому воспользовался вновь движущимися пальцами, чтобы выдернуть телефон из кармана и убедиться, что это не Меттью.

Гэнси. «Пэрриш хочет знать, не убил ли ты себя только что во сне. Пожалуйста, сообщи».

До того, как Ронан успел сформулировать умиление по поводу подобной осведомлённости Адама, Чейнсо внезапно низко наклонила голову к спинке дивана. Перья на её шее приподнялись в знак настороженности и внимания. А глаза зафиксировались на какой-то точке в другом конце комнаты.

Приподнявшись, Ронан проследил взглядом за тем, что привлекло её внимание. Поначалу он не увидел ничего, кроме знакомого беспорядка в гостиной. Кофейный столик, игровой автомат, корзина для трости. Затем его глаза уловили движение под журнальным столиком.

Он замер.

Медленно осознал, на что смотрит.

И выдал:

— Дерьмо.

Глава 5

Блу Сарджент выгнали из школы.

Всего на день. Двадцать четыре часа, как предполагалось, должны излечить её от умышленного уничтожения школьного имущества и, откровенно говоря, удивительно скверного поведения. Блу не могла заставить себя сожалеть, хотя и знала, что должна бы; ничто в школе не чувствовалось особенно реальным по сравнению с остальной частью её жизни. Когда она стояла в коридоре возле кабинета школьной администрации, то слышала, как её мама объясняла, что в их семье недавно случилась смерть, и в город только-только вернулся биологический отец Блу, и все эти события очень травмировали её дочь. Скорее всего, как добавила Мора (пахнувшая полынью, которая означала, что они с Джими, пока Блу была в школе, провели ритуал), её дочь даже не осознавала, что творит.

О, Блу ещё как осознавала.

Теперь она сидела под буком на заднем дворе Фокс Вей 300, раздражённая, не в духе. Где-то в глубине души она понимала, что у неё неприятности гораздо серьезнее, чем были до того в течение продолжительного времени. Но более непосредственная её часть была рада, что ей не придётся целый день делать вид, будто бы её волнуют уроки. Она швырнула выеденный изнутри буковый орешек, а тот с треском, словно выстрел, отскочил от забора.

— Ладно, есть идея.

Сначала раздался голос, потом озноб пробежал по коже. И мгновение спустя к ней присоединился Ноа Жерни, одетый, как и всегда, в свой школьный свитер цвета морской волны. «Присоединился», пожалуй, не очень подходящий глагол. Лучше сказать «проявился». Подходяще было бы оперировать понятием «игра света». А вот выражение «обман разума» оказалось бы в самом раз. Потому как Блу крайне редко замечала то мгновение, когда Ноа на самом деле появлялся. Не то чтобы он легко и просто принимал решение существовать. Это было, будто её мозг переписывал минуту до его появления, чтобы она могла притвориться, будто Ноа всё это время сидел, ссутулившись, рядом с ней.

Иногда немного жутко дружить с мертвецом.

Ноа приветливо продолжил:

— Итак, у вас есть трейлер. Не Адама трейлер. А для коммерческих целей.

— Что? У меня?

— У вас. У тебя. Как называется, когда имеются в виду все, а ты говоришь «вы»? Это из грамматики.

— Не знаю. Гэнси бы знал. А что ты подразумеваешь под трейлером Адама?

— Внутреннее вы? — предположил он, словно она ничего не спрашивала. — Неважно. Я имею в виду, типа, в целом вы. В итоге вы придумываете пять супер классных рецептов приготовления курицы. Вроде гриля. Те, что всегда готовят, ага? — Он стал отсчитывать на пальцах. — Гмм, по-мексикански. Мёд-карри. Барбекю. Гмм. Терияки? И. Чеснок-с-Чем-то-Там. Ещё вам нужны, типа, напитки. Вызывающие привыкание, безумные напитки. Здесь народу придётся задуматься: «Я жажду того цыплёнка в мёде и карри и этот, мм, лимонный чай, чёрт, да, всего до одури, ага, Цыпа-цыпа-цыпа!»

Она ещё никогда не видела его таким оживлённым. Безусловно, эта весело болтающая версия Ноа была ближе всего к его живой версии, студенту-скейтбордисту из Аглионбая с ярко-красным мустангом. Её поразило осознание того, что, скорее всего, будь он жив, они никогда бы не подружились. Он не был ужасным. Просто юным в том смысле, в каком она никогда не была. Это была неприятная мимолётная мысль.

— ... и я бы назвал это — готова? — ЦЫПЛЁНОК¹. Улавливаешь? Чем хочешь заняться сегодня вечером? О, мамуля, пожалуйста: «ЦЫПЛЁНКА». — Ноа хлопнул по хвостику Блу так, что тот ударил её по макушке. — Ты могла бы носить бумажную шляпку! Ты могла бы стать лицом «ЦЫПЛЁНКА».

Внезапно Блу потеряла терпение. Она взорвалась:

— Ладно, Ноа, остановись, потому...

Каркающий смех, раздавшийся откуда-то сверху, вынудил её осечься. Несколько сухих листьев слетели вниз. Блу с Ноа задрали головы.

Гвенллиан, дочь Глендовера, развалилась на крепких ветках над ними. Её длинное тело прислонилось к стволу, а ноги вытянулись вдоль гладкой коры ветвей. Как обычно, она представляла собой страшное и удивительное зрелище. Возвышающаяся у неё над головой грозовая туча волос была полна ручек, ключей и кусочков перекрученной бумаги. На ней было надето, по крайней мере, три платья, и всем им удалось зацепиться и раскрыть её бедро или из-за восхождения на дерево, или по умыслу. Ноа смотрел во все глаза.

¹ здесь игра слов: CHICKEN OUT — выйти из игры, грозящей неприятностями; пойти на попятный; дрейфить; смалодушничать

— Приветтики, мертвечинка, — пропела Гвенллиан, вытаскивая сигарету из своих волос с одной стороны и зажигалку с другой.

— Сколько времени ты здесь торчишь? Ты куришь? — требовательно спросила Блу. — Не убивай моё дерево.

Гвенллиан выпустила облачко пахнущего гвоздикой дыма.

— Ты говоришь как Артемус.

— Вот не знала. — Блу попыталась не выглядеть обиженной, но таковой была. Она не ожидала, что Артемус заполнит зияющую дыру в её сердце, но она также не думала, что он просто запрётся в кладовке.

Выдувая чётко очерченное дымное кольцо сквозь жухлые листья, Гвенллиан оттолкнулась спиной от ствола и позволила себе соскользнуть на нижнюю ветку.

— Твой маленький житель кустов, а не отец — не очень постижимая вещица, о синяя лилия, лиловая синь. Но, с другой стороны, эта вещица здесь тоже не очень постижима, верно?

— Какая вещица... Ноа? Ноа — не вещица!

— Мы столкнулись с птицей в кустарнике, птицей в кустарнике, птицей в кустарнике, — пропела Гвенллиан. Она соскользнула ниже, а потом ещё ниже, достаточно низко, чтобы мотать из стороны в сторону своими башмаками на уровне глаз Блу. — И тридцатью её друзьями! Ты чувствуешь себя очень живым, о маленькая мертвечинка, между нами обеими, не так ли? Лиловая синь с её зеркальной силой, и лиловая Гвен с её зеркальной силой, и ты в центре, припоминающий жизнь?

Досадно было осознавать, что Гвенллиан, пожалуй, была права: этот брызжащий весельем, живой Ноа был почти наверняка возможен только благодаря окружению экстрасенсорных батарей. Также было досадно видеть, что Гвенллиан совершенно убивала хорошее настроение Ноа. Он пригнул голову так, что осталась видна только завитушка его вихра.

Блу подняла взгляд.

— Ты ужасна.

— Спасибо. — Гвенллиан рухнула на землю одним прыжком, взмахнув при этом руками, и погасила сигарету о ствол бука. Сигарета оставила на дереве чёрную отметину, и Блу почувствовала, как та зеркально отобразилась в её душе.

Она сердито посмотрела на Гвенллиан. Блу была очень короткая, а Гвенллиан очень длинная, но Блу очень хотелось сердито смотреть на Гвенллиан, и Гвенллиан, казалось, была полна решимости добиться того, чтобы на неё так смотрели, так что они обе получили желаемое.

— Что ты хочешь от меня услышать? Что он мёртв? Какой смысл это мусолить?

Гвенллиан склонилась так, чтобы их носы соприкоснулись. Её слова выплыли душисто гвоздичным шёпотом:

— Ты когда-нибудь решала загадку, которую тебя не просили решать?

Кайла считала, что Гвенллиан пела и изъяснялась загадками из-за того, что была заживо захоронена на шестьсот лет. Но, глядя сейчас в её радостно блестящие глаза, вспоминая, как она была захоронена за попытку заколоть поэта Оуэна Глендова, Блу подумала, насколько велика вероятность того, что Гвенллиан всегда была такой.

— Для Ноа нет решения, — ответила Блу, — если только заставить его... уйти. А он этого не хочет!

Гвенллиан расхохоталась.

— Желание и необходимость — разные вещи, голубушка. — Она ударила Ноа по затылку снятым башмаком. — Яви ей то, что прячешь, мертвечинка.

— Ноа, ты не обязан делать ничего, что она говорит. — Блу выпалила это так быстро, что сразу же осознала — она верит Гвенллиан и боится узнать о нём правду.

Все знали, что существование Ноа было хрупким, в зависимости от прихотей энергетической линии и местонахождения его физических останков. И Блу, и Гэнси, в

частности, видели своими глазами, как Ноа, казалось, всё труднее и труднее справляться с превратностями состояния смерти. Блу уже знала, что Ноа был пугающим. Если есть что-то хуже этого, то она не была уверена, хочет ли это узнать.

Ноа вздохнул.

— Ты это заслуживаешь. Просто... Извини, Блу.

Нервы зарокотали внутри неё.

— Здесь не за что извиняться.

— Ну да, — произнёс он негромко, — не за что. Не надо... просто... ну ладно.

Гвеллиан отошла назад, уступая ему пространство. Он поднялся, медленно, натянуто, поворачиваясь спиной к Блу. Расправил обычно сутулые плечи, будто готовя себя к бою. Она почувствовала то мгновение, когда он перестал вытягивать из неё энергию. Словно уронила на землю тяжёлый рюкзак.

А потом он повернулся к ней лицом.

Каждое лето в Генриетту приезжала кочующая ярмарка. Они разбивали позади Уолмарта большие рыночные поля, и на следующие несколько ночей наступало время смятой травы, тортов «Муравейников» и света, вспыхивающего во тьме. Блу всегда хотелось, чтобы всё это ей нравилось — она даже как-то ходила с некоторыми ребятами из школы (ей всегда хотелось, чтобы и они ей нравились), но в итоге у неё возникало чувство, будто она ждёт, когда, наконец, произойдёт какое-нибудь настоящее событие. Думая, что ей нужны острые ощущения, она испытала на себе аттракцион «свободное падение». Он всех поднял наверх — дёрг, дёрг — а потом... ничего. Обнаружилась какая-то неисправность, и их не сбросили, а опустили тем же путем, что и подняли. Но даже несмотря на то, что они не упали, на мгновение желудок Блу упал, словно она отправилась в свободное падение, ощущение, ставшее странным для остального тела, не шелохнувшегося ни на дюйм.

Именно это она чувствовала сейчас.

— О, — сказала Блу.

Пустые, мёртвые глаза, оскаленные зубы и душа, нанизанная на оголенные кости. Он уже очень давно был мёртв. Невозможно не увидеть, насколько сильно разложилась душа, насколько отдалилась она от понятия человечность, насколько тонко растянуло её время вдали от пульса.

Ноа Жерни умер.

Это всё, что осталось.

Такова была правда.

Тело Блу пробрало до мурашек. Она поцеловала это. Тусклое холодное воспоминание о человеке.

Потому что это была всего лишь энергия, которая читала её воспоминания так же легко, как её слова. Она чувствовала, что оно преследует её мысли, а потом переходит на другую сторону.

Оно прошипело:

— Я же сказал, извини.

Она сделала глубокий вдох.

— А я же сказала, не за что извиняться.

И она действительно так считала.

Блу было наплевать, что он — оно — Ноа был странным, разложившимся и пугающим. Она знала, что он — оно — Ноа был странным, разложившимся и пугающим, и она знала, что всё равно любила его.

Она обняла это. Его. Ноа. И её не заботило, что он больше не человек. Она продолжит называть, чем бы оно ни было, «Ноа», пока оно будет хотеть, чтобы его так звали. И она была рада, что он мог читать её мысли, потому что именно сейчас ей хотелось, чтобы он знал, как глубоко она в это верила.

Тело охватил пронизывающий холод, когда она позволила Ноа вытянуть из себя энергию. Её руки крепко обняли его за шею.

— Не говори остальным, — попросил он. Когда она отступила назад, его мальчишеское лицо вернуло привычные черты.

— Тебе не нужно уходить? — поинтересовалась Блу. Она имела в виду «навсегда», но не могла произнести это слово вслух.

Он прошептал:

— Пока нет.

Блу ладонью смахнула свою слезинку с лица, и он ладонью смахнул слезу с другой её щеки. Его подбородок задрожал, как это бывает перед появлением слёз, но она приложила пальцы к его коже, и это прошло.

Они направлялись к финалу чего-то, и оба это знали.

— Хорошо, — сказала Гвенллиан. — Ненавижу лжецов и трусов.

После она, не медля, вновь начала карабкаться на дерево. Блу повернулась к Ноа, но тот уже исчез. Возможно, он исчез ещё до слов Гвенллиан. Как и его появление, очень сложно было предугадать его уход. Мозг Блу уже переписал все секунды вокруг его исчезновения.

Отстранение Блу от учёбы казалось сейчас размытым сном. Что было реальным? Это было реальным.

Кухонное окно со стоном открылось, и Джими выкрикнула:

— Блу! Твои мальчики у входа, и выглядят они так, будто собираются кого-то похоронить.

«Опять?» — подумала Блу.

Глава 6

Когда Блу забралась в чёрный внедорожник Гэнси, она обнаружила, что Ронан уже устроился на заднем сидении, его голова была свежевыбрита, ботинки на сидении, одежда для уличной драки. Его расположение на заднем сидении, а не на обычном пассажирском троне предполагало, что проблема была в разгаре. Адам в белой футболке и чистом рабочем комбинезоне, подвёрнутом до талии, занял его место. Гэнси сидел за рулём, нацепив одновременно и форму Аглионбая, и электризирующее выражение лица, поразившее Блу. Бдительное и сияющее, в его глазах зажигались спички. Она видела такого яркого Гэнси и раньше, но обычно только когда они были вдвоём.

— Привет, Джейн, — сказал он, и его голос был таким же ярким и пылким, как и его глаза. Было сложно не оказаться пленённой таким Гэнси, он был и сильным, и волнующим своим напряжением.

Не пялся... слишком поздно. Адам поймал её за этим занятием. Она отвела глаза и заняла себя одёргиванием чулок.

— И вам привет.

Гэнси спросил:

— У тебя есть время сгонять с нами по делам? Есть работа? Домашняя работа?

— Никакой домашней работы. Меня отстранили, — ответила Блу.

— Иди на хрен, — с восхищением вставил Ронан. — Сарджент, да ты засранка.

Блу неохотно позволила ему столкнуться с ней кулаками, пока Гэнси выразительно взирал на неё в зеркало заднего вида.

Адам повернулся в своём кресле на другую сторону — вправо, а не влево, так что он выглядел из-за дальней стороны подголовника. Казалось, он будто прятался, но Блу знала, это просто потому, что он повернулся к ним слышащим ухом вместо глухого.

— За что?

— Вываливание содержимого рюкзака другого ученика на его машину. На самом деле не хочу говорить об этом.

— Я хочу, — сказал Ронан.

— Ну а я нет. Я не горжусь этим.

Ронан похлопал её по ноге.

— Я буду гордиться за тебя.

Блу бросила в его направлении испепеляющий взгляд, но она ощутила себя спокойной первый раз за день. Не то чтобы женщины Фокс Вей 300 не были её семьёй, они были тем местом, где зарыты её корни, и ничто не могло бы принизить их значение. Просто было что-то по-иному мощное в этой собранной в машине семье. Они все росли друг в друга, словно деревья, что вместе борются за солнце.

— Так что произошло?

— Если можешь в это поверить, — начал Гэнси всё ещё холодным, супер вежливым тоном, что означало, он был раздражён. — Я первоначально планировал заглянуть поговорить с Артемусом о Глендове. Но Ронан решил поменять все планы. У него другие идеи, как нам провести день. Как использовать наше время в более важных целях.

Ронан подался вперёд.

— Скажи-ка мне, папочка, ты бесишься, что я облажался, или ты бесишься просто потому, что я пропустил школу?

Гэнси ответил:

— Я думаю, что лажей можно считать и то, и другое, ведь так?

— Ох, не надо, — парировал Ронан. — Когда ты так говоришь, это звучит вульгарно.

Когда Гэнси живо тронулся от тротуара, Адам послал Блу многозначительный взгляд. Его выражение лица как бы говорило: «Да, они так уже давно». Блу была странно благодарна ему за эту невербальную беседу. После их беспокойного расставания (неужели они когда-то встречались?) Блу смирилась с тем, что Адаму слишком больно или неудобно быть с ней хорошими друзьями. Но он старался. И она старалась. И, кажется, это работало.

Если не считать того, что она влюбилась в его лучшего друга и не сказала ему.

Чувство спокойствия Блу тут же растворилось, его заменило точно такое же ощущение, что она испытала прямо перед тем, как вытряхнула рюкзак Холцклоу на капот его машины. Все эмоции разлетелись белым пухом.

Ей действительно надо найти какие-нибудь механизмы психологической адаптации.

— ГЭНСИ, ПАРЕНЬ!

Все вздрогнули от крика, раздавшегося через открытое окно Гэнси. Они подъехали к светофору, примыкающему к главным воротам в Аглионбай, группа студентов стояла на тротуаре с плакатами в руках. Гэнси неохотно поднял три пальца в знак приветствия, что спровоцировало дальнейшие возгласы: хей, хей, хей!

Вид всех этих парней в школьной форме тут же вызвал неприятные эмоции у Блу. Это было устоявшееся, многогранное чувство, сформированное из здравого смысла, опыта и зависти, и её это не заботило. Не то чтобы она обязательно подумала, что её отрицательное мнение о воронятах было ошибочным. Просто знакомство с Гэнси, Адамом, Ронаном и Ноа усложнило её суждение. Было намного проще, когда она предполагала, что могла бы всех их презирать из дымки морального превосходства.

Блу вытянула шею, пытаясь разглядеть надписи на плакатах, но ни один из парней не справлялся с работой как должно, располагая их по отношению к дороге. Ей стало интересно: Блу Сарджент, студентка Аглионбая, была бы хорошим держателем плакатов?

— Против чего они протестуют?

— Против жизни, — сухо отозвался Адам.

Она узнала одного из студентов, стоящих на тротуаре. У него был незабываемый пучок уложенных чёрных волос и пара спортивных кроссовок, которые могли бы выглядеть ещё дороже, только если бы были завернуты в долларовые банкноты.

Генри Ченг.

У неё было секретное свидание с Гэнси, когда они виделись в последний раз. Она не помнила мелких деталей, только что его электрический суперавтомобиль поломался на обочине дороги, что он отпустил шутку, которую она не нашла смешной, и что он напомнил ей все моменты, в которых Гэнси был не похож на неё. Нехороший финал свидания.

Несомненно, Генри тоже её вспомнил, потому что он послал ей широкую улыбку, а затем указал двумя пальцами сначала на свои глаза, а потом на её.

К её и так смешанным чувствам присоединились ещё более смешанные чувства.

— Какое слово вы употребляете, когда говорите «вы», имея в виду всех в целом? — спросила Блу, наклонившись вперёд, продолжая смотреть на него.

— Универсальное «вы», — ответил Гэнси, — думаю.

— Да, — согласился Адам.

— Что за куча пафосных позёров, — произнёс Ронан. Было трудно определить, имел ли он в виду Гэнси и Адама с их подкованностью в грамматике или студентов Аглионбая, стоящих снаружи с их от руки написанными плакатами.

— О, конечно, — сказал Гэнси, всё ещё холодно и раздражённо. — Не дай Бог молодым людям демонстрировать свои принципы в бесполезных, но публичных акциях протеста, когда они могли бы пропускать занятия и судить остальных учеников с заднего сидения автомобиля.

— Принципы? Принципы Генри Ченга состоят только в получении шрифта покрупнее в школьной газете, — парировал Ронан. Он изобразил немного противную версию голоса Генри: — Шрифт? Готический шрифт? Больше жирности, меньше курсива.

Блу увидела, как Адам усмехнулся и быстро отвернулся, чтобы Гэнси не заметил, но было слишком поздно.

— Et tu, Brute?¹ — обратился Гэнси к Адаму. — Грустно.

— Я ничего не говорил, — ответил Адам.

Светофор зажёгся зелёным, внедорожник начал удаляться от протестующих.

— Гэнси! Гэнси! Ричард, чувак! — Это был голос Генри, даже Блу поняла. Позади них не было других машин, так что Гэнси затормозил, высунув голову в окно.

— Что я могу для вас сделать, мистер Ченг?

— У тебя... твой багажник открыт, думаю. — Беззаботное выражение лица Генри стало более сложным. Радостная улыбка не совсем соскользнула, но что-то за ней возникло. Блу снова ощутила волну неуверенности, она знала, на что походил Генри, но также не понимала всего, на что он походил.

Гэнси глянул на индикаторную панель.

— Не... ох. — Его голос стал соответствовать выражению лица Генри. — Ронан.

— Что? — огрызнулся Ронан. Его ревность к Генри была видна из космоса.

— У нас багажник открыт.

Автомобиль позади них посигналил. Гэнси махнул им в зеркало заднего вида, отсалютовал Генри и нажал на газ. Блу взглянула через плечо как раз вовремя и заметила, как Генри повернулся к другим студентам, и его выражение лица снова превратилось в незамысловатую широкую усмешку, что имела у него раньше.

Интересно.

В то же время Ронан повернулся к пространству для багажа за задними сидениями. Он прошипел:

— Лежать.

Он точно обращался не к Блу. Она прищурилась и осторожно спросила:

¹ (лат) И ты, Брут? — по легенде, последние слова Юлия Цезаря, обращённые к его убийце Марку Юнию Бруту.

— Что за дела на этот раз?

Гэнси был рад ответить:

— Линч со своей бесконечной мудростью решил погрезить вместо того, чтобы идти в школу, и притащил назад больше, чем просил.

Столкновение с Генри оставило звоночек в весёлой агрессии Ронана, и теперь он рывкнул:

— Ты мог бы просто сказать, чтобы я позаботился об этом сам. Мои грёзы — моё дело, а не кого-то ещё.

Адам вмешался:

— О нет, Ронан. Я не встаю ни на чью сторону... но это полная фигня.

— Спасибо, — произнёс Гэнси.

— Эй, старик...

— Не надо, — перебил Гэнси. — Джесси Диттли погиб из-за людей, заинтересованных в грёзах твоей семьи, так что не веди себя так, будто других не касается, останется это в тайне или нет. Первоначально это твоё, но мы все в зоне поражения.

Это заставило Ронана замолчать. Он откинулся на спинку сидения, посмотрел в окно и поместил один из кожаных браслетов между зубов.

Блу услышала достаточно. Она потянула свой ремень безопасности, чтобы было место развернуться, и затем приложила щёку к коже сидения, глядя на багажное пространство позади. Сразу она ничего не увидела. Возможно, и увидела, но не захотела признать, потому что как только её глаза ухватили сон Ронана, было невозможно представить, что она сразу его не заметила.

Блу была абсолютно решительно против шока.

Но она была шокирована.

Она задала вопрос:

— Это... это ребёнок?

Свернувшееся калачиком существо находилось рядом со спортивной и учебной сумками Гэнси. Огромные глаза едва не заслоняла сползшая низко кипа. Оно было одето в изорванный, потрёпанный, безразмерный рыбацкий свитер и имело либо тёмно-серые ноги, либо серые леггинсы. Штуки на концах ног были или ботинками, или копытами. Мозг Блу напрягся.

Голос Ронана звучал безжизненно:

— Я обычно называл её Девочкой-Сироткой.

Глава 7

Адам предложил Энергетический пузырь, поэтому они доставили её в Энергетический пузырь.

Однако он не знал наверняка, что они там будут делать, но это первое, что пришло ему на ум. Вообще-то, второе, но его первая мысль была такой постыдной, что он немедленно о ней пожалел.

Бросив на неё всего лишь взгляд, он сразу же подумал, что, будь она ещё одним ночным кошмаром, они могли бы просто убить её и где-нибудь бросить.

Секунду спустя — нет-нет, меньше, чем секунду, полсекунды, одновременно — он возненавидел себя за эту мысль. Именно таких мыслей он ожидал бы от сына своего отца. «Что, хочешь уйти? Ты куда-то собираешься? Это твоя сумка? Поверь мне, если бы мне было позволено отпустить тебя, я бы собственноручно бросил тебя в канаву. И всё, что с тобой связано».

Он ненавидел себя, а потом ненавидел отца, а потом он мысленно передал эмоции Энергетическому пузырю и Пузырь развеял их прочь.

И вот теперь они были у самого Энергетического пузыря, Энергетического пузыря во плоти; здесь второй мыслью Адама была досада, что ему сразу не пришло в голову отвезти Девочку-Сиротку к матери Ронана, Авроре.

Это было поле, которое они заприметили с воздуха ещё давным-давно, с огромным вороном, сформированным из ракушек. Гэнси не удалось не проехать по разбросанным ракушкам, но он позаботился о том, чтобы получилось не проехать по самому ворону. Адам оценил эту часть Гэнси: его бесконечное беспокойство за вещи, которые Адаму безразличны.

Машина остановилась. Гэнси, Блу и Адам вылезли наружу. Ронан и его странная девочка остались внутри; похоже, там велись какие-то переговоры.

Они ждали.

Низкое и серое небо снаружи протыкали верхушки коричнево-красно-чёрных деревьев Энергетического пузыря. Стоя здесь, было почти возможно представить, что это обычный лес в обычном предгорье Вирджинии. Но если как следует подольше понаблюдать за Энергетическим пузырем, то можно разглядеть секретники, шныряющее между деревьями. Тени рогатых животных, которые так и не появлялись. Мигающие огоньки летних светлячков. Звук хлопанья множества крыльев, что может издавать лишь огромная стая птиц, которую никогда не суждено увидеть.

Магия.

В этой близости к лесу Адам чувствовал себя очень... по-адамовски. Его голова была набита обычными ощущениями комбинезона на талии, обычными мыслями об экзамене по литературе на следующий день. Казалось, ощущения должны быть чужероднее, причудливее, когда он был поблизости от Энергетического пузыря, но на самом деле, чем ближе он находился к Пузырю, тем реальнее было его существование. Мыслям не было необходимости блуждать куда-то далеко, чтобы общаться с волшебным лесом, когда тело было способно поднять руку и коснуться его.

Странно, что он не почувствовал месяцы тому назад предостережения, чем это место для него станет. А может, и не странно. Такому количеству магии — силы, в основном — требуется вера в качестве залога.

Гэнси ответил на звонок. Адам ушёл пописать. Ронан остался в машине.

Адам присоединился к Блу по другую сторону внедорожника. Он очень старался не пялиться ни на её грудь, ни на её губы. Адам и Блу больше не вместе — поскольку изначально они никогда и не были вместе — но быть брошенным и осознавать, что так лучше для обоих, не означает снижение эстетической привлекательности ни одной части тела. Её волосы совсем одичали с момента их первой встречи. Теперь все заколки не справлялись со своей задачей. И её рот стал более властным, с тех пор как они познакомились, возжеленнее для запретных поцелуев, и её поза усложнилась. Позвоночник обострился от чувств горя и страха.

— Думаю, нам с тобой нужно поговорить о... — начала она. Но не закончила предложение, её глаза были устремлены на Гэнси. Он спросил себя, знает ли она, каким очевидным был её взгляд. Интересно, а выглядела ли она когда-нибудь такой голодной, когда смотрела на него?

— Да, — ответил Адам. Слишком поздно он осознал, что она, вероятно, хотела обсудить поиски милости Глендовера, а не признаваться в своих тайных отношениях с Гэнси. Что ж, и об этом им тоже нужно поговорить.

— Когда?

— Я позвоню тебе вечером. Постой-ка... у меня работа. Завтра после школы?

Они кивнули. Это был план.

Гэнси всё ещё говорил по телефону.

— Нет, пробок нет, разве что в бинго-ночь¹. По воздуху? А сколько ты ожидаешь всего гостей? Не могу представить, чтобы... о! Можно было бы, конечно, нанять автобус.

¹ Ночь, посвященная играм в бинго.

— КРА!

Блу и Гэнси закрутили головами во все стороны в поисках источника дикого вопля. Адам, поняв, что это Чейнсо вызывает к Ронану, обыскал небо.

— Иисус Мария, — прорычал Ронан. — Перестань быть невозможной.

Потому что не Чейнсо позвала Ронана. Это была истощённая Девочка-Сиротка. Она свернулась в невозможно маленькое существо на бесцветной траве позади внедорожника, больше напоминая кучу сваленной одежды. Она раскачивалась и отказывалась вставать. Когда Ронан прошипел ей что-то, она снова закричала ему в лицо. Это был не крик ребёнка, но крик твари.

Адам уже не раз видел, как Ронан делал сны реальными, и он знал, какими дикими и прекрасными, ужасающими и причудливыми они могли быть. Но эта девочка была больше всех, когда-либо виденных им, похожа на Ронана. Каким же перепуганным монстром она была!

— Это апокалипсис. Просто напиши мне, если ещё что-нибудь надумаешь. — Гэнси повесил трубку. — Что с ней? — Тон его голоса прозвучал нерешительно, будто он не был уверен, действительно ли что-то не то происходит с этой девочкой, или она всегда такая.

— Она не хочет идти в лес, — сказал Ронан. Не церемонясь, он наклонился, подхватил девочку на руки и зашагал к кромке деревьев. Теперь было отчётливо видно, что её паучьи ножки, свисающие с его руки, заканчивались изящными копытцами.

С другой стороны от Адама Блу приложила пальцы к своим губам, а потом убрала их. Очень тихим голосом она произнесла:

— О, Ронан! — С тем же успехом кто-нибудь мог произнести: «Вот блин!»

Потому что это было невозможным. Создание из грёз казалось девочкой и не девочкой. Она была сироткой, а они не были родителями. Адам не мог правильно судить Ронана за его стремление грезить по максимуму; Адам точно так же торговался с магией, которую он понимал неидеально. Все эти дни они устремляли руки в небеса в надежде на появление комет. Разница была лишь в том, что необузданность и расширяющаяся вселенная Ронана Линча существовали в его собственной голове.

— Всё выше и выше¹, — сказал Гэнси.

Они последовали за Ронаном.

Внутри леса Энергетический пузырь роптал, шипящие голоса исходили от старых осенних деревьев и растворялись в старых замшелых валунах. Это место значило нечто иное для них для всех. Адам, смотритель леса, был связан сделкой, призвавшей быть его руками и глазами. Каким-то образом с лесом была связана способность Блу к усилению. Ронан, Грейворен, бывал здесь ещё задолго до всех них, настолько задолго, чтобы нацарапать на здешних камнях свой автограф. Гэнси... Гэнси просто любил этот лес, боязливо, восторженно, благоговейно.

Деревья у них над головами перешептывались на тайном языке и на латыни, а потом на испорченной версии обоих, перемежая их словами на английском. Они не знали ни одного английского слова, когда подростки их отыскивали, но деревья учились. Быстро. Адам не мог не думать, что под этой языковой эволюцией скрывается какая-то тайна. Неужели ребята были действительно первыми носителями английского языка, с которыми столкнулись деревья? А если нет, то почему деревья только сейчас начали осваивать английский? Почему латынь?

Адам почти мог видеть правду, скрывающуюся за этой головоломкой.

— *Salve*², — поприветствовал деревья Гэнси, будучи всегда вежливым. Блу протянула руку и коснулась ветки; ей не нужны были слова, чтобы с ними поздороваться.

«Здравствуй», — ответили шелестом деревья. Листья затрепетали возле пальцев Блу.

¹ Excelsior – «Все выше» Официальный девиз штата Нью-Йорк.

² (лат.) Привет.

— Адам? — позвал Гэнси.

— Дай мне секунду.

Они ждали, пока Адам сделает свои подношения. Потому что со временем и пространством нужно было договариваться на энергетической линии; была вероятность, что из леса они могли выйти в другое время или в другом месте, нежели входили. Этот феномен поначалу казался капризом леса, но со временем, когда Адам находил всё больше и больше согласия с энергетической линией, он стал понимать, что лес следует правилам, только не заурядным, которые считались само собой разумеющимися в обычном мире. Это было больше похоже на дыхание: ты можешь задержать дыхание, можешь дышать быстрее или медленнее, ты можешь дышать в унисон дыханию того, кто стоит рядом с тобой. Перемещение по Энергетическому пузырю предсказуемым способом означало, что придётся ориентироваться на нынешнюю модель дыхания. Потому перемещайтесь вместе с ним, а не против него, когда вы пытаетесь проложить себе путь обратно к тому времени и месту, из которых вы пришли.

Закрыв глаза, Адам позволил энергетической линии захватить его сердце на несколько ударов. Теперь он знал, в каком направлении она побежит у него под ногами, и мог чувствовать, как она пересекалась с другой линией где-то за милю отсюда слева от него, как она пересекалась ещё с двумя ещё дальше справа от него. Запрокинув голову, он ощутил покаяние звёзд над головой и осознал своё положение относительно них. Энергетический пузырь осторожно развернул свои плети внутри него, пробуя на вкус его настроение, не раздвигая границ этих дней, не давя на него, используя только его разум и глаза для поиска земли, которую нужно вскопать, чтобы обнаружить воду и камень для последующей ориентации.

Так как Адам практиковался во многих вещах, Адам был хорош во многих вещах, но это... как бы оно ни называлось? Предсказание будущего, предчувствие, магия, магия, магия. Он был не только хорош в этом, но и стремился к нему, жаждал, любил так, что чуть было не набросился на Энергетический пузырь с благодарностью. Он не знал, что мог так любить. Вернее, не был уверен. Они с Гэнси боролись за это чувство однажды... Гэнси как-то раз даже высказался с отвращением: «Прекрати считать её привилегией. Любовь — не привилегия». Но у Гэнси всегда была любовь, он всегда был способен на любовь. Теперь, когда Адам обнаружил это чувство в себе, он был более уверен, чем когда-либо, что прав. Потребность была ориентиром Адама, его пульсом спокойствия. Любовь была привилегией. Ему хотелось вспоминать снова и снова как её чувствовать.

Теперь, когда Адам полностью открыл свои чувства, Энергетический пузырь неумело пытался взаимодействовать со своим магом-человеком. Он взял его воспоминания, развернул их и вывернул наизнанку, перестраивая их для тайного языка грёз: лишайник на дереве; Блу едва не спотыкается, спешно отстраняясь от него; царапина на запястье; особые морщинки на коже у Ронана меж бровями, по которым Адам узнавал, что тот злится на него; змея, исчезающая под мутной поверхностью озера; большой палец Гэнси на его нижней губе; раскрытый клюв Чейнсо, и червь, выползающий из него, вместо того, чтобы оказаться уже внутри.

— Адам? — позвала Блу.

Он отвлёкся от своих мыслей.

— О, да. Я готов.

Она зашагала в лес. Сложно было сказать, сколько у них уйдет времени, чтобы добраться до места, где жила мама Ронана — иногда времени вообще не требовалось, а иногда тратилась целая вечность, на что с горечью жаловался Ронан, неся Девочку-Сиротку. Он пытался убедить её идти самостоятельно, но, стоило ему опустить её на ноги, как она, словно бескостная масса, тут же съезжалась в комок, оседая на землю. А он не тратил время на то, чтобы бороться с ней; он просто подхватывал её на руки со злым выражением лица.

Девочка-Сиротка, казалось, предвидела это, и оттого слишком сильно давила на кнопки Ронана, он по дороге с каждым шагом дергал её. Но она не осталась в долгу, со значением выдав ноту, подкрепив её пинком копыта. Секунду спустя невидимая птица пропела другую красивую ноту на три тона выше. Девочка-Сиротка взяла чуть выше своей последней ноты, и другие невидимые птицы в ответ заголосили ещё на три тона выше. Третья нота — третья птица. Вскоре песня, напеваемая детским голосом и невидимыми птицами, которые то ли реально существовали, то ли нет, окружила подростков.

Ронан с негодованием посмотрел на Девочку-Сиротку, но было очевидно, что на самом деле означало его негодование. Его руки вокруг неё служили защитой.

От Адама не ускользнуло, насколько хорошо они знали друг друга. Девочка-Сиротка была определённо не случайным созданием, извлечённым из судорожного сна. Между ними была достаточно сильная связь, как бывает в семье. Она знала, как управлять его буйным нравом; он, казалось, знал, насколько грубо можно с ней себя вести. Они были друзьями, однако даже нагреженным друзьям Ронана приходилось с ним нелегко.

Девочка-Сиротка продолжала каркать свою часть хора, и было ясно, что странная песня подстраивалась под настроение Гэнси точно так же, как и Ронана. Спор в машине, очевидно, уже давно покинул его мысли, он поднял руки над головой и, касаясь осенних листьев, когда те пролетали мимо и спускались на землю, закачал ими в такт музыке, словно дирижер. Каждый мёртвый завиток листа, который ему удалось задеть кончиком пальцев, превращался в золотую рыбку, плывущую по воздуху. Энергетический пузырь внимательно слушал его намерение; к нему слеталось все больше листьев в ожидании касания. Вскоре косяк — стая — поток рыбок окружил его, мерцая, шныряя туда-сюда и меняя цвет, стоило только солнечному свету упасть на их чешуйки.

— Вечно ты со своими рыбками, — сказала Блу, но она смеялась, когда те щекотали ей шею и руки. Гэнси посмотрел на неё и отвел взгляд, потянувшись за другим листом, чтобы пустить его в дело. Радость искрилась между ними; такая же простая и чистая, каковой была любовь Гэнси и Блу к магии этого места.

Где им легко быть такими беспечными.

Энергетический пузырь нежно подстегнул мысли Адама, вызывая десятки счастливых воспоминаний из прошлого года — в общем, мысли были только из прошлого года, потому что даже Энергетическому пузырю сложно пришлось бы доставать воспоминания из времён, предшествующих знакомству с Гэнси и Ронаном. Адам всё ещё сопротивлялся, но перед его мысленным взором уже замелькали картинки воспоминаний, где он представлялся глазами остальных. Его улыбка только для своих; смех удивления; пальцы, протянутые к солнцу. Энергетический пузырь не понимал людей до конца, но он учился. «Счастье, — настаивал он. — Счастье».

Адам смилостивился. Пока они шли, Девочка-Сиротка писклявым голосом напевала свою песенку, а рыбки продолжали шнырять в воздухе туда-сюда вокруг них, он отбросил собственные намерения из головы.

Объем полученного «БУМ» удивил даже его; он услышал его в одном ухе и почувствовал в обеих ногах. Остальные же вздрогнули, когда ещё один тяжёлый «БУМ» зазвучал в начале следующего такта мелодии. К третьему «БУМ» стало очевидно, что грохот появляется в такт музыке. Каждое дерево, которое они проходили, дребезжало глухими ударами, постепенно превращаясь в пульсирующий электронный ритм, который неизменно играл в машине Ронана или в наушниках.

— О Боже, — произнёс Гэнси, но при этом смеялся. — Нам придётся и здесь это терпеть? Ронан!

— Это не я, — парировал Ронан. Он посмотрел на Блу, которая пожала плечами. Встретился взглядом с Адамом. Когда рот Адама язвительно искривился, выражение лица Ронана замерло на мгновение, прежде чем он изогнул губы в слабой улыбке, которую обычно приберегал для придурей Меттью. Адам почувствовал одновременно прилив

удовлетворения и нервозности. Он будто прокатился по краю. Заставить улыбнуться Ронана Линча было сродни вызову, заключению сделки с Энергетическим пузырьём. Но на игры сил не было.

Девочка-Сиротка резко умолкла. Адам поначалу подумал, что она каким-то образом положительно влияла на его настроение. Но нет: они просто добрались до долины роз.

Аврора Линч жила на поляне, окружённой с трёх сторон пышными и цветущими розовыми кустами, вьюнами и деревьями. Ковёр из бутонов лился каскадом и с четвёртой стороны – горного выступа. Воздух был пронизан солнечными лучами, как свет прорезает воду, и создавал ощущение движения лепестков, будто те куда-то плыли. Всё вокруг было розовым или нежно-белым, или радостно-жёлтым.

Весь Энергетический пузырь был грёзой, но долина роз была грёзой внутри грёзы.

— Может быть, девочка составит компанию Авроре, — предложил Гэнси, наблюдая за последней своей рыбкой, уплывающей с поляны.

— Не думаю, что ты можешь вот так просто вручить кому-то ребенка и ожидать что они будут в восторге, — ответила Блу. — Она же не кошка.

Гэнси открыл рот, и Адам понял, что на очереди был комментарий на грани оскорбления. Он перехватил взгляд Гэнси. Гэнси закрыл рот. Момент был упущен.

Однако Гэнси был не так уж и не прав. Аврора была создана для любви, и именно её она и творила, определённую для каждого объекта своей привязанности. Поэтому она обнимала своего младшего сына Меттью, расспрашивала Гэнси об известных исторических личностях, приносила странные цветы для Блу, которые ей встречались во время прогулок, и она разрешала Ронану показывать, что ему пригрезилось или что он создал на прошлой неделе. Хотя Адама она обычно спрашивала о вещах вроде:

— Откуда тебе знать, что ты видишь жёлтый точно так же как и я?

И она внимательно выслушала бы его рассуждения. Порой он старался заставить её порассуждать на ту или иную тему, но она не очень-то обременяла себя размышлениями, а просто слушала других людей, которые любили над чем-нибудь поломать голову.

Исходя из этого, они все знали, что она полюбит Девочку-Сиротку. А вот правильно или нет, чтобы Аврора полюбила кого-то ещё – это другой вопрос.

— Мам, ты здесь? — Голос Ронана был другим, когда он разговаривал с матерью или Меттью. Это был не играющий роль Ронан.

Нет. Это был открытый Ронан.

Этот тон напомнил Адаму ту незащищенную улыбку, которую он видел у Ронана чуть раньше. «Не играй, — твердил он себе. — Это не игра».

«Но это не похоже на игру, если он честен», — раздался шепот адреналина прямо в сердце.

Появилась Аврора Линч.

Она вышла к ним не из своей жилой зоны, не воспользовалась привычной для них тропинкой. Аврора появилась из стены роз, которые струились со скалы. Ни одна женщина ни за что не смогла бы пройти сквозь камень и розы, но Аврора всё равно это сделала. В золото её волос, струившихся плотным полотном, были вплетены бутоны роз и жемчуг. На краткий миг она предстала перед ними и розами, и женщиной, а потом только полноценной Авророй. Энергетический пузырь вёл себя по-другому с Авророй Линч, не так как с остальными; в конце концов, они были людьми, а она была созданием грёз. Они приходили сюда отдохнуть. Аврора же принадлежала этому месту.

— Ронан, — произнесла Аврора, выглядя по-настоящему счастливой, хотя она всё время была таковой. — Где Меттью?

— На лакроссе или похожей херне, — ответил Ронан. — Что-то, вызывающее потоотделение.

— А Деклан? — спросила Аврора.

Возникла пауза длиною в глубокий вдох.

— Работает, — солгал Ронан.

Все в долине роз взглянули на Ронана.

— О, что ж... Он всегда был таким прилежным, — сказала Аврора. Она помахала рукой Адаму, Блу и Гэнси. Адам, Блу и Гэнси махнули ей в ответ. — Нашёл уже того короля, Гэнси?

— Нет, — ответил Гэнси.

— О, что ж... — повторила она. Она обняла Ронана за шею, прижимая его бледную щёку к своей бледной щеке, словно он держал в охапке продукты, а не маленькую незнакомую девочку. — Что ты мне принёс на этот раз?

Ронан без церемоний опустил девочку. Она свернулась у его ног, вся вспотевшая, и тихо прохныкала с английским акцентом:

— Я хочу уйти!

— А я хочу снова чувствовать свою правую руку, — огрызнулся Ронан.

— *Amabo te, Грейворен!* — взмолилась она. *Пожалуйста, Грейворен.*

— Ох, поднимайся. — Он взял её за руку, и она поднялась, превратившись в прямую тростинку рядом с ним, расставив коричневые копытца врозь.

Аврора опустилась на колени перед Девочкой-Сироткой, чтобы их глаза были на одном уровне.

— Какая же ты красавица!

Девочка не посмотрела на Аврору. Она вообще не шелохнулась.

— Здесь растёт замечательный цветок — цвета твоих глаз — хочешь поддержать? — Аврора предложила розу, лежащую на её ладони. Она и в самом деле была цвета глаз девочки — матового тёмно-синего. Таких роз не существовало в природе, а тут сейчас была.

Девочка даже не соизволила сделать такой малости, как взглянуть на розу. Вместо этого, она смотрела на какую-то точку сквозь голову Адама, выражение её лица было пустым и скучающим. Адам почувствовал покаяние узнавания. В выражении лица девочки не было ни раздражительности, ни гнева. Она не была истеричкой.

Адам был там, притаился возле кухонных шкафов и смотрел на светильник в дальнем конце комнаты, его отец брызгал слюной ему в ухо. Он узнал этот страх, когда увидел его.

Он не мог спокойно смотреть на неё.

Когда Адам вместо неё перевёл взгляд на истончённые осенью ветви деревьев, Ронан с матерью начали тихо переговариваться. Невероятно, но загудел сотовый Гэнси; он достал его, чтобы посмотреть, кто звонил. Энергетический пузырь надавил на Адама. Блу провела лепестками бутона розы по своей ладони. Большие деревья, росшие вне границ долины роз, продолжали шептать им на латыни.

— Нет, мам, — нетерпеливо сказал Ронан. Это был новый тон его голоса, привлекающий внимание остальных. — Всё было не так, как раньше. Это был несчастный случай.

Аврора смотрела нежно и терпеливо, что явно взбесило её среднего сына.

— Несчастный случай, — настаивал он, даже несмотря на то, что она не произнесла ни слова. — Это был ночной кошмар, и что-то в нём пошло не так.

Блу спешно перебила его:

— Насколько не так?

— Что-то в нём было ч... изувеченное. Было во сне что-то чёрное и по ощущениям странное. — Ронан хмуро смотрел на деревья, словно те могли дать ему ответ, который бы всё объяснил. Наконец, он добавил: — Разлагающееся.

Это слово подействовало на всех. Блу и Гэнси посмотрели друг на друга так, словно продолжили прерванный разговор. Адам вспомнил тревожные картинки, которые ему показал Энергетический пузырь, когда он впервые ступил в лес. Румяный цвет лица Авроры потускнел.

— Думаю, мне лучше вам кое-что показать, — произнесла она.

Глава 8

К большому неудовольствию Гэнси, телефон ловил сеть.

Как правило, что-то в Энергетическом пузыре вмешивалось в сотовую связь, но сегодня его мобильник вибрировал от входящих сообщений о благотворительном вечере в смокингах в Аглионбае, пока он поднимался на гору, а затем спускался вниз.

Сообщение от его матери было похоже на государственный документ.

«Директор Чайлд согласился, что сроки сжаты, но, к счастью, у моей команды уже есть опыт, чтобы реализовать всё быстро. Будет так чудесно устроить это с тобой и со школой».

Сообщение от его отца было живым, чисто мужским.

«Деньги — не главное, это просто надо сделать. Не называй мероприятие «благотворительный вечер», просто модная тусовка».

Его сестра Хелен добралась до важных деталей.

«Просто скажи, сколько публичной распущенности пресса получит от твоих одноклассников, чтобы я могла начать преподносить ситуацию уже сейчас».

Гэнси думал, что сигнал вот-вот прервётся, но тот оставался сильным и настоящим. А это означало, что он одновременно получал сообщение о ситуации с отелями для иногородних гостей в Генриетте и наблюдал, как из магического дерева сочится какая-то чёрная, на вид токсичная жидкость.

— Грейворен, — прошептал голос от далёких ветвей. — Грейворен.

Жидкость выделялась бисером из коры, словно пот, собираясь в вялый и вязкий каскад. Все рассматривали его, кроме странной девочки, которая уткнулась лицом в бок Ронана. Гэнси не винил её. Прямо на дерево смотреть было немного... сложно. Он не задумывался, сколько в природе чисто чёрного, пока не увидел этот смолистый сок. Абсолютная тьма, пузырящаяся на стволе, выглядела ядовито и ненатурально.

Телефон Гэнси снова зажуужал.

— Гэнси, старик, это больное дерево врубает твоё цифровое время? — поинтересовался Ронан

Дело в том, что это цифровое время отсчитывает время больного дерева. Энергетический пузырь был для него пристанищем. Присутствие здесь сообщений ощущалось неуместным, как и тьма, вытекающая из дерева. Он выключил телефон и спросил:

— Оно такое одно?

— Я нашла его во время прогулок, — ответила Аврора. Выражение её лица было безмятежным, но она продолжала водить рукой по всей длине своих волос.

— Это вредит дереву, — сказала Блу, задрав голову, чтобы посмотреть на увядающую крону.

Тёмное дерево было противоположностью Энергетического пузыря. Чем больше времени Гэнси проводил в Энергетическом пузыре, тем больше тот внушал ему благоговение. Чем больше времени он смотрел на чёрный сок, тем большее беспокойство тот ему внушал. Он поинтересовался:

— Оно что-нибудь делает?

Аврора склонила голову.

— Что ты имеешь в виду? Что-нибудь ещё, кроме этого?

— Не знаю, — вздохнул он. — Я не знаю, что имею в виду. Это просто уродливая болезнь или что-то магическое?

Аврора пожала плечами. Её решение проблемы состояло в нахождении кого-нибудь ещё, кто решил бы проблему. Пока Гэнси обходил дерево, пытаясь выглядеть полезным за неимением ничего другого, он увидел, как Адам присел перед копытной

сироткой. Она продолжала смотреть мимо него, когда он расстегнул свои дешёвые наручные часы. Потом слегка похлопал её по руке, только чтобы она заметила, что он предлагает часы ей. Гэнси ожидал, что она проигнорирует или отвергнет подарок, как она поступила с розой Авроры, но девочка приняла его без колебаний. Она принялась их сосредоточенно заводить, а Адам, сведя брови, ещё с минуту посидел перед ней.

Гэнси присоединился к Ронану прямо перед деревом. С такого расстояния тьма беззвучно гудела. Ронан обратился к дереву на латыни. Никакого внятного ответа.

— Кажется, у него нет голоса, — сказала Аврора. — Оно кажется странным. Я возвращаюсь к нему постоянно, даже если не собираюсь.

— Оно напоминает мне Ноа, — произнесла Блу. — Разлагается.

Её голос был настолько подавленным, что Гэнси вдруг поразился тому, что он и Блу упускали, храня свои отношения в тайне. Блу для других излучала экстрасенсорную энергию, но через прикосновения она получала её обратно. Она всегда обнимала свою мать или держала за руку Ноа, или сцепляла свой локоть с локтем Адама, или ставила ступни на ноги Ронана, когда они сидели на диване. Трогала шею Гэнси между волосами и воротником. Это беспокойство в её голосе требовало переплетения пальцев, рук на плечах, щеки, прижатой к груди.

Но поскольку Гэнси был слишком труслив, чтобы рассказать Адаму о своей влюблённости, она должна была стоять там, самостоятельно справляясь с печалью.

Аврора взяла Блу за руку.

Стыд, чёрный, словно сок этого дерева, заполнил Гэнси.

Вот как ты на самом деле желаешь провести остаток отведённого тебе времени?

Внезапное движение между деревьями привлекло внимание Гэнси.

— Ох, — послышалось от Блу.

Три фигуры. Знакомые, неправдоподобные.

Три женщины с лицом Блу... вроде. Это было не совсем то лицо Блу, которое каждый мог припомнить. Наверное, эта разница между ними могла бы быть не так очевидна, если бы самой Блу там не было. Она была реальностью, они были сном.

Они и приближались так, как обычно во сне. Шли? Гэнси не смог бы вспомнить, даже несмотря на то, что наблюдал за происходящим. Они оказались ближе. Вот всё, что он знал. Руки подняты по обеим сторонам от их лиц, ладони красные.

— Дайте дорогу, — произнесли они одновременно.

Взгляд Ронана метнулся к Гэнси.

— Дайте дорогу Королю-Ворону, — сказали они.

Девочка-Сиротка заплакала.

Гэнси тихо спросил:

— Энергетический пузырь пытается нам что-то сказать?

Они приближались. Их тени были чёрными, и папоротники под ними умирали.

— Это кошмар, — сказал Адам. Его правая рука держала запястье левой, большой палец считывал пульс. — Мой. Я не собирался о них думать. Энергетический пузырь, убери их.

Тени простирались до черноты на дереве, источника чёрного сока, доказывая их происхождение. Тьма запузырилась на дереве немного быстрее, ветка над ними застонала.

— Дайте дорогу, — сказали они.

— Уберите их, — зарыдала Девочка-Сиротка.

— Энергетический пузырь, *dissolvere*¹, — произнёс Ронан. Аврора сделала шаг, встав перед ним, будто хотела защитить сына. Сейчас в ней не было ничего неопределённого.

Три женщины подошли ближе. И снова Гэнси упустил, как они это сделали. Были далеко, стали близко. Теперь он ощутил запах гниения. Не чересчур сладкого разложения растений или еды, а мускусного ужаса плоти.

¹ (лат.) Убери

Блу резко дёрнулась в сторону от них. Гэнси решил, что это был страх, но она только рванула к нему. И схватила его за руку.

— Да, — подтвердил Адам, поняв, что она делает, раньше Гэнси. — Гэнси, скажи это.

«Скажи это». Они хотели, чтобы он велел женщинам уйти. Действительно велел. В пещере костей Гэнси приказал костям пробудиться, и кости пробудились. Он использовал энергию Блу и своё собственное намерение произнести команду, которая должна быть услышана. Но Гэнси не понимал, почему это сработало, не понимал, почему именно он, не знал, как Адам, Ронан или Блу справлялись со своими магическими способностями, потому что он точно не мог.

— Дайте дорогу Королю-Ворону, — снова повторили женщины. И теперь они оказались напротив Гэнси. Три лже-Блу стояли лицом к лицу с Блу и Гэнси.

К большому удивлению Гэнси, Блу раскрыла раскладной нож в свободной руке. Он не сомневался, что она бы его использовала: в конце концов, она же порезала Адама однажды. Хотя у него было множество сомнений относительно того, что нож был бы эффективен против трёх кошмаров, стоящих перед ними.

Гэнси посмотрел в их чёрные глаза. Он вложил уверенность в свой голос и велел:

— Энергетический пузырь, стань безопасным.

Три женщины рассыпались дождём.

Они брызгами упали на одежду Блу, на плечи Гэнси, а затем водой исчезли в земле. Блу негромко выдохнула в тон произошедшему, тяжело опустив плечи.

Слова Гэнси сработали ещё раз, а он не узнал даже чуточку больше о том, зачем и как он мог использовать свою способность. Глендовер управлял погодой при помощи своих слов и разговаривал с птицами. Гэнси цеплялся за вероятность, что его король, когда будет найден и разбужен, объяснит Гэнси тонкости Гэнси.

— Простите, — сказал Адам. — Глупо с моей стороны. Я был неосторожен. И это дерево... Думаю, оно всё усиливает.

— Я тоже могу всё усиливать, — ответила Блу. Она пристально смотрела на капли воды на плечах Гэнси. Её выражение лица было таким ошеломлённым, что он сам взглянул на свой свитер, чтобы убедиться, что брызги не проели дыры на ткани. — Можем мы... можем мы теперь убраться отсюда?

— Думаю, это разумно, — сообщила Аврора. Она не казалась особо обеспокоенной, просто практичной, и Гэнси на ум пришло, что для грёз, наверное, кошмары были просто неприятным знакомством, а не чем-то сверхъестественным.

— Тебе надо держаться от этого всего подальше, — посоветовал Ронан матери.

— Оно находит меня, — ответила она.

— *Opera pretium est*¹, — сказала Девочка-Сиротка.

— Не будь извращенкой, — обратился к ней Ронан. — Мы больше не во сне. По-английски.

Тем не менее, она не перевела, и Аврора дотянулась погладить её по покрытой кипой голове.

— Она будет моей маленькой помощницей. Пойдёмте, я выведу вас отсюда.

На краю леса Аврора направилась с ними к внедорожнику. Он стоял за пределами леса, но она никогда тут же не засыпала. В отличие от нагретых созданий Кавински, которые заснули в мгновение ока после его смерти, жене Наила Линча всегда удавалось недолго существовать самостоятельно. Она бодрствовала на протяжении трёх дней после его смерти. Однажды она час оставалась в сознании за пределами Энергетического пузыря. Но, в конечном счёте, грёзам нужен грезящий.

Так что сейчас Аврора вела их к внедорожнику, на удалении от Энергетического пузыря выглядя даже больше похожей на сон, видение, странствующее по жизни наяву, одетое в цветы и свет.

¹ (лат.) Такова цена

— Поэтому вы все в ванной? — поинтересовалась Блу.

— Не будь такой язвительной, — ответила Мора. — Мы пытались выйти на контакт с Персефоной. И нет, прежде чем ты спросишь, это не сработало. И пока мы обсуждаем неразумные вещи, которые ты творишь, где именно ты пропадала? Отстранение — это не каникулы.

Блу ощерилась.

— Я была не на каникулах! Ронан нагрезил своего внутреннего ребёнка или что-то наподобие, и мы должны были отвезти её к его матери. Пока мы были там, видели трёх женщин с той драпировки, о которой я вам рассказывала, и дерево, которое выглядело испорченным, и Гэнси мог очень легко умереть, и я была бы прямо рядом с ним!

Женщины её жалели, что бесило Блу ещё больше.

Она сказала:

— Я хочу его предупредить.

Молчание.

Она не знала, что собиралась это сказать, пока оно не сорвалось с губ, но теперь уже сказала. Она заполнила тишину.

— Знаю, ты говорила раньше, что такое знание только разрушит чью-либо жизнь, а не спасёт. Я понимаю. Но это другое. Мы собираемся найти Глендовера и попросить его спасти жизнь Гэнси. Так что нам нужно, чтобы Гэнси до тех пор был жив. А это значит, он должен прекратить штурмовать опасности!

В тот момент её слабая надежда не смогла бы выдержать ещё больше жалости, но, к счастью, она получила не жалость. Женщины обменивались взглядами, раздумывая. Трудно сказать, принимали ли они решения, основываясь на обычных средствах или на экстрасенсорных.

Затем Мора пожала плечами.

— Ладно.

— Ладно?

— Конечно, ладно, — согласилась Мора. Она ещё раз взглянула на Кайлу для подтверждения, Кайла приподняла брови. — Расскажи ему.

— Правда?

Должно быть, Блу ожидала, что они будут противиться сильнее, потому что, когда этого не произошло, она почувствовала, будто из-под неё выбили стул. Одно дело — сообщить им, что она собирается рассказать Гэнси, что тот умрёт. Другое дело — представить, как рассказать ему это. Нельзя будет отменить то, что будет сделано. Блу зажмурилась — будь благоразумной, соберись — и открыла глаза.

Мать смотрела на дочь. Дочь смотрела на мать. Мора сказала:

— Блу.

Блу позволила себе сдуться.

Джими погасила свечу, которую держала, и поставила её рядом с унитазом. Затем обняла Блу за бёдра и притянула к себе на колени, как делала, когда та была маленькой. Ну, Блу всё ещё оставалась маленькой. Унитаз под ними застонал.

— Ты раздавишь унитаз, — заметила Блу, но дала возможность Джими окутать её руками и прижать к пышной груди. Она с дрожью вдохнула, когда Джими потёрла ей спину, хмыкнув сама себе. Блу не могла понять, как этот детский комфорт был одновременно и успокаивающим, и удушливым. Она была и рада ему, и желала оказаться в любом другом месте с меньшим количеством нитей, связывающих её с каждой трудностью или печалью в её жизни.

— Блу, ты ведь знаешь, это неплохо, если ты хочешь уехать из Генриетты? — спросила её мама из ванной. Это было настолько именно то, о чём думала Блу, что она не смогла бы сказать, Мора подняла этот вопрос, потому что была хорошим экстрасенсом или всего лишь потому что хорошо её знала.

Блу пожала плечами вплотную к Джими.

— Фу.

— Уехать — не всегда убежать, — объяснила Джими, её голос был глубоким и грохочущим в груди у уха Блу.

Кайла добавила:

— Мы не станем думать, что ты ненавидишь Фокс Вей.

— Я совсем не ненавижу Фокс Вей.

Мора отбросила руку Орлы, Орла попыталась заплести влажные волосы Мора.

— Знаю. Потому что мы клёвые. Но разница между хорошим домом и хорошей тюрьмой в действительности мала. Мы выбрали Фокс Вей. Мы создали этот дом, Кайла, Персефона и я. Но это только твоя исходная точка, не финальный пункт назначения.

Мудрость Мора по каким-то причинам сделала Блу вконец недовольной.

— Скажи что-нибудь, — попросила Орла.

Блу точно не знала, как это описать, она точно не знала, чем это было.

— Просто... это ощущается будто потеря. Влюбляться в них во всех. — «В них во всех» реально означало их всех: Фокс Вей 300, парней, Джесси Диттли. Как разумный человек, Блу думала, что, может быть, у неё проблема с любовью. С угрозой в голосе она добавила: — Не говорите «это хороший жизненный опыт». Не надо.

— Я любила многих людей, — сказала Орла. — Я бы сказала, это хороший жизненный опыт. В любом случае, я говорила тебе давным-давно, что те парни оставят тебя позади.

— Орла, — рывкнула Кайла, так как следующий вдох Блу был немного не ровным. — Иногда меня ставит в тупик мысль: что ты, должно быть, говоришь своим бедным клиентам по телефону.

— Плевать, — выдала Орла.

Мора бросила на Орлу мрачный взгляд через плечо, а затем произнесла:

— Я не собиралась говорить «хороший жизненный опыт». Я хотела сказать, что иногда отъезд помогает. И это не всегда окончательное прощание. Бывают отъезды и возвращения.

Джими закачала Блу. Крышка унитаза заскрипела.

— Не думаю, что смогу пойти в любой из колледжей, в которые хочу, — сказала Блу. — Школьный консультант так не думает.

— А что ты хочешь? — спросила Мора. — Не от колледжа. От жизни.

Блу сглотнула правду, потому что была готова перейти от драмы и рыданий к решениям и стабильности. Потом она поделилась правдой медленно и аккуратно, чтобы той можно было управлять.

— То, что всегда хотела. Посмотреть мир. Сделать его лучше.

Мора, казалось, тоже осторожно подбирала слова:

— Ты уверена, что колледж — единственный путь для этого?

Это был своего рода невозможный ответ, который бы дал школьный консультант после того, как взглянул бы на её финансовую и академическую ситуацию. Да, она была уверена. Как ещё она могла бы изменить мир к лучшему, не узнав сначала, как это делать? Как бы она могла получить работу, которая бы оплатила её пребывание на Гаити, в Индии или Словакии, если она не пойдёт в колледж?

Тут она вспомнила, что её спрашивает не школьный консультант, это была её ясновидящая мать.

— Что я делаю? — хитро поинтересовалась Блу. — Чем, как вы видела, я занята?

— Путешествуешь, — ответила Мора. — Меняешь мир.

— Деревья в твоих глазах, — мягче, чем обычно, добавила Кайла. — Звёзды в твоём сердце.

— Как? — не унималась Блу.

Мора вздохнула.

— Гэнси ведь предлагал тебе помощь?

Это было предположение, не требующее экстрасенсорных способностей, лишь минимального знания особенностей характера Гэнси. Блу сердито попыталась встать, Джими ей не позволила.

— Я не собираюсь ездить на благотворительном поезде Гэнси.

— Не будь такой, — сказала Кайла.

— Какой?

— Резкой, — рассудила Мора, а потом добавила: — Я только хочу, чтобы ты взглянула на своё будущее как на мир, где всё возможно.

Блу парировала:

— Где Гэнси не умрёт до апреля? Где я не убью поцелуем свою настоящую любовь? Всё это возможно?

Её мама была тиха долгую минуту, в течение которой Блу осознала, что наивно стремилась услышать, как Мора скажет, что оба эти предсказания могли быть ошибкой, и что с Гэнси всё будет в порядке. Но, наконец, её мать просто ответила:

— Будет жизнь после его смерти. Ты должна думать о том, что будешь делать после.

Блу думала о том, что она будет делать после, вот почему, в первую очередь, у неё случился кризис.

— В любом случае, я не стану его целовать, так что он уйдёт не поэтому.

— Я не верю в идею настоящей любви, — заметила Орла. — Это концепция моногамного общества. Мы животные. Мы занимаемся любовью в кустах.

— Спасибо за твой вклад, — произнесла Кайла. — Давайте дадим предсказанию Блу название и сообщим ему.

— Ты любишь его? — полюбопытствовала Мора.

— Я бы предпочла не любить, — ответила Блу.

— У него множество отрицательных качеств, я могу помочь тебе на них сосредоточиться, — предложила её мама.

— Я уже о них знаю. Безгранично. В любом случае, это глупо. Настоящая любовь — это конструкция. Артемус был твоей настоящей любовью? А мистер Грей сейчас она? И это делает вторую не настоящей? Есть всего одна попытка, а потом всё?

Последний вопрос был задан с наибольшим легкомыслием, чем все остальные, но только потому, что он сильнее всего ранил. Если Блу и близко не стояла с готовностью принять смерть Гэнси, то она безусловно не стояла близко с готовностью принять мысль о том, что он достаточно долго мёртв, и она, пританцовывая, строит отношения с кем-то, кого ещё даже не встретила. Она просто хотела всегда оставаться с Гэнси лучшими друзьями и, может быть, однажды узнать его с чувственной стороны. Это казалось очень разумным желанием, и Блу, как человек, пытающийся быть разумным всю свою жизнь, чувствовала себя чертовски обиженной из-за того, что в этой мелочи ей отказывают.

— И как мама, — сказала Мора, — и как экстрасенс, я не знаю ответов на эти вопросы. Хотела бы знать.

— Бедная детка, — пробормотала Джими в волосы Блу. — Ммм, я так рада, что ты никогда не станешь выше.

— Чтобы рыдать вслух, — закончила Блу.

Кайла поднялась, ухватившись за держатель для душа для баланса. Вода под ней заволновалась. Она выругалась. Орла уклонилась от воды, стекающей с блузки Кайлы.

Кайла предложила:

— Хватит совместных рыданий. Давайте испечём пирог.

Глава 10

На расстоянии пятисот миль Ламоньер курил сигарету в главной комнате старой паромной гавани. Комната была неприглядной и практичной: грязные стеклянные окна,

установленные в сыром металле, всё такое же равнодушное, как чёрная гавань и как рыбный запах. Украшения ко дню рождения остались от предыдущего праздника, но годы и тусклое освещение делали их бесцветными, смутно зловещими, когда они грохотали на сквозняке.

Глаза Ламоньера смотрели на далёкие огни Бостона на горизонте. Но мысли Ламоньера находились в Генриетте, в Вирджинии.

— Первое действие? — спросил Ламоньер.

— Не знаю, пункт плана ли это, — ответил Ламоньер.

— Мне нужны некоторые ответы, — сказал Ламоньер.

Тройняшки Ламоньеры были по большей части идентичны. Существовали незначительные различия: например, у одного волосы были короче, а у другого — заметно шире челюсть. Но какие бы индивидуальные особенности они с виду не имели, они разрушили их пожизненной практикой использования лишь фамилии. Посторонний бы понял, что говорит не с тем же человеком, с которым беседовал в его предыдущий визит, но братья именовались одним и тем же именем, так что он относился бы к ним, как к одной и той же персоне. В действительности не существовало тройняшек Ламоньеров. Был только один Ламоньер.

Ламоньер сомневался.

— Как ты собираешься получить эти ответы?

— Один из нас направляется туда, — произнёс Ламоньер, — и выведывает их у него.

«Туда» означало в Бэк Бэй, дом их старого соперника Колина Гринмантла, а «выведывать» означало сделать тому что-нибудь неприятное в ответ на половину десятилетия обид. Ламоньеры были в торговле магическими артефактами столько, сколько жили в Бостоне, и у них была слабая конкуренция, пока не явился стильный выскочка Гринмантл. Продавцы были жадными. Артефакты — дорогими. Наёмная сила стала необходимой. Ламоньер чувствовал, что Колин Гринмантл и его жена Пайпер посмотрели слишком много фильмов про мафию.

Теперь однако Колин выказал некоторую слабость, отступив со своей давно лелеянной территории Генриетты. Один. Признаков Пайпер не наблюдалось.

Ламоньер хотел знать, что это значило.

— Я не против, — сказал Ламоньер, выдохнув облако сигаретного дыма в закрытой комнате. Его упорство в курении лишило возможности бросить двух других, это оправдание ценили все.

— Ну, я против, — ответил Ламоньер. — Не хочу создавать бардак. И тот его наёмник жуткий.

Ламоньер стряхнул пепел с сигареты и посмотрел вверх на бахрому так, будто поджигал её воображением.

— Говорят, Серый Человек на него больше не работает. И мы вполне способны быть благоразумными.

Ламоньеры имели общие имя и цели, но не методы. Один из них склонялся к осторожности, а другой — к огню, оставляя последнему роль миротворца и адвоката дьявола.

— Несомненно, существует и другой способ разузнать о... — начал Ламоньер.

— Не называй имя, — одновременно прервали его двое других.

Ламоньер поджал губы. Это был драматический жест, так как у всех братьев была довольно обширная зона рта, у одного он получался вроде как симпатичным, у другого — вроде как неприличным.

— Итак, мы направимся туда поговорить... — снова начал Ламоньер.

— Поговорить, — фыркнул Ламоньер, играя с зажигалкой.

— Прекрати, пожалуйста. Ты похож на хулигана-школьника. — Этот Ламоньер сохранял свой акцент, чтобы использовать его в подобных ситуациях. Тот добавлял веса его высокомерию.

— Адвокат говорит, я не должен совершать никаких проступков ещё, как минимум, месяцев шесть, — жалостно сообщил Ламоньер. Он затушил свою сигарету.

Ламоньер тихо жужжал.

Хотя это произвольное жужжание сбило с толку любого из братьев, возник дополнительный расплывающийся дискомфорт, который тут же охладил атмосферу.

Остальные двое подозрительно рассматривали друг друга, опасаясь не друг друга, а всего, что не было друг другом. Они проверили жужжащего брата на симптомы медицинского недуга, а затем на признаки древнего амулета, украденного из французской гробницы, таинственного браслета, тенью образом приобретённого в Чили, зловещей пряжки ремня, похищенной из Монголии, или загадочного шарфа, изготовленного из перуанского савана. Всего, что могло бы иметь сверхъестественные побочные эффекты.

Они ничего не обнаружили, но жужжание не останавливалось, так что они методично обыскивали комнату, шаря руками под стульями и вдоль выступов, время от времени поглядывая друг на друга, чтобы убедиться, что в комнате находится всё ещё только один жужжащий Ламоньер. Если дело в недоброжелателе, то Гринмантл был наиболее вероятным кандидатом. Конечно, у них имелись и другие враги, но Гринмантл ближе всех к дому. Во всех отношениях.

Ламоньер не нашёл ничего сверхъестественного, только припрятанный запас сушёных божьих коровок.

— Привет. Это я.

Ламоньер обернулся к гудящему брату, который прекратил гудеть и выронил сигарету. Та беспомощно светилась на спрессованном металлическом полу. Он хмуро смотрел вдаль каким-то задумчивым способом, что шло вразрез с его обычной сущностью.

— Это был он? — спросил Ламоньер.

Ламоньер нахмурился.

— Это ведь был не его голос?

Брат, жужжащий ранее, спросил:

— Вы меня слышите? Я в этом новичок.

Это был точно не его голос. И это точно было не его выражение лица. Брови сдвинулись так, как, конечно, были способны, но их никогда не просили. Это делало его моложе и напряжённее.

Ламоньеры совместно мимолётно почувствовали возможное узнавание.

— Кто это? — потребовал Ламоньер.

— Пайпер.

Это имя оказало немедленный эффект на подсознание Ламоньеров: гнев, предательство, шок и затем снова по кругу гнев и предательство. Пайпер Гринмантл. Жена Колина. Её имя не было произнесено во время разговора ранее, и всё же она в беседу проникла.

Ламоньер воскликнул:

— Пайпер! Как это Пайпер? Вылези из него.

— О, так вот как это работает? — с любопытством поинтересовалась Пайпер. — Это жутко? Одержимофон?

— Это ты, — озадаченно сказал Ламоньер.

— Привет, папа, — заявила Пайпер.

Несмотря на прошедшие годы, Ламоньер до сих пор очень хорошо знал манеры своей дочери.

Ламоньер выдал:

— Не могу поверить. Чего ты хочешь? Как там сейчас твой говнюк-муженёк?

— Он в Бостоне без меня, — ответила Пайпер. — Возможно.

— Я просто спросил, чтобы посмотреть, что ты скажешь, — сообщил Ламоньер. — Я уже это знал.

Пайпер произнесла:

— Ты был прав, я ошиблась. Больше не хочу ссориться.

Ламоньер, который потушил свою сигарету, слегка сентиментально промокнул глаза.

Ламоньер, который так и не переставал курить, рявкнул:

— Десять лет, и теперь ты «больше не хочешь ссориться»?

— Жизнь коротка. Я бы хотела заняться бизнесом с вами.

— Позволь убедиться, что я верно расставил факты. Ты чуть не отправила нас в тюрьму в прошлом году. Твой муж убил поставщика некоего артефакта, которого не существует. Ты сделала нас одержимыми. И ты хочешь заняться бизнесом с нами? Звучит непохоже на милую маленькую жёнушку Колина Гринмантла.

— Нет, конечно, непохоже. Вот почему я звоню. Я начинаю всё с чистого листа.

— И к какому дереву прикреплен этот лист? — подозрительно спросил Ламоньер.

— К одному заманчивому дереву со сверхъестественными корнями, — ответила Пайпер. — У меня тут есть кое-что удивительное. Огромное. Сделка всей жизни. Целого века. Вы нужны мне, чтобы выдернуть все концы, заставить всех здесь поторговаться. Будет круто.

Ламоньер выглядел обнадёженным.

— Мы...

Единственный Ламоньер, который всё ещё курил, перебил:

— После августа? Не думаю, что ты так запросто можешь ожидать, что мы махнём в это дело. Назови меня сумасшедшим, любовь моя, но я тебе не доверяю.

— У тебя будет только моё честное слово.

— Это наименее дорогое из всего, что ты могла бы предложить, — прохладно возразил Ламоньер. Он передал сигарету другому брату, так что теперь смог залезть под пиджак и воротник свитера за чётками. — Ты сильно обесценила своё слово за последние десять лет.

— Ты худший отец, — огрызнулась Пайпер.

— Справедливости ради, ты худшая дочь.

Он прижал чётки к голове жужжащего ранее брата. В ту же секунду тот сплюнул кровь и упал на колени, к нему вновь вернулось его собственное выражение лица.

— Вот, — произнёс Ламоньер, — как я и подозревал.

— Не могу поверить, что ты повесил трубку до того, как я смог попрощаться, — уязвлённо возмутился Ламоньер.

— Думаю, я только что был одержим, — сказал Ламоньер. — Ребята, вы видели что-нибудь?

Глава 11

А в Генриетте продолжалась ночь.

Ричарду Гэнси не спалось. Когда он закрывал глаза, перед ними возникали руки Блу, его голос, чёрная кровь дерева. Это начало, начало. Нет. Это конец. Его конец. Панорама его личного апокалипсиса. То, что было волнительным, когда он бодрствовал, переплавлялось в страх, когда он уставал.

Он открыл глаза.

Отворил дверь Ронана, лишь чтобы убедиться, что Ронан внутри, спит с приоткрытым ртом, орущими наушниками. Чейнсо безмолвно сжалась в комок в клетке. Оставив его, Гэнси поехал в школу.

Он воспользовался своим старым электронным ключом, чтобы попасть в крытый спортивный комплекс Аглионбая, затем разделся и поплыл в тёмном бассейне в ещё более тёмном помещении, все звуки в ночи казались странными и гулкими. Он нарезал бесконечные круги, как делал обычно, когда только пришёл в эту школу, когда входил в команду по гребле, когда временами приходил даже раньше, чем начинались занятия по плаванию у гребцов. Он почти забыл как это, чувствовать себя в воде: будто его тела не существовало, он был просто безграничным разумом. Оттолкнувшись от едва заметного бортика, он направился к ещё менее заметному противоположному, не способный больше держаться за свои сгущающиеся проблемы. Школа, директор Чайлд, даже Глендовер. Он был только текущей минутой. Почему он бросил этим заниматься? Теперь не мог вспомнить даже этого.

Сейчас в тёмной воде был только Гэнси. Он никогда не умирал и не собирается умирать снова. Просто Гэнси сейчас, сейчас, только сейчас.

Гэнси не видел, но Ноа стоял на краю бассейна и наблюдал. Он и сам был пловцом когда-то...

Адам Пэрриш работал. У него была поздняя смена на складе этим вечером, разгружал банки, дешёвую электронику и паззлы. Иногда, когда он допоздна работал, как сейчас, когда он уставал, его разум возвращался к прежней жизни в трейлерном парке. Не из-за страха, не из-за ностальгии, просто по рассеянности. Он почему-то не припоминал, что всё изменилось, и вздыхал, когда представлял, как будет возвращаться после смены в трейлер. Потом с немалым удивлением до сознания, наконец, доходила реальность его жилья над церковью Святой Агнессы.

Сегодня память в очередной раз сыграла с ним злую шутку, и сердце ёкнуло, когда пришло осознание, что жизнь стала лучше, и пока сквозь него просачивалось облегчение, он вспомнил напуганное лицо Девочки-Сиротки. Судя по всему, грёзы Ронана часто были пугающими, и, в отличие от Ронана, у неё не было надежды на пробуждение. Когда он принёс её в реальный мир, она, должно быть, думала, что тоже пробилась в новую жизнь. А вместо этого они просто перевезли её в другой кошмар.

Он уверял себя, что она нереальная.

Но его грызло чувство вины.

Он думал о том, как сегодня вечером возвратится в дом, который создал себе сам. Девочка-Сиротка же останется запертой в пространстве грёз с его старыми часами и его старым страхом.

Когда он подхватил планшет с учётной ведомостью, мысли об Энергетическом пузыре изводили его, напоминая, что ему всё ещё нужно обдумать вопрос о происхождении почерневшего дерева. Когда он отмечался в книге ухода с работы, на него давил Аглионбай, напоминая, что у него всё ещё имеются три страницы текста по экономике тридцатых годов, которые нужно прочесть перед сном. Когда он залез в машину, двигатель завыл, напоминая, что на него следует взглянуть прежде, чем он окончательно выйдет из строя.

У него не было времени, которое можно было бы посвятить нагретой Ронаном оборванке, у него были собственные проблемы.

Но он не мог перестать о ней думать.

Мысли фокусировались, пока пальцы скользили по рулю перед ним. Ему потребовалась минута, чтобы осознать, что происходит, даже при том, что он смотрел прямо туда. Его рука быстро переместилась на верхнюю часть руля, чувствуя край, проверяя каждую подушечку пальца нажатием на поверхность.

Адам не приказывал руке двигаться.

Он сжал эту ладонь в кулак и убрал её с руля. А запястье обхватил другой рукой.

Энергетический пузырь?

Но Энергетический пузырь, казалось, присутствовал в нём не больше, чем обычно, когда не пытался привлечь внимание. Адам изучал свою ладонь в отвратительном уличном освещении, дезориентированный видом пальцев, бегающих, словно лапки насекомых, без связи с мозгом. Сейчас же, когда он смотрел на свою обычную руку, заметил, что линии потемнели от картонной пыли и металлической крошки, было похоже, что ему просто показалось. Будто Энергетический пузырь мог послать ему изображение.

Против воли он вспомнил слова договора, который заключил с лесом: «Я буду твоими руками. Я буду твоими глазами».

Он снова поместил руку на центр рулевого колеса. Она смотрелась странно с бледной полоской кожи на месте, где находились часы. Рука не двигалась.

«Энергетический пузырь?» — снова подумал он.

Сонные листья раскручивались в его мыслях, лес ночью был холоден и замедлен. Рука находилась там, куда он её положил. Сердце по-прежнему предостерегало внутри, впрочем, как и вид пальцев,двигающихся по собственному желанию.

Он не знал, реально ли это. «Реально» становилось неизменно всё менее пригодным термином.

А на Монмаут Ронан Линч видел сон.

Сон был воспоминанием. По-летнему зелёный Барнс, сочный и неопрятный, с насекомыми и влагой. Вода фонтаном била из разбрызгивателя, установленного в траве. Меттью бежал сквозь него в плавках. Юный. Пухленький. Кудри выгорели на солнце. Он смеялся заразительно, с переливами. Спустя секунду другой паренёк помчался вслед за ним, без колебаний его сбив. Оба мальчишки покатались по земле, покрываясь мокрой травой.

Этот другой паренёк встал. Он был выше, гибче, сдержаннее. Его волосы оказались длиннее, темнее и кудрявее, почти до подбородка.

Это был Ронан-до.

Здесь был третий мальчик, он аккуратно перепрыгнул разбрызгиватель. «Джек был ловок, Джек был быстр»¹.

— Ха, а ты думал, я не стану, — сказал Гэнси, положив ладони на свои голые колени.

— Гэнси! — Это Аврора, уже смеясь, позвала его по имени. Таким же смехом, как и у Меттью. Она направила разбрызгиватель прямо на него, тут же его намочив.

Ронан-до рассматривал Ронана-после.

Он почувствовал тот момент, когда осознал, что видит сон — он слышал, как электронная музыка пульсирует в ушах – и он знал, что может себя разбудить. Но это воспоминание, это идеальное воспоминание... Он стал этим Ронаном-до, или Ронан-до стал Ронаном-после.

Солнце становилось всё ярче. Ярче.

Ярче.

Это был раскалённый фотоэлемент. Мир выжигало на свет и тень, и ничего между. Гэнси прикрыл глаза. Кто-то вышел из дома.

Деклан. Что-то в его руках. Чёрное в этом бьющем в глаза свете.

Маска.

Круглые глаза, зияющая улыбка.

Ронан ничего не помнил о маске, кроме ужаса. Что-то в ней было жутким, но сейчас он не мог припомнить что именно. Каждая мысль в нём выгорала в этих ядерных отходах памяти.

¹ Jack be nimble,
Jack be quick,
Jack jump over
The candlestick.
(английская детская считалочка)

Старший Линч вышагивал целенаправленно, ботинками растапывая промокший газон.

Сон содрогнулся.

Деклан побежал прямо на Меттью.

— Девочка-Сиротка! — закричал Ронан, вскакивая на ноги. — Энергетический пузырь! *Tir e e'lintes curralo!*

Сон снова содрогнулся. Видение леса наложилось на всё это, кадр незаметно проскользнул в видеоролик.

Ронан бросился через нездоровую белую лужайку.

Деклан дотянулся до Меттью первым. Младший Линч доверчиво запрокинул голову в его сторону, и это был кошмар.

— Вырасти, засранец, — сказал Деклан Ронану. Он впечатал маску в лицо Меттью.

Это был ночной кошмар.

Ронан отшвырнул Делана от Меттью; сон снова колыхнулся. В руках Ронана оказалась знакомая фигура младшего брата, но было слишком поздно. Первобытная маска без труда стала частью лица Меттью.

Ворон пролетел над головами и исчез посреди неба.

— Всё будет в порядке, — сказал Ронан брату. — Ты можешь жить вот так. Ты можешь просто никогда её не снимать.

Глаза Меттью бесстрашно глядели из глазниц. Это ночной кошмар. Это кошмар. Это...

Деклан сорвал маску.

Дерево за ним засочилось чёрным.

Лицо Меттью оказалось расчерченным линиями и пунктиром. Не кровавым, не внушающим ужас; это просто было не лицо, и потому оно было страшным. Он стал не человеком, он стал чем-то нарисованным.

Грудь Ронана сотрясали тихие, безмолвные рыдания. Таким образом он не плакал уже так долго...

Сон содрогнулся. И теперь не только Меттью рассыпался в прах, всё рушилось. Руки Авроры указывали друг на друга, все пальцы загнуты к груди – разорванные линии. Позади них Гэнси стоял на коленях с мёртвыми глазами.

Горло Ронана саднило:

— Я сделаю что угодно! Я сделаю что угодно! Я сделаю...

Уничтожалось всё, что Ронан любил.

— Пожалуйста.

В общежитии Аглионбая проснулся Меттью Линч. Потянувшись, он ударился головой о стену, посреди ночи он подкатился к ней вплотную. В тот момент, когда его сосед по комнате Стефан Ли издал звук нелепого разочарования, Меттью понял, что проснулся из-за звонящего телефона.

Он нашарил трубку и поднёс к уху.

— Да?

Ответа не последовало. Он моргнул и посмотрел на экран, чтобы понять, кто звонит, потом снова приложил телефон к уху. И сонно прошептал:

— Ронан?

— Ты где? В своей комнате?

— Ну.

— Я серьёзно.

— Тут.

— Меттью.

— Да, да, я в своей комнате. Стефан Ли ненавидит тебя. Сейчас два ночи или около того. Чего тебе?

Ронан не ответил сразу. Меттью его не видел, а он свернулся на своей кровати на Монмаут, прислонившись лбом к коленям, одной рукой крепко сжав затылок, прижимая телефон к уху.

— Только узнать, что ты в порядке.

— Я в порядке.

— Тогда иди спать.

— И так всё ещё сплю.

Братся разъединились.

За пределами Генриетты что-то тёмное, прильнув к энергетической линии, наблюдало за всеми событиями, происходящими в ночной Генриетте, и говорило: «Я просыпаюсь, я просыпаюсь, я просыпаюсь».

Глава 12

Следующее утро было чересчур ярким и чересчур жарким.

Гэнси и Адам стояли у двойных дверей Мемориального Театра Мастера Глэдис Френкайн Моллин, аккуратно сложив руки. Они были назначены церемониймейстерами... На самом деле, только Адама назначили, а Гэнси добровольно вызвался считаться вторым церемониймейстером. Ронан был вне поля зрения. Внутри Гэнси медленно закипала досада.

— День Ворона, — начал директор Чайлд, — это больше чем день гордости за школу. Потому что разве мы не гордимся школой ежедневно?

Он стоял на сцене. Все немного вспотели, но не он. Он был поджарым, суровым пастухом при перегоне скота, и этот перегон являлся жизнью, кожа изборождённая, будто обесцвеченная стена каньона. Гэнси давно утверждал, что Чайлд здесь остаётся непонятым. Поместить такого последнего героя в светло-серый костюм и галстук – всё равно что бросить на ветер возможность вместо этого посадить его в седло из оленьей шкуры и засунуть внутрь широкополой ковбойской шляпы.

Адам бросил на Гэнси понимающий взгляд. Он беззвучно произнёс:

— Йи-хо.

Они ухмыльнулись и отвели глаза друг от друга. Взгляд Гэнси остановился прямо на Генри Ченге и ванкуверской тусовке, они все сидели рядом, поближе к задней стене. Как будто почувствовав его внимание, Генри посмотрел через плечо. Его брови приподнялись. Это неприятно напомнило Гэнси, как Генри увидел Девочку-Сиротку в багажнике внедорожника. Рано или поздно ему потребуется объяснение, отговорка или ложь.

— ...для этого Дня Ворона, — настойчиво продолжал Чайлд.

Обычно День Ворона очаровывал Гэнси. Он состоял полностью из того, что тот любил: студенты стильно собирались в белых футболках и штанах цвета хаки, словно статисты документального фильма времён Первой мировой войны; поднимались флаги; команды сталкивались друг с другом с ликованием; напыщенность, торжественность, шутки, понятные лишь посвящённым; и вороны, изображённые над всем этим. Немало учеников младших классов делали воронов на всём теле, чтобы инсценировать мнимый публичный конфликт, в то время как школьные фотографы запечатлевали сияющие лица для повышения ценности рекламных материалов следующего года.

Сейчас же всё в Гэнси безотлагательно воспевало трату времени, предназначенного для поисков. Его квест был волком, и волк голодал.

— Сегодня десятая годовщина Дня Ворона, — сказал Чайлд. — Десять лет назад эти торжества, которые нас радуют сегодня, предложил студент, занимающийся в Аглионбае долгие годы. К сожалению, Ноа Жерни не может праздновать с нами сегодня, но перед тем, как остальные этим займутся, мы, к счастью, можем позвать сюда одну из

его младших сестёр, чтобы она поведала нам немного о Ноа и о происхождении этого праздника.

Гэнси бы решил, что ослышался, если бы Адам не взглянул на него и не спросил одними губами:

— Ноа?

Да, Ноа, потому что здесь была его сестра, и она сейчас поднималась на сцену. Даже если бы Гэнси не узнал её с похорон, он бы признал миниатюрный рот Ноа, крошечные глаза с жизнерадостными мешками под ними, огромные уши, спрятанные под тонкими волосами. Было необычно видеть черты Ноа в молодой женщине. Ещё необычнее было видеть их в ком-то живом. Она казалась слишком взрослой, чтобы быть младшей сестрой Ноа, но это только потому, что Гэнси забыл, сколько Ноа существовал в подвешенном состоянии. Ему было бы двадцать четыре, если бы спасён был он, а не Гэнси.

Первокурсник сказал что-то, что Гэнси не уловил, и был быстренько выпровожен из театра за свои старания. Сестра Ноа наклонилась к микрофону и произнесла что-то слишком робко, чтобы её услышали, и затем что-то ещё, что было съедено визгом, когда ответственный за звук попытался подогнать громкость. Наконец, она сказала:

— Привет. Я Адель Жерни. У меня на самом деле нет длинной речи. В смысле, я проходила через всё это, когда была вашего возраста, и речи были скучными. Я только хочу сказать несколько слов о Ноа и Дне Ворона. Кто-нибудь из вас, ребята, знал его?

Гэнси и Адам синхронно начали поднимать руки и так же быстро опустили их. Да, они знали его. Нет, они не узнали его. Ноа живой существовал до начала их учёбы здесь. Ноа мёртвый был явлением, а не знакомым.

— Ну, вы многое потеряли, — продолжила она. — Моя мама всегда говорит, будто он был фейерверком, это означало, что он всегда получал штрафы за превышение скорости, прыгал по столам на семейных торжествах и всё такое. У него всегда было так много идей. Он был таким гиперактивным.

Адам и Гэнси смотрели друг на друга. Они постоянно чувствовали, что Ноа, которого они знали, был не настоящим Ноа. Просто понимание того, сколько ноашности забрала себе смерть, приводило в замешательство. Было невозможно не задаться вопросом, что бы с собой сделал Ноа, если бы всё ещё жил.

— В любом случае, я здесь, потому что была фактически первой, с кем он поделился идеей о Дне Ворона. Он позвонил мне однажды вечером. Кажется, мне тогда было четырнадцать. И рассказал, что видел по сне воронов, воинственных и дерущихся. Он говорил, что они все были разных цветов, размеров и форм, и он был внутри них, а они будто бы вращались вокруг него. — Она жестом показала вихрь вокруг себя, у неё были руки Ноа, локти Ноа. — И он сказал: «Думаю, это был бы клёвый арт-проект». А я ответила: «Держу пари, если все в школе сделают такой же, воронов будет достаточно».

Гэнси осознал, что волосы на его руках встали дыбом.

— Так они бы пикировали и носились, и не было бы ничего, кроме воронов, ничего, кроме сна вокруг тебя, — продолжала Адель, только Гэнси не был уверен, сказала ли она это на самом деле, или он неправильно её расслышал и вообще наполовину запомнил её слова. — Как бы то ни было, я знаю, ему бы понравилось, как это выглядит теперь. Так что, хмм, спасибо за память об одном из его сумасшедших снов.

Она уходила со сцены, Адам прикрыл один глаз рукой, раздался почтительный двойной хлопок в ладоши, который попросили исполнить студентов Аглионбая вместо непокорных аплодисментов.

— Вперёд, вороны! — закончил Чайлд.

Это был сигнал для Адама и Гэнси открывать двери. Студенты вывалились наружу. Влажность и свет ввалились внутрь. Директор Чайлд присоединился к ним в дверях.

Он пожал руку Гэнси, а потом и Адама.

— Спасибо за службу, джентльмены. Мистер Гэнси, не думал, что ваша мама сможет объединить такой благотворительный вечер и список гостей к этим выходным, но мы уже почти там. Мой голос для управления страной у неё есть.

Он обменялся с Гэнси своего рода свойскими улыбками, присущими скорее людям, подписавшим совместные юридические документы. И это был бы приятный момент, если бы он на этом и закончился, но Чайлд задержался, вежливо болтая ни о чём с Гэнси и Адамом — самым лучшим и самым ярким соответственно. За семь мучительных минут они проштудировали погоду, планы на День Благодарения, обмен опытом с Колониальным Вильямсбургом, а затем, наконец, измученные, они расстались, когда появились ученики младших классов со своими воинами-воронами.

— Боже правый, — произнёс Гэнси, немного запыхавшись от усилий.

— Я думал, он никогда не уйдёт, — сказал Адам. Он коснулся левого века, сощурился, потом посмотрел мимо Гэнси. — Если... ай. Я сейчас вернусь. Думаю, мне что-то в глаз попало.

Он оставил Гэнси, Гэнси освободил себя на День Ворона. Он оказался у подножия лестницы, где студенты получали воронов. Стая, созданная из бумаги, фольги, дерева, папье-маше и меди. Некоторые вороны плыли, благодаря брюху из воздушного шара с гелием. Некоторые парили. Какие-то шатались на штативах с отдельными прутьями для управления взмахами крыльев.

Ноа это сделал. Ноа видел это во сне.

— Держи, вертел я тут твою птичку, — сказал ученик младших классов, протягивая ему тусклого чёрного ворона, сделанного из газеты, прикреплённой к деревянной раме.

Гэнси шагнул в толпу. Толпу Ноа, Ноа выдавал бы вступление к этой десятой годовщине.

На уровне глаз пейзаж состоял из рук, палок и белых футболок, механизмов и приспособлений. Но если покоситься на слишком яркое небо, то палки и студенты исчезали, а пространство заполняли вороны. Они пикировали и атаковали, ныряли и поднимались, хлопали крыльями и крутились.

Было очень жарко.

Гэнси ощутил, как время ускользало. Совсем немного. Как будто это зрелище было таким странным, словно из его другой жизни, настоящей жизни; эти птицы были родственниками нагретых Ронаном предметов. Казалось несправедливым, что Ноа должен был умереть, а Гэнси нет. Ноа жил, хотя был убит. Гэнси тянул время.

— Какие правила снова в этой битве? — спросил он через плечо.

— На войне нет правил, кроме как остаться в живых.

Гэнси обернулся, крылья захлопали у его лица. Его окружали плечи и спины. Он не мог определить, кто говорил, и даже сейчас, без лица, за которое бы зацепился взгляд, не мог понять, говорил ли кто вообще.

Время тянулось в его душе.

Заиграл оркестр Аглионбая. Самый первый такт был гармоничными зарослями звуков, но один из духовых инструментов первую ноту следующего такта взял очень неправильно. В то же мгновение насекомое прожужжало мимо лица Гэнси, достаточно близко, чтобы он смог это ощутить. Внезапно всё, как по наклонной, пошло не так. Солнце над головой раскалилось добела. Вороны вокруг Гэнси хлопали крыльями, пока он поворачивался в поисках Адама, Чайлда или кого угодно, кто был не просто белой футболкой, рукой, взмахами крыльев. Его взгляд зацепился за собственное запястье. На часах значилось 6:21.

Было жарко, когда он умер.

Он находился в лесу из деревянных палочек и птиц. Заворчали медно-духовые инструменты, закричали флейты. Крылья зажужжали, загудели и затрепетали вокруг него. Он ощутил шершней в ушах.

Но их там не было.

Однако это большое насекомое снова с шумом проносилось мимо него, вокруг него.

Прошли годы с тех пор, как Мэлори был вынужден остановить на полпути их поход, чтобы подождать, когда Гэнси упал на колени, закрыл уши руками, дрожа и умирая.

Он сильно старался, чтобы идти дальше.

«Их нет. Ты на Дне Ворона. Ты собираешься съесть сэндвичи. После школы заведёшь Камаро на парковке. И поедешь на Фокс Вей 300. Ты расскажешь Блу про свой день, расскажешь...»

Насекомые вонзались в нос, осторожно шевелили волосы, сообщая бурлили. Пот стекал прямо по позвоночнику. Музыка переливалась. Студенты становились духами, носились мимо него, вокруг него. Его колени бы подогнулись, он бы им позволил.

Он не мог воссоздать здесь свою смерть. Не сейчас, не когда это будет свежо перед глазами каждого на благотворительном вечере – Гэнси Третий слетел с катушек на Дне Ворона, вы слышали? миссис Гэнси, мы можем поговорить о вашем сыне? – он бы такого не допустил.

Но время ускользало, он ускользал. Сердце гнало чёрную, чёрную кровь.

— Гэнси, чувак.

Гэнси не мог сосредоточиться на словах. Перед ним стоял Генри Ченг, волосы и улыбка, глаза смотрят пристально. Он забрал у Гэнси его ворона и вместо того, сунул что-то в руку. Прохладное, охлаждающее.

— Однажды ты добыл мне кофе, — произнёс Генри, — когда я сходил с ума. Будем считать, мы квиты.

Гэнси держал пластиковый стакан ледяной воды. Она не должна была ничем помочь, но что-то сработало: шокирующая разница температур, привычный звук кубиков льда, стучащих друг по другу, зрительный контакт. Студенты всё ещё кружили вокруг них, но они снова были студентами. Музыка опять стала просто школьным оркестром, играющим новую пьесу невероятно жарким днём.

— А вот и он, — сказал Генри. — Сегодня вечеринка в тогах, Ричард, в особняке Литчфилд. Приводи своих мальчиков и малышку-подружку.

Потом он ушёл, вороны хлопали крыльями на том месте, где он стоял.

Глава 13

Адам думал, что ему что-то попало в глаз. Это началось, ещё когда он стоял в сверхжарком театре. Его мучило не столько раздражение, сколько усталость, словно он слишком долго смотрел на экран. Он мог бы прожить с этим до окончания школьного дня, если бы остался стоять вот так, но его зрительное восприятие слегка размылось. Само по себе это не очень беспокоило, но в сочетании со способностью чувствовать собственный глаз, приводило к желанию осмотреть его.

Вместо того чтобы вернуться в одно из зданий академии, он скользнул вниз по лестнице к боковой двери театра. В пространстве под сценой находились туалетные комнаты. Именно туда он и направился, проходя мимо животных с множеством ног, созданных из сложенных старых стульев, странных силуэтов деревьев из декораций и реквизита и бездонного океана чёрного занавеса, нависшего над всем этим. Коридор был тёмным и тесным, шербатые стены, когда-то выкрашенные зелёной краской, наводили ужас. Схватившись одной рукой за глаз, Адам обнаружил, что тот перекосился и подергивался. Адам снова вспомнил картину своей снующей туда-сюда руки.

Он подумал, что нужно хорошенько поработать с Энергетическим пузырьком и выяснить, что же происходит с тем деревом.

Свет в туалете был выключен. Это вовсе не являлось препятствием – выключатель находился сразу за дверью — но всё же Адаму не очень хотелось погружать свою руку в темноту, чтобы отыскать его. Он стоял там, сердце забилося немного быстрее, и он бросил взгляд назад.

Зал казался неуютным, тёмным и неподвижным в тусклом свете флуоресцентной лампы. Тени были неотделимы от занавеса. Большие полосы черноты касались буквально всего.

«Включи свет», — мысленно заставлял себя Адам.

Свободную руку, не ту, которой он прикрывал глаз, Адам протянул в пространство туалетной комнаты.

Он действовал быстро. Пальцы продавили себе дорогу сквозь холод, сквозь тьму и дотронулись до чего-то...

Нет, это была всего лишь плоть Энергетического пузыря и только в его голове. Размахнувшись, он резко провёл рукой сквозь неё и включил свет.

Туалет был пуст.

Ну конечно, он был пуст. Ну конечно, он был пуст. Ну конечно, он был пуст.

Две старые кабинки из зелёной фанеры были далеки от принципов должной доступности для слабовидящих и от принципов надлежащей гигиены. Писсуар. Раковина с одним жёлтым кольцом вокруг слива. Зеркало.

Адам встал перед стеклом, рука закрывала глаз. Он смотрел на своё изможденное лицо. Его почти бесцветные брови искривились от беспокойства. Опустив руку, он снова посмотрел на себя. И не увидел покраснение вокруг левого глаза. Не было похоже, чтобы глаз слезился. Он будто...

Адам прищурился. Он, что, слегка косит? Так называется, когда глаза смотрят в разные стороны?

Он моргнул.

Нет, всё в порядке. Просто игра холодного зелёного света. Он наклонился ближе, чтобы увидеть, есть ли покраснение в уголке глаза.

Глаз косил.

Адам моргнул, и снова всё в порядке. Он моргнул, и снова глаз косил. Словно один из тех плохих снов что был не совсем ночным кошмаром, это сродни тому, когда пытаешься надеть носки и неожиданно обнаруживаешь, что они не того размера.

Пока он смотрел в зеркало, его левый глаз медленно опустился вниз посмотреть на пол, становясь независимым от правого глаза и того, что тот видел.

Всё перед глазами расплылось, а потом снова сфокусировалось, и его правый глаз принял лидерство на себя. Дыхание Адама было неравномерным. Он уже потерял слух на одно ухо. И не мог потерять зрение на один глаз. Это у него из-за отца? Затяжной эффект после удара по голове?

Глаз медленно раскачивался, как шарик для игры в рулетку, сползающий в склянку с водой. Адам почувствовал ужас в желудке.

В зеркале ему почудилось, что тень одной из кабинок изменилась.

Он обернулся, чтобы посмотреть: ничего. Ничего.

«Энергетический пузырь, ты со мной?»

Он повернулся обратно к зеркалу. Теперь его левый глаз медленно перемещался по кругу, бродя назад и вперёд, вверх и вниз.

У Адама сдавило грудь.

Глаз посмотрел на него.

Адам отшатнулся от зеркала, рукой накрыв глаз. Его плечо врезалось в противоположную стену, и он стоял, хватая ртом воздух. Страшно, страшно, страшно, какую помощь ему попросить и у кого?

Тень над кабинкой изменилась. Она поменяла свою форму, став из квадрата треугольником, потому что... о Боже... дверь одной из кабинок открылась.

Длинный коридор снаружи напоминал галерею ужаса. Чернота выплеснулась из двери кабинки.

Адам произнёс:

— Энергетический пузырь, ты мне нужен.

Тьма растеклась по полу.

Всё, о чём Адам мог думать, что он не может позволить этому его коснуться. Мысль о черноте на его коже была хуже представления, как он лишится глаза.

— Энергетический пузырь. Спаси меня, Энергетический пузырь!

Послышался звук, словно выстрел — Адам уклонился — зеркало раскололось. По ту сторону засияло откуда-то взявшееся солнце. К стеклу, будто это было окно, прижались листья. Лес нашёптывал и шипел в глухое ухо Адама, призывая его помочь найти канал.

В нём запылала благодарность, которую было так же тяжело вынести, как и страх. Хотя если с ним что-то и случится сейчас, то, по крайней мере, он не будет одинок.

«Вода», — требовал Энергетический пузырь. «Водававода».

Подобравшись к раковине, Адам повернул кран. Вода хлынула наружу, с ароматом дождя и камня. Он протянул руку через поток, чтобы заткнуть внизу пробку. Чернильно-чёрной жидкости оставалось проползти всего несколько дюймов до его туфель.

«Не позволяй ему тебя касаться...»

Он вскарабкался на край раковины, когда тьма уже добралась до нижней части стены. Она поднимется выше, Адам это знал. Но вот, наконец, вода заполнила раковину и перелилась через край на пол. Она вылилась на тьму беззвучно, бесцветно, устремляясь к стоку, оставляя после себя только светлый обычный бетон.

Даже после того, как чернота была смыта, Адам позволил воде, которая пропитывала его обувь, литься из раковины ещё одну долгую минуту. Затем соскользнул с края раковины. Он зачерпнул воду в ладони и плеснул пахнущую землёй жидкость себе в лицо, на левый глаз. Снова и снова, снова и снова, снова и снова, пока глаз не перестал чувствовать усталость. Пока он вообще не перестал что-либо ощущать. Когда он посмотрел в зеркало, то снова увидел свой глаз, не более. Только своё лицо. Больше не было никаких признаков солнца или нерадивой радужки. За ресницы Адама цеплялись капли рек Энергетического пузыря. Энергетический пузырь бормотал и стонал, его плети проникали через Адама, свет то вспыхивал, то гас у него под веками, камни давили на ладони.

У Энергетического пузыря ушло много времени, чтобы прийти ему на помощь. Всего несколько недель назад, когда на него рухнула кровля, Энергетический пузырь спас его в мгновение ока. Если бы это случилось сегодня, Адам был бы мёртв.

Лес нашёптывал ему на своём языке, в равной степени состоявшем из слов и картинок, и заставил понять, почему он так долго шёл на выручку.

Что-то напало на них обоих.

Глава 14

Так как Мора уже указала на то, что отстранение не являлось каникулами, Блу, как обычно, отправилась в Нино на свою послешкольную смену. Несмотря на то, что солнце слепило, стоило выйти на улицу, ресторан был странно тусклым внутри — фокус предгрозового потемнения западного неба. Тени под металлическими ножками столов казались серыми и размытыми. Сложно было сказать, достаточно ли уже темно, чтобы зажечь лампы, которые висели над каждым столиком, или нет. Это решение могло подождать — в ресторане никого не было.

Ей нечем было занять свой ум, разве что уборкой сыра пармезан из углов помещения, и Блу задумалась о приглашении Гэнси на тога-вечеринку сегодня вечером. К её удивлению, мама очень хотела, чтобы она туда пошла. Блу высказалась, что

Аглионбайская тога-вечеринка противоречит всему, что она отстаивала. На что Мора ей ответила:

— Мальчики из частной школы? Куски ткани в качестве одежды? Да, кажется, последние дни именно это ты и отстаивала.

Шуф, шуф. Блу агрессивно мела пол. Она чувствовала, как на всех порах мчится к самоанализу, и не была уверена, что ей это нравится.

В кухне хохотал начальник смены. Наверху диссонирующе, неуклюже раздавалась воинствующая музыка электрогитары; он смотрел видео на своём сотовом с поварами. С громким «динь» распахнулась дверь ресторана. К её удивлению, внутрь вошёл Адам и осторожным взглядом оглядел пустые столики. Его школьная форма была странно испачкана: брюки мятые и забрызганы грязью, белая рубашка в пятнах и местами мокрая.

— А разве я не должна была позже тебе позвонить? — поинтересовалась Блу. Она уставилась на его форму. Обычно та была безупречна. — Ты в порядке?

Адам соскользнул на стул и осторожно коснулся левого века.

— Я вспомнил, что после школы у меня «гири» и «открытия» и не хотел, чтобы ты меня не застала. Эээ, физра и внеклассный по научному методу.

Блу прошла метлой по его столику.

— Ты так и не ответил, в порядке ли ты.

Он раздражённо щёлкнул пальцами возле одного из самых влажных мест на рукаве.

— Пузырь. С ним что-то случилось. Я не знаю что. Придется хорошенько потрудиться. Думаю, мне нужен кто-то для подстраховки. Что ты делаешь сегодня вечером?

— Мама говорит, что я иду на тога-вечеринку. А ты?

— Я не собираюсь на вечеринку Генри Ченга, нет. — В голосе Адама сочилось презрение.

Генри Ченг. Смысла незначительно прибавилось. В диаграмме Венна¹, где один круг содержал слова тога-вечеринка, а другой — Генри Ченг, Гэнси, возможно, в конечном итоге, был той самой точкой, в которой они пересекались. Смешанные чувства Блу нахлынули на неё с новой силой.

— В чём собственно дело у тебя с Генри Ченгом? И хочешь пиццы? Кто-то сделал неправильный заказ, и у нас есть оплаченная пицца.

— Ты его видела. У меня нет на это времени. И да, пожалуйста.

Она сходила за пиццей и села напротив Адама, когда он вежливо, насколько это возможно, вдохнул запах пиццы. Правда была такова: пока он не вошёл в дверь, она забыла, что они условились созвониться, чтобы поговорить о Гэнси и Глендовере. Она чувствовала себя после обсуждений этих тем с членами своей семьи в ванной довольно обделённой идеями на сей счёт.

— Должна сказать, у меня нет никаких других мыслей по поводу Гэнси, кроме как найти Глендовера, и я не знаю, каким должен быть следующий шаг, — призналась она.

На что Адам ответил:

— У меня сегодня не хватило времени, чтобы подумать об этом, потому что... — Он снова показал на свою помятую школьную форму. Однако она не поняла, что он подразумевал под этим жестом: Энергетический пузырь или школу. — И у меня нет идей, только вопрос. Как думаешь, Гэнси может приказать Глендоверу явиться?

От меткости этого вопроса у Блу засосало под ложечкой. Не то чтобы она не думала о силе Гэнси отдавать приказы; просто его уникальный авторитетный голос был так тесно связан с его обычным властным голосом, что порой было трудно убедить себя, будто ей просто всё привиделось. А потом, когда она таки признавала, что ей ничего не померещилось — например, когда он явно магическим образом растворил ложных Блу в

¹ Диаграмма Венна (также используется название диаграмма Эйлера – Венна) – схематичное изображение всех возможных пересечений нескольких множеств.

их последнее посещение Энергетического пузыря – всё равно было трудно думать о нём в магическом смысле. Осознание скользило где-то сбоку, притворяясь нормальным. Теперь, когда она думала об этом феномене более чётко, держась за всю картину из всех сил, она понимала, что оно было отчасти таким же, как появления и исчезновения Ноа, как логика грёз, когда Аврора проходила сквозь камень. Её разум был бы только рад позволить ей полагать, что не было никакой магической подоплёки, или обрывками отредактировать записи, где Гэнси был просто Гэнси.

— Не знаю, — ответила Блу. — Если бы мог, то почему ещё ни разу не попытался?

— Если честно... — заговорил Адам, а потом умолк. Выражение его лица изменилось. — Ты собираешься на вечеринку сегодня вечером?

— Наверное, да. — Слишком поздно она почувствовала, что этот вопрос значил больше, чем слова, которые она услышала. — Как я и сказала, мама попросила, чтобы я пошла, так что...

— С Гэнси.

— Ну да, наверное. И с Ронаном, если он собирается.

— Ронан не пойдёт к Генри.

На что Блу осторожно произнесла:

— Тогда да, полагаю, с Гэнси.

Адам хмуро уставился на край стола, глядя на свою руку. Ему потребовалось время, чтобы взвесить слова, пробуя их, прежде чем произнести.

— Знаешь, когда я впервые встретил Гэнси, я никак не мог понять, почему он дружит с таким, как Ронан. Гэнси всегда посещал уроки, всегда был чем-то занят, ходил в любимчиках у учителей. А вот Ронан, словно сердечный приступ, который никогда не прекращается. Я знал, что не имею права жаловаться, потому что был не первым. Первым был Ронан. Но однажды Ронан облажался, я даже не помню, как это было, но я просто не мог с этим мириться. И спросил Гэнси, почему же он с ним по-прежнему дружит, ведь тот постоянно ведёт себя как мудак. И я помню, как Гэнси ответил, что Ронан всегда говорит правду, а правда — это самое важное.

Было совсем не трудно представить, как Гэнси сказал эти слова.

Потом Адам поднял глаза на Блу и пригвоздил её своим взглядом. Ветер снаружи прижал листья к стеклу.

— Именно поэтому я хочу знать, почему ты не сказала мне правду о вас двоих.

Теперь её желудок сделал кульбит в другую сторону. О вас двоих. О Гэнси и о ней. О ней и о Гэнси. Блу представляла этот разговор десятки раз. Бесконечные вариации, как она всё преподнесёт, как онотреагирует, как разговор закончится. Она могла это сделать. Она была готова.

Нет, не была.

— О нас? — переспросила она. С запинкой.

Его выражение лица, если это возможно, стало ещё презрительнее, чем после упоминания Генри Ченга.

— Знаешь, что больнее всего? Значит, вот кем ты меня считаешь. Ты даже не дала мне шанса примириться с этим. Ты была так уверена, что меня поглотит ревность. Так ты обо мне думаешь?

Он не ошибся. Но он был скорее хрупкой версией себя, когда они поначалу приняли решение молчать. Говорить об этом вслух было довольно непорядочно, и всё же она попыталась:

— Ты... обстоятельства... были тогда другими.

— «Тогда»? И как долго это уже продолжается?

— «Продолжается» не совсем точно отражает то, что происходит, — ответила Блу. Отношения, которые втиснуты во взгляды украдкой и тайные звонки, были настолько существенно меньше того, что она хотела, что она отказалась считать это свиданиями. —

И это не похоже на получение новой работы. «День начала такой-то!». Я не могу сказать тебе точно, как долго это продолжается.

— Ты только что сказала «продолжается», — заметил Адам.

Психика Блу катилось по гребню волны, который разделял сочувствие и разочарование.

— Не будь таким невозможным. Прости. Это не должно было стать чем-то, а затем стало, а потом я не знала, как подобрать слова. Я не хотела рисковать и портить нашу дружбу.

— Таким образом, при том, что я мог бы повести себя достойно, какая-то часть тебя считала, что я буду таким говном в постоянной конкуренции с Гэнси, что ты решила, лучше просто солгать?

— Я не лгала.

— Несомненно, Ронан. Ложь недомолвок — всё равно ложь, — сказал Адам. Он даже вроде как полуулыбался, но люди обычно так делают скорее от раздражения, а не от веселья.

Снаружи у двери приостановилась пара, чтобы ознакомиться с меню; Блу и Адам прождали в неловкой тишине, пока они не пошли дальше, оставив ресторан пустовать. Адам развернул руки ладонями вверх, словно ожидал, что она высыпет на них удовлетворительное объяснение.

Часть Блу, отвечающая за справедливость, тоже считала, что та была не права и что это её обязанность — избавить его от законной боли, но гордая её часть предпочла бы подчеркнуть, каким непростым он был тогда, когда они с Гэнси впервые осознали свои чувства друг к другу. Приложив некоторые усилия, она нашла золотую середину:

— Здесь не было никакого расчета, как ты пытаешься доказать.

Адам отверг золотую середину.

— Но я видел, как вы пытались это скрыть. Самое смешное... что я прямо здесь. Я вижу с вами каждый день. Думаешь, я ничего не заметил? Он мой лучший друг. Думаешь, я его не знаю?

— Тогда почему ты не затеял этот разговор с ним? Знаешь, вообще-то, половина этой беседы его.

Он развёл руки во всё ещё пустом ресторане, как будто также, был поражён тем, куда свернул разговор.

— Потому что я пришёл сюда, чтобы поговорить с тобой о том, как спасти его от смерти. А потом я узнал, что вы вместе собираетесь на вечеринку, и я не мог поверить, насколько безответственной ты оказалась.

Теперь уже Блу развела руками. Это жест был не таким изящным как у Адама, она, скорее, просто разжала кулаки.

— Безответственной? Не поняла?

— Он знает о твоём проклятье?

Её щекам стало жарко.

— Ой, не надо.

— А тебе не кажется, что это несколько актуально, ведь парень, который должен умереть в следующем году, встречается с девушкой, которая должна убить свою настоящую любовь поцелуем?

Она была слишком зла, чтобы что-нибудь возразить, но мотнула головой. Он лишь приподнял в ответ бровь, и это действие подогрело температуру крови Блу ещё на градус.

— Я умею себя контролировать. Спасибо, — огрызнулась она.

— В любых обстоятельствах? Ты же не собираешься влюбиться в него или морочить ему голову, или магия сойдётся с пути в Энергетическом пузыре... ты можешь это гарантировать? Я так не думаю.

Теперь она точно опрокинулась с гребня волны в кипящий гнев.

— Знаешь что, я живу с этим гораздо дольше, чем ты, и не думаю, что ты можешь приходить сюда и говорить мне, как с этим бороться...

— Могу, он мой лучший друг.

— И мой тоже!

— Если бы это было действительно так, ты бы не вела себя так чертовски эгоистично.

— А если бы он был, и правда, твоим лучшим другом, ты был бы рад, что у него есть кто-то.

— И как же я мог бы этому радоваться, если предполагалось, что я ничего не узнаю?

Блу встала.

— Потрясающе, правда, потому что речь, похоже, идёт о тебе, а не о нём.

Адам тоже поднялся.

— Забавно, потому что я собирался сказать то же самое.

Они стояли друг против друга, оба в ярости. Блу чувствовала, как ядовитые слова пузырились, выстраиваясь в тёмный поток, словно сок из того дерева. Она не собиралась их произносить. Не собиралась. Рот Адама превратился в тонкую линию, будто он думал ответить что-то, но, в конце концов, он просто смёл свои ключи со стола и вышел из ресторана.

Снаружи загромыхал гром. Не было никаких признаков солнца; ветер растащил тучи по всему небу. Грядёт та ещё ночь.

Глава 15

За много лет до этого дня экстрасенс сказала Море Сарджент, что она была «категоричной, но одарённой ясновидящей с талантом принимать плохие решения». Они вдвоём стояли возле съезда с автомагистрали I-64, где-то в двадцати милях от Чарльстона, Западная Вирджиния. У обеих висели за плечами мешки, и они ловили попутку, держа большие пальцы вверх. Мора путешествовала автостопом из далёкого запада. Другая экстрасенс держала путь с юга. Они не знали друг друга. Пока ещё.

— Я приму это как комплимент, — согласилась Мора.

— Дурёха, — огрызнулась другая экстрасенс, произнеся это как ещё один своего рода комплимент. Она была более неумолимым оружием, чем Мора, менее прощающим, уже закалённым кровью. Море она сразу понравилась.

— Куда направляешься? — поинтересовалась Мора. Машина приблизилась; они обе задрали большие пальцы. Машина растворилась на границе штатов; они опустили пальцы. Они пока не унывали; на дворе стояло зелёное и трепещущее лето, вроде тех, когда всё кажется возможным.

— На восток, наверное. А ты?

— Туда же. Меня ведут туда ноги.

— А мои бегут, — ответила, морщась, другая экстрасенс. — Как далеко на восток?

— Думаю, пойму, как окажусь на месте, — задумчиво сказала Мора. — Мы могли бы путешествовать вместе. Открыть лавчонку, как только туда доберёмся.

Другая экстрасенс понимающе вздернула бровь.

— Проституция?

— Переподготовка кадров.

Они обе рассмеялись, так как поняли, что поладят. Подросла ещё одна машина; они выставили пальцы; машина проехала.

День продолжался.

— Что это? — спросила другая экстрасенс.

В конце съезда материализовался мираж, только теперь, когда они пригляделись получше, то поняли, что это настоящий человек, который ведёт себя как ненастоящий.

Она шла прямо по центру асфальтной дороги к ним, одной рукой сжимая набитую до отказа сумку в форме бабочки. На ногах у неё были высокие старомодные зашнурованные ботинки, как минимум до того самого места, где заканчивалось её своеобразное платье. Её волосы представляли собой белые вспененные облака, а кожа была белой, как мел. Кроме тёмных глаз, у неё всё было бледным, в то время как в экстрасенсе рядом с Морой всё было тёмным.

Что Мора, что другая экстрасенс наблюдали за третьей женщиной, которая, прилагая усилия, шагала вверх по дороге и, казалось бы, была равнодушна к возможностям транспортных средств с мотором.

Стоило только бледной молодой женщине поравняться с ними, как из-за поворота выехал подержанный Кадиллак. У женщины было достаточно времени, чтобы отскочить в сторону, но она так не сделала. Вместо этого, она остановилась и потянула молнию на сумке-бабочке, в то время как тормоза Кадиллака оглушительно завизжали. Машина остановилась всего в нескольких дюймах от её ног.

Персефона пристально посмотрела на Мору и Кайлу.

— Думаю, вы обнаружите, — сказала она им, — что эта женщина готова нас подвезти.

Двадцать лет прошло с той памятной встречи в Западной Вирджинии, а Мора была всё ещё категоричной, но одарённой ясновидящей с талантом принимать плохие решения. За все эти годы, она привыкла быть неотъемлемой частью триумvirата, в котором решения принимались совместно. И они думали, что так будет всегда.

Без Персефоны видеть вещи ясно стало гораздо тяжелее.

— Всё объехали? — спросил мистер Грей.

— Давай ещё раз осмотримся, — ответила Мора. Они направились обратно через Генриетту, когда освещение магазинчиков замерцало в такт энергетической линии. Дождь прекратился, но наступил вечер, и мистер Грей включил фары, прежде чем снова переплести свои пальцы с её. Он был за водителя, поскольку Мора пыталась подтвердить всё более и более безотлагательную догадку. Та появилась сегодня утром, когда она проснулась со зловещим ощущением, какое бывает после пробуждения от дурного сна. Однако вместо того, чтобы к завершению дня сойти на нет, её ощущение только усилилось, сфокусировавшись на Блу, Фокс Вей и подбирающейся всё ближе темноте, которая походила на падение в обморок.

Ещё у неё болел глаз.

Она занималась им довольно долго, чтобы понять, что с глазом всё в порядке. В какой-то момент времени что-то не так было с чьим-то другим глазом, а Мора была просто настроена на приём. Это раздражало её, но не требовало ответных действий. А вот предчувствие требовало. Проблема преследования плохими предчувствиями состояла в том, что было всегда трудно сказать, стремитесь ли вы к ней, чтобы исправить, или вы стремитесь к ней, чтобы её создать. Было бы проще, если бы их по-прежнему было трое. Обычно Мора зачинала проект, Кайла его материализовывала, а Персефона запускала. Вдвоём у них так не выйдет.

— Думаю, сделаем ещё круг, — сказала Мора мистеру Грею. Она могла чувствовать его мысли, пока он вёл машину. Поэзия и герои, романтика и смерть. Поэмы о фениксе. Он был худшим решением, из всех ею принятых, но она не могла удержаться и принимала его снова и снова.

— Не возражаешь, если я спрошу? — обратился он. — Это всё разрушит?

— Мне не везёт. Ты можешь так же. О чём ты думаешь? О птицах, восстающих из пепла?

Он взглянул на неё и кивнул, давая понять, что оценил её слова. Она в ответ лукаво улыбнулась. Это был скромный талант, простейшая вещь из того, что она умела — выхватывать текущую мысль из незащищённого и доброжелательно настроенного разума — но было приятно, когда этот навык оценивался по достоинству.

— Я много думал об Адаме Пэррише и его честной компании, — признался мистер Грей. — И об опасном мире, в который они ступили.

— Странная формулировка. Я бы сказала: «Ричард Гэнси и его честная компания».

Он склонил голову, как будто мог видеть её точку зрения, даже если не разделял её.

— Я просто подумал, сколько опасности они получили в наследство. Колин Гринмантл, покинув Гинриетту, не сделал её безопаснее; он сделал её опаснее.

— Потому что он держал других на расстоянии.

— Именно.

— И теперь ты думаешь, что эти другие приедут сюда, даже несмотря на то, что им здесь нечего ловить? Какой у них интерес?

Мистер Грей показал на дребезжащий уличный фонарь, когда они проезжали мимо здания суда. Над ним пролетели три тени, их не отбрасывало ничего, что могла бы заметить Мора.

— Генриетта – одно из тех мест, которые выглядят сверхъестественными даже с большого расстояния. Это вечная остановка для людей в таком бизнесе, чтобы ковыряться вокруг в поисках вещей, которые могли бы быть причиной или следствием происходящего.

— Что является опасным для честной компании, потому что тут действительно есть для таких людей кое-что? Энергетический пузырь?

Мистер Грей вновь склонил голову.

— Мм. И собственность Линча. И я не забыл свою роль в этом.

И Мора не забыла.

— Ты не можешь ничего отменить.

— Нет. Но... — Его остановка на этом месте разговора свидетельствовала о том, что Серый Человек заново выращивает у себя сердце. Жаль, что этот росток должен был прорываться сквозь тот же грунт, на котором возвращены были убийства. Последствия, как частенько говаривала Кайла, те еще сучата. — А что ты видишь для меня? Я останусь здесь? — Когда она не ответила, он надавил: — Я умру?

Она убрала руку с его руки.

— Ты на самом деле хочешь знать?

— Simple þreora sum þinga gehwylce, ær his tid aga, to tweon weorþeð; adl oþþe ylde oþþe ecghefe fægum fromweardum feorh oðþringeð. — Он вздохнул, что рассказало Море больше о его психическом состоянии, нежели непереведённая англосаксонская поэзия. — Проще отличить героя от злодея, когда на кону только жизнь и смерть. Всё, что между, лишь усложняет.

— Добро пожаловать, так живёт другая половина, — сказала она. Неожиданно она чётко нарисовала в воздухе символ. — У какой компании такой логотип?

— Дисней.

— Ха.

— Тревон-Басс. Это рядом.

— Рядом с молочной фермой?

— Да, — ответил мистер Грей. — Да, рядом с ней.

Он совершил безопасный, но незаконный разворот. За несколько минут они проехали через унылый бетонный монолит завода Тревон-Басс, потом свернули к просёлочной дороге и, наконец, доехали до границы, обозначенной забором из четырех горизонтальных досок. Ощущение правоты сочилось сквозь Мору, словно чувство, когда достигаешь приятного воспоминания и находишь его именно таким, каким ты его оставил.

Мора спросила:

— Откуда ты знаешь, что это здесь?

— Я здесь уже бывал, — ответил мистер Грей в немного зловещей манере.

— Надеюсь, ты никого здесь не убил.

— Нет. Но я, совершенно не таясь, кое-кому приставлял здесь дуло к виску. — Едва заметная вывеска фермы поприветствовала их на брошенной собственности. Поездка окончилась в куче гравия; фары освещали амбар, который, очевидно, был перестроен в стильное жизненное пространство. — Приехав в город, Гринматлы поселились здесь. Дорожка к ферме вон там.

Мора уже открывала дверцу машины.

— Как думаешь, мы сможем попасть внутрь?

— Я бы предложил только ненадолго.

Боковая дверь была не заперта. Экстрасенсорная часть Мора и её сердце чувствовали, что мистер Грей, вставший сразу за ней, когда они вошли внутрь, стал напряжённым и бдительным. Где-то рядом промычало и прокряхтело несколько коров, причём по звукам их казалось больше, чем на самом деле.

Внутри дома было очень темно, одни тени, никаких углов. Мора закрыла глаза, позволяя им привыкнуть к мысли о тотальной черноте. Она не боялась тьмы и не боялась того, что ждало внутри тьмы. Страх был недостойн её преданности; только правота.

Теперь она кое-что нащупала.

Открыв глаза, она обошла глыбу, которая, вероятно, была диваном. Уверенность зазвенела в ней сильнее, когда она обнаружила лестницу и начала по ней взбираться. Наверху была кухня открытой планировки, слабо освещённая фиолетово-серым светом, проникавшим через большие новые окна, зелёно-синим от часов на микроволновке.

Находиться здесь было неприятно. Она не могла сказать, было ли дело в самом помещении или в воспоминаниях мистера Грея, которые теснили её собственные. Она продолжила двигаться.

Здесь находился чёрный, как смоль, коридор. Вообще ни окон, ни света.

Это была больше, чем тьма.

Когда она осторожно ступила внутрь, темнота перестала быть тьмой, а превратилась в отсутствие света. Эти два понятия схожи в некоторых признаках, но ни один из признаков не важен, когда стоишь в одном из них вместо другого.

Что-то шепнуло «Блу» на ухо Море.

Все её чувства обнажились; она не знала – означало ли это, что ей следует продвигаться вперёд, или нет?

Мистер Грей коснулся её спины.

За исключением того, что это был не мистер Грей. Она слегка повернула голову вправо, чтобы осознать, что он всё ещё стоял на краю жидкой тьмы. Море понадобилось время, чтобы визуализировать защитную оболочку вокруг себя. Теперь она могла видеть, что коридор заканчивался дверью. Хотя были и другие закрытые двери по обе стороны, очевидно, что та, в конце, была источником.

Она посмотрела на выключатель рядом с мистером Греем. Тот щёлкнул им.

Лампочки должны были работать. Лампочки должны были быть включены. Они и были. Когда Мора пристально смотрела на лампы, она могла объективно сказать, что они работали.

Но в коридоре всё ещё не было света.

Мора встретила взглядом с сощуренными глазами мистера Грея.

Они беззвучно пересекли последние несколько метров, преодолевая отсутствие света перед ними, а потом Мора зависла над дверной ручкой. Та выглядела обыкновенной, как это обычно бывало с самыми опасными вещами. Она не отбрасывала тень на дверь, потому что никакой свет до неё не дотягивался.

Мора потянулась за правотой, а обнаружила ужас. Потом она потянулась ещё дальше и нашла ответ.

Повернув ручку, она открыла дверь.

Мрачный свет зала просочился мимо неё, открывая большую ванную комнату. А рядом с ванной лежал гадалый шар. Три бесцветных свечи закалили воском всю

заднюю часть раковины. «ПАЙПЕР, ПАЙПЕР, ПАЙПЕР» было написано задом наперёд на зеркале веществом, похожим на розовую губную помаду.

На полу лежало что-то большое, и оно шевелилось и царапалась.

Мора велела своей руке найти выключатель, и та нашла.

То, что лежало на полу, было телом... нет. Человеком. Он был закручен в неестественную позу, которую человек принять не мог, и всё же плечи разворачивались. Пальцы ногтями царапали кафель. Ноги скреблись, будто удирая. Нечеловеческий звук вырвался из его рта, и тогда Мора поняла.

Этот человек умирал.

Мора подождала, пока он не закончил, а потом сказала:

— Ты, должно быть, Ноа.

Глава 16

Кайла в этот день тоже имела навязчивое негативное предчувствие, но, в отличие от Мора, она застряла в офисе Академии Аглионбай за бумажной работой, и у неё не выдалось свободного времени на попытку выяснить, что являлось источником плохого самочувствия. Тем не менее, оно росло и росло, заполняя ее разум, словно чёрная головная боль, пока она не сдалась и не попросилась уйти домой на час раньше. Она лежала лицом вниз наверху, в комнате, которую делила с Джими, когда хлопнула входная дверь.

Голос Мора звонко раздался из прихожей.

— Я привела домой мёртвых людей. Отмените весь приём! Повесьте телефоны! Орла, если у тебя здесь парень, он должен уйти!

Кайла вытащила себя из-под пледа, подцепила тапочки, прежде чем направиться в гостиную. Джими, доброжелательная кумушка, в спешке ударила своё роскошное бедро о швейный столик, чтобы посмотреть, что случилось.

Они обе остановились на полпути вниз.

К её чести, Кайла только подумала о том, чтобы сбросить тапочки, когда увидела Ноа Жерни, стоящего рядом с Морой и мистером Греем.

Ноа Жерни – слишком человеческое имя, чтобы давать его чему-то, что не выглядело слишком человеческим, на взгляд Кайлы. Она за свою жизнь видела много живых людей, она за свою жизнь видела много духов, но она никогда не видела ничего подобного. Душа, настолько разложившаяся, не должна была быть... Ну, она вообще не должна была быть. Она могла быть остатком призрака, безмозглым, однообразным явлением. Столетним запахом в коридоре. Ознобом у определённого окна.

Но каким-то образом она смотрела на развалины души, и в них всё ещё был мёртвый мальчик.

— Ох, детка, — сказала Джими, полная мгновенного сострадания. — Бедняжка. Давай я дам тебе немного...

Джими, вечная травница, как правило, давала травяные рекомендации каждому возможно больному смертному.

— Немного чего? — подтолкнула Кайла.

Джими поджала губы и слегка качнулась на ногах. Она была явно озадачена, но не могла потерять лицо перед остальными. Кроме того, у неё было утомительно доброе сердце, и, без сомнений, существование Ноа её огорчало.

— Мимозы, — торжествуя закончила Джими, и Кайла со сдержанным удовлетворением вздохнула. Джими погрозила Ноа пальцем. — Цветки мимозы помогают духам проявиться, и она заставит тебя чувствовать себя сильнее!

Когда она протопала наверх, Мора попросила мистера Грея показать Ноа гадальную, а затем она и Кайла совещались у основания лестницы. Вместо того, чтобы рассказывать, как Ноа оказался с ними, она просто протянула руку и позволила Кайле

прижать свою ладонь к её коже. Психометрия Кайлы – гадание через прикосновение – часто бывала не конкретна, но в данном случае это событие было последним и достаточно для неё ярким, чтобы легко его уловить, наряду с поцелуем Мора и мистера Грея перед этим.

— А мистер Грей талантлив, — заметила Кайла.

Мора бросила на неё испепеляющий взгляд. Она сказала:

— Загвоздка вот в чём. Я считаю, мне показали то зеркало с именем Пайпер с какой-то целью, но не думаю, что эта цель — Ноа. Он не помнит, как оказался там или почему это делал.

Кайла понизила голос.

— Он может быть знамением?

Знамения – сверхъестественные предупреждения о прибытии дурных известий – не представляли особый интерес для Кайлы в основном потому, что они, как правило, были надуманы. Люди склонялись замечать знамения там, где их не было: чёрных кошек, приносящих неудачи, ворон, обещающих печаль. А настоящие знамения – зловещие намёки малопонятного космического присутствия – не то, что следовало бы игнорировать.

Голос Мора тоже утих.

— Может. Я не могу отделаться от этого ужасного чувства весь день. Единственное, не думаю, что что-то разумное может быть знамением.

— Он разумен?

— Во всяком случае, его часть. Мы разговаривали в машине. Я никогда не видела ничего подобного. Он достаточно разложился, чтобы проявляться как безмозглое знамение, но в то же время там всё ещё есть мальчик. Я имею в виду, он был у нас в машине.

Обе женщины задумались над этим.

Кайла предположила:

— Он единственный, кто умер на энергетической линии? Может, Энергетический пузырь сделал его достаточно сильным, чтобы оставаться в сознании после того, как он должен был уйти. Если он слишком труслив, чтобы двигаться дальше, сумасшедший лес мог наделить его достаточной силой, чтобы удержаться здесь.

Мора бросила на Кайлу ещё один испепеляющий взгляд.

— Это называется «напуган», Кайла Лили Джонсон, и он всего лишь ребёнок. Блин. Помни, что его убили. Помни, он один из лучших друзей Блу.

— Так каков план? Ты хочешь, чтобы я установила с ним связь и во всём разобралась? Или мы пытаемся его отослать?

Мора неловко произнесла:

— Не забывай про лягушек.

Несколько лет назад Блу поймала двух древесных лягушек, пока выполняла соседские поручения. Она торжественно устроила им самодельный террариум в одном из кувшинов Джими для чая со льдом. Как только она ушла в школу, Мора тотчас предсказала – через обычные каналы, а не через экстрасенсорные – что эти древесные лягушки встретят медленную смерть, если за ними будет ухаживать юная Блу Сарджент. Она освободила их на заднем дворе, и это было начало одной из самых больших ссор между нею и дочерью, что когда-либо у них бывали.

— Хорошо, — прошипела Кайла. — Мы не освободим ни одно приведение, пока она на вечеринке в тогах.

— Я не хочу уходить.

И Мора, и Кайла подпрыгнули.

Конечно, Ноа стоял рядом с ними. Его плечи резко поникли, а брови приподнялись. Под ними были связующие токи и чернота, прах и небытие. Его слова прозвучали мягко и смазано.

— Не сейчас.

— У тебя немного времени, парень, — сказала ему Кайла.
— Не сейчас, — повторил Ноа. — Пожалуйста.
— Никто не собирается заставлять тебя делать что-либо, чего ты не хочешь, — обратилась к нему Мора.

Ноа печально покачал головой.

— У них... уже есть. Они... будут снова. Но это... Я хочу сделать это для себя.

Он протянул руку ладонью вверх Кайле, как попрошайка. Этот жест напомнил Кайле о другом мёртвом человеке в её жизни, о том, кто по-прежнему скреплял печаль и вину вокруг её шеи, даже по прошествии двух десятков лет. Более того, сейчас, когда она это поняла, этот жест казался слишком идеально достоверным, запястье – слишком бессильно похожим, пальцы – чересчур изящно и умышленно раскинутыми, словно эхо воспоминаний Кайлы...

— Я зеркало, — холодно сказал Ноа, отвечая на её мысли. Он смотрел себе под ноги. — Простите.

Он стал опускать руку, но Кайла, наконец, перешла к вынужденному и неподдельному состраданию. Она взяла его холодные пальцы.

Сразу же обида впечаталась ей в лицо.

Ей следовало бы это ожидать, но всё же ей едва хватило времени, чтобы оправиться, как пришло следующее. Выплеснулся страх, затем боль, а потом ещё одна обида... Эту Кайла ловко блокировала. Ей не нужно было переживать убийство Ноа целиком.

Она двигалась вокруг и отыскивала... ничего. Обычно её психометрия работала крайне хорошо на прошлом, копаясь во всём от недавних событий до каких-нибудь серьёзных далёких происшествий. Но Ноа настолько разложился, что его прошлое почти пропало. Всё, что осталось, было нитевидной паутиной воспоминаний. Там было ещё больше поцелуев... Как мог кончиться день Кайлы, если он включал в себя выживание после стольких Сарджент с таким количеством языков во рту? Там был Ронан, показывающим куда больше доброты через воспоминания Ноа. Там был Гэнси, мужественный и твёрдый таким образом, которому Ноа явно завидовал. И Адам... Ноа боялся его или за него. Этот страх спутывал его изображения во всё более тёмную паутину. Затем там было будущее, развёрнутое через картинки, что становились всё прозрачнее и прозрачнее, и...

Кайла убрала руку от Ноа и уставилась на него. На этот раз у неё не нашлось умных слов.

— Ладно, паренёк, — наконец, произнесла она. — Добро пожаловать в дом. Можешь оставаться здесь столько, сколько сможешь.

Глава 17

Хотя Генри Ченг и нравился Гэнси, согласие пойти на его вечеринку ощущалось как странная смена власти. Не то чтобы он ощущал какую-либо угрозу со стороны Генри — оба, и Генри, и Гэнси, были королями на своих соответствующих территориях — но встретить Генри на его местности казалось более весомым, чем на нейтральной земле Академии Аглионбай. Четвёрка ванкуверских парней жила вне кампуса в особняке Литчфилд, и вечеринки там были неслыханными. Это был элитарный клуб. Несомненно, клуб Генри. Обед в сказочной стране вынудит тебя остаться там навсегда или жаждать его с того момента, как уйдёшь, и всё.

Гэнси не был уверен, что он способен заводить новых друзей.

Особняк Литчфилд в старом викторианском стиле располагался на противоположном конце города от Монмаут. В сырой, прохладной ночи он поднимался из завитков тумана: башенки, черепица и крыльцо, в каждом окне горел слабый свет от электрических свечей. На подъездной дорожке в два ряда были припаркованы четыре

роскошных автомобиля, а серебряный Фискер¹ Генри стоял элегантно призраком на обочине впереди, прямо за почтительно выглядящим старым седаном.

Блу была в ужасном настроении. Что-то явно случилось, пока у неё была смена, но попытки Гэнси вытащить из неё информацию помогли определить только, что дело было не в тога-вечеринке и не в нём. Сейчас же она вела Свинью, что являлось тройной привилегией. Во-первых, Гэнси не мог представить себе никого, чьё настроение хотя бы немного не поднялось бы от поездки за рулём Камаро. Во-вторых, Блу говорила, что не имела возможности практиковать вождение на машине общего пользования Фокс Вей 300. И третье, самое важное, Гэнси дико и бесконечно доводила до безумия картина, как она сидит за рулём его автомобиля. Ронана и Адама с ними не было, так что никто не мог поймать их за тем, что казалось невероятно неприличным занятием.

Он должен им рассказать.

Гэнси не был уверен, что способен влюбиться, но как-то так случилось. Он не совсем уловил механику этого процесса. Он понимал свою дружбу с Ронаном и Адамом: они оба олицетворяли собой качества, которых ему не хватало и которыми он восхищался, и им нравилась такая версия Гэнси, которую он тоже любил. По отношению к его дружбе с Блу, это тоже была правда, но там было нечто большее. Чем лучше он её узнавал, тем сильнее всё ощущалось так, как когда он плавал. Просто Гэнси сейчас, сейчас, только сейчас.

Блу затормозила у скромного знака остановки напротив особняка Литчфилд, оценивая ситуацию с парковкой.

— Мм... хмм, — недовольно произнесла она, оглядывая элитные машины.

— Что?

— Я просто забыла, насколько аглионбайским он был.

— Мы на самом деле не обязаны туда идти, — сказал Гэнси. — То есть мне только нужно просунуть голову в дверь, чтобы сказать спасибо, но это всё.

Вдвоём они присматривались к дому через дорогу. Гэнси думал о том, как странно, что он чувствует себя неуютно, совершая бесцельный поход в гости к компании, которую он почти наверняка полностью знал. Он уже собирался признаться в этом вслух, когда открылась парадная дверь. Это действие образовало жёлтый квадрат, словно портал в другое измерение, и оттуда на порог ступил обёрнутый во что-то Юлий Цезарь. Юлий махнул рукой в сторону Камаро и крикнул:

— Йоу, йоу, Дик Гэнси!

Потому что это не был Юлий Цезарь. Это был Генри в тоге.

Брови Блу исчезли под чёлкой.

— Ты собираешься одеть такую же?

Будет ужасно.

— Исключено, — ответил Гэнси. Сейчас, когда он смотрел на тогу, она выглядела куда более настоящей, чем ему бы хотелось. — Мы не останемся надолго.

— Парковка за углом, и не сбейте кошек! — проорал Генри.

Блу объехала квартал, успешно уклонилась от белой кошки и медленно, но убедительно выполнила параллельную парковку, даже под внимательным наблюдением Гэнси, даже при протестующем завывании гидроусилителя руля.

Хотя Генри и должен был знать, что парковка не займёт у них много времени, он всё же удалился в дом, чтобы иметь возможность величественно открыть им, когда они позвонят в звонок. Теперь же он захлопнул за ними дверь, запечатывая в слегка перегретом, пахнущем чесноком и розами воздухе. Гэнси ожидал обнаружить студентов, качающихся на люстрах и лакающих алкоголь, и хотя этого он как раз не очень-то и хотел, несоответствие ожиданий и реальности сбивало с толку. Интерьер был аляповато аккуратным; тёмный зал завешен резными зеркалами и стеснён хрупкой антикварной мебелью, мрачно простирающейся в глубину дома. Помещение и удалённо не напоминало

¹ Фискер — марка одного из самых оригинальных по дизайну, мощных и дорогих автомобилей в мире.

место, где можно устраивать приёмы. Оно больше походило на комнату, куда старые дамы могли бы приходить умирать и оставаться необнаруженными, пока соседи не заметят странный запах. Это совершенно расходилось с тем, что Гэнси знал о Генри.

При этом было очень тихо.

Гэнси внезапно посетила жуткая мысль, что, возможно, вечеринка может состоять просто из Генри и их двоих в тогах в роскошной гостиной.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, — сказал им Генри, будто не видел Гэнси минутой раньше. — Вы сбили кошку?

Он очень сильно позаботился о своём внешнем виде. Его тога была завязана с большей тщательностью, чем любой галстук, что Гэнси когда-либо завязывал, а Гэнси завязывал много галстуков. На нём были самые хромированные часы, которые Гэнси когда-либо видел, а Гэнси видел много хромированных вещей. Его чёрные, стоящие торчком волосы неистово стремились вверх, а Гэнси видел много чего, неистово стремящегося вверх.

— Мы разошлись, как в море корабли, — лаконично сообщила Блу.

— Птичка-невеличка прилетела! — воскликнул Генри, как будто только что её заметил. — Я погуглил женские тоги на случай, если ты придёшь. Хорошая работа с кошкой. Миссис Ву отравила бы нас во сне, если бы ты её расплющила. Скажи-ка снова, как тебя зовут?

— Блу, — вмешался Гэнси. — Блу Сарджент. Блу, помнишь Генри?

Они смотрели друг на друга. Во время их предыдущей краткой встречи Генри умудрился глубоко оскорбить Блу посредством непреднамеренного самоуничижения. Гэнси, по идее, понимал, что Генри возмутительно и обидно веселится сам над собой, потому что другим вариантом было мчаться в комнату и опрокидывать столы, чтобы добраться до автоматов для размена денег за ними. Блу же, очевидно, думала, что он всего лишь неоперившийся аглионбайский князёк. А в её нынешнем настроении...

— Помню, — холодно отозвалась она.

— Это был не самый лучший момент, — сказал Генри. — Мой автомобиль и я после того случая помирились.

— Его электрический автомобиль, — проницательно вставил Гэнси на тот случай, если Блу пропустила экологичность ситуации.

Блу сощурилась, глядя на Гэнси, а потом подметила:

— Вы могли бы ездить в Аглионбай отсюда на велосипеде.

Генри погрозил пальцем.

— Твоя правда. Но важно практиковать безопасную езду на велосипеде, а шлема, подходящего для моих волос, ещё не придумали. — И обратился к Гэнси: — Ты видел Ченга Второго снаружи?

На самом деле Гэнси не знал о Ченге2 ничего – вообще-то, Генри Бродвей получил такое прозвище, не потому что он был вторым Ченгом в Аглионбае, а потому что он был вторым Генри — кроме того, что о нём знали все: он быстро смешивал энергетические напитки, нагнетающие непрерывное напряжение в его конечностях.

— Нет, если только он не купил Камри, а я не заметил.

Это заставило Генри удовлетворённо рассмеяться, будто Гэнси затронул какую-то предыдущую беседу.

— Это машина миссис Ву. Нашей крохотной госпожи. Она где-то тут. Проверь карманы. Она может в них затеряться. Иногда она падает в щели между половицами – вот опасность таких старинных домов. А где Линч и Пэрриш?

— Что поделать, оба заняты.

— Невероятно. Я знал, что президент не всегда должен действовать совместно с Конгрессом и Верховным Судом, я просто никогда не думал, что доживу до этого момента.

Гэнси спросил:

— Кто ещё пришёл?

— Только обычные подозреваемые, — сказал Генри. — Никто не хочет видеть случайных знакомых в простынях.

— Меня вы не знаете, — заметила Блу. Невозможно было определить, что означало выражение её лица. Ничего хорошего.

— Ричард Гэнси Третий ручается за тебя, так что подходишь.

В конце коридора открылась дверь, и очень маленькая азиатка любого возраста протопала оттуда с охапкой сложенных бумаг.

— Привет, тётя, — сладко протянул Генри. Она глянула на него, прежде чем пройти в другую дверь. — Миссис Ву выгнали из Кореи за плохой характер, бедняжка. Ха, у неё имеется очарование химического оружия.

Гэнси смутно представлял себе, что кто-то старший живет в особняке Литчфилд, но особо над этим вопросом не размышлял. Вежливость диктовала, что он обязан вручить цветы или еду в случае небольшой встречи.

— Я должен был принести ей что-нибудь?

— Кому?

— Твоей тёте.

— Нет, она за Ряном, — сказал Генри. — Пошли, пошли, давай пройдем дальше. Кох наверху сортирует напитки. Вы не должны напиваться, а я наклюкаюсь. Говорят, я не становлюсь развязным, но иногда могу стать очень человеколюбивым. Честно предупреждаю.

Теперь Блу выглядела по-настоящему осуждающей, что было на две отметки хуже её обычного выражения лица и на одну от Ронана. Гэнси начинал подозревать, что эти два мира не смешиваются.

Раздался сильный грохот, когда Ченг2 и Логан Рутерфорд появились из-за другой двери с целофановыми пакетами в руках. Рутерфорду Бог подарил здравый смысл, чтобы удержать рот закрытым, но Ченг2 никогда этого не умел.

— Охренеть, — выдал он, — пришли девчонки?

Рядом с Гэнси Блу стала в четыре раза выше; все звуки в помещении поглотило в преддверии взрыва.

Будет ужасно.

Глава 18

Часы показывали 6:21.

Нет, было 8:31. Ронан неправильно считал время с автомобильных часов.

Небо было чёрным, деревья были чёрными, дорога была чёрной. Он остановился на обочине перед жилищем Адама. Адам жил в квартире, расположенной над офисом католической церкви Святой Агнесс и, благодаря стечению обстоятельств, сосредоточившей в себе большую часть объектов поклонения Ронана в центральном районе. Ронан, который, как обычно, пренебрегал телефоном, несколькими часами ранее пропустил звонок от Адама. Голосовое сообщение было кратким: «Если ты не собираешься с Гэнси к Ченгу сегодня вечером, может, pomoжешь мне с Энергетическим пузырьём?»

Ронан ни при каких обстоятельствах не собирался идти к Генри Ченгу. Все эти улыбочки и активность вызывали у него сыпь.

Ронан однозначно собирался к Адаму.

Поэтому теперь, когда он выбрался из БМВ, наставляя Чейнсо, чтобы она перестала беспокоить ремень безопасности на пассажирском сидении, Ронан внимательно осмотрел парковку в поисках трёхцветной Хондайоты. Он её заметил. Фары всё еще работали, а двигатель нет. Адам сидел на корточках перед фарами, неустрашимо глядя прямо в их светящиеся лампы. Его пальцы упирались в асфальт, а ноги были подобраны,

как у бегуна, в ожидании стартового выстрела. Перед ним лежали три карты таро. Он взял из машины коврик, чтобы присесть на нём и не испачкать брюки школьной формы. Если вам удалось совместить эти два понятия — непостижимость и практичность — значит, вы прошли большую часть пути в понимании Адама Пэрриша.

— Пэрриш, — позвал Ронан. Адам не откликнулся. Его зрачки были обращены в другой мир. — Пэрриш.

И тут же одна рука Адама оторвалась от асфальта и поднялась в направлении ноги Ронана. Пальцы его дрожали так, будто абсолютным минимумом движений просили: «Не приставай ко мне!»

Ронан скрестил руки на груди. Он просто стоял, ждал и смотрел. На изящные скулы Адама, его нахмуренные брови, красивые руки, на всё, что омывалось буйным светом. Он в деталях помнил форму руки Адама: как неловко, по-мальчишески, оттопыривался большой палец; выступающие прожилки вен; крупные суставы, которыми напичканы его длинные пальцы. В своих снах Ронан подносил их к своим губам.

Его чувства к Адаму были разлитой нефтью; он позволил им перелиться через край, и теперь не было чёртового места в океане, которое бы не загорелось, урони он спичку.

Чейнсо подлетела к картам таро, разложенным на асфальте, от любопытства раскрыв клюв, а когда Ронан молча указал в неё пальцем, птица сердито заползла под днище автомобиля. Ронан повернул голову к обочине, чтобы прочесть карты. Что-то с огнём, что-то с мечом. Дьявол. Тысяче образов дало начало одно единственное слово — дьявол. Красная кожа, белые солнцезащитные очки, полные ужаса глаза его брата Меттью, выглядывающие из багажника машины. Страх и стыд вместе в таком изобилии, что его рвало. Ронану тревожно напомнили о себе его недавние кошмары.

Пальцы Адама напряглись, а затем он устроился поудобнее. Он моргнул, а потом сразу же моргнул ещё раз, касаясь уголка глаза только кончиком безымянного пальца. Но этого оказалось недостаточно, поэтому он начал тереть глаза ладонями, пока те не заслезились. Наконец, он поднял подбородок в сторону Ронана.

— Фары? Пэрриш, это ж хардкор. — Ронан подал руку, Адам её принял. Ронан потянул его наверх, все его помыслы были о руке в руке, большом пальце против большого пальца, ладони обхватывающей запястье... А после того, как Адам оказался с ним лицом к лицу, он отпустил его руку.

Океан горел.

— Что за чертовщина случилась с твоими глазами? — спросил Ронан.

Зрачки Адама всё ещё были крошечными.

— Дай мне время прийти в себя.

— Жуткий ублюдок. Что за Дьявол?

Адам смерил взглядом тёмный витраж церкви. Он всё ещё частично пребывал в царстве фар.

— Не могу понять, что они говорят мне. Такое чувство, будто меня держат на расстоянии вытянутой руки. Мне нужно найти способ копнуть глубже, но я не могу это сделать без человека, который бы приглядывал за мной на случай, если я слишком далеко уйду от самого себя.

Этим человеком в данном случае выступал Ронан.

— Что ты пытаешься выяснить?

Адам описал обстоятельства, окружавшие случившееся с его глазом и рукой, тем же ровным голосом, какой он бы использовал при ответе на уроке. Он позволил Ронану склониться, чтобы сравнить его глаза — достаточно низко, чтобы Ронан почувствовал его дыхание на своей щеке — и он позволил Ронану осмотреть его ладонь. В последнем не было такой уж необходимости, и они оба это знали, но Адам внимательно наблюдал за Ронаном, пока тот слегка касался линий на руке.

Это было всё равно что переходить грань между грёзой и сном. Неустойчивый баланс ночи, когда всё ещё видишь сон, а, проснувшись, уже помнишь, что в нём видел.

Он знал, что Адам понял его чувства. Но он не знал, можно ли сойти с этого острого лезвия, чтобы не разрушить то, что у него было.

Адам выдержал взгляд Ронана, Ронан выпустил его руку.

— Я пытаюсь найти источник того, что напало на Энергетический пузырь. Пока лишь предполагаю, что источник тот же, который атаковал чёрное дерево.

— И мою голову, — признался Ронан. Его день в Барнс был отмечен грёзами, из которых он поспешно себя выдернул.

— Серьёзно? Поэтому ты выглядишь как чёрт?

— Спасибо, Пэрриш. Мне тоже нравится твоя рожа. — Он кратко рассказал о том, что повреждение дерева, похоже, было идентично изменениям его снов, скрывая своё беспокойство касательно содержания этих снов и того факта, что это свидетельствовало о куда большей тайне с избытком бранных слов. — Поэтому я просто больше не буду спать. Никогда.

Адам ничего не успел на это ответить, потому что их внимание привлекло движение сверху. Что-то светлое и странное трепыхалось меж темных деревьев, высаженных в ряд вдоль соседних улиц. Монстр.

Монстр Ронана.

Его ночной кошмар-альбинос редко покидал защищённые поля Барнс, а если это и делал, то следовал за Ронаном. Не из преданности, будто собака, а скорее как беззаботная, гуляющая сама по себе кошка. Но сейчас он летел вниз по улице им навстречу, прямо и целеустремленно. В фиолетово-чёрном пространстве он казался дымом, волочившим рваные крылья и балахон своего тела. Звук его крыльев был более заметным, чем всё остальное: бабах, бабах, бабах. Когда он открыл оба клюва, они задрожали свирепым криком, неслышимом человеческому уху.

Ронан и Адам запрокинули головы назад. Ронан заорал:

— Эй! Куда это ты собрался?

Но кошмар едва ли завис над ними больше чем на мгновение и устремился к горам. Однажды этого мерзкого ублюдка подстрелит какой-нибудь перепуганный фермер.

Ронан не понимал, какое ему до этого дело. Но предположил, что, скорее всего, это потому, что кошмар как-то раз спас ему жизнь.

— Жуткий ублюдок, — повторил Ронан.

Адам нахмурился, а потом поинтересовался:

— Который час?

— 6:21, — ответил Ронан, и Адам нахмурился. — Нет, 8:40. Ошибся.

— Значит, время ещё есть, нам недалеко. — Адам Пэрриш всегда думал о своих ресурсах: деньги, время, сон. Ронан знал, что школьным вечером, даже со сверхъестественным кошмаром, дышащим ему в воротник, Адам будет скуп на всё это; так он выживал.

— Куда мы направляемся?

— Не знаю. Хочу попытаться выяснить, где сидит этот дьявол... Я пытаюсь понять, смогу ли находиться в трансе, пока ты ведешь машину. Хотелось бы мне делать и то, и другое одновременно, но это невозможно. На самом деле, всё, чего я хочу, это переместить моё тело туда, куда велит разум.

Сверху загудел светофор и вырубился. Дождя не было уже несколько часов, но в воздухе чувствовалась наэлектризованность в преддверии грозы. Ронан гадал, куда отправился его ночной кошмар.

— Ладно, маг, я буду вести, пока ты будешь в отключке, но как я узнаю, куда ехать? — сказал Ронан.

— Полагаю, я постараюсь остаться как можно дольше в настоящем, чтобы сообщать, куда тебе двигаться.

— Это возможно?

Адам пожал плечами; определения возможного и невозможного были в эти дни постоянным предметом переговоров. Он наклонился, чтобы предложить руку Чейнсо. Та запрыгнула, хлопая крыльями, чтобы найти равновесие на его рукаве, склонила голову, когда Адам осторожно погладил её тонкие перышки на клюве.

— Никогда не узнаешь, пока не попробуешь, — сказал он. — Ты готов к этому?

Ронан звякнул автомобильными ключами. Как будто вообще был не в настроении ехать. Он дёрнул подбородком в сторону Хондайоты.

— Собираешься запереть свою дерьмовозку?

На что Адам ответил:

— Какой смысл? От шпаны никуда не деться.

Та самая шпана расплылась в тонкой улыбке.

Они поехали.

Глава 19

Адам резко проснулся от звука захлопывающейся двери.

Он сидел в своей ужасной маленькой машинке... он же точно сидел в своей машине?

Персефона усадила себя на пассажирское сидение. Пена её светлых волос каскадом ниспадала на панель водительского сидения. Она осторожно переложила ящик с инструментами с сидения на пол у себя между ног.

Адам, прищурившись, посмотрел на бесцветный новый рассвет — а разве должен быть день? — его глаза были всё ещё утомлены. Словно он всего пару минут назад вышел со своей ночной смены на заводе. Поездка домой без нескольких минут сна казалась непосильной задачей; теперь же он почувствовал, что ему это по плечу.

Он не мог понять, была Персефона реальной или нет. Она должна быть реальной; её волосы щекотали его голую руку.

— Достань карты, — приказала она своим тонким голоском.

— Что?

— Время для урока, — сказала Персефона мягко.

Его утомлённый разум отказывался ему помогать; что-то во всём этом казалось не совсем верным.

— Персефона... я... я слишком устал, чтобы думать.

Слабый утренний свет осветил загадочную улыбку Персефоны.

— Именно на это я и рассчитываю.

Когда он потянулся за картами и пошарил в дверном кармане, в котором обычно их держал, его осенило:

— Ты мертва.

Она кивнула, соглашаясь.

— Это воспоминание, — предположил он.

Она снова кивнула. Теперь это имело смысл. Он бродил в воспоминаниях одного из своих ранних занятий с Персефой. Цели этих занятий были всегда одинаковы: покинуть сознание. Обнаружить подсознание. Расшириться до коллективного подсознания. Найти нити, которые всё соединят. Смыть и повторить. Сначала ему никак не удавалось проскочить мимо первых двух. Каждый сеанс он тратил на то, чтобы выманить себя из конкретных реальных мыслей.

Пальцы Адама оцарапали пустое дно дверного кармана. Правда о том, где карты хранились в воспоминании, столкнулась со знанием, где он хранил их в настоящем. После смерти Персефоны окна стали пропускать воду, и он стал хранить карты в бардачке, чтобы они не пострадали.

— Зачем ты здесь? Это сон? — спросил он, а потом сам же себя поправил: — Нет, я гадаю. Я что-то ищущу.

И стоило ему это сказать, как он остался в машине один.

Но он не только остался в машине один, но и оказался на том месте, где сидела она, и держал карты таро в руке. Рисунок на карте был нарисован схематично, небрежно и напоминал стаю шершней. На самом деле это могла быть рубашка. Но неважно. Что он искал? Трудно перейти в пространство между сознанием и подсознанием. Слишком много концентрации, и он может выйти из медитативного состояния. Слишком мало — и он потеряет цель.

Он позволил своим мыслям подойти чуть ближе к настоящему.

Электронная музыка просачивалась в сознание, напоминая, что его тело находилось в машине Ронана. С другой стороны, эту музыку было легко принять за звучание души Ронана. Голодная и просящая, она нашептывала тёмные места, старые места, огонь и секс.

Адам был стабилен благодаря пульсирующему фоновому ритму и воспоминанию о близости Ронана. Дьявол. Нет, демон. Знания там не было, а потом появилось.

«Север», — сказал он.

Всё окружило кольцо светящегося белого цвета. Он был таким ярким, что сжигал зрение, если смотреть прямо на него; а Адаму нужно было смотреть прямо перед собой. Очень далёкая его часть, часть, которая глухо билась в электронном ритме, вдруг вспомнила, что это был свет от зарядного устройства телефона. Это была та часть его мозга, которая всё ещё находилась в настоящем, чтобы нашептывать маршрут Ронану.

«Поверни направо».

Пробормотал Энергетический пузырь ему в глухое ухо. Он прошептал из-за сломленности, из-за отречения, из-за принуждения, из-за небытия. Шаг назад от неуверенности в себе, лживое обещание, которое, ты знал, навредит тебе позже, знание, от которого ты пострадаешь, и, скорее всего, ты это заслужил. Демон, демон, демон.

«Вперёд, вперёд, вперёд».

А где-то тёмная машина мчалась по дороге. Рука вцепилась в руль, кожаные ремешки в запястье. Грейворен. Ронан. В этом нагретом месте всегда было одно и то же время, и поэтому сердце Адама отбивало странный чёткий ритм, вновь переживая тот момент, когда Ронан предложил свою руку, чтобы помочь Адаму подняться с асфальта. Лишённые контекста физические ощущения взорвались: шок удивления от жара при прикосновении кожи к коже; негромкое шуршание браслетов возле запястья Адама; внезапный укол возможности...

Всё в его сознании было взято в жгучее белое кольцо света.

Чем глубже Адам погружался в музыку и в окружённую белым тьму, тем ближе он продвигался к какой-то сокровенной правде о Ронане. Она пряталась, как уже знал Адам, иногда посверкивая, за лесом, созданным из мыслей. На краткий миг Адам подумал, что он что-то понял про Ронана и про Энергетический пузырь — про Ронана-и-Энергетический пузырь — но это ощущение тут же улетучилось. Он ринулся за ним, углубляясь в то, из чего был соткан разум Энергетического пузыря. И вот Энергетический пузырь швырнул ему изображения: душащая древесная лоза, раковая опухоль, подползающая гниль.

Адам сразу понял, что демон был внутри.

Он чувствовал, как демон наблюдает за ним.

«Пэрриш».

Его заметили.

«ПЭРРИШ».

Что-то коснулось его руки.

Он моргнул. Всё было в светящемся кольце, а затем он моргнул снова, и кольцо превратилось в яркий зрачок зарядного устройства сотового, воткнутого в прикуриватель.

Однако автомобиль никуда не ехал, он только-только остановился. Пыль всё ещё кружилась перед фарами. Ронан был совершенно тих и неподвижен, одна рука, собранная в кулак, покоилась на переключателе передач. Музыка была выключена.

Когда Адам перевёл взгляд на Ронана, тот, сжав челюсть, смотрел прямо в лобовое стекло.

Пыль улеглась, и Адам, наконец, увидел, куда он их привёз.

Он вздохнул.

Потому что легкомысленная поездка холодной ночью и подсознание Адама привели их не к беде, случившейся в Энергетическом пузыре, не к расколу в камне вдоль энергетической линии и не к угрозе, которую увидел Адам в ослепительном свете фар его машины. Вместо этого Адам — освобождённый от мотива и давший волю собственным мыслям, поглощённый задачей найти демона — привёл их обратно в трейлерный парк, где всё ещё жили его родители.

Никто из них не говорил. В трейлере горел свет, но силуэтов в окнах не было видно. Ронан не выключил фары, чтобы они светили прямо на переднюю часть трейлера.

— Зачем мы здесь? — спросил он.

— Неправильный дьявол, — спокойно ответил Адам.

Не так давно в суде рассматривалось обвинение, выдвинутое против его отца. Адам знал, что Ронан праведно негодовал по его итогам: Роберт Пэрриш, начинающий преступник в глазах суда, отделался штрафом и испытательным сроком. Просто Ронан не понимал, что победа заключалась не в наказании. Адаму не нужно было, чтобы его отца посадили за решётку. Ему нужно было, чтобы кто-то посмотрел на их ситуацию со стороны и подтвердил, что преступление имело место быть. Адам его не выдумал, не спровоцировал, не заслужил. Так сказано в вердикте суда. Роберт Пэрриш виновен. Адам Пэрриш свободен.

Ну, почти. Он был всё ещё здесь, смотрел на трейлер. Его пульс смиренно барабанил в желудке.

— Зачем, — повторил Ронан, — мы здесь?

Адам покачал головой, его глаза всё ещё смотрели на трейлер. Ронан всё ещё не выключил фары, и Адам знал, часть его надеялась, что Роберт Пэрриш выглянет за дверь, чтобы посмотреть, кто к ним приехал. Часть Адама тоже этого хотела, но дрожа, будто ожидая очереди к стоматологу, чтобы просто выдернуть зуб и покончить с этим.

Он почувствовал на себе взгляд Ронана.

— Зачем, — сказал Ронан в третий раз, — мы в этом грёбаном месте?

Но Адам ничего не ответил, потому что открылась дверь.

Роберт Пэрриш встал на ступеньки, нюансы его выражения лица смывал свет фар. Однако Адаму и не требовалось видеть его выражение лица, потому что большая часть отцовских чувств была передана телом. Вектор его плечей, изгиб его шеи, изгиб его рук в вялый капкан ладоней. Из чего Адам понял, что отец узнал машину, и он точно знал его чувства по этому поводу. Адам ощутил странную дрожь, вызванную страхом, который был совершенно не связанным с его сознательными мыслями. Кончики его пальцев оцепенели от выброса хорошей порции адреналина, несмотря на то, что разум не отдавал приказа телу его вырабатывать. Его сердце пронзили шипы.

Отец Адама просто стоял и смотрел. А они сидели в машине и смотрели на него. Ронан был взвинчен и закипал, одну руку опустив на дверь.

— Не надо, — попросил Адам.

Но Ронан всего лишь нажал на оконную кнопку. Тонированное стекло с шипением опустилось. Ронан положил локоть на край дверцы и продолжил пристально смотреть в лобовое окно. Адам знал, что Ронан осознавал, каким он мог быть, и не смягчился, глядя сквозь траву на Роберта Пэрриша. Взгляд Ронана Линча был змеей на асфальте, которая преграждала вам дорогу. Запаленный фитиль, оставленный на вашей подушке. Вам ничего не оставалось, только сжать губы посильнее и глотать свою кровь.

Адам тоже смотрел на своего отца, но безучастно. Адам был там, и он был в Энергетическом пузыре, и он был в трейлере одновременно. С отчуждённым любопытством он отметил, что не участвует в процессе должным образом, но, несмотря на то, что он обратил на это внимание, Адам продолжал существовать в трёх гранях.

Роберт Пэрриш не двигался.

Ронан сплюнул в траву – праздный, не угрожающий никому жест. Затем он убрал подбородок обратно в салон, обливая презрением всё вокруг, и, не произнеся ни слова, поднял окно обратно.

Внутри БМВ безмолвствовал. Было так тихо, что, когда подул ветер, стали слышны даже сухие листья, ударяющиеся о шины.

Адам коснулся того места на запястье, где обычно носил часы.

— Я хочу забрать Девочку-Сиротку, — сказал он.

Ронан, наконец, взглянул на него. Адам ожидал увидеть бензин и гравий в его глазах, но у Ронана было такое выражение лица, которое, как показалось Адаму, он прежде не видел. Он что-то обдумывал и взвешивал. Это была более осознанная, сложная версия Ронана. Ронан выросл. Это заставило Адама почувствовать... Он не знал что именно. У него было недостаточно информации, чтобы понять, что же он почувствовал.

БМВ дал задний ход, устраивая шоу из грязи и угрозы. Ронан ответил:

— Лады.

Глава 20

На вечеринке в тогах было совсем не ужасно.

На самом деле было чудесно.

Было так: они обнаружили ванкуверскую тусовку, развалившуюся на покрытой простынями мебели в комнате отдыха, все были одеты в простыни, кругом чёрное и белое, чёрные волосы, белые зубы, чёрные тени, белая кожа, чёрные полы, белый хлопок. Этих людей Гэнси знал: Генри, Ченг2, Рян, Ли-Скворд, Кох, Рутерфорд, СикСтив. Но тут они были другими. В школе они казались ведомыми, тихими, незаметными, примерными студентами, одиннадцать-процентов-контингента-наших-студентов-неоднородны-кликни-на-ссылку-чтобы-найти-больше-информации-о-наших-международных-программах-обмена Академии Аглионбай. Здесь же они сутулились. Они бы не сутулились в школе. Здесь они сердились. Они не могли позволить себе сердиться в школе. Здесь они шумели. Они не доверяли себе настолько, чтобы шуметь в школе.

Было так: Генри устроил для Гэнси и Блу тур по особняку Литчфилд, пока остальные следовали за ними в тогах. Одним из всего, что всегда привлекало Гэнси в Аглионбае, было чувство тождественности, преемственности, традиций, неизменности. Времени там не существовало... или, если и существовало, то оно было малозначительным. Академия всегда была заполнена студентами и будет ими заполняться, они все являлись частью чего-то большего. Но в особняке Литчфилд всё наоборот. Нельзя было не заметить, что каждый из этих парней пришёл из мест, которые не были Аглионбаем, и направлялся в жизнь, которая тоже не будет Аглионбаем. В доме было неопрятно из-за книг и журналов, не относящихся к школе; ноутбуки открыты как на игровых, так и на новостных сайтах. Костюмы висели, подобно телам, в дверных проёмах, их надевали достаточно часто, потому к ним и требовался лёгкий доступ. Мотоциклетные шлемы катались по использованным посадочным талонам и стопкам сельскохозяйственных журналов. У парней особняка Литчфилд уже были жизни. У них у каждого было прошлое, и прошлое с шумом мчалось за ними. Гэнси чувствовал себя странно: как будто смотрел в кривое зеркало. Детали неправильные, цвета те же самые.

Было так: Блу балансировала на краю обиды, когда поинтересовалась:

— Я не понимаю, почему ты продолжаешь так ужасно отзываться о корейцах. О себе.

А Генри сказал:

— Я буду это делать, пока кто-нибудь другой не успел. Это единственный способ не сердиться всё время.

И внезапно Блу подружилась с ванкуверскими парнями. Казалось невероятным, что они вот так вот её приняли, и что она настолько быстро сбросила свои колючки, но так и было: Гэнси видел момент, когда это произошло. В теории она совсем на них не походила. На практике же она совсем как они. Ванкуверская тусовка была не такой, как весь остальной мир, и именно так они и хотели. Жаждающие глаза, жаждающие улыбки, жаждающее будущее.

Было так: Кох, продемонстрировав, как сделать тогу из простыни, отправил Блу и Гэнси переодеваться в захламлённую спальню. Гэнси любезно повернулся спиной, пока она раздевалась, а потом Блу отвернулась от него... может быть, отвернулась. Плечо Блу, её ключица, её ноги, её шея и её смех, её смех, её смех. Он был не способен оторвать от неё взгляда, и здесь это не имело значения, потому что никого не заботило, что они вместе. Здесь он мог играть с её пальцами, когда они стояли близко друг к другу, она могла прислониться щекой к его голому плечу, он мог шаловливо зацепить её лодыжку своей, она могла обнаружить свою руку, расположившуюся вокруг его талии. Здесь он был невероятно падким на её смех.

Было так: корейский поп, опера, хип-хоп и рок-баллады восьмидесятых орали из колонок возле компьютера Генри. Это Ченг2 нереально напился и заговорил о своём плане улучшить экономику южных штатов. Это Генри опьянел, но не стал развязным, а позволил Ряну обманом втянуть себя в игру в бильярд на полу клюшками для лакросса и мячами для гольфа. Это СикСтив ставил фильмы в кинопроектор с выключенным звуком, что позволяло корректировать голос за кадром.

Было так: будущее стало сгущаться в воздухе, и Генри начал тихую пьяную беседу о том, хотела ли Блу попутешествовать с ним по Венесуэле. Блу мягко ответила, что хотела бы, очень бы хотела, и Гэнси слышал тоску в её голосе, словно тоска его разрушала, будто его собственные чувства нестерпимо зеркально отображались.

— Мне с вами нельзя? — спросил Гэнси.

— Да, ты можешь встретить нас там на роскошном самолёте, — сказал Генри.

— Не дай одурачить себя его милой причёске, — вмешалась Блу, — Гэнси пришёл бы пешком.

И тепло заполнило пустоту в сердце Гэнси. Он чувствовал, что его узнали.

Было так: Гэнси спускался по лестнице на кухню, Блу поднималась, они встретились посередине. Гэнси отступил было в сторону, чтобы дать ей пройти, но передумал. Он поймал её руку, а затем и всё остальное. Она была тёплой, живой, трепещущей под тонкой хлопковой тканью; он был тёплым, живым, трепещущим под своей. Блу скользнула рукой по его обнажённому плечу, а затем по его груди, её ладонь расположилась прямо над его грудной клеткой, её пальцы с любопытством нажали на кожу.

— Я думала, ты будешь более волосатым, — прошептала она.

— Извини, что разочаровал. На ногах растёт немного больше.

— На моих тоже.

Было так: они бессмысленно смеялись, уткнувшись в кожу друг друга, играя, пока внезапно стало не до игр, и Гэнси остановил себя, когда его губы оказались в опасной близости от её, и Блу остановила себя, когда её живот прижался к его.

Было так:

— Ты мне ужасно нравишься, Блу Сарджент, — сказал Гэнси.

Было так: улыбка Блу, изогнутая, насмешливая, восхитительная, возбуждённая. Много счастья пряталось в уголках этой улыбки, и даже несмотря на то, что её лицо находилось в сантиметрах от Гэнси, это счастье выплёскивалось и попадало на него. Она

положила свой палец ему на щёку, где, как он знал, появилась ямочка от его собственной улыбки, а затем они взяли друг друга за руки и поднялись назад вместе.

Было так: в этот момент и ни в какой другой и в первый раз, что Гэнси мог вспомнить, он знал, как ощущается своё присутствие в собственной жизни.

Глава 21

Ронан мог сказать откровенно: что-то было не так.

Когда они зашли в Энергетический пузырь, Адам попросил:

— День.

В то время как Ронан произнёс:

— Fiat lux¹.

Лес обычно был вполне настроен на пожелания своих человеческих обитателей, особенно, когда эти человеческие обитатели были его магом и его Грейвореном. Но в этом случае темнота вокруг деревьев упорно оставалась на месте.

— Я сказал fiat lux, — рявкнул Ронан, а затем нехотя: — Amabo te².

Темнота медленно начала подниматься, как вода по промокающей бумаге. Настоящего дневного света никогда здесь и не было, однако и то, что они могли видеть, сейчас было... неправильным. Они стояли посреди чёрных деревьев, цветущих унылым, серым лишайником. Воздух был мрачным и зелёным. На деревьях не осталось листьев, небо казалось низким, похожим на покрытый мхом потолок. Деревья всё ещё ничего не говорили. Словно пасмурное затишье перед бурей.

— Хмм, — неопределённо вслух произнёс Адам. Он был прав.

— Ты всё ещё к этому готов? — поинтересовался Ронан. Всё в точности напоминало его кошмары. Весь вечер напоминал: путь до трейлера, фантом Роберта Пэрриша, нездоровый мрак. Чейнсо при обычных условиях к этому моменту взлетела бы всё выяснить, но вместо этого она шмыгнула Ронану в плечо, крепко вцепившись когтями в карман пиджака.

И как во снах Ронана, он понял, что случится, до того, как это произошло.

Адам замешкался. А потом кивнул.

Всегда было невозможно утверждать во снах, знал ли Ронан, что произойдёт до того, как оно происходило, или что-то происходило только потому, что он сначала об этом подумал. А это важно? Это важно, когда ты бодрствуешь.

Они остановились на минутку на краю леса, чтобы определить их местоположение. Для Ронана было достаточно всего лишь двигаться среди деревьев, чтобы видеть, что он был из их числа; они бы сделали всё возможное, всё, что он бы захотел, что включало в себя исключить возможность, чтобы что-либо сверхъестественное его убило. Для Адама это означало подключиться к энергетической линии, что пульсировала под лесом, раскрыться и позволить внутри образоваться крупному изображению. Такой процесс со стороны выглядел и жутко, и удивительно. Адам, затем освободившийся Адам и в большей степени Адам.

Ронан размышлял над историей о блуждающем глазе Адама и вышедшей из подчинения руке. «Я буду твоими руками. Я буду твоими глазами».

Он вырезал эту мысль из головы. Воспоминания о том, как Адам продаёт часть себя, были и так слишком частыми гостями его ночных кошмаров, ему не нужно было звать их намеренно.

— Ты закончил свои магические дела? — поинтересовался Ронан.

Адам кивнул.

— Время?

Ронан передал ему свой сотовый, радостный от возможности от него избавиться.

¹ (лат.) - пусть будет свет

² (лат.) - пожалуйста

Адам изучал телефон.

— 6:21, — озвучил он и сдвинул брови. Ронан тоже нахмурился. Это не поставило их в тупик из-за неожиданности. Время на энергетической линии всегда неопределённо, прыгает вперёд и назад, минуты втекали в часы и наоборот. Удивительно было, что 6:21 теперь наступало и вне энергетической линии достаточно часто, чтобы пробудить их подозрения.

— Ты закончил свои грейвороновские дела? — поинтересовался Адам.

— Как раз ими занимаюсь, — ответил Ронан. Сложив ладони рупором, он крикнул в тишину: — Девочка-Сиротка!

Вдали, сквозь зелёный воздух, закаркал ворон. Ха ха ха.

Чейнсо зашипела.

— С меня хватит, — сказал Ронан и направился сквозь зелёные деревья. Его не радовал мрак, но и он не походил на незнакомца, никогда не имевшего дела с ночными кошмарами. Разгадка крылась в том, чтобы как можно скорее понять, какие правила и страхи им противостояли, и положиться на них. От паники зависело, насколько ты пострадаешь во сне. Напоминание сну, что ты являешься чем-то чужеродным – хороший способ оказаться выброшенным из него или быть уничтоженным.

Ронан был хорош в грёзах, особенно в Энергетическом пузыре.

Они продолжили движение. Тем временем лес вокруг так и казался неправильным. Как будто они шли по склону, хотя земля под ногами не меняла уровень.

— Расскажи снова, — догоняя, осторожно попросил Адам, — каким образом твои сны стали неправильными. Используй меньше ругательств и больше подробностей.

— Не изменяя Энергетический пузырь вокруг нас? — Хоть Энергетический пузырь и оказался медлительным в ответе на их просьбу о свете, это не значило, что он был бы таким же медлительным, отвечая на воспоминание о ночном кошмаре. Не когда он и без того выглядел таким: серо-зелёная половина мира чёрных стволов.

— Безусловно.

— Они неправильные, как это.

— Как что?

Ронан выдал:

— Просто как это.

Он ничего больше не сказал. Он заорал:

— Девочка-Сиротка!

Кар, кар, кар!

На этот раз это звучало чуть больше как девочка, чуть меньше как птица. Ронан немного прибавил темп, теперь они поднимались. Справа от них голая каменистая поверхность, уходящая круто вниз с несколькими маленькими деревцами, прорывающимися из трещин в голом камне. Они осторожно делали каждый шаг по такому ненадёжному краю; один промах отправил бы их на ярды вниз, без возможности быстро подняться.

Он обернулся, чтобы убедиться, что Адам идёт следом; тот, сощурившись, смотрел на Ронана.

— Думаешь, с твоим сном что-то не так, потому что с Энергетическим пузырём что-то не так? — спросил Адам.

— Возможно.

— То есть, если мы исправим Энергетический пузырь, мы исправим и твои сны?

— Возможно.

Адам всё ещё размышлял, прилагая столько усилий, что Ронану казалось, он мог бы это почувствовать. На самом деле, в Энергетическом пузыре, когда Адам был так близко, возможно, он действительно мог.

— Ты ведь мог нагрезить вещи до того, как мы нашли Энергетический пузырь, верно? Так ты можешь это делать без него?

Ронан остановился и покосился на мрак. Где-то пятнадцатью ярдами ниже наклонный каменный обвал, вдоль которого они шли, заканчивался водоёмом с идеально чистой водой. Он был окрашен в зелёный, потому что воздух был зелёным, потому что всё было зелёным, но в остальном вода была чистой. Ронан мог разглядеть весь путь до каменистого дна. Он был точно куда больше вглубь, чем вширь, бездна, заполненная водой. Это удерживало его внимание.

— Зачем?

— Если ты отделишься от Энергетического пузыря каким-нибудь образом, пока я всё не исправлю, станут ли твои сны нормальными?

Вот так. Адам, наконец-то, задавал правильные вопросы; вопросы, подразумевающие, что он, вероятно, уже знал ответы. Чем больше времени они проводили в Энергетическом пузыре, чем дольше они вместе имели дело со снами Ронана, тем сильнее ночные кошмары Энергетического пузыря отражались в кошмарах Ронана, и наоборот. Тем больше доказательств накапливалось.

Но теперь, когда они сюда добрались, Ронан не был уверен, что хотел бы оказаться по другую сторону. Так много дней на церковной скамье, прижимая костяшки пальцев ко лбу, беззвучно спрашивая: «Что я? Один ли я такой? Что это значит?..»

Он сказал:

— С Энергетическим пузырём у меня получается лучше. С Девочкой-Сироткой тоже. Но...

Он остановился. И смотрел на землю.

— Задай вопрос, — произнёс он. — Просто задай. Просто...

— Какой вопрос?

Ронан не отвечал, просто смотрел на землю. Зелёный воздух двигался вокруг, окрашивая его бледную кожу, а деревья повсюду изгибались чёрным и реальным, всё в этом месте выглядело, как его сны, или всё в его снах выглядело, как это место.

Адам сжал губы, а затем спросил:

— Ты нарезил Энергетический пузырь?

Голубые глаза Ронана взметнулись к Адаму.

Глава 22

Часы показывали 6:21.

— Когда? — спросил Адам. — Когда ты понял, что нарезил Энергетический пузырь? Сразу же?

Они стояли лицом друг к другу на вершине наклонного обрыва скалы, далеко внизу простиралась чистейший водоём. Сердце Адама колотилось либо от адреналина, либо от близости к энергетической линии.

— Всегда, — сказал Ронан.

Понимание этого не должно было изменить его отношения к Ронану. Грёзы всегда были впечатляющими, необычными, похожими на ошибки создателя, фокусом энергетической линии, которая позволяла молодому человеку воплощать свои мысли в конкретные предметы. Это была магия, но разумная. Но тут... нужно было не только нарезать существование всего леса, но и создать место грёз вне собственной головы. Адам находился в грёзах Ронана; вот, что означало такое осознание.

— Вроде всегда, — поправил себя Ронан. — С того самого мгновения, как мы оказались здесь, я узнал его. Мой почерк на скале. Думаю, я сразу же его узнал. Просто мне понадобилось больше времени, чтобы в это поверить.

Он медленно перебаривал каждое воспоминание о тех их ранних набегах в этот лес. Кусочки встали на свои места.

— Вот почему он зовёт тебя Грейворен. Вот почему ты не такой, как остальные.

Ронан пожал плечами, но это вышло скорее озабоченно, нежели беззаботно.

— Вот почему латинская грамматика такая ужасная. Потому что грамматика твоя.

Ронан снова пожал плечами. Вопросы так и лились лавиной на Адама, но ему было слишком сложно произнести их вслух. А Ронан вообще человек? Наполовину грезящий, наполовину грёза, создатель воронов, девочек с копытами и целых лесов. Немудрено, что школьная форма Аглионбая душила его, немудрено, что его отец взял с него клятву молчать об этом, немудрено, что он не мог заставить себя сосредоточиться на учёбе. Адам уже давно это понял, но теперь он осознал это снова, полнее, глубже, всю нелепость Ронана Линча в классе для стремящихся в политики.

Адам почувствовал себя немного истеричным.

— Вот почему лес говорит на латыни, а не на португальском или валлийском. О Боже. Я...

Он заключил сделку с этим лесом. Когда он заснул, и Энергетический пузырь был в его мыслях, плутая в его снах, неужели Ронан...

— Нет, — быстро сказал Ронан своим не школьным голосом. — Нет, не я его создатель. Я спросил у деревьев после того, как догадался, почему, чёрт возьми... как, черт возьми, это произошло. Энергетический пузырь существовал каким-то образом до меня. Я просто нагрезил его. Я имею в виду, что я просто придал ему такой вид. Я, не зная того, выбрал эти деревья и этот язык, и всё это дерьмо вокруг. Чем бы это ни было на энергетической линии до меня, оно было разрушено, а значит, не имело тела, формы... когда он пригрезился мне, я придал ему снова физическую форму. Вот и всё. Как это называют? Явить. Я только явил его из какой-то другой хреновой плоскости, в которой он прибывал. Это не я.

Мысли Адама кружились мутной массой; прогресса не было — он топтался на месте.

— Энергетический пузырь — это не я, — повторил Ронан. — А ты всё ещё ты.

Одно дело сказать, а другое дело увидеть Ронана Линча стоящим среди деревьев, которые он явил к жизни, выглядя их частью, потому что и был их частью. Маг... Неудивительно, что Ронан спокойно относился к сверхъестественности Адама. Не удивительно, что ему нужно было, чтобы Адам был таким.

— Не понимаю, какого хрена я вообще тебе это рассказал, — выдал Ронан. — Нужно было солгать.

— Просто дай мне секунду переварить это, ладно? — попросил Адам.

— Как скажешь.

— Ты не имеешь права психовать из-за того, что я просто хочу всё обдумать.

— Я же сказал: как скажешь.

— И сколько тебе понадобилось времени, чтобы поверить в это? — требовательно спросил Адам.

— Я всё ещё пытаюсь, — ответил Ронан.

— Значит, всё еще не можешь... — Адам осёкся. Он внезапно почувствовал, будто его сбросили с большой высоты. Это было то же ощущение, как тогда, когда он знал, что Ронан нагрезил что-то большое. Он только успел задаться вопросом, было ли это связано с энергетической линией или с шоком от откровения Ронана, как такое случилось снова. На этот раз свет вокруг них ослабел.

Черты лица Ронана обострились.

— Энергетическая линия... — начал было Адам и снова осёкся, не зная как закончить мысль. — Что-то происходит с энергетической линией. Такое чувство, будто ты гредишь что-то большое.

Ронан раскинул руки, явно давая понять, что это не он.

— Что ты хочешь делать?

— Не знаю, стоит ли нам оставаться здесь, пока всё вот так, — сообщил Адам. — Я определённо не считаю, что нам стоит пытаться добраться до долины роз. Давай просто позовём её ещё несколько раз.

Ронан усталился на Адама, оценивая его состояние. Он определённо увидел, что у Адама появилась потребность встать на колени у себя в квартире, заложить руки за голову и подумать о том, что он сейчас узнал.

— Как насчёт ещё одного раза? — произнёс он.

— Сиротка! — закричали они одновременно.

Общая цель их слов разрезала мрак.

Лес услышал.

Явилась Девочка-Сиротка. Её кипа была низко надвинута на огромные глаза, а свитер казался ещё заношеннее. Она не могла не напугать, появившись среди серо-зелёных деревьев не своим обычным способом, а пробегая между тёмными стволами. Она выглядела так, будто сошла с винтажной фотографии, которые Адам видел в Барнс, потерявшееся дитя эмигрантов из разрушенной страны.

— Вот ты где, оборвашка, — сказал Ронан, когда Чейнсо нервно закаркала. — Наконец-то.

Девочка неохотно предложила Адаму вернуть его часы. На ремешке появились отметины от зубов. Циферблат показывал 6:21. Часы были очень грязными.

— Можешь оставить их себе, — велел Адам, — пока. — Он на самом деле не мог одолжить ей часы, но у неё не было ничего, даже имени.

Она начала говорить что-то на странном, сложном языке, в котором Адам узнал старый, первоначальный язык того, чем было это место – язык, который юный Ронан по ошибке принял за латынь в своих давних грёзах – а потом умолкла. Она произнесла:

— Берегись.

— Чего? — уточнил Ронан.

Девочка-Сиротка закричала.

Свет потускнел.

Адам почувствовал это в груди, резкое падение энергии. Словно все артерии, идущие к сердцу, обрезали ножницами.

Деревья взвыли; земля задрожала.

Адам рухнул на колени, прижимая ладони к земле, чтобы вздохнуть, попросить помощи, чтобы Энергетический пузырь вернул ему биение его сердца.

Девочка-Сиротка исчезла.

Нет, не исчезла. Она резко обрушилась вниз по наклонной скале, цепляясь пальцами за выступы, слепо скользя копытами, увлекая за собой крошечные камушки. Она не вызвала к помощи, она просто пыталась спасти себе жизнь. Они смотрели, как она скатилась в чистый водоём и, благодаря прозрачности воды, увидели, как глубоко она в него погрузилась.

Не раздумывая, Ронан прыгнул вслед за ней.

Глава 23

Часы показывали 6:21.

Ронан ударился о воду достаточно сильно, чтобы увидеть искры перед глазами. Вода была тёплой, как кровь, и в мгновение, когда он подумал об этом тепле, он понял, что помнит этот водоём. Он видел его во сне раньше.

Это кислота.

Жарко было потому, что вода разъедала его. В конце концов, от него не останется ничего, кроме костей, белых колышков, торчащих из школьной формы, как у Ноа.

Ронан немедленно отбросил все свои мысли в отношении Энергетического пузыря.

«Не кислота, — подумал он. — Преврати это не в кислоту».

Однако его кожа продолжала гореть.

— Убери кислоту, — сказал он вслух водоёму, когда защищало глаза. Жидкость затекла ему в рот, проникла в ноздри. Он чувствовал её бурление под ногтями. Где-то под

ним была Девочка-Сиротка, и она находилась в странном море на несколько секунд дольше. Сколько времени у него есть. Сейчас он не мог хорошо вспомнить тот сон, чтобы узнать. Он выдохнул слова прямо в кислоту. — Сделай воду безопасной.

Энергетический пузырь вздыбился вокруг него, вздрагивая и дёргаясь, пытаясь удовлетворить его просьбу. Теперь он мог видеть, что Девочка-Сиротка медленно поднимается к нему. Она прикрыла глаза; она не знала, что он прыгнул за ней. Скорее всего, она не ждала ничьей помощи. Сиротка-девочка, сиротка-мальчик.

Ронан бросился к ней – он был хорошим пловцом, но не в кислоте и без недостатка кислорода.

Жидкость рычала возле его кожи.

Он схватил её за огромный свитер, и её глаза распахнулись широко, странно и испуганно. Её рот собирался произнести «Кра»? А потом она схватила его за руку. С мгновение они оба тонули, но она не была глупой, начала грести свободной рукой и ударилась о каменную стену.

Было такое чувство, что они погрузились на мили ниже поверхности.

— Энергетический пузырь, — сказал Ронан. Из его рта вырвались огромные пузыри. Его мозг отказывался решать проблемы. — Энергетический пузырь, воздух.

Как правило, Энергетический пузырь не допустил бы опасностей. Как правило, энергетический пузырь знал, каким было хрупким человеческое тело. Но сейчас он его не слушал, но даже если и слушал, то ничего не мог сделать, чтобы помочь.

Водоём кипел вокруг них.

Он скоро умрёт, и всё, о чём он мог думать, было: как только это произойдет, жизнь Меттью тоже закончится.

Вдруг что-то ударило его в ногу. Прижалось к его рукам. Ударило в грудь. Его дыхание... Он едва успел схватить Девочку-Сиротку, прежде чем перед глазами всё почернело.

А затем его выдернуло из воды толчком снизу. Он был низвержен на скалистый край водоёма. Девочка-Сиротка скатилась с его руки. Они оба откашливали жидкость; она была розоватой из-за пузырьков, вздувшихся на языке. Листья пластырями целиком обклеили руки Ронана и руки Девочки-Сиротки. Их было так много.

Бросив одурманенный взгляд через плечо, Ронан обнаружил, что водоём был заполнен вьющимися стеблями и кустами. Побегі всё ещё медленно вырастали на поверхность, а погруженная часть растений была уже изъедена кислотой.

Вот, что спасло их от гибели. Их подняли ветви.

Адам припал к скале по другую сторону водоёма. Его голова была опущена, словно он или собирался бежать спринт, или молиться. Руки он прижимал к камню по обе стороны от себя, да так сильно, что костяшки побелели. Между руками он разложил несколько камней в виде рисунка, который, по-видимому, имел для него какой-то смысл. Один из всё ещё растущих побегов опутал его лодыжки и запястья.

Ронана будто молнией поразило – это не растения спасли им жизнь. Их жизни спас Адам Пэрриш.

— Пэрриш, — позвал Ронан.

Адам посмотрел вверх пустыми глазами. Его трясло.

Девочка-Сиротка пробралась к Адаму, стараясь держаться подальше от края. Она поспешно скинула маленькие камни в заводь, беря их только большим и указательным пальцами. И тут же растения перестали расти. Дрожащий Адам откинулся назад, выражение его лица было далёким и болезненным. Правая рука вывернулась так, что смотреть на неё было не очень приятно. Девочка-Сиротка взяла его за левую руку и поцеловала в ладонь – он лишь закрыл глаза – и тогда она настойчиво посмотрела на Ронана.

— Вытащить! Нам нужно вытащить его! — сказала она.

— Откуда? — спросил Ронан, пробираясь к ним, огибая водоём. Он посмотрел на обрыв скалы, на склон горы вокруг, пытаясь придумать, как проложить им дорогу к выходу.

— Из Энергетического пузыря, — произнесла Девочка-Сиротка. — Что-то происходит. Ах!

В прогалинах между погруженными и испорченными листьями жидкость в водоёме чернела. Это был ночной кошмар.

— Вставай, Пэрриш, — велел Ронан, хватая Адама за руку. — Мы убираемся отсюда.

Адам открыл глаза; одно веко повисло.

— Не забудь, что она едет с нами, — сказал он.

Глава 24

Часы показывали 6:21.

На Фокс Вей уже вечность никто не отвечал на телефон. Блу покорно использовала сотовый Гэнси, чтобы звонить домой каждые сорок пять минут, как просила мама, но никто не брал трубку. Первый раз ей это не показалось чем-то необычным; если линия была занята экстрасенсорной консультацией на расстоянии, внешний звонок переключался на голосовую почту. Хотя такое и было непривычно. Блу попытала счастье спустя очередные сорок пять минут, а потом ещё раз.

— Нам нужно идти, — сказала Блу Гэнси.

Он не поставил её слова под сомнения. Как и Генри Ченг, к его чести, хотя тот и находился в той степени опьянения, когда любят всё и вся, и мог бы начать уговаривать их остаться. Вместо этого он, казалось, мгновенно догадался, что это личное и должно быть неприкосновенным. Он принял их простыни, пожелал им спокойной ночи и ещё раз слёзно попросил отправиться в путешествие с ним по Венесуэле.

В машине, они поняли, что часы Гэнси всё время показывали 6:21.

Что-то было не так.

На Фокс Вей 300 она толкнула входную дверь. Несмотря на то, что было поздно — было поздно? Часы показывали всего 6:20, а теперь 6:21, всегда 6:20, а следом 6:21 — было не заперто. Гэнси рядом с ней был одновременно настороженным и напряжённым.

Войдя, они закрыли за собой дверь.

Что-то было не так.

Во мраке дома Блу не могла сразу сказать, что было неладно, только она была абсолютно уверена, что-то неладно. Это ощущение сковало её, она не могла пошевелиться, пока не определила, что именно её беспокоило. «Вот как, наверное, — подумала она, — быть экстрасенсом».

Её руки дрожали.

Что же случилось? Возможно, было темнее, чем обычно, рассеянный свет из кухни не мог вторгнуться в ночь. Возможно, было холоднее, чем обычно, но, может быть, ей так показалось из-за гложущей обеспокоенности. Было тише — никакой болтовни телека или звона кружек, но это могло означать, что просто слишком поздний час. Мерцание лампочки... нет, всего лишь свет от автомобильной фары отразился от циферблата часов, стоявших на столике в прихожей. Часы показывали 6:21.

Она не могла пошевелиться.

Казалось, невозможно быть пойманной здесь в ловушку страхом и ничем более, и всё же она стояла. Она говорила себе, что ей доводилось пробираться через таинственные пещеры, стоять под искрами ночного кошмара в виде дракона и находиться рядом с отчаянным мужчиной с оружием, и поэтому собственный дом за отсутствием явной угрозы не должен был её парализовывать.

Но она не могла пошевелиться, и Гэнси тоже не двигался. Он рассеянно прижал палец к левому уху. Его взгляд был остекленевшим и напомнил ей о приступе паники, случившемся с ним в пещере не так давно.

Ей на мгновение почудилось, что они остались последними людьми на земле. Вот сейчас она сделает шаг в гостиную и обнаружит на полу только мёртвые тела.

Прежде чем она успела взять себя в руки, наружу вырвалась единственная нотка всхлипывания.

Будь благоразумной!

Пальцы Гэнси неуклюже переплелись с её пальцами. Его ладонь вспотела, но это было неважно... её ладонь тоже была потной. Они оба были в ужасе.

Теперь, когда она об этом подумала, то поняла, что дом на самом деле не безмолвствовал. Несмотря на тишину, она слышала какое-то потрескивание и гудение, напоминающее несогласованные звуки электроники.

Гэнси пристально посмотрел ей в глаза. Она благодарно сжала его пальцы. А после они разомкнули ладони. Неизвестно, может, им понадобятся обе руки, чтобы обороняться.

Шевелись, Блу.

Они двинулись вперёд осторожно, будто стесняясь неожиданного скрипа половиц. Оба боялись издать хотя бы звук, пока не узнают, что же ищут.

Просто: боялись.

Остановившись у основания лестницы, Блу положила руку на твёрдые перила и прислушалась. Гул, который она слышала ранее, стал громче, неприятнее и живее. Это было гудение, песня без слов, пугающее воспроизведение голосом одной ноты перед модуляцией другой в незнакомом регистре.

Стук, раздавшийся непосредственно позади них, заставил Гэнси вздрогнуть. Но Блу была рада этому звуку, потому что узнала его. Это был удар гигантских сабо её кухни о неровный пол. Вдохнув с облегчением, она развернулась, чтобы обнаружить Орлу в её таких утешительно-знакомых и дурацких привычных джинсах-клёш. Взгляд Орлы оказался устремлённым в какую-то точку поверх головы Блу.

— Орла, — позвала Блу, и глаза её кухни встретились со взглядом Блу.

Орла закричала.

Руки Блу неосознанно, будто принадлежали ребёнку, закрыли уши, а ноги, следовавшие примеру рук, споткнувшись, заставили Блу врезаться в спину Гэнси. Орла прижала руки к сердцу и снова закричала, звук надломился и прозвучал выше. Блу никогда не думала, что услышит подобное от своей кухни. Какая-то часть Блу бросилась прочь от этого звука, представляя, что не лицо Орлы кричит, представляя, что не тело Блу наблюдает, представляя, что это сон, а не реальность.

Орла умолкла.

Однако её глаза... она по-прежнему смотрела мимо Блу в небытие. И внутри себя. Её плечи отяжелели от ужаса.

И за всем этим откуда-то в доме продолжал исходить тот гудящий звук.

— Орла, — прошептал Гэнси. — Орла, ты меня слышишь?

Орла не ответила. Она смотрела в мир, который Блу был недоступен.

Блу не хотелось говорить правду, но она всё равно сказала:

— Думаю, мы должны найти звук.

Гэнси мрачно кивнул. Оставив Орлу с её слепыми стенаниями, они пробрались глубже в дом. В конце коридора свет с кухни, казалось, обещал безопасность и определённость. Но между ними и кухней располагалась темнота дверного проёма гадальной. Хотя сердце Блу подсказывало, что в комнате было абсолютно темно, её глаза увидели, что на столе стояло три свечи. И они горели. Но это неважно. Они ни коим образом не влияли на тьму.

Станный многоголосый гул просачивался из гадальной.

Ещё слышалось приглушённое шарканье, словно кто-то мёл веником пол.

Костяшки Гэнси неуверенно провели по её руке.

Сделай шаг.

Она шагнула.

Войди.

Они вошли.

На полу гадальной крутился и дёргался Ноа, его невозможное тело. Он где-то умирал. Всегда умирал. Даже с учётом того, что Блу уже видела воссоздание его смерти, наблюдать за этим раз от разу легче не становилось. Его лицо развернулось к потолку, рот раскрылся в бессмысленной боли.

Дыхание Гэнси стало прерывистым.

Над Ноа возвышалась Кайла, она сидела на гадальном столе и смотрела в никуда. Её руки лежали поверх разбросанных карт таро. Телефон лежал рядом с картами; она была в середине процесса гадания на расстоянии.

Диссонирующий гул звучал громче всего остального.

Он исходил от Кайлы.

— Вам страшно? — прошептал Ноа.

И Блу, и Гэнси вздрогнули. Они не осознали, что Ноа перестал извиваться, но он перестал и теперь лежал на спине, подтянув к себе колени и взирая на них. Неожиданно в выражении его лица появилась злая усмешка, небольшая не-ноашность. Его зубы виднелись сквозь натянутую улыбку.

Блу с Гэнси переглянулись.

То, что было Ноа, внезапно подняло глаза, словно заслышав приближение чего-то. Он тоже начал напевать. И это тоже было немзыкально.

Каждый сустав в теле Блу горел предупреждением об опасности.

А потом Ноа расслоился надвое, а затем снова стал единым целым.

Блу не знала, как ещё выразиться. Вот был Ноа, а потом появился ещё один рядом с ним, который смотрел в другую сторону, и вновь остался один Ноа. Она не могла решить, закалась ли ошибка в самого Ноа или она просто неправильно его видела.

— Мы все должны бояться, — сказал Ноа тонким голосом, прорезавшим гул. — Когда вы играете со временем...

Неожиданно он оказался перед ними, глаза в глаза, или, по крайней мере, его лицо, а потом в мгновение ока он вновь уже был в нескольких футах от них. Он снова натянул на свой облик немного ноашности, своей мальчишеской ипостаси. Он держал руки на коленях, словно бегун, и с каждым тяжелым выдохом с его губ нехотя срывался напев.

Дыхание Блу и Гэнси зависло в переливающемся облачке перед ними, словно они были мёртвыми. Ноа тянул энергию из них. Много энергии.

— Блу, уходи, — попросил Ноа. Его голос был напряжённым, но он контролировал отвратительный напев. — Гэнси... уходи. Это не буду я! — Он скользнул вправо, а потом обратно; но его поведение было не так важно. Кривая, совершенно противоречащая его сведённым бровям усмешка растянула его губы и исчезла. В выражении его лица появился вызов и тут же пропал.

— Мы не уйдём, — сообщила Блу. Но она всё-таки начала выстраивать вокруг себя защиту. Она не могла сдерживать это, чем бы оно там ни было, от черпания энергии у Кайлы и Гэнси, но она могла отрезать свою собственную довольно мощную батарею.

— Пожалуйста, — прошипел Ноа. — Разрушитель, разрушитель.

— Ноа, — сказал Гэнси, — ты сильнее этого.

Лицо Ноа почернело. Из черепа чернила пролились до самого сердца. Только лишь зубы сверкали белизной. Он начал то ли задыхаться, то ли хохотать.

— ВЫ ВСЕ УМРЁТЕ.

— Оставь его в покое! — прорычала Блу.

Гэнси сильно содрогнулся от холода.

— Ноа, ты можешь справиться.

Ноа поднял руки перед собой, развернув ладонями друг к другу, при этом его пальцы танцевали и казались когтями. Это были руки Ноа, а потом они превратились в каракули.

— Нет ничего невозможного, — произнёс Ноа. Его голос был ровным и глубоким. Вместо рук у него вновь стремительно появились линии, искажённые и бесполезные. Блу видела насквозь его грудную клетку, и там не было ничего, кроме черноты. — Нет ничего невозможного. Я доберусь до него. Я доберусь до него. Я доберусь до него.

Единственное, что удерживало Блу на месте, единственное, что держало её так близко к этой твари – это понимание того, что она свидетельница преступления. Не Ноа нечаянно стал ужасающим. Что-то проникло в Ноа, проходило через него. Без разрешения.

Гудящий голос продолжал:

— Я доберусь до него... Блу!.. Я доберусь до него... Прошу тебя! Уходи!.. Я доберусь до него...

— Я не оставлю тебя, — сказала Блу. — Я не боюсь.

Ноа разразился диким смехом восторженного гоблина. А потом в сторону высоким голосом произнёс:

— Будешь бояться!

И тогда он бросился на неё.

Блу мельком успела заметить Гэнси, рванувшего к нему, как только Ноа впился когтями ей в лицо.

Гадальная исчезла, как свет, как и тьма. Боль и блеск, холод и жар...

Он выдавливал её глаза.

— Ноа! — простонала она.

Всё расплылось в штрихи и каракули.

Она вскинула руки к лицу, но ничего не изменилось. Она чувствовала себя нанизанной на когти, его пальцы впились ей в плоть. Левый глаз видел только белый цвет; правый глаз видел только чёрный. Её пальцы казались скользкими; щёки бросило в жар.

Свет вырывался из Ноа, словно вспышки на солнце.

Внезапно руки схватили её за плечи, разворачивая от него. Она оказалась окружена теплом и мятой. Гэнси держал её так крепко, что она чувствовала его дрожь. Гул был везде. Она ощущала его на своём пылающем лице, когда Гэнси встал между ней и жужжащим злом, которым был сейчас Ноа.

— О Боже. Блу, мне нужна твоя энергия, — сказал ей Гэнси на ухо, и она услышала страх, опутавший его слова. — Сейчас.

Боль взрывалась с каждым ударом сердца, но она позволила ему взять её за скользкие пальцы.

Гэнси схватил её руку. Она снесла все стены вокруг своей энергии.

Ясно, чётко и громко он приказал:

— Стань! Ноа!

Комната погрузилась в тишину.

Глава 25

Часы показывали 6:21.

Немногим менее шестисот миль вниз по энергетической линии миллион крохотных огоньков моргали в тёмной холодной ряби Чарльз Ривер. Глоток ноябрьского воздуха нашёл лазейку в балконной двери таун хауса Бэк Бэй Колина Гринмантла. Он не оставлял дверь открытой, но, тем не менее, она была открыта. Просто щель.

В которую прокрались они.

Сам Колин Гринмантл находился на первом этаже дома в золотисто-коричневой комнате без окон, выделенной под его коллекцию. Экземпляры коллекции были

прекрасны, стекло и железо, тюль и золото, подходящая диковинная выставка подходящих диковинных предметов. Пол под коллекцией был сделан из дуба со старой фермы в Пенсильвании; Гринмантл всегда предпочитал владеть вещами, некогда принадлежавшими кому-то другому. Невозможно утверждать, насколько большой была комната, потому что единственным источником света были огни прожекторов, освещавших каждый необычный артефакт. Лампы светились во тьме в каждом направлении, словно корабли в ночном море.

Гринмантл стоял перед старым зеркалом. Край был отделан гравировкой листьев аканта и лебедей, угощающих других лебедей, часы в латунной окантовке были встроены наверху рамки. Циферблат показывал 6:21 вечера. Предположительно, само зеркало покрывалось слезами в отражении смотрящего, если его семью недавно посещала смерть. У его отражения глаза казались сухими, но, в любом случае, он думал, что выглядит жалко. В одной руке он держал бутылку каберне совиньон, чья этикетка обещала ноты вишни и графита. В другой руке – пару серёжек, которые он приобрёл для жены, Пайпер. Он был одет в красивый короткий пиджак и семейные трусы. Он не ждал компанию.

Так или иначе, они пришли, пробравшись через венец карниза библиотеки на втором этаже, переползая через тела друг друга.

Гринмантл глотнул вина прямо из бутылки – когда он выбирал её на кухне, он думал, что так получится более эстетически трогательно и отчаянно, чем если взять одинокий стакан, так и вышло. Он хотел, чтобы тут оказался бы кто-нибудь и посмотрел, как эстетически трогательно и отчаянно он выглядел.

— Заметки пороха и несдержанности, — сказал он своему отражению. Он сделал ещё один глоток, настолько большой, что поперхнулся. Немного слишком пороха и несдержанности за один раз.

Отражение широко распахнуло глаза, его жена стояла позади, сжимая пальцы вокруг его шеи. Несколько светлых волос выбились из её гладкой причёски, а осветительные приборы для коллекции за ней окрашивали эти пряди в золотисто-бело-огненный. Её глаза были чёрными. Одна бровь поднята, но она, напротив, не выглядела сбитой с толку, пока её пальцы впивались в его кожу. Его шея побагровела.

Он моргнул.

Её там не было.

Её никогда там не было. Она оставила его позади. Ну, справедливости ради, он оставил её позади, но это она начала. Она была той, кто предпочёл увековечить немалое количество бестактных жестоких преступлений в дебрях Вирджинии, прямо когда он решил, что готов забрать свои игрушки и смыться.

— Я один, — сказал Гринмантл зеркалу.

Но он был не один. Они неслись вниз по лестнице, приземляясь на верхушки фоторамок и рикошета на кухню.

Гринмантл отвернулся от зеркала и встал лицом к своей коллекции. Четырёхрукие рыцарские доспехи, чучело единорога размером с карликовую козу, клинок, с которого непрерывно капала кровь на дно его стеклянного футляра. Лучшее почти после двух десятилетий поисков. Не совсем лучшее, рассуждал Гринмантл, скорее, лишь объекты, которые, как он думал, привлекут внимание Пайпер.

Ему показалось, он услышал что-то в коридоре, ведущем в комнату. Жужжание. Или шарканье. Не совсем шарканье... Слишком легко.

— После многочисленных предательств Колин Гринмантл под сорок лет получил нервный срыв, — прокомментировал Гринмантл, игнорируя звук, — заставив многих поверить, что он канул в неизвестность.

Он обратил внимание на серьги в своей руке. Он предпринял шаги, чтобы обзавестись ими где-то два года назад, но у его поставщиков заняло много времени, чтобы сорвать их с женской головы в Гамбии. По слухам, их владелец мог видеть сквозь стены. Во всяком случае, сквозь определённый тип стен. Не сквозь кирпич. Не сквозь камень. А

сквозь гипсокартон. Они могли справиться с гипсокартоном. Уши Гринмантла не были проколоты, так что он не мог их испробовать. И с Пайпер, ведущей новую криминальную жизнь, казалось, никогда и не сможет.

— Но зрители недооценили силу духа Колина, — сказал он. — Его способность оправиться после душевной травмы.

Он повернулся к двери в тот момент, как в неё ворвались гости.

Он моргнул.

Они не пропали.

Он моргнул и снова моргнул, а что-то всё ещё входило через дверь, что-то, что не являлось ни его воображением, ни проклятым зеркальным отражением. Его разуму потребовалась минута, чтобы сопоставить слух и зрение и осознать, что это был не один посетитель: их было много. Они переливались, сталкивались и скреблись друг с другом.

Только когда одна из оравы вырвалась на свободу и неравномерно полетела к нему, он понял, что это были насекомые. Чёрная оса приземлилась на его запястье, он велел себе не прихлопнуть её. Она его ужалила.

— Сука! — произнёс он и замахнулся бутылкой.

Другая оса присоединилась к первой. Гринмантл затряс рукой, сбрасывая её, но к нему полетела третья. Четвёртая, пятая и коридор, полный ос. Все они оказались над ним. Он был одет в красивый пиджак, семейные трусы и в ос.

Серьги упали на пол, когда его скрутило. В зеркале с его отражения капали слёзы, и он видел не ос, а Пайпер, её руки и улыбку, укутывающие его.

— Мы закончили, — сказал её рот.

Освещение погасло.

Часы показывали 6:22.

Глава 26

Что ни говори о Пайпер Гринмантл, но она не из тех, кто пасует перед трудностями, даже когда всё идёт совершенно не так, как она себе представляла. Она ещё долго продолжала ходить на пилатес после того, как получила удовлетворительный физический результат, продолжала посещать «Книжный клуб» после того, как обнаружила, что читает быстрее сотоварищей, и по-прежнему каждые две недели наращивала ресницы из меха норки даже после того, как ближайший салон был закрыт из-за санитарных нарушений.

Поэтому, когда она продолжила искать магическое спящее существо, якобы захороненное возле арендованного ею дома, то не успокоилась, пока не нашла.

Разрушителя.

Это было первое, что она сказала, когда нашла его. И ей потребовалось ещё одно долгое мгновение, чтобы понять, что это был ответ на её вопрос («Какого черта?»).

В защиту Пайпер скажем — спящий выбивал из колеи. Она ожидала увидеть человека, а вместо него обнаружила убийственно чёрную шестиногую тварь, которую она бы назвала шершнем, если бы, во-первых, не нашла репеллент от ос и шершней, и, во-вторых, её не посетила мысль, что шершням незачем быть длиннее одиннадцати дюймов.

— Это демон, — сообщила тогда Нив. Нив была третьей ногой их неудобной треноги. Приземистая женщина с нежным голосом, красивыми руками и плохими волосами. Пайпер думала, что она телевизионный экстрасенс, но не могла вспомнить, как получила эту информацию.

Нив, похоже, не обрадовалась тому, что они нашли демона, но Пайпер тогда умирала и была не слишком разборчива в выборе друзей. Она пропустила все эти тонкости общения с демоном и просто сказала:

— Я тебя пробудила. Окажешь милость? Почини моё тело.

«Я окажу тебе милость».

И оказал. В тёмной могиле будто подул слабый ветерок, а потом Пайпер перестала истекать кровью. Она думала, что на этом всё и закончится. Но оказалось, что милость оказывалась лишь раз, но навсегда.

И посмотрите-ка на неё. Они вышли из той пещеры, солнце слепило, и Пайпер без затей убила своего трусливого мужа-подонка. Магия циркулировала в ней, и, честно говоря, она чувствовала себя ужасно крутой. Водопад рядом полился вспять, забив водой в небо, оглушительно бурля. С трёх ближайших к Пайпер деревьев облетела кора, и на стволе выступили влажные сгустки.

— Почему воздух такой странный? — спросила Пайпер. — Он словно царапает меня. Эти судороги теперь навсегда?

— Я считаю, что это успокаивает, — сказала Нив выцветшим голосом. — Чем дальше мы путешествуем с момента смерти твоего мужа. Это отголоски. Лес пытается избавиться от демона, который, похоже, использует тот же источник энергии, сосредоточенный в лесу. Лес реагирует на то, что его используют для убийства. Я чувствую, что это место творит и созидает, и поэтому любой твой шаг, который ведёт к обратному, вызывает своего рода духовные колебания.

— Всем нам приходится делать то, что не хочется, — заметила Пайпер. — И мы не собираемся убивать кучу народа. Просто мне нужно доказать отцу, что я серьёзно настроена помириться.

Демон спросил: «Что теперь желаешь?»

Он вцепился в камнеподобную старую кору дерева, сгорбив спину, как шершни, когда им холодно, влажно, или ветер дует с водопада. Его усы дрожали в её направлении, и он всё ещё гудел в такт рою, которого больше не было. Солнце над головой задрожало; Пайпер подумала, что на улице стоял вообще не день. Ещё немного коры отшелушилось от дерева.

— Ты вреден для окружающей среды? — Пайпер всегда внимательно относилась к оставляемому ею углеродному следу. Казалось бессмысленным потратить два десятилетия на переработку отходов, если она собиралась разрушить всю экосистему.

«Я естественный продукт этой окружающей среды».

Рядом с Пайпер погибла ветка. Её листья стали чёрными и покрылись толстым слоем жёлтой слизи. Воздух продолжал содрогаться.

— Пайпер. — Нив нежно взяла Пайпер за руку, при этом выглядя так безмятежно, насколько это возможно, когда на тебе лохмотья, а водопад рядом бьёт снизу вверх. — Я знаю, что когда ты ринулась в могилу к спящему, убрав меня с дороги, гарантируя тем самым, что ты и только ты получишь его милость, ты надеялась оставить меня за бортом и продолжать в будущем самостоятельно контролировать свои решения и наслаждаться милостью демона, скорее всего, бросив меня в лучшем случае бродить в пещере, в худшем — умирать. Тогда, признаюсь, я очень расстроилась из-за тебя, и у меня возникли чувства, которыми сейчас я не горжусь. Теперь же я вижу, что у тебя проблемы не только с доверием, да ты меня и не знала. Но если ты хочешь...

Пайпер пропустила большую часть из этой речи, залюбовавшись острыми ногтями Нив. Они представляли собой завидно идеальные монетки кератина. Собственные ногти Пайпер были неровно обломаны из-за того, что пришлось выбираться из рухнувшей пещеры.

— ... существуют более эффективные методы для достижения твоих целей. Очень важно, чтобы ты научилась полагаться на мой значительный опыт в магии.

Внимание Пайпер сосредоточилось.

— Ладно. Я отключилась, и что с того? Опустим всю эту часть о чувствах.

— Не думаю, что мудро вставать в пару с демоном. Они по своей природе склонны отнимать, нежели что-то добавлять. Они берут больше, чем дают.

Пайпер повернулась к демону; трудно было сказать, насколько внимательным он был. У шершней не было век, так что не исключено, что он спал.

— Какому количеству леса придётся умереть, чтобы вернуть мою жизнь?

«Теперь, когда я проснулся, я всё равно его разрушу. В конечном счёте».

— Ну и ладно тогда, — сказала Пайпер. Она испытала чувство облегчения, что ей не пришлось принимать плохого решения. — Значит, улажено. И пока светло, давайте-ка воспользуемся моментом. Эй... куда это ты собралась? Разве ты не хочешь стать... — Пайпер прислушалась, и демон положился на её мысли, — ...знаменитой?

Нив моргнула.

— Уважаемой.

— Та же фигня, — согласилась Пайпер. — Ну не уходи пока. Я вроде как была несправедлива к тебе раньше, потому что я умирала, и это вроде как невежливо. Капельку? Но я хочу всё разрулить.

Нив выглядела менее восторженной по этому поводу, нежели надеялась Пайпер, но, по крайней мере, снова не попыталась сбежать. Уже хорошо. Пайпер не хотелось оставаться наедине с демоном. Не из-за того, что она его боялась, просто в присутствии зрителей она чувствовала себя более энергичной. Она как-то прошла онлайн-тест, который сообщил ей, что она относилась к какому-то особому виду экстравертов, и что такой она и будет всю оставшуюся жизнь.

— Это будет новое начало для нас обеих, — заверила Нив Пайпер.

Демон вновь наклонил голову, и его усики качнулись. «У шершня не должно быть таких больших глаз», — подумала Пайпер. Они походили на большие чёрно-коричневый солнцезащитные очки-авиаторы. В них мрачно двигались возможности жизни и смерти.

«Что теперь?»

Пайпер сказала:

— Пора опять звонить папуле.

Глава 27

Часы показывали не 6:21.

Была либо поздняя ночь, либо раннее утро.

Когда Адам и Ронан прибыли в Центр Скорой Медицинской Помощи Маунтин Вью, то не обнаружили в маленькой комнате ожидания никого, кроме Гэнси. Над головой бренчала музыка, флуоресцентные лампы светили бездушно и безвредно. Его брюки цвета хаки были заляпаны кровью, и он сидел в кресле, обхватив голову руками, то ли от сна, то ли от горя. Напротив парня висело изображение Генриетты, и с него стекала вода, потому что, по-видимому, таков теперь был мир, где они жили. В другое время Адам попытался бы понять, что означает такой знак, но сегодня его разум был уже переполнен символами. Теперь, когда Энергетический пузырь восстановил часть своей силы, его рука перестала дёргаться, но Адам не питал иллюзий, будто бы это означало, что опасность позади.

— Эй, говнолорд, — обратился к Гэнси Ронан. — Ты рыдаешь? — Он пнул Гэнси по ботинку. — Сфинктер. Ты спишь?

Гэнси убрал руки от лица и поднял глаза на Адама и Ронана. На его подбородке виднелось пятно крови. Выражение его лица было резче, чем Адам ожидал, и стало ещё резче, когда он увидел грязную одежду Ронана.

— Где вы были?

— Энергетический пузырь, — ответил Ронан.

— Пуз... Что она тут делает? — Гэнси только сейчас увидел Девочку-Сиротку, когда она споткнулась в дверях позади Адама. Она казалась неуклюжей в паре резиновых сапог, что Ронан достал из багажника БМВ. Те были слишком велики для её ног и, конечно, совершенно неправильной формы для её копыт, но желаемый эффект вроде был

достигнут. — Какой смысл нам было тратить всю вторую половину дня, чтобы доставить её туда, если вы собирались притащить её обратно?

— Плевать, чувак, — сказал Ронан, приподняв бровь в ответ на ярость Гэнси. — Это заняло два часа.

Гэнси продолжал:

— Может, для тебя два часа ничего не значат, но некоторые из нас ходят в школу, и два часа – это всё наше свободное время.

— Плевать, папочка.

— Знаешь что? — Гэнси встал. Было что-то незнакомое в его тоне, натянутая тетива. — Если ещё раз назовёшь меня так...

— Как Блу? — перебил Адам. Он уже предположил, что она не была мертва, иначе Гэнси не был бы способен спорить с Ронаном. На самом деле он предположил, что всё выглядело хуже, чем было в действительности, или Гэнси бы сводил отчёт о состоянии дел.

Выражение лица Гэнси было всё ещё раздражённым и искрилось.

— О ней позаботятся.

— Позаботятся, — повторил Адам.

— Уже наложили швы.

— Наложили швы, — повторил Ронан.

Гэнси не унимался:

— Думаете, я запаниковал из-за ничего? Говорю вам: Ноа был одержим.

Одержим, как дьяволом. Одержим, как рука Адама. В промежутках между кипящей чернотой в Энергетическом пузыре и этим жестоким результатом одержимости Ноа Адам смог прочувствовать, на что была бы способна его собственная рука, если бы Энергетический пузырь не сумел его защитить. Часть его хотела рассказать об этом Гэнси, но другая часть никогда не забывала отчаянный крик Гэнси, когда Адам изначально заключил сделку с энергетическим пузырём. На самом деле, он не думал, что Гэнси скажет: «Я же говорил». Но Адам бы знал, что у него было бы право так сказать, а это даже хуже. Адам всегда был самым негативным голосом в своей голове.

Невероятно, Ронан и Гэнси всё ещё ссорились. Адам снова вернулся к ним, когда Ронан выдал:

— Ой, да ладно тебе... Мне совершенно плевать, позвал ли Генри Ченг меня на вечеринку.

— Смысл в том, что я тебя позвал, — сказал Гэнси. — Не в том, что Генри это сделал. Ему всё равно, мне не всё равно.

— Аа, — произнёс Ронан, но как-то недобро.

— Ронан, — предупредил Адам.

Гэнси попытался стряхнуть кровавое пятно со своих штанов.

— А вместо этого вы пошли в Энергетический пузырь. Вы могли там умереть, а я бы даже не узнал, где вы, потому что ты не утруждаешься ответить на телефон. Вы помните ту драпировку, о которой мы с Мэлори говорили, когда он был здесь? Ту, с лицом Блу? О, конечно, помнишь, Адам, потому что ты сотворил тех кошмарных Блу в Энергетическом пузыре. Когда фигня с Ноа была окончена, Блу выглядела точно так же. — Он поднял руки ладонями вверх. — Её руки были красными. В её собственной крови. Именно ты, Ронан, сказал мне много месяцев назад – что-то начинается. Сейчас не время для обмана. Кого-нибудь могут убить. Больше никаких игр. Нет времени для чего-либо, кроме правды. Мы, как предполагается, во всём этом вместе, чем бы оно ни было.

На всё это не существовало эффективного возражения, всё было безусловной правдой. Адам мог бы сказать, что был в Энергетическом пузыре бесчисленное количество раз, работая с энергетической линией, и что он думал, в этот раз будет так же, как и в любой другой, но он абсолютно точно знал, что сам понял, с лесом творилось нечто неправильное, но всё равно продолжил.

Девочка-Сиротка опрокинула вешалку за дверь комнаты и отскочила от места падения.

— Брось тут крутиться, — рявкнул Ронан. Как это ни странно, но потеря им самообладания означала, что спор был окончен. — Убери руки в карманы.

Она прошипела что-то ему в ответ на языке, который был не английским и не латынью. Здесь, в этом будничном месте, было особенно ясно, что её собрали в соответствии с правилами какого-то другого мира. Старомодный свитер, громадные чёрные глаза, худенькие ножки с копытцами, спрятанными в обуви. Невозможно было поверить, что Ронан вытащил её из своего сна, но невозможно было поверить и в другие нагренные им диковинные предметы. Теперь казалось очевидным, что они энергичными шагами в течение уже некоторого времени двигались по направлению к миру, где демон правдоподобен.

Они резко подняли глаза, когда открылась задняя дверь. Блу и Мора зашли в комнату ожидания, а медсестра переместилась за стойку. Всё внимание тут же переключилось на Блу.

У неё было два заметных шва на правой брови, которые скрепляли сглаженные края борозды, что тянулась вниз по щеке. Бледные царапины по обеим сторонам от самой глубокой раны поведали историю о пальцах, скребущих её кожу. Её правый глаз был по большей части закрыт, но, по крайней мере, он всё ещё был на месте. Адам мог сказать, ей было больно.

Он знал, что беспокоится за неё, потому что его живот неприятно закололо только от взгляда на её рану, предложение насилия скреблось в нём, словно пальцы по доске. Это сделал Ноа. Адам свернул руку в кулак, припомнив, как чувствовал себя, когда она двигалась по своей собственной воле.

Гэнси был прав: любой из них мог погибнуть этой ночью. Пришло время прекратить игры.

Одну странную секунду никто ничего не говорил.

Наконец, Ронан произнёс:

— Боже, Сарджент. У тебя швы на лице? Это. Круто. Давай сюда, засранка.

С каким-то облегчением Блу подняла свой кулак и стукнула им об его.

— Царапины на роговице, — сообщила Мора. Её сухой, деловой тон выдал её беспокойство сильнее, чем мог бы любой плач. — Антибиотик в каплях. Должно быть всё хорошо.

Она посмотрела на Девочку-Сиротку. Девочка-Сиротка смотрела на неё в ответ. Как и у Ронана, её внимательный взгляд стал где-то между угрюмым и агрессивным, но эффект получился слегка более жутким, так как взгляд этот был представлен беспризорной девочкой в резиновых сапогах. Мора выглядела так, будто собиралась что-то спросить, но вместо этого удалилась к стойке заплатить за визит.

— Слушайте, — тихо заговорил Гэнси. — Мне нужно вам кое-что сказать. Это странное время для подобных слов, но... Я ждал подходящей минуты и не могу перестать думать, что, если бы эта ночь закончилась хуже, я мог бы так и не дожждаться нужного момента. Так что вот: я не могу просить вас быть откровенными, если сам так не поступаю.

Он собирался с духом. Адам видел, как его взгляд остановился на Блу. Возможно, оценивая, знает ли она, что он собирался сказать, или должен ли он это говорить. Он коснулся большим пальцем своей нижней губы и, поймав себя на этом, опустил руку.

— Блу и я встречаемся, — сказал он. — Я не хочу ранить ничьи чувства, но я хочу и дальше с ней встречаться. И больше не хочу это скрывать. Это съедает меня, а вот такие ночи, когда я должен стоять тут и смотреть на лицо Блу в таком состоянии и притворяться, как... — Он заставил себя остановиться, сосем остановиться, тишина стояла настолько напряжённая, что никто не разбавлял её ни звуком. Тогда он закончил,

повторив: — Я не могу просить вас поступать так, как не поступаю сам. Простите, что был лицемером.

Адам никогда бы не поверил, что Гэнси мог подтвердить отношения таким резким способом, и теперь, когда признание повисло в воздухе, это было очень неприятно. То, что Гэнси выглядел таким несчастным, не приносило никакой радости, а то, что Гэнси и Блу, по сути, спрашивали разрешения, чтобы продолжать видеться, не приносило удовольствия. Адам хотел, чтобы они просто говорили всё время правду, тогда всё не дошло бы до такого.

Ронан приподнял бровь.

Блу сжала пальцы в маленькие крепкие кулачки по бокам.

Гэнси ничего больше не добавил, просто ждал решения суда, в особенности его неуверенный взгляд остановился на Адаме. Он был словно истерзанная версия человека, которого Адам когда-то впервые встретил, и Адам не мог сказать, становился ли Гэнси кем-то другим, или он возвращался к тому, кем уже давно был. Адам покопался в себе в поисках чего-либо, что он хотел сейчас сказать Гэнси, но ничего не выделялось. Уважение было тем, что он хотел всё время, и уважение было тем, на что он сейчас смотрел, даже если оно запоздало.

— Спасибо, — произнёс Адам. — Что, наконец, сказал нам.

Он имел в виду «сказал мне». Гэнси понял, он едва-едва кивнул. Блу и Адам разглядывали друг друга. Она прикусила губу, он приподнял плечо. Они оба сожалели.

— Хорошо. Я рад, что всё открылось, — заносчиво сообщил Гэнси. Давным-давно Адам счёл бы такой высокомерный ответ невыносимым, он бы решил, что это легкомыслие. Теперь же он знал, что была и обратная сторона. Когда затруднения подбирались слишком близко к чему-нибудь огромному и личному, Гэнси погружался в оживлённую вежливость. Это было так неуместно здесь, в отделении неотложной помощи, этой бурной ночью, что действительно выбивало из колеи, особенно в сочетании с непроходящим смятием на его лице.

Блу взяла Гэнси за руку.

Адам был рад, что она это сделала.

— Гадость, — сказал Ронан, и это была самая незрелая реакция из всех возможных.

Но Гэнси ответил:

— Спасибо за участие, Ронан, — снова с присущим ему выражением лица, и Адам отметил, как ловко Ронан ослабил напряжение момента. Они все опять могли дышать.

Мора вернулась к ним от стойки. У Адама сложилось впечатление, что она намеренно там задержалась, предоставляя им пространство. Теперь она достала ключи от машины и предложила:

— Давайте уберёмся отсюда. Такие места заставляют меня нервничать.

Адам наклонился, чтобы стукнуть костяшками пальцев по кулаку Гэнси.

Больше никаких игр. Время только для правды.

Глава 28

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она всегда была о Деклане Линче.

Хотя в это и сложно поверить, он не родился параноиком.

И в самом деле, была ли это паранойя, ведь он необязательно был неправ?

Осторожность. Вот как называлось, когда действительно появлялись люди, кто хотел тебя убить. Он учился осторожности, не паранойе.

Он родился мягким и доверчивым, но он научился. Он научился с подозрением относиться к людям, спрашивающим: «Где ты живёшь?» Он научился говорить с отцом только по одноразовым мобильным телефонам, которые покупал на заправках. Он научился не доверять никому, кто утверждал, что не почётно тосковать по историческому

таун хаузу в коррумпированном городе, по главной спальне с ковриком из тигриной шкуры, по ящику, полному красиво подмигивающего бурбона, и по немецкому автомобилю, который знал о мире больше, чем ты. Он выучил, что ложь была опасна, только если ты иногда говорил правду.

Самый старший и самый естественный сын Найла Линча стоял в своём таун хаусе в Александрии, Вирджиния, и прислонился лбом к стеклу, разглядывая тихую утреннюю улицу за ним. Движение на вашингтонских дорогах только начинало с рычанием оживать, и такое соседство до сих пор побуждало к бдительности.

Он держал телефон. Тот звонил.

Телефон был ещё большей рухлядью, чем его рабочая трубка, которую он использовал на своей стажировке у Марка Рэндала, политического деятеля и убийцы мячей для гольфа. Он специально выбрал модель явно другой формы для работы своего отца. Не хотел сунуть руку в сумку и достать не тот мобильный. Не хотел нащупать его на тумбочке среди ночи и легко заговорить с ненужным человеком. Не хотел давать Эшли поддержать неправильный телефон. Что угодно, что только можно, чтобы напоминать себе быть параноиком – осторожным – пока бизнесу Найла Лина нужна была помощь.

Этот телефон не звонил неделями. Он думал, что, наконец, выбрался.

Мобильный звонил.

Он обдумывал долгое время, что опаснее: ответить или проигнорировать.

Он поправил себя. Он не был больше Декланом Линчем, заискивающим политическим молокососом. Он был Декланом Линчем, сыном Найла Линча со стальной челюстью.

Мобильный звонил.

Он ответил.

— Линч.

— Считай это звонком вежливости, — сказал человек на том конце провода. Фоном играла музыка, какие-то плачущие струнные инструменты.

Тонкая, липкая струна нервов натянулась и тонкой струйкой закапала по шее Деклана.

Он произнёс:

— Вы же не думаете, что я поверю, будто это всё.

— Я бы не ожидала ничего подобного, — ответил голос на другой стороне. Он звучал отрывисто, весело, с акцентом, неизменно в сопровождении с какой-нибудь музыкой. Деклан знал её только как Сондок¹. Она не покупала много артефактов, но когда покупала, драмы не происходило. Соглашение было чётким: Деклан предъявлял магический предмет, Сондок делала предложение, Деклан передавал ей предмет, и они расходились до следующего раза. Деклан никоим образом не ощущал, что он мог быть по настроению засунут в багажник машины отца, слушая, как того мутузят, или закован в наручники, а его заставляют наблюдать, как обыскивают сарай его родителей, или избит до бессознательного состояния и оставлен умирать в комнате в общежитии Аглионбая.

Деклан ценил мелочи.

Но ничему из них не мог доверять.

Осторожность, не паранойя.

— Ситуация в Генриетте очень переменчива, — продолжила Сондок. — Я слышала, это больше не склад Гринмантла.

Переменчива, да. Правильное слово. Давным-давно Найл Линч продавал свои «артефакты» дилерам по всему миру. Каким-то образом выбор сузился до Колина Гринмантла, Ламоньера и Сондок. Деклан предполагал, что это было для безопасности, но, возможно, он слишком преувеличивал заслуги отца. Может быть, тот просто испортил отношения с остальными.

— Что ещё вы слышали? — спросил Деклан, не подтверждая и не опровергая.

¹ Сондок – полупоупендарная королева древнекорейского государства Силла, первая в истории Кореи царствующая королева.

— Рада слышать, что ты мне не доверяешь, — ответила Сондок. — Твой отец слишком много болтал.

— Я не ценю такой тон, — сообщил Деклан. Его отец много болтал. Но это сказать мог Линч, а не какая-то корейская дилер незаконных магических старинных предметов.

Музыка на заднем плане заплакала извинениями.

— Да, это было грубо с моей стороны. Говорят, кто-то может продать нечто особенное в Генриетте, — сказала Сондок.

Нервы сочились под воротником Деклана.

— Не я.

— Я так и не думала. Как я уже сказала: звонок вежливости. Я посчитала, может, ты захочешь узнать, если волки подойдут к твоим дверям.

— Сколько волков?

Музыка запнулась, возобновилась.

— Возможно, стаи и стаи.

Может быть, они разузнали о Ронане. Пальцы Деклана сжались на телефоне.

— Вы знаете, из-за чего они развылись, seonsaengnim¹?

— Мм, — произнесла Сондок. Это был выразительный звук, который передавал, что она знала, он подлизывался, и что она, тем не менее, это допускала. — Этот секрет ещё слишком молод. Я позвонила в надежде, что дам тебе достаточно времени, чтобы действовать.

— И как, вы считаете, я должен действовать?

— Едва ли я на своём месте могу тебе указывать. Я не твои родители.

Деклан сказал:

— Вы знаете, что у меня нет родителей.

Позади неё музыка шептала и пела. Наконец, она ответила:

— Я не твои родители. Я лишь очередной волк. Не забывай об этом.

Он оттолкнулся от окна.

— Извините. Теперь я был груб. Я оценил ваш звонок.

Его разум уже окопался наихудшими сценариями. Ему нужно вытащить Ронана и Меттью из Генриетты — только это имело значение.

Сондок произнесла:

— Я скучаю по находкам твоего отца, они самые прекрасные. Он был очень проблемным человеком, но, думаю, имел самый прекрасный ум.

Она воображала Найла Линча пробирающимся через шкафы, коллекции и подвалы, внимательно отбирающим предметы, которые он находил. Деклан воображал что-то ближе к правде: его отец грезил в Барнс, в номерах отелей, на диванах, на заднем сидении БМВ, который теперь у Ронана.

— Ага, — сказал Деклан. — Ага, я тоже так думаю.

Глава 29

Сон ухватил. Завтрак пропустил. Школу посетил.

Гэнси не мог сказать, насколько близко подобрётся конец света — его света — прежде чем он сможет оправдать прогул поисками Глендовера, и он продолжал туда ходить. Адам ходил, потому что Адам цеплялся бы за свои мечты о Лиге Плюща, даже если бы их держали у неба челюсти Годзиллы. И, к удивлению Гэнси, Ронан тоже ходил, почти заставив их обоих опоздать, так как добывал комплект своей формы в беспорядке комнаты. Он подозревал, что Ронан посещал занятия, только чтобы компенсировать их ссору в отделении скорой помощи предыдущей ночью, но Гэнси это не заботило. Он просто хотел, чтобы Ронану засчитали какое-то время на уроках.

¹ seonsaengnim – в Корее обращение к человеку, уважаемее и старше себя. Что-то вроде учитель, госпожа.

Генри догнал Гэнси в коридоре Борден Хаус, когда тот покидал класс (французского, чтобы заменить почившие занятия латынью, Гэнси предпочитал латынь, но его французский был не так ужасен, так что n'y a pas de quoi fouetter un chat¹). Генри подождал, пока не сравнялся с Гэнси.

— Эй, младший. Всё ли радостно в твоём мире после прошлой ночи?

— В двух шагах от радости. Мы хорошо провели время прошлой ночью в Литчфилде. Было грубо с нашей стороны так убежать.

— После того, как вы ушли, мы только смотрели видеоклипы на телефонах. Настроение упало. Я уложил детей и читал им сказки, но они продолжали спрашивать про вас.

Это заставило Гэнси рассмеяться.

— У нас были приключения.

— Я так и подумал. Это я им и сказал.

Гэнси осторожно добавил:

— Старому другу было нехорошо.

Это не было ложью. Просто не вся правда. Грань правды.

Генри приподнял бровь, демонстрируя, что он чётко определил эту грань, но не попытался её преодолеть.

— С ними всё будет в порядке?

Лицо Ноа стало чернильно-чёрным. Сестра Ноа стояла на сцене лекционного зала. Кости пожелтели под аглионбайским свитером.

Гэнси ответил:

— Мы остаёмся оптимистично настроенными.

Он не задумывался, были ли что-нибудь не так с тоном его голоса, когда это говорил, но взор Генри быстро метнулся к нему. И бровь снова изогнулась.

— Оптимистично настроенными. Да, ты оптимистично настроенный человек, Гэнси. Не хотел бы ты увидеть кое-что интересное перед обедом?

Взгляд, брошенный на часы, сообщил Гэнси, что, по крайней мере, Адам скоро будет искать его в столовой.

Генри быстро это истолковал.

— Прямо здесь. В Бордене. Там клёво. Это в стиле Гэнси.

Это показалось Гэнси очевидно абсурдным. Никто не знал, что было в стиле Гэнси, даже сам Гэнси. Учителя и друзья семьи всегда собирали статьи и истории, которые, по их мнению, могли привлечь его внимание, вещи, которые, как они думали, были в стиле Гэнси. Действуя из лучших побуждений, они всегда обращались к наиболее очевидному. Валлийские короли, старые Камаро или другие молодые люди, что путешествовали по миру по диковинным причинам, которые никто не понимал. Никто не копал глубже, и он полагал, что не поощрял это. В том времени, что осталось далеко позади, было больше ночей, а он предпочитал поворачивать лицо к солнцу. В стиле Гэнси. Что было в стиле Гэнси?

— Эта улыбка означает да? Да, хорошо, следуй за мной, — сказал Генри. Он тут же бросился через узкую дверь с надписью «Только для персонала». Борден Хаус первоначально был домом, не учебным корпусом, и дверь открывала узкую лестницу. Один аляповатый канделябр освещал путь, свет поглощали отвратительно вычурные обои. Парни стали спускаться по лестнице.

— Это очень старое здание, Дик Три. Тысяча семьсот пятьдесят первый год. Представь, что оно видело. Или слышало, так как у домов нет глаз.

— Закон о Золотом Стандарте.

— Что?

— Был принят в 1751 году, — пояснил Гэнси. — Запрещал выпуск валюты в Новой Англии. И Джордж Третий стал принцем Уэльским в 1751, если я правильно помню.

¹ (фр.) Не имеет большого значения

— Кроме того... — Генри потянулся к выключателю. Тот едва осветил подвал с низким потолком и земляным полом. Украшенный технический этаж, где не было ничего, кроме нескольких картонных коробок, просунутых к одной из стен фундамента. - ...первое исполненное на публике непотребство в Соединённых Штатах.

Ему пришлось пригнуть голову, чтобы не запутаться волосами в деревянных балках, удерживающих пол над ними. В воздухе пахло концентрированной версией надземных этажей Борден Хаус – можно сказать, плесень и тёмно-синий ковёр – но с дополнительной сыростью, живой запах, присущий пещерам и очень старым подвалам.

— Правда? — полюбопытствовал Гэнси.

— Наверное, — сказал Генри. — Я пытался найти первоисточники, но ты же знаешь интернет, чувак. Вот, мы здесь.

Они прошли в дальний угол подвала, и единственная лампочка у основания лестницы недостаточно освещала то, на что указывал Генри. Гэнси потребовалась минута, чтобы понять, чем был ещё более чёрный квадрат на уже тёмном земляном полу.

— Тоннель? — спросил он.

— Неа.

— Укрытие? — не унимался он. Он присел. Так показалось. Дыра была не больше трёх квадратных футов с краями, сточенными веками. Гэнси коснулся желобка на одном краю. — Думаю, в какой-то момент тут была дверь. В Великобритании их называли тайниками священников. Должно быть, для рабов или для... может, алкоголя во время запрета?

— Типа того. Интересно, да?

— Ммм, — произнёс Гэнси. Это было историческое. Он предположил, что это было в стиле Гэнси. Он ощутил смутное разочарование. Должно быть, оно означало, что он надеялся на нечто большее, даже если не знал, чем бы было это что-то.

— Нет, часть в стиле Гэнси внутри, — сообщил Генри. К его удивлению, Генри соскользнул в яму, приземлившись на дно с глухим стуком. — Зацени.

— Полагаю, у тебя есть план, как выбраться обратно, если я слезу.

— Тут есть поручни. — Когда Гэнси не сдвинулся, Генри объяснил: — Кроме того, это проверка.

— Проверка чего?

— Достоинства. Нет. Муж... Нет. Слово на «м» про храбрость, но я не могу вспомнить. Моя лобная доля всё ещё пьяна с прошлой ночи.

— Мужество.

— Да, да, оно. Это проверка мужества. Это часть в стиле Гэнси.

Гэнси знал, что Генри правильно оживлял чувство в его сердце. Оно было очень похоже на ощущение, которое его посетило на вечеринке в тогах. Чувство, что тебя знают. Не поверхностно, а как-то глубже и правдивее. Он спросил:

— Какой приз, если я пройду проверку?

— А какой бывает приз за проверку мужества? Приз – это твоя честь, мистер Гэнси.

Дважды знают. Трижды знают.

Гэнси не был точно уверен, как справляться с тем, что тебя так безошибочно понял человек, с которым, как ни крути, ты познакомился лишь недавно.

Так что ничего не оставалось, кроме как спуститься в яму.

Там было почти полностью темно, и стены мешали. Он был достаточно близко к Генри, чтобы чувствовать запах средства для волос Генри и слышать его слегка ускоренное дыхание.

— История – сложная сука, — произнёс Генри. — У тебя клаустрофобия?

— Нет, у меня другие недостатки. — Если бы это был Энергетический пузырь, тот бы быстро поработал со страхом Гэнси и создал бы жалящих насекомых. Гэнси был благодарен, что мысль не имела столько силы за пределами Энергетического пузыря. Эта

дыра в земле могла оставаться просто дырой в земле. В этом мире ему нужно было беспокоиться только об обучении его внешней стороны, не внутренней. — Можешь представить себе, что надо прятаться в одной из таких ям? Я прошёл проверку?

Генри поскрёб стену или сделал что-то подобное, это вызвало мёртвый шипящий звук, когда земля посыпалась на пол.

— Тебя когда-нибудь похищали, Ричард Гэнси?

— Нет. Я похищен сейчас?

— Нет, завтра ж в школу. Меня похищали однажды, — сказал Генри. Тон его голоса был таким несерьёзным и обычным, что Гэнси не был уверен, шутил он или нет. — Ради выкупа. Мои родители находились в другой стране, и поэтому с общением было не просто. Меня посадили в яму, типа этой. Пожалуй, немного меньше.

Он не шутил.

— Господи, — вздохнул Гэнси. Он не мог видеть лица Генри в темноте, чтобы понять его отношение к рассказываемой истории, его голос всё ещё был несерьёзным.

— К сожалению, Господа там не было, — произнёс Генри. — Или, возможно, к счастью. Яма была едва ли достаточного размера для меня одного.

Гэнси слышал, как Генри потирал пальцы друг о друга или сжимал и разжимал кулаки, каждый звук усиливался в этой пыльной камере. И теперь он мог учуять специфический запах, что появлялся со страхом: тело производило химические вещества, которые разлили тревогой. Однако он не мог сказать, от него самого или от Генри. Потому что разум Гэнси знал, что эта дыра не создаст неожиданный рой пчёл, чтобы убить его. Но сердце Гэнси помнило, как он висел в пещере Энергетического пузыря и слышал тучи пчёл, появляющихся снизу.

— Это тоже в стиле Гэнси, да? — спросил Генри.

— Что именно?

— Секреты.

— Верно, — признал Гэнси, потому что признать, что у тебя есть секреты, не то же самое, что рассказать их. — Что произошло?

— Он спрашивает, что произошло. Моя мать знала, если заплатить выкуп сразу же, то это только воодушевит других похищать её детей, пока она не видит, так что она торговалась с моими похитителями. Им это не понравилось, как ты можешь себе представить, и они заставляли меня говорить ей по телефону, что они намеревались делать со мной каждый день, пока она не заплатит.

— Они заставляли тебя ей рассказывать?

— Да, да. Видишь ли, это часть торга. Если родители знают, что их ребёнок боится, это заставит их заплатить быстрее и больше, вот в чём мудрость.

— Я понятия не имел.

— А кто имел? Теперь ты знаешь. — Казалось, стены стали ближе. Генри продолжил с маленьким смешком... со смехом. — Она сказала: «Я не плачу за испорченный товар». А они сказали, что это всё, что она вообще получит, и так далее, и тому подобное. Но моя мать очень хороша в заключении сделок. Так что через пять дней меня ей возвратили со всеми пальцами и обоими глазами. Говорят, по хорошей цене. Я немного охрип, но это была моя вина.

Гэнси не знал, что думать по этому поводу. Ему вручили этот секрет, но он не знал зачем. Он не знал, что Генри от него хотел. У него было много скомпонованных реакций, готовых к применению – сочувствие, совет, забота, поддержка, негодование, печаль – но он не понимал, какая комбинация требовалась. Он привык понимать. Он не думал, что Генри от него что-то нужно. Это был пейзаж без карты.

Наконец, он выдал:

— И теперь мы стоим в подобной яме, и твой голос звучит вполне спокойно.

— Да. В этом весь смысл. Я провёл... Я провёл много лет в погоне за способностью это сделать, — сказал Генри. Он коротко и слабо вдохнул, и Гэнси убедился, что его лицо

рассказывало совсем иную историю, чем всё ещё несерьёзный голос. — Вместо того, чтобы прятаться, я смотрел в лицо тому, чего боялся.

— Как много лет? Сколько тебе было?

— Десять. — Зашуршал свитер Генри, Гэнси ощутил, что он переместился. Его голос немного изменился. — А сколько было тебе, бип-бип Гэнси чувак, когда тебя ужалили пчёлы?

Гэнси знал фактический ответ, но он не был уверен, что этого ответа ждал Генри. Он всё ещё не понимал, почему эта беседа вообще велась.

— Мне тоже было десять.

— И как все эти годы тебя лечили?

Он колебался.

— Некоторые лучше, чем остальные. Полагаю, ты видел.

— Ты мне доверяешь? — поинтересовался Генри.

Это был провокационный вопрос здесь, в темноте и в ещё большей темноте. Доверял ли? Доверие Гэнси всегда основывалось на инстинкте. Его подсознание быстро собирало все пометки в картину, которую он понимал, не осознавая, почему он её понимает. Почему он оказался в этой яме? Он уже знал ответ на этот вопрос.

— Да.

— Дай руку, — попросил Генри. Одной рукой он отыскивал ладонь Гэнси в темноте. А другой положил в неё насекомое.

Глава 30

Гэнси не дышал.

Поначалу он не думал, что это на самом деле насекомое. В темноте, в такой близости он его вообразил. Но затем ощутил изменение веса на ладони. Знакомое. Тонкие ножки, поддерживающие более крупное тело.

— Ричардмэн, — позвал Генри.

Гэнси не дышал.

Он не мог вырвать руку; это была проигрышная игра, в которую он уже играл раньше. И тут оно адски зажужжало, не взлетая. Это был шум, который Гэнси давно перестал истолковывать как звук. Это было оружие. Критический момент, когда первым умрёт тот, кто первым дёрнется.

— Дик.

Гэнси не дышал.

«Вообще-то, шансы быть ужаленным насекомым удивительно малы. Думай об этом», — часто говорил Гэнси волнующийся друг семьи, пока они стояли снаружи, а насекомые ярко виднелись в сумерках. Когда в последний раз его жалили? Он не мог обработать мысль, почему Генри сделал такое. Он не знал, что должен был думать. Должен ли он вспомнить всё, что с ним случилось? Всё хорошее и плохое? Потому что если так, то плёнка застряла, проигрывая только этот момент.

— Гэнси, — окликнул Генри. — Дыши.

Гэнси видел маленькие огоньки боковым зрением. Он дышал, просто недостаточно. Он не мог рискнуть и пошевелиться.

Генри коснулся тыльной стороны руки Гэнси, а затем накрыл его ладонь другой своей рукой. Насекомое оказалось пойманным в ловушку, устроенную Гэнси и Генри, внутри сферы из пальцев.

— Вот чему я научился, — сказал Генри. — Если не можешь не бояться...

Существовало место, где ужас останавливался и становился небытием. Но сегодня в этой яме с насекомым на его коже, с обещанием, что скоро он умрёт, небытие так и не приходило.

Генри закончил:

— ...бойся и будь счастлив. Думай о своей малышке-подружке и времени, что мы провели вместе прошлым вечером. Думай о том, чего ты боишься. Вес сказал тебе, что это пчела? Это должно быть что-то, что тебя убьёт? Нет. Это просто маленькая штучка. Она может быть чем угодно. Наоборот, она может быть чем-то прекрасным.

Гэнси больше не мог задерживать дыхание, ему нужно было падать в обморок или как следует вдохнуть. Он выпустил неровный поток воздуха и втянул другой. Темнота снова стала темнотой, танцующие огоньки пропали. Его сердце всё ещё грохотало в груди, но уже замедлялось.

— А вот и он, — произнёс Генри так же, как делал это на День Ворона. — Ужасно видеть кого-то другого испуганным, ведь так?

— Что у меня в руке?

— Секрет. Я собираюсь доверить тебе этот секрет, — сообщил Генри. Теперь его голос звучал немного неуверенно. — Потому что я хочу, чтобы ты доверял мне. Но чтобы доверять, если мы станем друзьями, ты должен знать правду.

Генри глубоко вдохнул, а затем убрал свою руку, накрывающую сверху ладонь Гэнси, открывая пчелу необычайного размера.

Гэнси едва успел среагировать, когда Генри снова коснулся его пальцев.

— Спокойно, мистер Гэнси. Посмотри снова.

Теперь, когда Гэнси успокоился, он смог увидеть, что это была совсем не обычная пчела, а прекрасное роботехническое насекомое. Возможно, прекрасное – не самое лучшее слово, но Гэнси не мог сразу придумать другое. Крылья, усики и ноги были однозначно выполнены из металла с мелкими шарнирами и тонкими проволочными крыльями, но это было так утончённо и изящно раскрашено, как лепестки цветка. Насекомое было неживым, но оно выглядело жизнеспособным. Он видел это в темноте, потому что у него было крошечное сердце, излучающее янтарное свечение.

Гэнси знал, что семья Генри владела бизнесом по созданию роботехнических пчёл, но он не представлял такое, когда размышлял о роботехнических пчёлах. Он был совершенно уверен, что видел изображения роботехнических пчёл, и тогда они были внушительным подобием нанороботов, они были совсем не похожи на настоящих пчёл, имея больше общего с крошечными вертолётами, чем с живыми насекомыми. Пчела Генри же была дьявольски и невероятно сконструирована. Она так сильно напомнила ему нагретенные предметы Ронана, что стало трудно отделаться от этой мысли, как только она пришла в голову.

Генри достал свой телефон из кармана. Быстро коснувшись его пальцами, он включил украшенный радугой экран, на который почему-то было странно смотреть.

— Робопчела взаимодействует с Ченгфоном через приложение. Оно работает по отпечатку пальца, так что, как видишь, я прижимаю палец сюда и говорю, что хочу, чтобы она нашла — робопчела, найди клёвые волосы — о, и смотри, она ищет.

Гэнси резко вздрогнул, когда пчела взлетела с тем же звуком, что и раньше, поднимаясь в воздух и приземляясь на его волосы. Её вес ощущался ещё хуже, чем на ладони. Он скованно попросил:

— Ты можешь её убрать? Она заставляет меня чувствовать себя очень неудобно.

Генри снова прижал палец к экрану, и пчела опять поднялась в воздух, с жужжанием передвигаясь к его плечу.

Гэнси заметил:

— На этот раз ты ничего не сказал.

— Нет, я и не должен ничего говорить. Она читает мои мысли через отпечаток пальца, — пояснил Генри. Он не отрывал глаз от экрана, пока это говорил, но Гэнси видел в свете телефона, что тот оценивает его реакцию. — Так что я только говорю ей, что делать, и — опа! — она летит, спасибо, спасибо, маленькая пчёлка.

Генри протянул руку, и пчела, зажужжав, вспорхнула на неё, словно подвижный цветок, свет погас. Он сунул её назад в карман. Конечно, такое было невозможно, и Генри

ждал, что Гэнси скажет, что такое невозможно. Вот почему это был секрет, потому что такое не могло существовать.

Сеть опутывала Гэнси, он чувствовал это.

— Твои родители делают роботехнических пчёл, — аккуратно начал он.

— Мой отец. Компания моего отца, да. — Тут была проведена черта, хотя Гэнси этого не понимал.

— И они делают таких пчёл. — Гэнси не старался, чтобы это прозвучало, будто бы он поверил.

— Гэнси, чувак, думаю, мы должны решить, доверяем мы друг другу или нет, — заявил Генри. — Думаю, это момент нашей молодой дружбы.

Гэнси обдумал его слова:

— Но доверять кому-то и довериться ему — не то же самое.

Генри одобрительно рассмеялся.

— Нет. Но я уже и доверяю тебе, и доверился тебе. Я храню секрет о том, что было в твоём багажнике, и секрет об Адаме Пэррише, которого не убило черепицей с крыши. Тут доверяю. И я доверился тебе: я показал тебе робопчелу.

Всё верно. Но Гэнси знал достаточно людей с секретами, чтобы не прельститься лёгким использованием их в качестве валюты. И бóльшая часть того, с чем сейчас жил Гэнси, подвергала риску жизни других людей, не только его собственную. Было достаточно доверия для вечеринки в тогах и для ямы в земле. Он сказал:

— Есть принцип в психологии, который используют продавцы автомобилей. Они покупают тебе кока-колу в автомате за их деньги, и ты потом чувствуешь, будто должен купить у них автомобиль.

В голосе Генри слышался юмор.

— Ты говоришь, что твои секреты по отношению к моим секретам словно автомобиль и газировка?

Теперь юмор появился в голосе Гэнси.

— Компания твоего отца не создавала эту пчелу, ведь так?

— Так.

Он тоже мог с этим покончить.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Слово «магия»?

— Ты видел раньше такую магию, как моя робопчела, — предположил Генри. — Наблюдать, как Пэрриш отклоняется от тонны кровли, это не тот же тип магии. Где ты видел такой вид магии?

Гэнси не мог.

— Это не мой секрет.

Генри произнёс:

— Избавлю тебя от агонии, я знаю. Деклан Линч. Он продал моей матери двух пчёл.

Это оказалось так неожиданно, что Гэнси был рад, что они снова в крошечной темноте, он был уверен, шок добрался до его лица. Он изо всех сил старался свести информацию воедино. Деклан... Так эта пчела была работой Найла. Если мать Генри была клиентом, означало ли это, что Деклан торговал с народом в школе? Несомненно, Деклан не настолько глуп.

— Как твоя мать узнала, что их можно купить? Ты ей про них рассказал?

— Ты всё понял задом наперёд. Она не знает, потому что я здесь. Я здесь, потому что она знает. Не видишь? Я её оправдание. Она посещает меня. Покупает что-нибудь у Деклана Линча. Едет назад. Нет никого умнее. Ах! Я хотел сказать это вслух в течение двух лет. Они гноятся, эти секреты.

— Твоя мать отправила тебя в Аглионбай, только чтобы иметь прикрытие, когда ведёт дела с Декланом? — спросил Гэнси.

— Магические артефакты, брат. Большой бизнес. Страшный бизнес. Хороший способ, чтобы тебе разбили коленные чашечки. Или убили, как нашего парня Кавински.

Гэнси поперхнулся от откровения.

— Она вела бизнес с ним?

— Ни за что. Он имел дело только с наркотой, но она сказала, наркота тоже была магической. Да ладно тебе. Ты был на празднике Четвёртого июля в этом году. Объясни драконов.

— Не могу, — ответил Гэнси. — Мы оба это знаем.

— Да, знаем, — удовлетворённо согласился Генри. — Однажды он чуть не убил Ченга Два ради веселья. Он был худшим.

Гэнси облокотился на пыльную стену.

— Ты теряешь сознание? Ты в порядке? Я думал, мы беседуем.

Они беседовали, просто не тем способом, каким ожидал Гэнси. Он разговаривал с большим количеством загадочных людей в погоне за Глендовером. Во многих случаях его путешествия очерчивались не городами и странами, между которыми он передвигался, а людьми и феноменами. Разница была в том, что это Гэнси их искал. Никогда они не искали его. Он никогда на самом деле не встречал никого, похожего на себя, и даже несмотря на то, что Генри был далёк от близнеца Гэнси, он был ближе всех среди тех, кого Гэнси до сих пор находил.

Он не осознавал одиночество таких убеждений, пока не распробовал его.

— В Аглионбае ещё много магических людей, о которых мне следует знать?

— Кроме тех, что тусуются с тобой? Никого, насколько я знаю. Я пытался разобраться в тебе целый год.

— Всё есть в студенческом справочнике.

— Нет, дурень. Идиоматически. Раскусить тебя. Понять, ты мерзкий тип, как К, или нет. Рас-ку-сить. Кому тут английский не родной? Напекаю: не тебе.

Гэнси рассмеялся, потом посмеялся ещё немного. Ему казалось, он прошёл через все эмоции, известные человеку, за последние несколько дней.

— Я не мерзкий тип, — сказал он. — Я просто парень, ищущий короля. Ты сказал, твоя мать купила две таких штуки? Где другая?

Генри вытащил драгоценное насекомое из своего кармана. Его янтарное сердце снова согревало огонёк в яме.

— Ещё в лаборатории, конечно, пока отец-голубчик пытается скопировать её из немагических частей. Мать велела мне эту держать у себя, как напоминание о том, что же я.

— И что же ты?

Пчела освещала себя и Генри: её полупрозрачные крылья, его лукавые брови.

— Нечто большее.

Гэнси внимательно смотрел на него. Где-то во время охоты на Глендовера он перестал замечать, сколько магии существовало в мире. Сколько магии осталось не похороненной в гробнице. Сейчас он это чувствовал.

— Тут такое дело, мне надо кое-что рассказать тебе перед тем, как мы станем друзьями, — сообщил Генри. — Моя мать продаёт магию. Она велела мне наблюдать за тобой, чтобы отыскать твои секреты. Я не собираюсь тебя теперь использовать, но это то, что я должен был делать. Я не затевал эту игру в поисках друга.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Пока ничего, — ответил Генри. — Я хочу, чтобы ты подумал об этом. И затем, надеюсь, ты выберешь доверять мне. Потому что я переполнен в смысле секретов и истощён в смысле друзей.

Он держал пчелу так, чтобы Гэнси смотрел на него через свечение её непостижимого тела. Глаза Генри были животрепещущими и беспощадными.

Он подбросил пчелу в воздух.

— Давай выбираться из этой ямы.

Глава 31

У мира не было слов, чтобы измерить ненависть. А были тонны, ярды, годы. Вольты, узлы, ватты. Ронан мог объяснить, как быстро его машина разогналась. Он мог точно описать, насколько тёплым был день. Более того, он мог передать свой сердечный ритм. Но он совершенно не мог подобрать слова, чтобы в точности рассказать, насколько он ненавидит Академию Аглионбай.

Любая единица измерения должна включать в себя как объём, так и вес ненависти. И она также должна включать компонент времени. Дни, проведённые на занятиях, пустые, бесполезные, давали навыки для жизни, которую он не хотел. Наверное, ни одно слово не вмещало в себя это понятие. Все, пожалуй. Он испытывал все виды ненависти к Академии Аглионбай.

Воровка? Академия была воровкой. Жизнь Ронана была разграбленной грёзой.

Он говорил себе, что позволит себе бросить: это был его подарок на собственное восемнадцатилетие.

И всё же он был здесь.

Бросить. Просто бросить. Либо он верил, что сможет это сделать, либо нет.

Он так и слышал голос Гэнси: «Просто поторчи здесь до окончания учёбы; всего каких-то пару месяцев. Разумеется, ты продержишься так долго».

И вот теперь он старался.

Школьный день душил его, словно подушкой. И он бы задохнулся ещё до последнего звонка, если бы не кислород, который он нашёл в бледной полоске кожи на запястье Адама, где тот когда-то носил часы, и в проблеске неба между уроками.

Ещё четыре часа.

Делан не переставал слать ему сообщения. «Как будет минутка, дай знать». Ронан никогда не писал людям сообщения просто так. «Привет, я знаю, что ты в школе, но, может, на перемене объявишься». Это была ложь, суперсила Деклана. Он полагал, что Ронана не было в школе. «Эй, я в городе, нужно поговорить».

Это сообщение привлекло внимание Ронана. Теперь, когда Деклан отучился, он, как правило, благополучно существовал в двух часах езды отсюда, в Округе Колумбия, на расстоянии, по оценке Ронана, которое улучшало их отношения, если их вообще могло что-либо улучшить. Он приезжал только к воскресной мессе, совершая четырехчасовой тур туда-сюда, который Меттью принимал как должное, а Ронан лишь частично понимал. Разумеется, Деклану лучше бы делать свои дела в Городе Деклана¹, чем торчать полдня в городке, который он терпеть не мог, с семьей, частью которой он никогда не хотел быть.

Ронану на всё это было плевать. Это заставляло его думать, словно он ничего не добился за лето. По возвращению в Аглионбай он грезил о пугающих вещах, стараясь сторониться Деклана.

Ещё три часа.

— Линч, — сказал Джанг, пропуская его в столовой, — я думал, ты умер.

Ронан одарил его ледяным взглядом. Он не хотел видеть лицо Джанга, если не был за рулём автомобиля.

Ещё два часа.

Деклан позвонил во время презентации приглашённого докладчика. Телефон на виброзвонке прогудел сам себе. Небо снаружи было голубым, в рваных облаках; Ронан мечтал оказаться там. Такие, как он, вымикали в неволе.

Ещё час.

— Я думал, у меня галлюцинации, — сказал Адам рядом со шкафчиками. Все динамики в зале бубнили объявление. — Ронан Линч в стенах Аглионбая.

¹ Округ Колумбия - D.C. здесь игра слов D.eclan C.ity - Город Деклана

Ронан захлопнул дверцу своего шкафчика. Он ничего не положил внутрь, и не было причин открывать и закрывать его, но ему нравился звон металла, раскатывающийся по коридору, и то, как он заглушал объявления. И он сделал так ещё раз.

— Это настоящий разговор, Пэрриш?

Адам не потрудился ответить. Он просто обменял три своих учебника на спортивную толстовку.

Ронан ослабил свой галстук.

— Ты работаешь после школы?

— С грезящим.

Он удерживал взгляд Ронана поверх дверцы шкафчика.

Школа стала уже не такой плохой.

Адам аккуратно закрыл свой шкафчик.

— Я закончу в четыре тридцать. Если ты готов к мозговому штурму, чтобы подлечить твой волшебный лес. Разве что у тебя нет домашки.

— Говнюк, — сказал Ронан.

Адам весело улыбнулся. Ронан бы начинал войны или сжигал города ради этой искренней улыбки, гибкой и добродушной.

Хорошее настроение Ронана оказалось равным длине коридора и лестницы, потому что снаружи его уже ожидал припаркованный к обочине глянцево-Вольво Деклана. Деклан собственной персоной стоял перед машиной и беседовал с Гэнси. Форменная рубашка Гэнси на локтях была грязной – каким образом он умудрился так испачкаться в школе, для Ронана осталось загадкой. Деклан был одет в костюм. Но всякий раз, когда он был так одет, никогда не походил на особый случай. Он носил костюм так, как другие обычно носят пижамные штаны.

Они не произнесли слова, которые бы измеряли ненависть Ронана к старшему брату или наоборот. Не существовало единицы измерения эмоции, которую бы в равной части составляли ненависть и предательство, осуждение и привычка.

Ронан сжал руки в кулаки.

Одно из задних окон опустилось, явив золотые кудри Меттью и патологически радостную улыбку. Он махнул Ронану.

Прошли месяцы с тех пор, как они втроём собирались в одном месте вне церкви.

— Ронан, — позвал Деклан. Это слово было отягощено дополнительным смыслом: «Я вижу, ты только вышел из школы, а твоя форма похожа на ад, и меня это не удивляет». Деклан указал на Вольво. — Прошу в мой офис.

Ронан не хотел к нему в офис. Ронан хотел перестать чувствовать себя так, словно выпил аккумуляторной кислоты.

— Зачем тебе Ронан? — поинтересовался Гэнси. Его «Ронан» был тоже отягощён дополнительным смыслом: «Это было заранее спланировано? Скажи, что происходит? Мне нужно вмешаться?»

— Для небольшой семейной беседы, — ответил Деклан.

Ронан умоляюще посмотрел на Гэнси.

— Эта ваша семейная беседа может состояться по дороге на Фокс Вей? — спросил Гэнси со всей своей вежливой силой. — Потому что мы с ним как раз собирались туда.

Обычно Деклан выходил из себя при малейшем давлении со стороны Гэнси, но он произнёс:

— О, я могу подбросить его туда, как только мы закончим. Всего через несколько минут.

— Ронан! — Меттью протянул руку через окно к Ронану. Его полное энтузиазма «Ронан» было ещё одним вариантом слова «пожалуйста».

В ловушке.

— *Miseria fortes viros*¹, Ронан, — сказал Адам.

¹ (лат.) Страдание – удел храбрых

Когда он говорил «Ронан», это означало, просто «Ронан».

— Говнюк, — повторил Ронан, но почувствовал себя чуть лучше. Он сел в автомобиль.

Как только они оба оказались в машине, Деклан далеко не поехал, только на другую сторону парковки, чтобы убраться с дороги отъезжающих машин и автобусов. Он откинулся на спинку сиденья, устремив глаза, которые были совершенно не похожими на глаза матери и совсем чуть-чуть имели общего с отцом, на Аглионбай. Они были налиты усталостью.

Меттью возобновил игру на своём телефоне. Его рот растянулся в рассеянной улыбке.

— Нам нужно поговорить о твоём будущем, — начал Деклан.

— Нет, — ответил Ронан. — Нет, не нужно.

Он уже был на полпути к выходу из машины. Мертвые листья с треском ломались у него под ботинками.

— Ронан, подожди!

Ронан не дождался.

— Ронан! Перед своей смертью, когда мы с ним уехали вместе, папа рассказал мне про тебя.

Это было до безобразия несправедливо.

Это было до безобразия несправедливо, потому что ничто другое не остановило бы Ронана.

Это было до безобразия несправедливо, потому что Деклан знал это, и знал, что Ронан попытается уйти, и у него был приготовлен деликатес из почти опустевшей кладовой.

Ноги Ронана прижгло к асфальту. Наэлектризованность атмосферы потрескивала под его кожей. Ронан не знал, что его больше бесит: брат, который точно знал, как накинуть верёвку ему на шею, или он сам, потому что не знал, как выбраться из этой петли.

— Про меня, — наконец, эхом отозвался Ронан. И его голос был настолько мёртв, насколько он мог им управлять.

Его брат не ответил. Он просто ждал.

Ронан забрался обратно в машину. Он хлопнул дверцей. Потом открыл её и снова хлопнул. Он открыл её в третий раз и хлопнул опять, прежде чем рухнуть затылком на подголовник и уткнуться через лобовое стекло на беспокойные облака.

— Закончил? — поинтересовался Деклан. Он обернулся к Меттью, но самый юный Линч всё ещё с удовольствием играл на своём телефоне.

— Я закончил ещё несколько месяцев назад, — ответил Ронан. — Если это ложь...

— Я был слишком зол, чтобы рассказать тебе раньше. — И совершенно иным тоном Деклан добавил: — Посидишь тихо?

Тоже нечестный удар, потому что именно так говорил отец, когда собирался рассказывать историю. Ронан уже готов был слушать; это заставило его склонить голову к окну и закрыть глаза.

Деклан во многом отличался от отца, но, и как Найл Линч, он умел рассказывать сказки. Сказка, в конце концов, очень похожа на ложь, а Деклан был отличным лжецом. Он начал:

— Когда-то давным-давно жил старый ирландский герой, когда людей да городов было чуть да маленько, всё больше нетронутого острова да магии. У героя было имя, но я не скажу его, пока не дойду до конца. Он был богом-героем, устрашающим, мудрым и порывистым. Он пришёл за копьём — эта история о копье — которое жаждало крови и ничего, кроме крови. Кто бы ни владел этим копьём, оно заправляло на поле сражения, потому что ничто не могло устоять против смертельной магии. Копьё было таким

ненасытным и кровожадным, что его нужно было спрятать от глаз, чтобы прекратились убийства. Только слепой мог утихомирить его.

Затем Деклан умолк, вздохнул, словно тяжесть истории была осязаема, и ему нужно время восстановить силы. Но так оно и было, потому что ритуал воспоминаний довольно тяжелая вещь. Ронан же запутался в отрывочных картинках, на которых он увидел своего отца, сидящего на кровати Меттью, братья лежали вместе, голова к голове, мама сидела на обшарпанном кресле, на которое больше никто никогда не посягал. Она тоже любила эти истории, особенно те, что были про неё.

По крыше автомобиля что-то застучало, звук напоминал лёгкие касания ногтями, а секунду спустя на лобовое стекло приземлился ворох сухих листьев. Этот стук напомнил Ронану о когтях ночного ужаса, и он задумался, вернулся ли тот уже в Барнс.

Деклан продолжил.

— Но стоило копьём быть найденным, стало неважно, рядом ли с героем его настоящая любовь или семья, копьём всё равно всех бы убило. Убивать оно умело хорошо, так что оно убивало.

Меттью на заднем сидении драматически вздохнул, чтобы поднять всем настроение. Как и Чейнсо, он не мог выносить подавленности Ронана.

— Это было прекрасное оружие, предназначенное для боёв и только для них, — сказал Деклан. — Герой, защитник острова, пытался использовать копьё во благо. Но он сражал им врагов и друзей, злодеев и любимых, и герой увидел, что направленное на одну лишь цель копьё нужно спрятать подальше.

Ронан сердито ковырялся в своих кожаных браслетах. Ему совершенно точно напомнили о недавно приснившемся сне.

— Я думал, ты сказал, что история была обо мне.

— Копьём, по словам отца, был он. — Деклан посмотрел на Ронана. — Он велел мне удостовериться, что Ронан — имя героя, но не имя ещё одного копьё.

Он позволил словам задержаться.

Снаружи три брата Линч казались удивительно непохожими: Деклан — лощёный политикан; Ронан — слон в мире посудных лавок; Меттью — солнечное дитя.

Внутри братья Линч были удивительно похожи: они все любили машины, себя и друг друга.

— Я знаю, что ты грезишь так же, как он, — произнёс Деклан, понизив голос. — Я знаю, ты это умеешь. Знаю, что бесполезно тебя просить прекратить. Но папа не хотел, чтобы ты был таким же одиноким, как он. Каковым он себя сам сделал.

Ронан всё туже и туже затягивал кожаные ремешки у себя на запястье.

— О, до меня дошло, — сказал, наконец, Меттью. Он негромко рассмеялся себе под нос. — Делов-то.

— Почему ты говоришь мне это сейчас? — в итоге спросил Ронан.

— Меня заверили, что сюда, в Генриетту, нагрянет что-то большое, — сообщил Деклан.

— Кто?

— Что «кто»?

— От кого ты это слышал?

Деклан перевёл на него тяжелый взгляд.

— Откуда они знали, что нужно тебе звонить?

На что Деклан ответил:

— Ты всерьёз думаешь, что папа в этой фигне возился один?

Ронан действительно так думал, но ничего не сказал.

— Почему, ты полагаешь, я торчу в столице?

Ронан считал, что Деклан там, чтобы попасть в политику, но это был настолько неправильный ответ, что он предпочёл придержать язык за зубами.

— Меттью, надевай свои наушники, — велел Деклан.

— У меня их нет с собой.

— Притворись, что ты их надел, — сказал Ронан и увеличил громкость радио.

— Я хочу, чтобы ты ответил мне прямо, — обратился Деклан. — Ты собираешься поступать в колледж?

— Нет. — Было отрадно и страшно произносить это вслух, курок нажат, секунда, и взрыв. Ронан огляделся, чтобы увидеть трупы.

Деклан качнулся; пуля определённо чуть не задела жизненно важный орган. Усилием воли он взял контроль над артериальным фонтаном.

— Ну да. Я догадался. Значит, финита ля комедия твоей карьере?

Не этого на самом деле хотел Ронан. Несмотря на то, что он хотел быть свободным, чтобы грезить, свободным, чтобы жить в Барнс, он не хотел грезить ради того, чтобы быть способным жить в Барнс. Он хотел, чтобы его оставили в покое, чтобы восстановить все строения, чтобы пробудить скот отца от его сверхъестественного сна, чтобы заполнить поля новыми животными, которых можно есть и продавать, чтобы и превратить самое дальнее поле в огромный корт с бездорожьём для круговых гонок. Это для Ронана было романтическим идеалом, для достижения которого он бы много сделал. Он не знал, как убедительно и несмущающе преподнести это брату, так что Ронан недружелюбно буркнул:

— Я, вообще-то, подумываю стать фермером.

— Ронан, твою мать, — вздохнул Деклан, — можем мы хоть раз в жизни серьёзно поговорить?

Ронан тут же в ответ мастерски показал ему средний палец.

— Да пошёл ты, — выдал Деклан. — Может быть, сейчас в Генриетте и не жарко, но это только потому, что я рвал задницу, чтобы держать их подальше от города. Какое-то время я продавал вещи папы, сообщив всем, что буду вести дела из Вашингтона.

— Если папа больше не грезил тебе новое, что ты продаёшь?

— Ты видел Барнс. Фокус в том, чтобы медленно распределять то, что уже есть, будто у меня вместо единственного заднего двора несколько источников. Вот почему папа всё время путешествовал, чтобы поддерживать миф, будто он собирает артефакты со всех концов света.

— Если папа не грезил тебе новое, почему ты продаёшь?

Деклан провёл рукой по рулю.

— Папа всем нам вырыл могилы. Он наобещал людям артефактов, которых даже ещё не нагрезил. Он заключал сделки с людьми, которые даже не собирались ему платить, и которые знали, где мы жили. Он притворялся, будто нашёл этот артефакт – Грейворен – который позволяет людям доставать любое дерьмо из снов. Ну как? Звучит знакомо? Когда к нему приходили, чтобы купить его, он всучивал им что-то другое. Грейворен стал легендарным. Потом, конечно, ему приходилось стравливать их друг с другом и дразнить того психопата Гринмантла, а в итоге умереть. Вот и всё.

Ранее в этом году такого рода слов было бы достаточно, чтобы спровоцировать драку, а теперь горечь в голосе Деклана перевешивала гнев. Ронан мог отступить, чтобы взвесить эти заявления и сравнить с тем, что ему известно об отце. Он мог бы взвесить их и сравнить с тем, что ему известно о Деклане.

Ему это не понравилось. Он поверил, но ему это не понравилось. Было бы легче просто подражаться с Декаланом.

— Почему ты не сказал мне? — спросил он.

Деклан закрыл глаза.

— Я старался.

— Чёрта с два.

— Я пытался рассказать тебе, что он был не тем, кем ты его считал.

Но это не совсем так. Найл Линч был именно тем, кем его считал Ронан, но он был ещё и таким, каким его знал Деклан. Эти два варианта одного и того же человека не были взаимоисключающими.

— Я имел в виду, почему ты не сказал мне, что ты противостоишь всем этим людям?

Деклан открыл глаза. Они были ярко-синими, такими же, как у всех братьев Линч.

— Я пытался защитить тебя, маленькое ничтожество.

— Знай я больше, было бы охрененно проще, — огрызнулся Ронан. — Вместо этого нам с Адамом самим пришлось выдворять Гринмантла из города, пока ты играл в шпиона.

Брат смерил Ронана оценивающим взглядом.

— Так это были вы? Как ты... о...

Ронан наслаждался целой минутой уважения в глазах брата.

— Пэрриш всегда был жутко умным маленьким засранцем, — заметил Деклан, при этом напоминая скорее их отца, чем себя. — Слушай, тут такое дело. Этот покупатель позвонил мне утром и рассказал, что кто-то предлагает здесь нечто большое, как я и сказал. Отовсюду съедутся люди, чтобы посмотреть на товар, чем бы он ни был. Им потребуется немного усилий, чтобы найти тебя и Меттью, и Барнс, и тот лес.

— Кто этот продавец?

— Не знаю. И мне плевать. Вряд ли это вообще важно. Разве ты не понимаешь? Даже после завершения сделки, они всё равно явятся, потому что Генриетта – огромный маяк сверхъестественного. И потому что кто знает, что ещё в бизнесе отца я не привёл в порядок. А если они разузнают, что ты умеешь грезить... помоги тебе Господь, потому что всё будет кончено. Я просто... — Деклан умолк и закрыл глаза. Стоило ему только это сделать, и Ронан увидел брата, с которым он вырос, вместо брата, от которого он отдалился. — Я устал, Ронан.

В машине наступила тишина.

— Пожалуйста... — начал Деклан. — Просто поехали со мной, а? Ты можешь бросить Аглионбай, а Меттью может перевестись в одну из школ Вашингтона, и я оболью бензином всё, что построил папа, и мы оставим Барнс в прошлом. Давай просто уедем.

Это было совсем не то, что Ронан от него ожидал услышать, и он обнаружил, что ему нечего ответить. Бросить Аглионбай; оставить Генриетту; бросить Адама; оставить Гэнси.

Как-то раз, когда Ронан был довольно юн, настолько, что посещал Воскресную школу, он проснулся, держа в руке настоящий огненный меч. Его пижама, выдержанная в строгих правилах техники безопасности, которые, казалось, несли на тот момент академический интерес, расплавилась и спасла его, но вот одеяло и большая часть штор были уничтожены небольшой преисподней. Именно Деклан выволок Ронана из комнаты и разбудил родителей; он никогда ничего не говорил о том случае, а Ронан его так и не поблагодарил.

Когда дело принимает такой оборот, вариантов, в общем-то, нет. Линчи всегда спасают друг другу жизни, если нужно.

— Забери Меттью, — сказал Ронан.

— Что?

— Забери Меттью в Вашингтон и береги его, — повторил Ронан.

— Серьёзно? А что ты?

Они посмотрели друг на друга, искажённые зеркальные отображения друг друга.

— Это мой дом, — произнёс Ронан.

Ненастная погода прекрасно отражала состояние души Блу Сарджент. Её первый день в школе после устранения тянулся бесконечно. Малая часть от этого появилась из-за того, что проводимое ею время вне школы казалось удивительным: абсолютная противоположность рутине Маунтин Вью Хай. Но гораздо бóльшая часть возникала из-за воспоминания о самом немагическом элементе её устранения – вечеринке в тогах Генри Ченга. Очарование этого мероприятия ещё более усиливал тот факт, что оно совершенно не содержало магии. А её мгновенное родство со студентами только подчёркивало, насколько она оказалась совершенно не способной к такому за все годы в Маунтин Вью. Что же заставило её моментально почувствовать себя столь комфортно с ванкуверской тусовкой? И почему подобное родство должно возникать с людьми из другого мира? Вообще-то, она знала ответ. Глаза ванкуверской тусовки были обращены к звёздам, а не к земле. Они не знали всего, но хотели знать. В другом мире она могла бы дружить с такими людьми, как Генри, всю свою юность. Но в этом мире она оставалась в Генриетте и наблюдала, как такие люди уезжают. Она не собиралась в Венесуэлу.

Блу жутко расстраивало, что её жизнь так чётко разграничена.

То, чего было недостаточно, она могла иметь.

Того, что было чем-то бóльшим, не могла.

Итак, она стояла, словно обидчивая старая леди, сгорбившись, в длинном истерзанном балахоне, который она превратила в платье, ожидая автобусы, чтобы, выдернув, освободить свой велосипед. Ей бы хотелось иметь телефон или Библию, тогда она могла бы притвориться супер занятой, как та кучка застенчивых подростков, стоящих в очереди на автобус перед ней. Четыре одноклассника расположились в опасной близости, ведя беседу о том, была или не была сцена ограбления банка в том фильме, который видели все, такой классной, и Блу боялась, что они могли спросить её мнение. В общем-то, она знала, что ничего плохого в теме их разговора не было, но, если более конкретно, она также понимала, что у неё не получится, говоря об этом фильме, не выглядеть высокомерной засранкой. Она чувствовала себя на тысячу лет старше. А ещё она чувствовала, что, может быть, она и была высокомерной засранкой. Она хотела свой велосипед. Она хотела своих друзей, которые тоже были тысячелетними высокомерными засранцами. Она хотела жить в мире, где она была окружена тысячелетними высокомерными засранцами.

Она хотела поехать в Венесуэлу.

— Привет, привет, леди! Хочешь прыгнуть в тачку своей мечты?

Блу сразу не осознала, что эти слова были обращены к ней. Реальность забрезжила в сознании, когда она поняла, что все лица вокруг указывали на неё. Она медленно повернулась и обнаружила, что на противопожарной полосе стоял очень серебряный и дорогой автомобиль.

Блу удавалось месяцами тусоваться с парнями из Аглионбая, не выглядя при этом так, будто она тусуется с парнями из Аглионбая, но тут самый воронёнковый воронёнок из всех припарковался на противопожарной полосе дороги рядом с ней. У водителя были часы, которые даже Гэнси носить счёл бы за неловкость. У водителя были волосы достаточной высоты, чтобы касаться потолка автомобиля. Водитель носил большие солнцезащитные очки в чёрной оправе, несмотря на примечательное отсутствие солнца. Водителем был Генри Ченг.

— Огоооооооо, — воскликнул Бёртон, один из мальчиков-грабителей банка, медленно поворачиваясь. — У мисс «Не Твоя Сучка» свидание? Это он тебя отмутузил?

Коди, второй из мальчиков-грабителей банка, шагнул к бордюру поглазеть на Фискер. Он поинтересовался у Генри:

— Это Феррари?

— Нет, это Бугатти, чувак, — сказал Генри через открытое пассажирское окно. — Ха-ха, я пошутил, чувак. Это точно Феррари. Сарджент! Не заставляй меня ждать!

Половина автобуса смотрело на неё. До этого момента Блу, на самом деле, никогда не складывала все свои публичные выступления против безвозмездной коммерции, противных ухажёров и студентов Аглионбая в одном месте. Сейчас же, когда все смотрели на Генри, потом на неё, она глазела на эту стопку и находила её огромной. А ещё она видела, как каждый ученик медленно клеит ярлык «БЛУ САРДЖЕНТ — ЛИЦЕМЕРКА».

Не было никакого простого способа доказать, что Генри – не её бойфренд, более того, доказывать казалось бессмысленным в свете того, что её секретный бойфренд был лишь немногим менее чрезмерно аглионбайским, чем экземпляр, в настоящее время находящийся перед ней.

Блу переполняла неудобная уверенность, что, возможно, ей нужно прикрепить на стопку ярлык «БЛУ САРДЖЕНТ — ЛИЦЕМЕРКА», написанный её собственным почерком.

Она протопала к пассажирскому окну.

— Не засоси его прям здесь, Сарджент! — крикнул кто-то. — Заставь его сначала купить тебе стейк!

Генри солнечно улыбнулся.

— Тпру! Туземцы неумоимы. Здравствуй, мой народ! Не волнуйтесь, я установлю более высокую минимальную оплату труда для всех вас! — Посмотрев снова на Блу или, по крайней мере, повернув в её сторону свои солнечные очки, он сказал: — Привет, привет, Сарджент.

— Что ты здесь делаешь? — потребовала ответа Блу. Она чувствовала... Она не была уверена что. Чувствовала очень много.

— Я здесь, чтобы поговорить о людях в твоей жизни. Поговорить о людях в моей жизни. Кстати, мне нравится платье. Очень богемный наряд или как-то так. Я ехал домой и хотел выяснить, хорошо ли ты провела время на тога-вечеринке, а ещё убедиться, что наши планы насчёт Зимбабве в силе. Вижу, ты пыталась расцарапать себе глаз. Тревожно.

— Я думала... Полагаю... это была Венесуэла.

— О, верно, заедем туда по пути.

— Боже, — произнесла она.

Генри склонил голову в знак смиренной признательности.

— Выпуск из школы дышит в пятки, красношная леди, — произнёс он. — Самое время убедиться, что у нас в руках нитки от всех воздушных шаров, которые мы хотим, до того, как все они уплывут.

Блу хитро на него посмотрела. Было бы легко ответить, что она никуда не уплывёт, что этот воздушный шар будет медленно терять свой гелий и оседать на пол в том же месте, в котором был рождён, но она подумала о выданных для неё предсказаниях матери и не стала. Вместо этого она подумала о том, как хотела бы путешествовать по Венесуэле, как и Генри Ченг, и это значило что-то в эту минуту, даже если не будет значить ничего на следующей неделе.

Кое-что пришло ей на ум.

— Я же не должна напоминать тебе, что я с Гэнси, верно?

— Естественно нет. В любом случае, я генрисексуален. Могу я подбросить тебя до дома?

Держись подальше от парней из Аглионбая, потому что они ублюдки.

Блу ответила:

— Я не могу сесть в эту машину. Видишь, что происходит у меня за спиной? Даже не хочу смотреть.

Генри предложил:

— Как насчёт такого: ты показываешь мне средний палец, кричишь на меня и удаляешься со своими принципами?

Он обаятельно улыбнулся и поднял три пальца. На счёт два остались рога дьявола¹.
— Это невероятно ненужно, — сообщила ему Блу, но ощутила, как сама улыбается.
— Жизнь — театр, — ответил он. Он отсчитал один средним пальцем, а потом его лицо смягчилось от преувеличенного шока.

Блу заорала:

— Отвали, ублюдок!

— Здорово! — крикнул в ответ Генри немного более истерично, чем было необходимо по роли. Он попытался с визгом вылететь с парковки, остановился, чтобы снять ручной тормоз, и дальше двинулся сдержаннее.

Блу не хватило времени, чтобы повернуться и посмотреть на результат их разыгранной пьесы в трёх частях, так как она услышала очень знакомый грохот. О нет...

Но конечно, прежде чем она смогла загладить вину за прошлого посетителя, ярко-оранжевый Камаро подъехал к тротуару перед ней. Двигатель немного брыкался; он не был настолько счастлив быть живым, как автомобиль, что ранее занимал противопожарную полосу, но он старался. Это также была совершенно очевидная аглионбайская машина, притаившая внутри аглионбайского мальчишку, как и та, что только что уехала.

До этого Блу привлекла внимание половины очереди на автобус. Теперь всей.

Гэнси перегнулся через пассажирское сидение. В отличие от Генри, он, по крайней мере, соизволил признать внимание всей школы гримасой.

— Джейн, извини, это не может ждать. Ронан только что мне звонил.

— Он тебе звонил?

— Да. Он хочет нас видеть. Ты можешь ехать?

Буквы «БЛУ САРДЖЕНТ — ЛИЦЕМЕРКА» определённо были нацарапаны её собственным почерком. Она чувствовала, что позже надо будет провести небольшой самоанализ.

Стало относительно тихо.

Самоанализ шёл сейчас.

— Дурацкие воронята, — вздохнула она и села в машину.

Глава 33

Никто не мог до конца поверить, что Ронан воспользовался телефоном.

У Ронана Линча было много привычек, которые раздражали его друзей и близких — ругаться, пить, участвовать в уличных гонках — но больше всего доводила до бешенства знакомых его неспособность отвечать на телефонные звонки или посылать сообщения. Когда Адам впервые встретил Ронана, он нашёл отвращение Ронана к понтному телефону настолько полным, что решил, за этим должна быть история. Своеобразная причина, по которой даже под давлением чрезвычайной ситуации первой реакцией Ронана было отдать его телефон кому-нибудь другому. Теперь, когда Адам знал его лучше, он понял, это больше было связано с тем, что телефон не допускал никакого поведения. Девяносто процентов чувств Ронан передавал с помощью языка тела, а телефон это просто не волновало.

И, тем не менее, он им воспользовался. В ожидании, пока Деклан закончит с Ронаном, Адам пошёл в мастерскую, чтобы провести пару замен отслужившего масла. Он пробыл там несколько часов, когда позвонил Ронан. Потом Ронан написал Гэнси и позвонил на Фокс Вей. Он сказал всем им одно и то же: «Приезжай в Барнс. Надо поговорить».

И так как Ронан никогда в действительности ни о чём их не просил по телефону, они всё бросили и помчались.

¹ Рога дьявола — комбинация четырёх пальцев, при которой загибаются средний и безымянный, указательный и мизинец остаются прямыми.

К тому времени, как Адам попал в Барнс, остальные уже приехали... Или, по крайней мере, Камаро стоял там, а Адам предположил, что Гэнси привёз Блу, особенно теперь, когда их секрет раскрыт. БМВ Ронана был припаркован боком, колёса встали таким образом, который подсказывал, что они проскользили в это положение. И к удивлению Адама, Вольво Деклана тоже там припарковался, задом, уже готовый к отъезду.

Адам вышел из машины.

Барнс оказывал странный эффект на Адама. Он не понимал, как распознать это чувство в первые несколько раз, когда посещал это место, потому что он искренне верил в две вещи, из которых Барнс был создан: магия и любовь. Теперь, когда он, по крайней мере, мимолётно познакомился с ними обеими, Барнс влиял на него по-другому. Он привык задаваться вопросом, на что он сам был бы похож, если бы вырос в подобном месте. Сейчас же он думал о том, как однажды, если бы захотел, смог бы жить в подобном месте. Он не совсем понял, что изменилось.

Внутри он обнаружил всех в различных праздничных состояниях. Адам мгновенно понял, что это был день рождения Ронана: на заднем дворе дымил гриль, на кухонном столе находились купленные в магазине кексы, несколько надутых воздушных шариков катались по углам комнаты. Блу сидела на кафедре, перевязывая нитки шариков. Её раненый глаз почти закрылся, а Гэнси и Деклан стояли у стойки, опустив головы, ведя тихий, серьёзных разговор, отчего они выглядели старше своих лет. Ронан и Меттью толкались на кухне заднего двора. Они вели себя шумно и по-братски баловались, невероятно естественно. Так вот как это, иметь братьев?

Ронан поднял глаза и перехватил взгляд Адама.

— Разуйся, прежде чем бродить тут, болван, — произнёс Ронан.

Адам остановился и наклонился развязать ботинок.

— Не ты... Я имел в виду Меттью.

Взгляд Адама задержался на Ронане на мгновение дольше, а затем наблюдал за Меттью, отшвыривающим снятую обувь. Когда он внимательно проследил, как Меттью скользит в столовую в одних носках, Адам понял: этот праздник был в честь Меттью.

Блу поднялась на ноги и присоединилась к Адаму. Она тихо пояснила:

— Меттью остаётся с Декланом. Он уезжает из Аглионбая.

Картина прояснилась: это празднование отъезда.

Медленно, на протяжении следующего часа, история проявлялась урывками, через фрагменты, выданные каждым из присутствующих. Результат был таков: Барнс переходил из рук в руки путём бескровной революции, короной кочуя от отца среднему сыну, так как старший сын отрекался. И, если верить Деклану, конкурирующие государства пускали слюни по ту сторону границы.

Это была и прощальная вечеринка, и военный совет.

Адам не мог до конца в это поверить, он даже не знал, видел ли когда-нибудь Ронана и Деклана в одной комнате без ссор. Но это правда, и это были братья, какими он их никогда не видел. Деклан, освобождённый и измученный; Ронан, напряжённый и мощный от цели и радости; Меттью, неизменный и полный энтузиазма, словно счастливый сон, которым он и был.

Что-то во всём этом выводило Адама из равновесия. Он не совсем понимал. Он уловил слабый аромат самшита из открытого окна на кухне, и это заставило его думать о трансе в машине Ронана. Взгляд ухватил Девочку-Сиротку, прятанную вместе с Чейнсо под обеденным столом с коробкой Тинкертой¹, и он ещё раз вспомнил шок от открытия, что Ронан нагрезил Энергетический пузырь. Он забрёл в сон Ронана Линча; Ронан всё переделал в своём королевстве в форме собственного воображения.

— Почему она не тут? — раздался рассерженный голос Ронана с кухни.

¹ Тинкертой – строительный детский конструктор, позволяет ребенку собирать не только то, что запланировано создателем, а полностью использовать свое воображение.

Меттью пробурчал что-то в ответ.

Мгновение спустя пальцы Ронана зацепились за косяк дверного проёма в столовую, и выглянул он сам.

— Пэрриш. Пэрриш. Не мог бы ты посмотреть, может, найдёшь где-нибудь рулон грёбаной фольги? Наверное, она в комнате Меттью.

Адам не совсем помнил, где располагалась комната Меттью, но он был рад, что теперь есть оправдание побродить по дому. Когда беседа на кухне продолжилась, он проложил путь по коридорами, и вверх по скрытым лестницам в другие полукоридоры и к другим полулестницам. Внизу Ронан сказал что-то, и Меттью выдал такой дьявольский взрыв хохота, что, должно быть, это было нечто ужасное. К удивлению Адама, он услышал и смех Ронана, настоящий, раскованный, добрый.

Он обнаружил себя в комнате, скорее всего, принадлежащей Найлу и Авроре. Свет через окно расплескался по белому покрывалу, нежному и усыпляющему. «Так иди, дитя людей»¹, — было написано в рамке возле кровати. На туалетном столике стояла фотография: Аврора широко, удивлённо и простодушно смеётся, выглядя как Меттью. Найл, яркий и красивый, схватил её, улыбаясь, его тёмные волосы длиной до подбородка заправлены за уши. Его лицо было лицом Ронана.

Адам долго стоял и смотрел на фотографию, неуверенный в том, почему она его удерживала. Он рассуждал: дело могло быть в неожиданности, ведь он считал Аврору пустой палитрой, мягкой и тихой, какой она была в Энергетическом пузыре. Ему должно было придти в голову, что она способна быть счастливой и активной, ведь Ронан так долго верил, что она реальность, а не сон.

Что было реальностью?

Но, возможно, его удерживал Найл Линч, эта старшая версия Ронана. Конечно, сходство не было совершенным, но достаточно близким, чтобы заметить в нём манеры Ронана. Такой грозный, необузданный отец, такая необузданная, счастливая мать. Внутри Адама что-то болело.

Он ничего не понимал.

Он нашёл комнату Ронана. Он понял, что это комната Ронана по беспорядку и причудам в ней; она была более яркой кухней его комнаты на Монмаут. Станные маленькие объекты были припрятаны во все углы и засунуты под кровать: более юные сны Ронана или, может быть, подарки отца. Тут были и обычные вещи — скейтборд, драный чемодан на колёсиках, выглядящий сложным инструмент, должно быть, волынка, пыльно лежащая в открытом чехле. Адам поднял с полки блестящую модель автомобиля, и она заиграла жутковатую красивую мелодию.

Адаму нужно было присесть.

Он сел на край пушистого белого покрывала, квадрат чисто белого света расплескался по коленям. Он чувствовал себя пьяным. Всё в этом доме ощущалось настолько уверенным относительно своей подлинности, настолько бесспорным относительно своего места. Насколько несомненным в своей желаемости. Он всё ещё держал модель автомобиля на коленях, хотя та умолкла. Она не была каким-то исключительным автомобилем — это был любой возможный мощный автомобиль, облачённый грёзой в форму совершенно не мощного автомобиля — но она напомнила Адаму о первой вещице, которую он сам себе купил. Это было ненавистное воспоминание, своего рода воспоминание, у которого он бы иногда сглаживал края, а, засыпая, нечаянно его мысли скатывались бы ближе к нему и затем отскакивали, обжигаясь. Он не знал, сколько ему было лет, его бабушка прислала ему открытку с десятью долларами внутри, тогда его бабушка ещё присылала открытки. Он купил на них модель автомобиля где-то такого же размера, Понтиак. Он не помнил ничего о том, где

¹ Come away o human child — строчка из поэмы «Украденное дитя» Уильяма Батлера Йейтса, ирландского поэта. Перевод Горана Бреговича.

купил машинку или почему именно эту, или даже по какому поводу была открытка. Всё, что он помнил, это как он лежал на полу своей комнаты, водя колёсиками по ковру и слушая, как его отец в другой комнате говорит...

Мысли Адама скатились ближе к воспоминаниям и отшатнулись.

Но он коснулся капота нагретого автомобиля и, как бы то ни было, вспомнил тот момент. Страшное предчувствие воспоминания хуже, чем само воспоминание, потому что будет продолжаться столько, сколько Адам ему сопротивляется. Иногда лучше просто сдаться разок.

— Я жалею о той минуте, когда брызнул его в тебя, — сказал отец Адама. Он не кричал. Не злился. Это просто был факт.

Адам помнил момент, когда осознал, что «его» значило Адама. В памяти не осталось точно, что потом говорила мать, только настроение её ответа — что-то типа «Я тоже не представляла себе всё так» или «Это не то, чего я хотела». Единственное, что он помнил с точностью, тот автомобиль и слово «брызнул».

Адам вздохнул. Невероятно, как некоторые воспоминания никогда не разлагаются. В былые времена — может, даже несколько месяцев назад — Адам бы снова и снова воскрешал эти кадры прошлого, они бы проигрывались убогой навязчивой спиралью в его голове. Один раз сдавшись, он не знал, как остановиться. Но теперь, во всяком случае, он мог почувствовать единственный укус воспоминания, а потом убрать его на другой день. Он очень медленно расставался с тем трейлером.

Половица скрипнула; костяшки стукнули один раз по открытой двери. Адам поднял глаза и увидел Найла Линча в дверном проёме. Нет, Ронана, его лицо ярко освещено с одной стороны и совершенно затенено с другой, облик мощный и спокойный, большие пальцы засунуты в карманы джинс, кожаные браслеты перекручены на запястье, ноги босые.

Он безмолвно пересёк пол и сел рядом с Адамом на матрац. Когда он протянул руку, Адам положил в неё модель.

— Старая вещичка, — произнёс Ронан. Он повернул переднее колесо, и снова из неё заиграла музыка. Так они просидели несколько минут, пока Ронан исследовал машинку и поворачивал каждое колёсико, чтобы раздавались разные мелодии. Адам наблюдал, как внимательно Ронан изучал трещинки, его ресницы низко опустились на глаза. Ронан выдохнул, положил модельку на кровать рядом с собой и поцеловал Адама.

Однажды, тогда Адам всё ещё жил в трейлерном парке, он толкал газонокосилку по чахлой стороне сада, когда понял, что в миле от него пошёл дождь. Он почувствовал земляной аромат дождя на почве, а также волнующий, беспокойный запах озона. И он увидел его: мутно-серая пелена воды загоразживала горный пейзаж. Он мог отслеживать, как линия дождя движется через безбрежное сухое поле ему навстречу. Дождь был тяжёлый и тёмный, и он знал, что промокнет, если останется на улице. Непогода двигалась издалека, так что у него было много времени, чтобы убрать газонокосилку и зайти в укрытие. Вместо этого он просто стоял и смотрел, как дождь приближается. Даже в последнюю минуту, когда он слышал, как капли стучат по траве, он остался. Закрыв глаза и позволил буре себя промочить.

Вот такой это был поцелуй.

Они снова поцеловались. Адам почувствовал это больше, чем губами.

Ронан отдалился с закрытыми глазами и сглотнул. Адам наблюдал, как его грудная клетка поднимается и опускается, брови хмурятся. Он чувствовал себя так ярко, мечтательно и нереально, как свет в окне.

Он ничего не понимал.

Прошло довольно много времени, прежде чем Ронан открыл глаза, и, когда открыл, выражение его лица было сложным. Он встал. Он всё ещё смотрел на Адама, и Адам смотрел в ответ, но ни один из них ничего не говорил. Возможно, Ронан хотел этого от Адама, но Адам не знал, что сказать. Он был магом, как утверждала Персефона, и его

магия устанавливала связи с несовместимыми вещами. Только сейчас он был слишком полон белого, пушистого света, чтобы что-либо логически связать. Он знал, что из всех вариантов в мире Ронан был самой сложной версией любого из них. Он знал, что Ронан — не то, с чем можно экспериментировать. Он знал, что его губы всё ещё ощущали тепло. Он знал, что начинал учёбу в Аглионбае с убеждённости, что хочет держаться от подобного состояния и всего с этим связанного как можно дальше.

Он был почти уверен, что это первый поцелуй Ронана.

— Я пойду вниз, — сказал Ронан.

Глава 34

Найл однажды рассказал Ронану одну историю, а тот не мог её вспомнить, но всегда любил. Там было что-то про мальчика, который ужасно походил на Ронана, как и все мальчики в историях Найла, и про старика, который ужасно походил на Найла, как и все старики в историях Найла. Старик, возможно, на самом деле был чародеем, а мальчик — его учеником, хотя Ронан, наверное, соединил историю с фильмом, который видел однажды. В истории был магический лосось, что даровал счастье человеку, его отдававшему. Или, может быть, не счастье, а мудрость. В любом случае, старик был слишком ленив или занят, или он был в деловой поездке, чтобы тратить время, пытаясь изловить лосося, так что он поручил мальчику поймать для него рыбу. Отловленного лосося мальчик должен был приготовить и отнести назад старику. Паренёк сделал, как ему велели, так как был столь же умён, как и старый чародей, но когда он готовил лосося, он обжёгся. Прежде чем подумать об этом, он засунул обожжённый палец в рот, таким образом получив магию лосося.

Ронан чувствовал, что ненамеренно поймал счастье.

Он мог бы сделать что угодно.

— Ронан, брат, что ты делаешь наверху? — позвал Деклан. — Ужин готов.

Ронан находился на крыше одного из небольших навесов с техникой. Навес был так высок, как Ронан мог соорудить в короткие сроки без крыльев. Он не опускал рук. Светлячки, безделушки и его нагретенные цветы светились и кружились вокруг него, они так и носились в поле его зрения, когда он устремил взор в небо с розовыми прожилками.

Спустя минуту крыша застонала, и Деклан застонал, а затем старший брат подтянулся и забрался к Ронану. Он встал, глядя не в небо, а на всё то, что плавало вокруг младшего брата.

Вздохнул.

— Ты и правда хорошо поработал над этим местом. — Деклан дотянулся и поймал одного из светлячков. — Иисус Мария, Ронан, тут даже нет никаких букашек.

Ронан опустил руки и посмотрел на огонёк, который ухватил Деклан. Он пожал плечами.

Деклан выпустил огонёк назад в воздух. Тот парил прямо перед ним, освещая резкие черты лица Линчей, морщинку беспокойства между бровями, печать разочарования на устах.

— Он хочет поехать с тобой, — сказал Ронан.

— Я не могу взять с собой светящийся шар.

— Вот, — произнёс Ронан. — Подожди.

Он переступил с ноги на ногу, чтобы достать что-то из кармана, и протянул Деклану на ладони. Оно выглядело как неказистая утяжелённая шайба около полутора дюймов¹ в диаметре, стимпансковское² пресс-папье от странного механизма.

¹ 1,5 дюйма = 3,81 см

² Стимпанк — это технократичная альтернативная реальность, либо другой мир, вставший на путь развития на основе паровых технологий и ведущий точку социального и культурного отсчёта начиная с 19 века нашего времени.

— Ты прав, этот привлекает гораздо меньше внимания, — иронично усмехнулся Деклан.

Ронан сильно стукнул по объекту, и с искрящимся шипением прыснуло маленькое облачко огненных сфер.

— Боже, Ронан! — Деклан резко дёрнул подбородком.

— Да ладно. Подумал, я снёс бы тебе лицо?

Он показал снова: быстрый хлопок, взрыв сверкающих сфер. Потом перекинул в руку Деклана и, прежде чем Деклан смог бы что-нибудь сказать, опять тыкнул эту штуку для активации.

Сферы взметнулись в воздух. На мгновение Ронан увидел, как его брат оказался внутри, наблюдая, за сферами, неистово парящими вокруг его лица, каждое золотое солнце воспламенялось золотым и белым, и, когда он заметил всеобъемлющую тоску на лице Деклана, он понял, сколько Деклан упустил, пока рос не грезящим и не грёзой. Это место никогда не было ему домом. Семья Линчей никогда не пыталась сделать его домом Деклана.

— Деклан? — позвал Ронан.

Лицо Деклана прояснилось.

— Это самая полезная штука из всех, что ты создавал. Ты должен её назвать.

— Я и назвал. МИРОМАСТЕР. Все буквы заглавные.

— Строго говоря, ведь это ты – миромастер, верно? А это просто мир.

— Любой, кто его держит, становится МИРОМАСТЕРОМ. Прямо сейчас ты — МИРОМАСТЕР. Вот, держи, положи в свой карман. Вашингтонский МИРОМАСТЕР.

Деклан протянул руку и потрепал бритую голову Ронана.

— Ты такой мелкий говнюк.

В последний раз они стояли на этой крыше вдвоём, когда их родители были живы, скот на этих полях неторопливо пасся, и мир был местом поменьше. Те времена прошли, но в коем-то веке всё было хорошо.

Братья оглядели место, которое их создало, а затем спустились с крыши вместе.

Глава 35

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она была о Нив Маллен.

У Нив была такая карьера, о которой большинство экстрасенсов только мечтали. Частично благодаря тому, что она очень легко монетизировала разнообразные видения: она была хороша в работе с определёнными цифрами, определёнными буквами, в вытягивании телефонных номеров из людских бумажников, дней рождения из их голов, в точном предсказывании грядущих событий. А частично благодаря тому, что она была целеустремлённой и амбициозной. Ей всё время было мало. Карьера была стаканом, который, казалось, никогда не наполнялся. Она начала с телефонной горячей линии, а потом опубликовала несколько книг, добилась для себя шоу на телевидении, которое выходило ранним утром. Её уважали.

Но.

Вне общества она всегда хотела быть только экстрасенсом. В наши дни, в наш век даже самый лучший экстрасенс всегда был обречён на клеймо ведьмы, от которого морщили нос, но его никто не боялся.

Нив могла бы прибрать к рукам будущее, прошлое и другие миры, и всем бы было плевать. Поэтому она покончила с заклинаниями, просматривала сны и просила духов-проводников указать ей путь. «Подскажите мне, как обрести могущество, которое люди не смогут игнорировать?»

«Генриетта», — прошептал один из её проводников. Её телевизор завис на карте погоды Вирджинии. Ей приснилась энергетическая линия. Позвонила сводная сестра.

— Приезжай в Генриетту, мне нужна помощь!

Зеркала показывали будущее, в котором все глаза были устремлены на неё. Вселенная указывала ей путь.

И вот она была здесь, в потемневшем лесу, с Пайпер Гринмантл и демоном.

Нив должна была бы догадаться, что одержимость могуществом приведёт её к возможности заключения сделки с демоном, но не догадалась. Она была не слишком этичной, но и не была дурой: она понимала, что подобная сделка не закончится ничем хорошим. Так что это конец. И скорее всего, в буквальном смысле.

Моральный дух пал.

Пайпер же, с другой стороны, пребывала в восторге. Она сменила свои лохмотья на небесно-голубое платье с соответствующими туфлями-лодочками. Этот цвет её шокировал на фоне бесцветного пейзажа.

— Никто не захочет покупать предмет роскоши у бомжа, — сказала она Нив.

— Что ты продаешь? — спросила Нив.

— Демона, — ответила Пайпер.

Нив не знала наверняка, в чём было дело — то ли в провале воображения, то ли экстрасенсорного восприятия — но такого поворота она никак не ожидала. Одновременно с ответом Пайпер на неё нахлынуло скверное предчувствие. Нив попыталась его сформулировать.

— Как мне кажется, демон связан с этим географическим местом и существует для определённой цели, то есть, в данном случае, для разрушения всех энергетических артефактов, связанных с этим местом, и поэтому мне кажется маловероятным, что у тебя получится переместить его без значительных за...

— Время ведёт себя здесь странно? — прервала её Пайпер. — Не могу понять, мы здесь всего пару минут или нет?

Нив была более чем уверена, что они находятся здесь гораздо дольше, но лес манипулировал их чувствами времени, чтобы затормозить Пайпер. Однако она не хотела произносить этого вслух, боясь, что Пайпер использует эту информацию самым ужасным способом. Она гадала, сможет ли она убить Пейпер... что? Нет, не сможет. Это был демон. Он нашёптывал ей такие мысли. Именно это он всегда и делал.

«Интересно, что же демон нашёптывает Пайпер», — думала она.

Нив посмотрела на демона. Демон посмотрел на Нив. Начинало казаться, что он всё больше и больше чувствует себя здесь, в лесу, как дома, что, скорее всего, было плохим знаком для деревьев.

— Совершенно не понимаю, каким образом ты собираешься продать этого демона, — понизив голос, произнесла она. — Это упражнение в высокомерии. Ты не можешь контролировать его.

Понижать голос было бессмысленно, потому что демон находился в непосредственной близости, но Нив не могла иначе.

— Он оказывает мне милость, — ответила Пайпер. — Так он сказал.

— Да, но, в конечном счёте, у демона есть свои цели. А ты лишь инструмент.

Мысли демона перешёптывались среди деревьев; деревья трепетали. Птица вскрикнула, но звук прозвучал задом наперёд. В нескольких футах от Нив земля разомкнула уста, а потом принялась медленно закрывать и открывать рот, прося пищу, словно обделённый ребенок. Это было невозможно, но демону плевать на невозможность. Лес теперь жил по законам ночных кошмаров.

Пайпер, похоже, не задумывалась о мелочах.

— А ты зануда. Демон, построй мне дом. Дом-пещеру. Короче, то, что можешь сообразить по-быстрому. Я буду в деле, пока смогу принимать ванную. И пусть будет так или как получится.

И было так или как получилось, согласно словам Пайпер.

Магия демона была не похожа на всё, что Нив когда-либо уже использовала. Словно банковская карта с негативной магией на счету; физическое доказательство энергии не создавалось, не разрушалось. Если они хотели создать дом, то демону придётся уничтожить часть леса. И наблюдать за этим нелегко. Если бы деревья просто удалялись, возможно, Нив не было бы так тяжело. Но это было разрушение. Побеги росли, росли и росли, расцветали и развивались, пока не душили друг друга и не сгнивали. Изящные терновники обрастали шипами, которые перекручивались, пока не обрезали ветки, на которых росли. Птицы стали сами себе выклёвывать внутренности, потом подросли змеи, которые съели птиц, а потом, дёргаясь в агонии, пожирали себя.

Хуже всего пришлось большим деревьям. Они были чудотворными (Нив знала, что они были чудотворными), и они сопротивлялись изменению дольше, чем всё остальное, живущее в лесу. Сначала они закровоточили чёрным соком. А потом постепенно пожухли их листья. Ветки опали, став чёрной жижей. Кора облетела со стволов, словно отшелушившаяся кожа. Деревья начали стонать. Это был не звук, который мог произвести человек. Это был не голос. Это была версия стоны веток на ветру. Это была песня дерева, подкошенного бурей.

Такое было против всего, что отстаивала Нив.

Однако она заставила себя наблюдать. Она должна была этому чудотворному старому лесу, поэтому она смотрела, как он умирает. И задумалась: может, её привели сюда, чтобы она спасла его?

Всё было ночным кошмаром.

Новое жилище Пайпер заполнило большую, глубокую расселину в скалах, оно было надёжно подвешено и закреплено при помощи магии. Строение представляло собою странное сочетание желаний Пайпер и представлений демона, как должно строиться осиное гнездо. В самом центре главной комнаты был глубокий, каплевидный бассейн.

Как и при любом удачном компромиссе, обе стороны были чем-то разочарованы, но ничего не сказали. Пайпер ухмыльнулась и сообщила только:

— Круто. Пора провести папулю.

— Чтобы связаться с отцом, вместо одержимости, ты могла бы погадать в ванной, — быстро предложила Нив. Тем, что она не сказала, было её ощущение, что гадание требовало гораздо меньше энергии, чем одержимость. Это, может быть, и не спасло бы лес, но могло сохранить ему жизнь ещё на какое-то время.

Демон дёрнул антеннами в сторону Нив. Он-то знал, что она делала. Секунду спустя Пайпер оценивающе оглядела Нив. Демон определённо разговаривал с Пайпер телепатически. Нив ждала возражений, но Пайпер лишь с задумчивым видом обежала бассейн.

— Как бы там ни было, они будут приветливее, если смогут увидеть моё лицо. Демон, свяжись с моим отцом через эту штуку. И пусть будет так или как получится.

И было так или как получилось.

Ламоньер находился в общественной уборной. Он стоял перед зеркалом, а также перед дверью в мужской туалет, чтобы никто не вошёл.

Пайпер склонилась над бассейном.

— Ты в «Legal Sea Foods»? Поверить не могу. Ненавижу.

— Да, нам захотелось устриц, — сказал Ламоньер. Его голос исходил не из бассейна, а из демона. Ламоньер сощурился, пытаясь получше рассмотреть, где находилась его дочь. — Ты в осином гнезде?

— Это место поклонения, — сообщила Пайпер.

— Чему?

— Мне. О, рада, что задал вопрос так. Ты идеально подобрал последнюю фразу. Слушай, я буду краткой, потому что умираю, как хочу в ванную. Что вы сделали со своей стороны?

— Идеально приготовились для просмотра твоего товара, — заметил Ламоньер, выйдя из кабинки. — Мы прикинули, что это должно произойти, после благотворительного вечера Конгресса в школе для мальчиков, чтобы гости города не выделялись бы на общем фоне. Что мы продаём?

Пайпер описала демона. Демон взлетел и облетел бассейн, и по выражению лица Ламоньера, Нив поняла, что демон также описал им демона. Они явно находились под впечатлением от круговерти своих мыслей.

— Хорошая находка, — произнёс Ламоньер. — Будем на связи.

Они исчезли из бассейна.

— Пора купаться, — торжествующе объявила Пайпер. Она не сказала Нив, чтобы та оставила её, но Нив всё равно ушла. Ей нужно было выбраться отсюда. Ей нужно было побыть одной. Она должна успокоиться, чтобы суметь увидеть вещи в их истинном свете.

Она не была уверена, что когда-нибудь снова будет спокойной.

Снаружи, наверху изобилующей осами лестницы, Нив схватила за волосы. Оглядываясь назад, она поняла, что использовала силу Вселенной только ради личной выгоды. Вот, как она оказалась здесь. Она не могла сердиться за этот урок. Она оказывалась перед необходимостью попытаться спасти лес. Вот, к чему всё свелось. Она не смогла бы жить в мире с собой, зная, что безучастно наблюдала, как разрушалось это чудотворное место.

Она побежала.

Нив обычно не бегала, но, стоило ей только начать, как она удивилась, почему не сделала этого сразу же. Ей следовало бежать, как только она увидела демона, и не останавливаться, пока не оказалась бы достаточно далеко, чтобы больше не слышать его у себя в голове. Когда она уже пробиралась через лес, на неё внезапно нахлынули страх и отвращение. Она захлебнулась рыданиями. Демон, демон, демон. Ей было ужасно страшно. Сухие листья под ногами превратились в карты Таро, лица которых смотрели на неё. Она поскользнулась, но стоило им вылететь из-под её обуви, как они вновь превращались в листья.

«Вода, — обратилась он мысленно к лесу. — Мне нужно зеркало, чтобы помочь тебе».

Листья над ней безучастно зашевелились. Капля дождя, окропившая её щёку, смешалась со слезами.

«Не дождь. Воду для зеркала», — просила Нив. Продолжая бежать, она бросила взгляд через плечо. Споткнулась. Почувствовала, что всё вокруг наблюдало за ней. Ну конечно, она будет чувствовать, что за ней наблюдают. Всё это место наблюдало. Она заскользила по склону, хватаясь руками лишь за сухие листья, которые перемещали её дальше. И обнаружила, что смотрит на впалое дерево.

«Воды, воды». Она увидела, как вода, булькая, заполняя впалое дерево. Нив опустила в неё ладонь и помолилась некоторым богиням, а потом подняла руки, чтобы погадать. Её разум заполнили картинки с изображением Фокс Вей. Чердак, на котором она жила, ритуалы, которые проводила. Зеркала, которые она поставила, чтобы они помогли ей продвинуться вперёд к возможностям, которые, в конечном итоге, привели её сюда.

Ей ужасно хотелось обернуться.

Но она не могла нарушать концентрацию.

Нив почувствовала момент, когда всё сработало. Она не узнала лицо, но это было и неважно. Если это женщина Фокс Вей 300, то информация доберётся до людей, которые смогут что-нибудь сделать. Нив прошептала:

— Ты меня слышишь? Здесь демон. Он уничтожает лес и всё, что с ним связано. Я попробую...

— Знаешь, если у тебя проблемы со мной, то мне бы хотелось, чтобы сначала ты пришла ко мне, — заявила Пайпер.

Соединение Нив было прервано. Вода в дереве пошла рябью и стала просто водой, а потом из поверхности выросла жёсткая чёрная оболочка демона. Слегка дёрнув антеннами, он обвился вокруг её руки. Крепко. Злорадно. Нашёптывая ужасные возможности, которые становились всё более и более ужасными вероятностями. Пайпер появилась в поле зрения с другой стороны пня, шагая к ним по листьям. Её волосы были всё ещё влажными после ванны.

Нив не стала утруждать себя мольбами.

— Боже, Нив. Ты худшее из паронормального. — Пайпер щёлкнула пальцами демону. — Уничтожь её.

Глава 36

Было в этой ночи что-то живое.

Деклан и Меттью ушли. Гэнси, Блу, Ронан и Адам остались в Барнс, усевшись кругом в пахнущей гикори гостиной. Свет исходил только от предметов, нагретых Ронаном. Они парили над головами и танцевали в камине. Казалось, между ними висела магия, даже в тех местах, которые не затрагивал свет. Гэнси осознавал, что все они счастливее, чем были уже долгое время, что казалось странным в свете пугающих событий предыдущей ночи и зловещих новостей, которые они получили от Деклана.

— Это ночь правды, — объявил Гэнси, в любое другое время они, возможно, посмеялись бы над ним. Но не сегодня. Сегодня ночью они все могли бы сказать, что были частью медленно катящегося механизма, и его чудовищность потрясала. — Давайте соединим всё вместе.

Они медленно описали всё, что случилось с ними днём ранее, делая паузы, позволяя Гэнси записать всё в журнал. Когда он набросал факты — энергетическую линию заело в 6:21, атака Ноа, дерево, из которого сочилась чернота, глаз Адама, движущийся сам по себе — он начал нащупывать очертание ролей, которые они играли. Он мог бы практически увидеть конечный результат, если бы достаточно внимательно всмотрелся.

Они обсудили, обязаны ли они защищать Энергетический пузырь и энергетическую линию — обязаны. Думали ли они, что Артемус знал больше, чем говорил — думали. Считали ли они, что когда-нибудь он свободно заговорит об этом — никто не был уверен.

Пройдя часть этого пути, Ронан замыслил походить взад и вперёд. Адам направился на кухню и вернулся, сделав себе кофе. Блу устроилась в подушках на диване рядом с Гэнси и положила голову ему на колени.

Такое не разрешалось.

Но было. Правда выходила на свет.

Ещё они говорили о городе. Мудрее было бы скрыться от чужаков, идущих в Генриетту, чтобы нарыть сверхъестественные реликвии, или бороться с ними? Пока они разбрасывались идеями о нагретой защите и опасных союзниках, монстрах, являющихся оружием, и кислотных рвах, Гэнси нежно коснулся волос над ухом Блу, осторожно, чтобы не задеть кожу возле её брови из-за раны, осторожно, чтобы не встретить взглядов Ронана и Адама из-за смущения.

Такое разрешалось. Ему разрешалось такое желать.

Они говорили о Генри. Гэнси помнил, что раскрывал строго охраняемые секреты Генри, но также он к концу школьного дня решил, что поведать что-то Гэнси означает рассказать и Адаму, и Ронану, и Блу. Они шли в комплекте, Гэнси не мог ожидать, что выиграет, без такой же победы для них. Адам и Ронан отпускали ребяческие шутки на счёт Генри («Он наполовину китаец», «На какую половину?») и хихикали; Блу их упрекнула («Сильно ревнуете?»); Гэнси велел отложить в сторону свои предубеждения и подумать о нём.

Никто до сих пор не произнёс слова «демон».

Оно висело, несказанное, но обозначенное разговором. То, что преследовало Адама и Ронана, то, что поселилось в Ноа, то, что, скорее всего, напало на Энергетический пузырь. Вполне возможно, что они могли бы весь вечер его не затрагивать, если бы Мора не позвонила с Фокс Вей 300. Она сказала, что Гвенллиан увидела что-то в зеркалах на чердаке. Потребовалось много времени, чтобы выяснить, что же она на самом деле видела, но, кажется, это была Нив с предупреждением.

Демон.

Разрушитель.

Разрушающий лес и всё, что с ним связано.

Это открытие заставило Ронана остановиться, а Адама полностью замолчать. Ни Блу, ни Гэнси не прерывали эту любопытную тишину, и в итоге Адам выдал:

— Ронан, думаю, им тоже нужно сказать.

Лицо Ронана, пожалуй, выражало предательство. Это утомляло; Гэнси мог в точности увидеть спор, зарождающийся на ту тему. Адам бы выстрелил чем-нибудь невозмутимым и правдивым из лука, Ронан ответил бы из матерной пушки, Адам капнул бы бензина на пути снаряда, и потом всё полыхало бы в огне несколько часов.

Но Адам просто серьёзным тоном сказал:

— Это ничего не изменит, Ронан. Мы сидим тут с нагретым светом вокруг, и я вижу, как девочка с копытами ест в зале пенопласт. Мы разъезжаем вокруг на машине, которую ты достал из снов. Удивительно, но это не изменит их отношение к тебе.

А Ронан возразил:

— Ты не очень справился с этим откровением.

По обиженному тону Ронана Гэнси решил, что он внезапно что-то понял о нём.

— У меня происходили другие вещи, — ответил Адам. — Из-за них принять это было немного сложно.

Гэнси определённо казалось, что он что-то понял о Ронане.

Блу и Гэнси обменялись взглядами. Блу приподняла бровь под чёлку; её второй глаз всё ещё был закрыт. Из-за этого она выглядела даже более любопытной, чем обычно.

Ронан дёрнул свои кожаные браслеты.

— Хрен с ним. Я нагрезил Энергетический пузырь.

Ещё раз в комнате повисла абсолютная тишина.

На определённом уровне Гэнси понял, почему Ронан колебался, рассказывать ли им это: способность вытаскивать магический лес из головы добавляет потусторонние черты твоей личности. Но на всех других уровнях Гэнси был слегка смущён. Ему казалось, будто ему поведали секрет, о котором уже говорили раньше. Он не смог бы сказать, то ли Энергетический пузырь сам, возможно, нашептал им эту правду во время одной из прогулок, то ли просто весомость доказательств была уже настолько убедительной, что его подсознание признало владение тайной до того, как свёрток был официально доставлен.

— Подумать только, ты мог бы нагрезить лекарство от рака, — произнесла Блу.

— Слушай, Сарджент, — парировал Ронан. — Прошлой ночью я собирался нагрезить тебе какой-нибудь крем для глаза, так как ясно, что современная медицина ни хрена для тебя не делает, но мне едва не вручила мою задницу смертельная змея из четвёртого круга ада сновидений, так что, пожалуйста.

Блу выглядела должным образом тронутой.

— Хм, спасибо, чувак.

— Без проблем, брат.

Гэнси постучал ручкой по журналу.

— Раз уж мы откровенны, ты нагрезил другие географические объекты, о которых тебе следовало бы нам рассказать? Горы? Водные объекты?

— Нет, — сказал Ронан. — Но я нагрезил Меттью.

— Ради Бога, — выдохнул Гэнси. Он жил в непрерывном состоянии невозможности, время от времени перемещаясь в более мощное состояние ещё большей невозможности. Во всё это было сложно поверить, но во всё было сложно поверить уже на протяжении нескольких месяцев. Он давно пришёл к выводу, что Ронан не похож на кого-либо ещё, это лишь ещё одна часть подтверждающих доказательств. — Это значит, ты в курсе, что означают те видения в дереве?

Он имел в виду впалое дерево, что выдавало видения каждому, кто в него становился; они обнаружили его, когда первый раз исследовали Энергетический пузырь. Гэнси было показано два видения: одно, где он на грани поцелуя с Блу Сарджент, и второе, где он на грани обнаружения Оуэна Глендовера. Он был заинтересован в них обоих. Оба казались очень реальными.

— Ночные кошмары, — снисходительно ответил Ронан.

И Блу, и Адам моргнули. Блу повторила:

— Ночные кошмары? И всё? Не видения будущего?

Ронан сознался:

— Когда я грезил о том дереве, я сделал так. Наихудшие сценарии. Какая бы дрянная ситуация, как оно думало, круче всего сокрушила бы тебя завтра.

Гэнси не был уверен, что он бы классифицировал оба своих видения как наихудшие сценарии, но правда в том, что они оба обеспечивали определённую степень дрянных ситуаций. Озадаченное выражение лица Блу предполагало, что она согласна. Адам, с другой стороны, так безмерно выдохнул, что, казалось, он сдерживался несколько месяцев. Неудивительно. Реальная жизнь Адама уже была ночным кошмаром, когда он ступил в дерево. Дрянная ситуация за гранью обыденной действительности должна быть по-настоящему ужасной.

— А возможно, — начал Гэнси, но остановился, задумавшись. — А возможно, чтобы ты нагрезил какую-нибудь защиту Энергетическому пузырю?

Ронан пожал плечами.

— Чёрная фигня в Энергетическом пузыре означает чёрную фигню в моих снах. Я говорил, я не смог достать даже какой-то бальзам для глаза Сарджент прошлой ночью, а это пустяк. Ребёнок смог бы его материализовать. У меня не получилось.

— Я могу постараться тебе помочь, — предположил Адам. — Я мог бы войти в транс, пока ты грезишь. Может быть, я способен очистить достаточно энергии, чтобы у тебя получилось что-нибудь полезное.

— Это кажется таким несущественным, — сказал Гэнси. На самом деле монстр казался таким чудовищным.

Блу села и застонала, держась за глаз.

— Я умею ладить с несущественным. Не думаю, что мы должны предпринимать что-нибудь существенное, пока не поговорим с мамой. Я хочу услышать больше о том, что увидела Гвенллиан. Мой глаз сводит меня с ума и заставляет чувствовать, будто я устала больше, чем на самом деле. Простите, ребята.

Но в наличии больше не было идей, не требующих больше информации, так что остальные тоже использовали этот предлог, чтобы встать и потянуться. Блу направилась на кухню, и Ронан потащился за ней, намеренно толкнув её бедром.

— Ты говнюк, — произнесла она, а он весело рассмеялся.

Гэнси был глубоко тронут зазвучавшим смехом именно здесь, здесь, в Барнс, здесь, в комнате, которая всего в пятидесяти футах от того места, где Ронан нашёл своего отца мёртвым, а свою жизнь — разорванной на кусочки. Этот смех сейчас был таким непринуждённым. Лёгким, что говорило, будто он так свободно появился, потому что возник больше чем по одной причине. Раны затягивались, вопреки всем напастям; жертва, в итоге, выкарабкалась.

Они с Адамом остались размышлять, стоя в гостиной. Окно выходило на тёмную площадку для парковки, где стояли БМВ, развалюха Адама и великолепный Камаро.

Свинья смотрелась словно космический корабль в свете от крыльца; сердце Гэнси всё ещё наполняли обещание и магия, тьма и свет.

— Ты ведь знаешь о проклятье Блу, верно? — спросил Адам, понизив голос.

«Если ты поцелуешь свою настоящую любовь, он умрёт».

Да, он знал. А ещё он знал, почему Адам спрашивает, и он ощутил искушение похвалиться и пошутить по поводу выхода Адама из этой ситуации, потому что было странно неловко говорить о нём и Блу. О Блу и о нём. Он снова превратился в ученика средних классов. Но сегодня была ночь правды, и голос Адама был серьёзен, так что он сказал:

— Знаю.

— Думаешь, это относится к тебе? — поинтересовался Адам.

Гэнси осторожно ответил:

— Думаю, да.

Адам посмотрел, благополучно ли ещё на кухне Ронан и Блу, они были там.

— А что ты?

— А что я?

— Проклятие говорит, что ты её настоящая любовь. А что ты? Ты её любишь? —

Адам очень аккуратно произнёс «любовь», как будто это был неизвестный элемент в периодической таблице. Гэнси приготовился уйти от ответа, но взгляд, брошенный на Адама, сказал ему, что его друг весьма заинтересован в ответе, и что этот вопрос, возможно, на самом деле о чём-то совершенно другом.

— Да, — коротко и ясно произнёс Гэнси.

Теперь Адам напряжённо повернулся к нему.

— Что это означает? Как ты понял, что это отличается от просто дружбы с ней?

Теперь было абсолютно очевидно, что Адам думает о чём-то совершенно другом, так что Гэнси не знал, как ответить. Это на миг напомнило ему ситуацию в яме с Генри чуть раньше днём, когда Генри ничего не нужно было, только чтобы Гэнси выслушал. Тут было не так. Адаму что-то было нужно. Так что он попытался найти способ сформулировать ответ.

— Полагаю... она меня успокаивает. Как Генриетта.

Однажды он говорил об этом Адаму: о том, как в тот момент, когда он нашёл этот город, что-то внутри него затихло — он даже не осознавал, что в нём всегда что-то было взбудоражено. Адам не понял, но опять же, Генриетта для него всегда имела иное значение.

— И всё? Так просто?

— Не знаю, Адам! Ты просишь дать определение абстрактному понятию, которое никто не сумел объяснить с начала времён. Ты вроде как бросил его в меня, — попытался Гэнси. — Почему мы дышим воздухом? Потому что мы любим воздух? Потому что не хотим задохнуться. Почему мы едим? Потому что не хотим умереть от голода. Как я узнал, что люблю её? Потому что я могу спать после разговора с ней. А что?

— Ничего, — произнёс Адам, это было настолько бессовестная ложь, что они оба снова в тишине смотрели в сад. Адам постукивал пальцами одной руки по ладони другой.

Обычно Гэнси дал бы ему личное пространство, всегда было контрпродуктивно заирать Адама или Ронана в разговоре, прежде чем они были бы готовы. Но в этом случае уже поздно, и у Гэнси не было в распоряжении месяцев, чтобы ждать, когда Адам вернётся к теме разговора. Он напомнил:

— А я думал, это ночь правды.

— Ронан поцеловал меня, — тут же выдал Адам. Очевидно, слова были на подходе. Он старательно смотрел в сад перед домом. Когда Гэнси сразу ничего не сказал, Адам добавил: — Я тоже его поцеловал.

— Господи, — выдохнул Гэнси. — Боже.

— Удивлён?

Главным образом, он был удивлён тем, что Адам ему рассказал. Гэнси потребовалось несколько месяцев тайных свиданий с Блу, прежде чем он сумел заставить себя поведать об этом остальным, и то только из-за чрезвычайных обстоятельств.

— Нет. Да. Не знаю. Сегодня меня одарили где-то тысячей сюрпризов, поэтому я не могу сказать больше. Ты был удивлён?

— Нет. Да. Не знаю.

Теперь, когда у Гэнси было больше секунды на раздумье, он рассматривал все пути, какими что-то подобное могло закончиться. Он представлял Адама даже учёным. Ронана – грозным, верным и хрупким.

— Не добивай его, Адам.

Адам продолжал пялиться в окно. Единственное, что говорило о бешеной работе его мозга, это медленно сплетающиеся пальцы.

— Я не идиот, Гэнси.

— Я серьёзно. — Теперь воображение Гэнси забежало вперёд и представило будущее, где Ронан должен будет существовать без него, без Деклана, без Меттью и с только что разбитым сердцем. — Он не такой стойкий, как кажется.

— Я не идиот, Гэнси.

Гэнси не думал, что Адам — идиот. Но у него было и свои собственные чувства, которые Адам снова и снова ранил, даже когда не хотел вредить. Кое-какие худшие надломы появились, потому что Адам не осознавал, что становился их причиной.

— Я думаю, ты противоположность идиоту, — сказал Гэнси. — Я не имею в виду другое значение. Я только хотел сказать...

Всё, что Ронан когда-либо говорил об Адаме, перестраивалось в голове Гэнси. Каким странным созвездием все они были.

— Я не собираюсь пудрить ему мозги. Почему, думаешь, я рассказываю тебе? Я даже не знаю, как я... — Адам умолк. Это была ночь правды, но они оба отклонились от всего, в чём были уверены.

Они снова посмотрели в окно. Гэнси достал из кармана мятный лист и положил его в рот. Ощущение магии, которое он чувствовал в начале ночи, стало даже более отчётливой. Всё возможно, как хорошее, так и плохое.

— Думаю, — неторопливо сделал вывод Гэнси, — дело в том, чтобы быть честным с самим собой. Это всё, что ты можешь.

Адам выпустил одну руку из другой.

— Думаю, это то, что мне нужно было услышать.

— Я стараюсь.

— Знаю.

В тишине они слушали, как Блу и Ронан разговаривают с Девочкой-Сироткой на кухне. Было что-то утешающее в любимом и знакомом приглушённом шуме их голосов, и Гэнси снова ощутил, как сверхъестественно тянется время. Будто бы он проживал уже этот момент или проживёт ещё в будущем. Момент желания и момент обладания, один и тот же момент. Его поразило осознание, что он жаждал покончить с поисками Глендовера. Он хотел остальную часть своей жизни. До этой ночи он на самом деле не думал, будто верит, что где-то есть что-либо большее для его жизни.

Он сказал:

— Думаю, пришло время найти Глендовера.

— Думаю, ты прав, — согласился Адам.

Глава 37

В зависимости от того, с какого места вы начали знакомство с этой историей, она была о Генри Ченге.

Генри никогда не ладил со словами. Показательный пример: в первый месяц пребывания в Аглионбае, он попытался объяснить это Джона Майло, учителю по Английскому, и ему было сказано, что он слишком строг к себе. «У тебя прекрасный словарный запас», — сказал ему тот. Однако Генри знал наверняка, что у него никогда не было прекрасного словарного запаса. Это не то же самое, как находить нужные слова, чтобы выразить себя. «Ты прекрасно общаешься со сверстниками», — добавил еще Майло. — «Черт, ха, даже с моими сверстниками». Но озвучивание чувств получалось не таким, каким ощущалось. «Большинство людей, у которых английский — второй язык, чувствуют то же самое», — попытожил Майло. — «Моя мама говорила, что никогда не чувствовала себя собой в английской речи».

Но Генри не то чтобы чувствовал себя меньше собой в английском. Он чувствовал себя меньше собой, говоря на нём вслух. Думал он на родном языке.

Поэтому у него не было никакого реального способа, чтобы объяснить, что он ощущал при попытке подружиться с Ричардом Гэнси и членами королевской семьи Гэнси. У него не было слов, чтобы объяснить причины, почему он предложил свою самую сокровенную тайну в подвале Борден Хаус. Не было никакого описания того, как трудно было ждать, чтобы увидеть, принята ли его оливковая ветвь.

Это значило, что ему просто нужно было убить время.

И он занял себя делом.

Он восхитил Мёрса на истории своим целенаправленным исследованием о распространении персональной электроники во время Первой Мировой; он вывел из себя Адлера в администрации своим целенаправленным изучением несоответствия между бюджетом на рекламу Аглионбая и бюджетом их стипендий. Он кричал до хрипоты в кулуарах футбольного матча Коха (они проиграли). Он разукрасил словами «ВАЛИТЕ, СУКИ» мусорный контейнер позади ларька с мороженым.

Но день ещё был в самом разгаре. Ждал ли он звонка Гэнси? У него не было слов, чтобы описать, чего он ждал. Метеорологического явления. Нет. Изменения климата. Постоянного различия, из-за которого зерновые культуры выращивались на северо-западе.

Солнце начало садиться. Ванкуверская тусовка вернулась в Литчфилд на ночлег и чтобы получить приказы от Генри. Он чувствовал двадцать процентов вины из-за того, что хотел подружиться с Гэнси, Сарджент, Линчем и Пэрришем. Ванкуверская тусовка была классной. Её просто было недостаточно, но у него не хватало слов, чтобы объяснить почему. Потому что они всегда смотрели на него? Потому что они не знают его секретов? Потому что он больше не хотел последователей, он хотел иметь друзей? Нет. Нечто большее.

— Вынеси мусор, — велела Генри миссис Ву.

— Тётя, я очень занят, — ответил Генри, хотя он, не скрываясь, смотрел в одних трусах видео ролик про прохождение игры.

— Занят выносом вот этого, — сказала она, роняя два мешка рядом с ним.

И вот теперь он обнаружил себя, выходящим из задней двери Литчфилда на кучу гравия в одной футболке с изображением Мадонны и любимых черных кроссовках. Небо над головой было пурпурно-серым. Где-то неподалёку мечтательно завывала траурная горлица. Генри охватили чувства, которым было всё равно, имелось у них название или нет.

Его мать была единственной, кто понимал, что он имел в виду, когда говорил, что не ладит со словами. Она всегда старалась объяснить всё его отцу, особенно, когда решила стать Сондок вместо того, чтобы быть его женой. «Это всё, — всегда говорила она, — но и нечто большее». Фраза поселилась в голове у Генри. «Нечто большее» прекрасно объясняло, почему он никогда не мог сказать именно то, что подразумевал — «нечто большее» по определению всегда будет отличаться от того, что у вас уже в руках.

Он позволил чувствам выйти наружу вместе с дыханием сквозь зубы, а затем засеменял по гравии к мусорным бакам.

Когда он обернулся, у двери, из которой он только что вышел, стоял мужчина.

Генри остановился. Он не знал имени мужчины – жилистый, белый, уверенный – но он ощутил, что знал, каким человеком тот был. Ранее он рассказал Ричарду Гэнси про карьеру своей матери, и вот теперь, час спустя, он столкнулся с кем-то, кто, несомненно, был здесь из-за карьеры его матери.

Мужчина спросил:

— Как думаешь, мы могли бы поболтать?

— Нет, — ответил Генри. — Не думаю.

Он потянулся за своим сотовым в заднем кармане, прежде чем на полпути вспомнить, что не надел штанов. Посмотрел на окна дома. Он искал не помощи — никто из тех, кто находился внутри, не знал достаточно о матери Генри, чтобы даже заподозрить, какой опасности он подвергался, даже если бы в данный момент смотрел прямо на него — а трещину в окне, через которую к нему могла бы прилететь Робопчела.

Человек сделал большое шоу, демонстрируя свои ладони, чтобы Генри мог увидеть — у него нет никакого оружия. Будто это имело какое-то значение.

— Уверяю, у нас с тобой одни и те же цели.

— Моей целью было досмотреть, как пройти EndWarden II. Поверить не могу, что встретил того, кто разделяет мои взгляды.

Мужчина оценивающе его оглядел. Казалось, он рассматривает варианты.

— Меня известили, что в Генриетту что-то движется. Я очень не люблю людей, сующихся в дела в Генриетте. Предположу, что и ты предпочёл бы отсутствие слоняющихся по твоей жизни людей.

— И тем не менее, — сказал пренебрежительно Генри, — вы тут как тут.

— Может, всё будет легко и просто? Не создавай мне проблем.

Генри покачал головой.

Мужчина вздохнул. И прежде чем Генри успел среагировать, тот сократил расстояние между ними, обнял Генри менее дружественным способом и небрежно совершил манёвр, который заставил Генри испустить негромкий писк и отшатнуться назад, держась за плечо. Некоторые люди, возможно, закричали бы, но Генри был связан хранимыми им секретами.

— Не трать моё время, — произнёс человек, — если уж я всё это начал очень цивилизованно.

«Робопчела, — подумал Генри. — Найди меня».

В доме должно быть где-то окно со щелкой; миссис Ву всегда включает обогреватель слишком сильно.

— Если вы пытаетесь выудить из меня секрет, — сказал Генри, аккуратно дотрагиваясь до плеча, — то напрасно тратите время.

— Да ради Бога, — отмахнулся мужчина. Он наклонился, чтобы вытащить пистолет из кобуры на лодыжке. — В любое другое время я бы счёл это очень почётным. Но сейчас давай просто сядем в машину, пока я тебя не пристрелил.

Пистолет победил, как это обычно бывает. Генри бросил последний взгляд на дом, прежде чем перейти через дорогу к машине. Он узнал белый автомобиль, хоть и не понял, что это значит. И начал залазить назад.

— Пассажирское сидение в самый раз, — указал мужчина. — Я же сказал тебе, это всего лишь разговор.

Генри сделал, как тот сказал, глянув на дом в третий раз, пока мужчина садился за руль и отъезжал от тротуара. Водитель выключил радио (оттуда раздавалось: «Да, я любовник, а не боец»¹) и выдал:

¹ Строчка из песни группы The Kinks.

— Я просто хочу узнать, кого ожидать, и принесут ли они неприятности. У меня нет интереса снова с тобой общаться.

Сидя на пассажирском сидении, Генри, прежде чем пристегнуться ремнём безопасности, выглянул в окно. Подтянул колени и обнял босые ноги. Он начал слегка дрожать. Мужчина включил обогреватель.

— Куда вы меня везёте? — спросил Генри.

— Мы покружим по району, как это делают разумные люди, когда пытаются беседовать.

Генри подумал о яме в земле.

— У меня никогда не было разумного разговора с человеком с пистолетом. — Он снова выглянул в окно, вытянув шею, чтобы заглянуть подальше. Было темно, за исключением света от фонарей. Скоро он будет слишком далеко от Робопчелы, чтобы с ней связаться, и он отослал последнюю просьбу: «Скажи кому-нибудь, кто может это прекратить».

Такой запрос не имел смысла на словах, но он имел смысл в мыслях Генри, а это было всё, что имело значение для пчелы.

— Слушай, — обратился мужчина. — Я сожалею насчёт твоего плеча. Привычка.

От верхней части лобового окна раздался металлический щелчок. Когда мужчина вытянул шею посмотреть, что ударило в машину, Генри выпрямился. Наклонившись вперёд, он заметил три тонкие чёрные линии по краю окна.

Зазвонил телефон.

Мужчина зашумел, прежде чем перевернуть телефон, лежащий на центральной панели. Кто бы это ни был, он привлёк его внимание, потому что тот примостил телефон у себя на плече, чтобы иметь возможность пользоваться коробкой передач.

— Это очень странный вопрос, — сказал он в трубку.

Генри воспользовался возможностью, чтобы чуть опустить окно. Робопчела тут же отцепилась от лобового стекла и пролетела через щель.

— Эй... — произнёс мужчина.

Пчела опустилась Генри на ладонь. Он сжал кулак и приложил его к груди. Благодаря её весу он чувствовал себя в безопасности.

Мужчина хмуро взглянул на него, а затем сказал в телефон:

— Я много лет никого не похищал, но сейчас у меня в машине студент. — Пауза. — Оба эти высказывания верны. Я пытался получить некоторые разъяснения некоторых слухов. Хочешь с ним поговорить?

Брови Генри взлетели вверх.

Мужчина протянул ему телефон.

— Алло? — произнёс Генри.

— Что ж, — раздался голос Гэнси на другом конце, — смотрю, ты познакомился с мистером Греем.

Глава 38

К тому времени, как Блу и Генси встретились с ним и Серым Человеком в «Свежем орле», Генри одел брюки. Продуктовый магазин был почти полностью пуст и обладал сверкающей неподвластностью времени, которую приобретали подобные места после определённого часа ночи. Над головой играла песня о том, как вылезти из чьего-нибудь сна и сесть в его машину. Работала только один кассир, и она не подняла головы, когда они прошли в автоматические двери. Они обнаружили Генри, стоящим в проходе со злаковыми и смотрящим в свой телефон, пока мистер Грей расположился в конце прохода, убедительно читая обратную сторону банки с необработанным овсом. Оба не привлекали внимания. Мистер Грей вписывался, потому что его профессия научила его вписываться. Генри не вписывался — от него, начиная с шикарного пиджака, футболки с

Мадонной и заканчивая кроссовками, разило деньгами – но он, тем не менее, ничем заметным не выделялся: Генриетте не были чужды такие юные аглионбайские деньги.

Генри держал коробку злаков, тех, что были плохи для тебя, но хороши для маршмеллоу, но он вернул её на полку, когда заметил ребят. Он казался куда более нервным, чем был на тога-вечеринке. Блу размышляла, что, возможно, это побочный эффект от времени, проведённого под дулом пистолета.

— Я всё спрашиваю себя, — начал Гэнси, — почему я в «Свежем-свежем орле» в одиннадцать вечера.

— А я всё спрашиваю себя, — парировал Генри, — почему я был в машине бандита в хрен знает каком часу. Сарджент, скажи мне, что ты не являешься частью этого омерзительного воровского круга.

Блу, удерживая руки в карманах своей толстовки, пожала плечами, извиняясь, и подбородком указала на Серого Человека.

— Он вроде как встречается с моей мамой.

— Какую запутанную паутину мы плетём, — возбуждённо и неровно произнёс Гэнси. Он был на взводе после ночи в Барнс, и присутствие Генри только поощряло это. — Не таким я хотел сделать следующий шаг нашей дружбы. Мистер Грей?

Ему пришлось повторить имя мистера Грея, потому что, как оказалось, Серый Человек не притворялся, что читает банку овсянки, он действительно читал её обратную сторону.

Он присоединился к ним. Приобняв Блу, он затем повернул её за плечи, чтобы рассмотреть швы над бровью.

— Искусно сделаны.

— Правда?

— Наверное, у тебя не будет шрама.

— Чёрт, — вздохнула Блу.

Гэнси поинтересовался:

— «Свежий орёл» был вашей идеей или Генри?

Мистер Грей ответил:

— Я подумал, это место могло бы быть успокаивающим. Оно хорошо освещено, просматривается с камер, но не прослушивается. Безопасно и надёжно.

Блу раньше не рассматривала «Свежего орла» с такой стороны.

Мистер Грей сердечно добавил:

— Извини, что испугал.

Генри внимательно наблюдал за всей беседой.

— Вы делали свою работу, я – свою.

Какой же правдой это было. Пока Блу росла, изучая принципы внутренней энергии и слушая сказки на ночь, Генри Ченг рос, обдумывая, как далеко он мог бы зайти, чтобы защитить под нажимом секреты матери. Сама мысль о том, что они являлись какой-либо частью всего этого, причиняла столько неудобства, что Блу сказала:

— Давайте сейчас прекратим делать работу и начнём делать решения. Мы можем обсудить, кто сюда едет и зачем? Разве не это был весь смысл нашего разговора? Кто-то куда-то едет, чтобы что-то получить, и все распахивались.

Генри произнёс:

— Ты леди действий. Понимаю, почему Р.Гэнси добавил тебя в свой кабинет министров. Пойдём со мной, Президент.

Они пошли с ним. По проходу со злаками, с выпечкой и мимо прохода с консервами. Пока шли, Генри описал, что ему говорили о предстоящем аукционе с энтузиазмом хорошего студента, представляющего презентацию о стихийном бедствии. Встреча завсегдатаев артефактного аукциона состоится на следующий день после благотворительного вечера в Аглионбае, чтобы лучше скрыть наплыв странных автомобилей и людей в Генриетту. Неизвестное число участников сбежится на просмотр

объекта аукциона — магического существа — так что эти потенциальные покупатели смогут убедиться в иномирном происхождении товара. Затем последует сам аукцион — оплата и обмен позициями, как всегда, пройдут в разных местах вдали от любопытных глаз; никто не хочет, чтобы их легендарные кошельки своровал коллега-покупатель. Для продажи могут быть доступны и дальнейшие предметы; подробности при встрече.

— Магического существа? — эхом повторили Блу и Гэнси в тот же момент, как мистер Грей произнёс:

— Дальнейшие предметы?

— Магического существа. Всё, что было в описании. Это типа большой секрет. Стоящий поездки! Так говорят. — Генри различил улыбающееся лицо на внешней стороне коробки с макаронами с сыром для приготовления в микроволновке. Логотипом был крохотный медведь с большим количеством зубов, было трудно сказать, улыбался он или кривлялся. — Мне велели заниматься чем-нибудь и не принимать конфеток от любых незнакомцев.

— Магическое существо. Это может быть Ронан? — тревожно спросил Гэнси.

— Мы только что видели Ронана, они бы не пытались продавать его, не удерживая в руках, верно? Это может быть демон? — поделилась мыслями Блу.

Гэнси нахмурился.

— Определённо никто не попытался бы продать демона.

— Ламоньер может, — сказал мистер Грей. Это не прозвучало оптимистично. — Мне не нравится значение слов «дальнейшие предметы». Не когда это Ламоньер.

— А что они означают?

— Мародёрство, — за него отозвался Генри. — Что ты имеешь в виду, называя Ронана магическим существом? Он демон? Потому что в этом случае всё имеет смысл.

Ни Блу, ни Гэнси не спешили отвечать на этот вопрос, правда о Ронане была таким огромным секретом, что никто из них не желал с ним заигрывать, даже с кем-то вроде Генри, кто им обоим нравился.

— Не совсем, — сказал Гэнси. — Мистер Грей, что вы думаете о том, что на нас обрушатся все эти люди? Деклан казался обеспокоенным.

— Эти люди — не самый невинный народ, — объяснил Серый Человек. — Они из всех слоёв общества, и единственное, что у них общее, это неизменный оппортунизм¹ и гибкость морали. Они и сами по себе непредсказуемы, но если собрать их вместе где-то, где есть что-то, что они действительно хотят, то трудно сказать, что может произойти. В этом причина, почему им говорят не приносить с собой деньги. А если Гринмантл опять поднимет голову, чтобы пререкаться с Ламоньером? Между всеми ними и братьями Линч плохая кровь.

— Колин Гринмантл мёртв, — отчётливо сообщил Генри. — Он в ближайшее время нигде не поднимет голову, а если поднимет, то нам придётся обсуждать куда большие проблемы.

— Он мёртв? — резко бросил мистер Грей. — Кто ска... Подожди.

Глаза Серого Человека внезапно метнулись вверх. Блу потребовалось время, чтобы понять, что он смотрит на выпуклое зеркало, призванное предотвращать воровство в магазинах. Что бы он ни заметил в зеркале, это мгновенно превратило его в нечто грубое и сильное.

— Блу, — произнёс он, понизив голос, — у тебя нож с собой?

Её пульс медленно ускорился, она чувствовала его в швах на лице.

— Да.

— Идите с мальчишками в обход к следующему проходу. Не этим путём. Другим. Тихо. Не помню, есть ли вход в служебное помещение на той стене, но если есть, выйдите там. Не выходите в любую дверь, на которой может сработать сигнализация.

¹ Оппортунизм — следование своим интересам, в том числе обманным путём, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими.

Что бы он ни увидел в зеркале, теперь оно исчезло, но они не колебались. Блу быстро прокладывала путь в конец прохода с консервами, глядя по сторонам, и там повернула в другом направлении. Стиральный порошок. Коробки и коробки, агрессивное скопление расцветок. На другой стороне от них стояли большие упаковки масла и яиц. Никакого выхода на склад. Передняя часть магазина оказалась далеко.

С другой стороны прохода они услышали голос Серого Человека, тихий, спокойный и опасный. Холоднее, чем тон, который он использовал с ними. Другой голос ответил, и Генри замер рядом с ними. Его пальцы коснулись края одной из полок – \$3.99 резкое снижение цены! – и он повернул голову, прислушиваясь.

— Это... — прошептал он. — Это Ламоньер.

Ламоньер. Имя, которое влекло за собой больше эмоций, чем событий. Блу слышала, как его шептали в разговорах о Гринмантле. Ламоньер. Опасность.

Они услышали, как Ламоньер произнёс с акцентом:

— Так удивительно увидеть тебя в Генриетте. Где твой хозяин, псина?

— Думаю, мы оба знаем ответ на этот вопрос, — сказал мистер Грей таким уравновешенным голосом, что невозможно было понять, что он сам только что открыл для себя эту новость о Колине Гринмантле. — И в любом случае, с этого лета я работаю один. Я думал, это общеизвестно. Мне куда интереснее увидеть тебя в Генриетте.

— Ну, город никому не принадлежит, — возразил Ламоньер, — так что это, как говорят, свободная территория.

— Не такая уж свободная, — парировал Серый Человек. — Я понимаю, что ты тут должен что-то продать. Я бы хотел, чтобы ты приехал и снова уехал: теперь Генриетта — мой дом, и я не фанат приезжающих погостить.

В этих словах слышалась какая-то радость.

— Это та часть, где я говорю «или что»? Потому что, кажется, это она.

На какое-то время они понизили голоса — казалось, это могло принести неприятности — и Гэнси начал бешено писать сообщение. Он повернул телефон к Блу и Генри.

«Он тянет время, чтобы мы убрались отсюда. Генри, робопчела может найти дверь?»

Генри взял телефон Гэнси и добавил к сообщению:

«Я должен держать робопчелу вне поля зрения, потому что её всегда хотят. Это одна из причин, почему меня похищали».

Блу выхватила у него телефон и напечатала гораздо медленнее, потому что у неё было меньше практики, чем у них:

«Кого мистер Грей пытается спрятать от них? Всех нас или только тебя, Генри?»

Генри слегка коснулся своей груди.

Блу напечатала:

«Уходите, как сможете. Я догоню».

Она вернула телефон Гэнси, быстро стащила несколько ценников с полок, пока не набрала их целый букет, и вышла в конце прохода. Её поразило, что рядом с мистером Греем находился не один человек, а двое. Ей потребовалось слишком много времени, чтобы понять: то двойственное чувство, которое возникло, пока она смотрела на незнакомцев, появилось, потому что они выглядели пугающе похожими друг на друга. Братья. Может быть, близнецы. Оба имели облик, какой она научилась презирать за время работы в «Нино». Посетители, которые не принимают «нет» в качестве ответа, с которыми нелегко договориться, у которых всегда, в конечном итоге, часть заказа оказывается не тем, что нужно. В придачу, они умели медленно уверенно обращаться со всеми, что пахивало жизнью после тупой травмы.

Они были немного ужасающими.

Мистер Грей рассеянно моргнул, посмотрев на неё, на лице никакого признания.

Двое других мужчин сначала осмотрели толстовку Блу — не очень профессиональный вид — а затем руки, полные ценников. Она пробежалась большим пальцем по их краям незаинтересованным, обычным способом и сказала:

— Сэр? Парни? Прошу прощения за неудобство, но мне нужно, чтобы вы переставили свои автомобили.

— Простите, почему? — поинтересовался первый. Сейчас, когда она могла лучше его слышать, его акцент был более ярко выраженным. Француз? Может быть.

— Мы делаем покупки, — сказал другой, неувовимо забавляясь.

Блу надавила на свой генриеттовский акцент; она рано уяснила, что с акцентом она казалась безобидной и невидимой.

— Знаю. Простите. Наш дворник пришёл работать на парковке, и он хочет, чтобы её целиком расчистили. Он будет прям очень злой, если, когда начнёт, там ещё останутся машины.

Мистер Грей устроил потрясающее шоу, разыскивая свои ключи таким образом, что потянул вверх штанину, демонстрируя пистолет. Ламоньеры ворчали и переглядывались друг с другом.

— Извините ещё раз, — произнесла Блу. — Вы можете просто устроиться на парковке прачечной, если не закончили здесь.

— Дворник, — пробурчал Ламоньер, будто только что это услышав.

— Компания заставляет нас это делать, чтобы сохранить франшизу, — ответила Блу. — Не я придумала эти правила.

— Давайте всё делать цивилизованно, — предложил другим двоим мистер Грей с тонкой улыбкой. Он не смотрел на Блу. Она продолжала казаться скучающей и прилипучей, пробегаясь большим пальцем по ценникам на каждом ударе сердца. — Я найду вас через два часа.

Троица двинулась к центральному входу в нелёгком расширяющемся порядке отталкивающихся магнитов, и к моменту, когда они вышли, Блу уже торопливо неслась по проходу, через служебные двери, мимо обшарпанных душевых на склад, заваленный коробками и ящиками и наружу, где Гэнси и Генри только добрались до мусорных контейнеров за магазином, заполненных картоном.

Первой их настигла её тень, отбрасываемая из-за фонарей позади супермаркета, и они оба в этот момент вздрогнули, прежде чем понять, кому та принадлежит.

— Ты волшебное создание, — выдохнул Гэнси и обнял её за голову, освободив большую часть её волос от заколок. Они оба дрожали от холода. Всё было обманчивым и застывшим под этим чёрным небом с двумя лицами Ламоньера в её памяти. Она услышала, как хлопнули дверцы автомобиля, может быть, с главной парковки, каждый звук в ночи был далёким и близким.

— Это было потрясающе.

Генри держал руку над головой ладонью к небу. Насекомое вихрем поднялось с неё, на мгновение в темноте его осветили уличные фонари, но проиграли черноте. Он наблюдал, как насекомое исчезло, а затем вытащил свой телефон.

Блу настойчиво спросила:

— Чего они хотели? Почему мистер Грей думает, что их интересуешь ты?

Генри наблюдал, как сообщения одно за другим возникали на экране.

— Робопчела... Гэнси-чувак рассказал тебе, что это? Хорошо... Робопчела была одним из первых предметов, из-за которых поссорились Ламоньер и Гринмантл. Линч говорил о её продаже одному из них, а вместо этого продал её моей матери, потому что она хотела её для меня; она об этом никогда не забывала. Вот почему они ненавидят её, а она ненавидит их.

— Но Ламоньер здесь не из-за тебя, верно? — спросил Гэнси. Он тоже смотрел на экран телефона Генри. Казалось, тот сообщал, где был Ламоньер.

— Нет, нет, — согласился Генри. — Я готов держать пари, что они узнали машину вашего Серого Человека из прошлых дней и зашли посмотреть, было ли что взять от Кавински, пока они тут. Я не претендую на то, чтобы знать планы французов. Мне неизвестно, опознают ли они меня из той ямы в земле, сейчас я старше. Но всё же. Ваш убийца, кажется, думает, что они могут. Он сделал мне одолжение. Я этого не забуду.

Он повернул телефон так, что Блу смогла увидеть живой репортаж о действиях Ламоньера. Текст появлялся урывками и странно, в форме беседы, описывал медленный отъезд Ламоньеров с парковки в той же самой манере, в какой Генри описывал предстоящую продажу артефакта. Мысли Генри на экране. Это была жуткая и особая магия.

Пока они вместе наблюдали за экраном, Гэнси распахнул своё пальто и запрятал в него Блу вместе с собой. Это тоже была жуткая и особая магия, лёгкость поступка, его тепло, окружившее её, его сердцебиение, колотившееся ей в спину. Он закрыл ладонью её травмированный глаз, как будто защищая его от чего-то, но это было лишь оправдание касания кончикам пальцев её кожи.

Генри остался безучастным к такому публичному проявлению близости. Он прижал пальцы к экрану телефона, тот моргнул несколько раз и ответил ему что-то на хангыли¹.

— Ты хочешь... — начала Блу и заколебалась. — Ты должен остаться с одним из нас на ночь?

Удивление осветило улыбку Генри, но он помотал головой.

— Нет. Не могу. Должен вернуться в Литчфилд, капитану надо на свой корабль. Я бы не простил себе, если бы они пришли туда в поисках меня, а нашли бы Ченга Два и остальных. Я отправлю робоплечу посмотреть, можем ли мы... — Он описал круг одним пальцем, жест, означающий что-то вроде места встречи.

— Завтра? — переспросил Гэнси. — Предполагается, я встречаюсь с сестрой за обедом. Вы оба, пожалуйста, приходите.

Ни Генри, ни Блу не нужно было ничего произносить вслух; Гэнси наверняка должен был знать, что, просто прося, он убедился, они оба придут.

— Я так понимаю, мы теперь друзья, — предположил Генри.

— Нам следует быть друзьями, — ответил Гэнси. — Джейн говорит, так должно быть.

— Так должно быть, — согласилась Блу.

Теперь что-то ещё осветило улыбку Генри. Подлинное и довольное, но ещё и что-то большее, и совершенно не существовало для этого слов. Он убрал в карман свой телефон.

— Хорошо, хорошо. Берег чист, я вас оставляю. До завтра.

Глава 39

Той ночью Ронан не грезил.

После того, как Гэнси и Блу покинули Барнс, он прислонился к одному из передних столбов крыльца и уставился на своих светлячков, мерцающих в промозглой тьме. Его нервы оставались настолько оголены и напряжены, что трудно было поверить, как ему удавалось всё ещё бодрствовать. Обычно он отправлялся спать, чтобы избавиться от этой обнажённой энергии. Но это был не сон. Это была его жизнь, его дом, его ночь.

Спустя несколько мгновений он услышал, как дверь за спиной легко приоткрылась, и к нему присоединился Адам. Они молча наблюдали за танцующими огоньками над полем. Несложно было заметить, как Адам напряжённо обрабатывал свои мысли. Внутри Ронана поднимались слова и лопались, прежде чем успевали вырваться. Он чувствовал, что уже задал вопрос, но так и не смог бы дать ответ.

¹ Хангиль — корейская азбука

На границе леса появились три оленя, как раз на краю досягаемости для света с крыльца. Один из них был красивым бледным самцом. Его рога напоминали ветви или корни. Он наблюдал за ними, а они наблюдали за ним, и Ронан не выдержал:

— Адам?

Когда Адам поцеловал его, это походило на каждую милю в час, на которые Ронан когда-либо превышал ограничения скорости. Это была каждая окна-вниз, мурашки-по-коже, зубы-стучащие-от-холода ночная гонка. Это были рёбра Адама под ладонями Ронана и губы Адама под его губами, снова, снова и снова. Это была щетина на губах и Ронан, вынужденный остановиться, чтобы перевести дыхание, перезапустить своё сердце. Они оба были голодными животными, но Адам голодал дольше.

Внутри они притворились, что будут грезить, но не делали этого. Они распластались на диване в гостиной, и Адам изучал татуировки, покрывающие спину Ронана: все острые края, которые удивительно и страшно цеплялись друг за друга.

— *Unguibus et rostro*¹, — сказал Адам.

Ронан приложил пальцы Адама к своим губам.

Он больше не спал.

Глава 40

Той ночью демон не спал.

В то время как Пайпер Гринмантл спала урывками, мечтая о предстоящем аукционе и своём восхождении к славе в сообществе магических артефактов, демон разрушал.

Он разрушал физические атрибуты Энергетического пузыря — деревья, существа, папоротники, реки, камни — но ещё он разрушал призрачные идеи леса. Воспоминания, пойманные в рощах, песни, создаваемые только в ночное время, подкрадывающуюся эйфорию, которая угасала и текла вокруг одного из водопадов. Всё, что было нагребено в этом месте, он разрушал.

Грезящий будет уничтожен самым последним.

Он будет сражаться.

Они всегда сражаются.

Пока демон возвращал всё на место и разрушал, то продолжал наткаться на нити собственной истории, дразнившие поросль. Истории его происхождения. Это благодатное место, богатое энергией энергетической линии, хорошо подходило не только для взращивания деревьев и королей. Оно также подходило для выращивания демонов, если на него было пролито довольно много плохой крови.

В этом лесу было пролито более чем достаточно плохой крови, чтобы создать демона.

Не многое останавливало его работу. Он был естественным врагом леса, и ещё никому не пришло в голову то единственное, что остановит демона на его пути. Только старейшие деревья вступали в борьбу, потому что помнили, как это делать. Медленно и методично демон ломал их изнутри. Чернота стекала бисером с их разлагающихся ветвей; они валялись на землю, когда сгнившие корни превращались в ничто.

Одно дерево сопротивлялось дольше остальных. Она была самой старой, уже видела демона прежде и знала, что порой речь идёт не о том, чтобы спасти себя, а продержаться достаточно долго, пока не подоспеет помощь. Поэтому она держалась, и даже дотянулась до звёзд, в то время как её корни были вырыты, она держалась и пела другим деревьям даже тогда, когда её ствол сгнил, она держалась и мечтала о небе, даже тогда, когда была разрушена.

Другие деревья выли; если она была уничтожена, кто сможет устоять?

Демон не спал.

¹ (лат.) Когти и клюв.

Глава 41

В зависимости от того, с какого места вы начали знакомство с этой историей, она была о Гвенллиан.

Тем рассветным утром она проснулась с криком.

— Подъём! — провонила она себе, подскочив с кровати. Её волосы ударились о чердачный потолок, и череп последовал их примеру; она прижала руку к голове. За окном, однако, стояло тускло-серое раннее утро, но она стукнула по выключателям, повернула ручки и потянула верёвки каждого светильника комнате. Тени завертелись так и сяк.

— Подъём! — снова сказала она. — Мать, мать!

Её сны всё ещё цеплялись за неё: деревья, растворяющиеся чернотой, и демоны, шипящие и разрушающие; она замахала руками, чтобы снять паутину с волос и ушей. С трудом натянула платье через голову, а потом ещё одну юбку, обувь и свитер — она нуждалась в своей броне. Потом она, покачиваясь, прошла мимо карт, которые оставила разбросанными на полу, и трав, которые сожгла для медитаций, и направилась сразу к двум зеркалам, оставленным её предшественницей. Нив, Нив, прелестная Нив. Гвенллиан всё равно узнала бы её имя, даже если бы остальные не сказали, потому что зеркала всё время нашёптывали и пели его. Как они любили её, и как они ненавидели её. Они судили её и восхищались ею. Превозносили и низвергали. Нив, Нив, ненавистная Нив, которая хотела заставить весь мир уважать себя и сделала всё ради этого. Это была Нив, Нив, прелестная Нив, не уважавшая саму себя.

Зеркала в полный рост были установлены лицевой стороной друг к другу, вечно отражая отражения. Нив выполнила некий сложный ритуал, чтобы убедиться, что они обладают всеми возможностями, которые она могла представить для себя и не только, и в итоге, одно из зеркал поглотило её. «Чёрная магия», — сказали бы женщины из Сихарта¹. Их бы всех отправили на дрова.

Гвенллиан встала между зеркалами. Их магия тащила к себе и завывала. Стекло не предназначалось для того, чтобы показывать так много одновременно; большинство людей не были созданы, чтобы обработать столько возможностей сразу. Однако Гвенллиан была просто ещё одним зеркалом, и потому эта магия лишь слегка задевала её, не причиняя вреда, когда она прижала ладони к одному из стёкол. Она потянулась ко всем возможностям и огляделась по сторонам, бросаясь из одной ложной истины к другой.

— Мать, мать, — произнесла Гвенллиан вслух. Её беспорядочные мысли изменялись, если она тут же не произносила их вслух.

И вот появилась мать: в этом настоящем, в конкретной возможности, в этой реальности, где сама Нив была мертва. Лес, будучи разрушенным, и мать Гвенллиан, уничтоженная вместе с ним.

Разрушение

Разрушение

Раз...

Гвенллиан с криком расколотила зеркала о пол. Крик раздался снизу; дом просыпался. Закричав вновь, Гвенллиан облазила свою комнату в поисках инструмента, оружия. Но на чердаке мало что годилось для создания вмятины... ах... Она схватила лампу, с силой выдернув шнур из стены, и с грохотом спустилась по лестнице. Бум, бум, бум, сопровождал каждый её скорый шаг.

— Артемуссссссссс! — проворковала она. Её голос оборвался на полуслове. Она проскользнула в тусклую кухню, которую освещали только маленькая лампочка над печкой да рассеянная серость, проникавшая через окошко над раковиной. Один туман, никакого солнца. — Артемусссс!

¹ Предполагается, что Оуэн Глендовер, коронованный как Оуайн IV Уэльский, родился в имении под названием Сихарт. Возможно там же он и был захоронен.

Он не спал; скорее всего, он видел тот же сон, что и она. В конце концов, у них в жилах текла одна и та же звёздная жидкость.

— Уходи, — раздался его голос из-за двери.

— Открой дверь, Артемусссс! — велела Гвенллиан. Она задыхалась. Её трясло. Лес разрушен, её мать уничтожена. Этот трусливый маг прячется в кладовке, убивая всех своим бездействием. Она толкнула дверь; он подпёр её чем-то изнутри.

— Не сегодня! — ответил Артемус. — Нет, спасибо! Слишком много событий в этом десятилетии. Возможно позже! Не могу устроить потрясение! Спасибо, что уделила время!

Он был советником королей.

Гвенллиан ударила лампой по двери. Лампочка разлетелась с серебристым звоном; один конец разбил тонкий ламинат двери. Она пропела:

— Маленький кролик там, в норе, там, в норе,

Маленький лис там, в норе, там, в норе,

Маленький пёс там, в норе, там, в норе!

Выходи, маленький кролик, у меня есть вопросы. О демонах.

— Я медленно развивающееся существо! — проныл Артемус. — Я не могу быстро адаптироваться!

— Если кто-то грабит нас, возвращайтесь после работы! — раздался голос Кайлы сверху.

— Ты знаешь, что случилось с моей матерью, дурная ветвь? — Гвенллиан высвободила лампу из двери с тем, чтобы нанести ещё удар. Трещина расширилась. — Я расскажу тебе, что увидела в своих зеркальных зеркалах!

— Уходи, Гвенллиан, — сказал Артемус. — Я ничего не могу для тебя сделать! Оставь меня в покое!

— Ты можешь сказать, где мой отец, маленький кустарник! В какую дыру ты его засунул?

Швак

Дверь раскололась на две части; Артемус, отпрянув, вжался в темноту. Он съёжился среди пластиковых контейнеров, продуктовых сумок и мешков с мукой. Он защищал от неё лицо, в то время как она орудовала лампой.

— Гвенллиан! — окликнула Блу. — Что ты творишь? Двери стоят денег.

Это была маленькая дочь Артемуса (он в любом случае её не заслуживал), пришедшая, чтобы спасти его. Она схватила Гвенллиан за руку и помешала той проломить лампой его трусливый череп.

— Разве ты не хочешь разгадать его, синяя лилия? — прокричала Гвенллиан. — Я не единственная хочу получить ответы. Ты слышал крик моей матери, Артемусссс?

— Гвенллиан, хорош, ещё рано, мы спим. Или спали, — не унималась Блу.

Гвенллиан бросила лампу, высвободила руку и схватила Артемуса за волосы. Она поволокла его из кладовки, а он скулил, как собака.

— Мам! — заорала Блу, накрыв рукой один глаз. Артемус распластался между ними, глядя снизу-вверх.

— Говори, Артемус, насколько силён этот демон, — прошипела Гвенллиан. — Говори, кто явится следующим. Говори, где мой отец. Говори, говори.

Неожиданно он встал на ноги и побежал, пока Гвенллиан скребла пальцами воздух и хваталась за него, скользя по разбитому стеклу лампочки. Она упала на бедро и с трудом процарапывала себе путь обратно наверх. Пока она искала хоть какую-нибудь опору, он выбежал через стеклянную дверь на задний двор, а когда она ворвалась в туманный двор, он уже взобрался на самую нижнюю ветку бука.

— Ты, трус, ему не нужен! — прокричала Гвенллиан, хотя и боялась как раз обратного. Она рванулась за ним, начала лезть сама. Ей не были чужды деревья и их ветви, и она была быстрее.

— Ты интриган, ты мечтатель, ты...

Её платье зацепилось за ветку, спасая ему мгновение. Артемус выбросил руки вверх, нашёл ветку и вскарабкался выше. Когда она снова начала взбираться, по ней недружелюбно забарабанили листья и маленькие веточки.

— Помоги, — сказал он, только произнёс свою просьбу так: — Auxiril!

В этом слове были срочность, страх, отчаяние и безнадежность.

— Моя мать, — повторяла Гвенллиан. Мысли без остановки обращались в слова.

— Моя мать, моя мать, моя мать.

Мёртвые листья бука задрожали над ними, а потом полились дождём вокруг.

Гвенллиан прыгнула на него.

— Auxiril! — снова умолял он.

— Это тебя не спасёт!

— Auxiril! — прошептал он и повис на дереве.

Всё ещё державшиеся на ветках осенние листья попадали с шумом вниз. Ветви принялись хлестать нарушителей спокойствия. Земля вздыбилась, когда корни в срочном порядке начали вылезать на поверхность. Гвенллиан попыталась ухватиться за опору. Схватила и тут же её упустила. Ветка под ней сильно дёрнулась от яростного ветра. Почва зашуршала, когда корни поднялись — для такого они были слишком далеко от дороги мёртвых, но Артемус всё равно собирался это сделать, как обычно, как обычно, как обычно — а потом Гвенллиан оказалась в свободном падении, так как ветка под ней вильнула.

Она рухнула на плечо, весь воздух покинул лёгкие. Подняла глаза и увидела Блу и её мёртвого друга, уставившихся на неё. Остальные стояли в дверном проёме, но Гвенллиан была слишком ослеплена падением, чтобы идентифицировать их.

— Что! — воскликнула Блу. — Что это было? Он...?

— В дереве? — закончил Ноа.

— Моя мать была в дереве, и она мертва, — прорычала Гвенллиан. — Твой отец в дереве, и он трус. Ты неудачник. Я просто убью тебя, когда ты появишься, отравленная ветвь! — Она знала, что Артемус слышал её, его душа скукоживалась внутри того дерева, потому что он был проклятым деревом-маяком, проклятым магом. Гвенллиан приводило в бешенство осознание того, что он мог прятаться внутри, пока бук жил. У демона не было никакой причины заинтересоваться деревом, как только он оказался бы вне Энергетического пузыря, а значит, когда всё и вся погибнет, он останется жить как ни в чём не бывало.

О, ярость.

Блу посмотрела на дерево, тихо разинув рот.

— Он... он в нём?

— Конечно! — сказала Гвенллиан. Она поднялась с земли и зачерпнула большую горсть своей юбки, чтобы не споткнуться об неё снова. — Вот кто он есть! Это твоя кровь. Разве не чувствуешь корни у себя в жилах? Проклятия! Проклятия.

Она протопала обратно к дому, растолкав Мору и Кайлу.

— Гвенллиан, — обратилась Мора, — что происходит?

Гвенллиан замерла в коридоре.

— Демон идёт! Все умрут. За исключением её бесполезного отца. Он будет жить вечно.

Глава 42

В субботу Адам проснулся от абсолютной тишины. Он и забыл, что такая вещь бывает на свете. За окнами комнаты Деклана неспешно двигался туман, заглушая всех птиц. Ферма стояла слишком далеко от дороги, и потому он не слышал звуков машин. Здесь не было никакого административного офиса церкви, в котором бы ниже Адама

раздавался скрежет, никто не выгуливал собак, никакие дети пронзительно не кричали, садясь в школьный автобус. Здесь была только тишина, такая глубокая, что возникало чувство, будто она давит на уши.

А потом Энергетический пузырь ахнул внутри него, напомнив о своём существовании, и Адам сел. Если это ощущение вернулось, значит, ничего не прошло.

«Ты там?»

Он почувствовал только свои собственные мысли и ещё больше своих мыслей, а потом тихое, едва различимое «там» Энергетического пузыря. Что-то было не так.

Но Адам медлил, после того как сбросил одеяло и встал. Вот он, разгуливающий по дому Линчей, в одежде, всё ещё пахнувшей дымом вчерашнего костра, сильно проспавший утреннее занятие в качалке. Его рот помнил губы Ронана Линча.

Что он делает? Ронан не из тех, с кем можно играть. Но он не считал, что играл с ним.

«Ты уезжаешь из этого штата», — напомнил он себе.

Но он уже долгое время не чувствовал, как горят пятки от желаний уйти. Ему больше не была понятна вторая половина фразы «Уходить и не возвращаться».

Он направился вниз по лестнице, заглядывая в каждую комнату, что проходил, но он, казалось, был в доме один. На краткий мир своего путешествия он подумал, что ему всё это снится, что он бродит по этому блёклому дому у себя во сне. А затем заурчал живот, и нашлась кухня. Он съел две оставшиеся булочки для гамбургеров, так и не найдя к ним масла, и запил их оставшимся молоком прямо из коробки. Взял с вешалки куртку и вышел на улицу.

Снаружи по полям стелились туман и роса. Осенние листья прилипали к ботинкам, когда он шёл по тропинке между пастбищами. Он прислушивался к звукам деятельности в амбарах, но на фундаментальном уровне ему было хорошо и в тишине. Тишь, абсолютная, ничего, кроме низкого серого неба и мыслей Адама.

Он спокойно пребывал глубоко внутри.

Но тишина была нарушена метнувшимся к нему созданием. Оно неслось так быстро и так странно на своих копытах, что невозможно было разобрать, кто это, пока ладонь не проскользнула в его руку, и он не понял, что это Девочка-Сиротка. В другой руке она держала чёрную влажную веточку, и, когда он опустил взгляд, то увидел, что у неё в зубах застряли кусочки коры.

— А тебе можно это есть? — поинтересовался он. — Где Ронан?

Она с любовью прижалась щекой к тыльной стороне его ладони.

— Savende e'lintes i firen...

— Английский или латынь, — попросил он.

— Сюда! — Но вместо того, чтобы повести его в указанном направлении, она выпустила его руку и заскакала вокруг него, размахивая руками, как птица. Он продолжал шагать, она продолжала кружить, и вверху, над ними, появилась летящая птица. Чейнсо заметила движение Девочки-Сиротки и закаркала, описала круг и полетела обратно к верхним полям. Вот, где Адам нашёл Ронана, чёрное пятно на омываемом туманом поле. Он наблюдал за чем-то ещё, но Чейнсо предупредила, и он развернулся. Держа руки в карманах своей чёрной куртки, он наблюдал за приближением Адама.

— Пэрриш, — произнёс Ронан. Он взглянул на Адама. Он явно ничего не принимал на веру.

Адам ответил:

— Линч.

Девочка-Сиротка промчалась между ними и ткнула в Ронана концом своей веточки.

— Ты, маленькая засранка, — сказал ей Ронан.

— А ей можно это есть?

— Не знаю. Я даже не знаю, есть ли у неё внутренние органы.

Адам рассмеялся в ответ на нелепость ситуации.

— Ты ел? — спросил Ронан.

— Что-нибудь, кроме веток? Ага. Я пропустил качалку.

— Я сейчас разрыдаюсь. Хочешь потаскать сена? Поможет возмужать. Эй. Ты снова в меня ткнула этой штукой... — Это было уже сказано Девочке-Сиротке.

Пока они дрались в траве, Адам закрыл глаза и запрокинул голову. Он мог запросто предсказать такое ближайшее будущее. Тихий и холодный ветерок на его горле мог бы унести его прочь, но сырость промокших ботинок и запах живых существ оставит его здесь. Внутри и снаружи. Адам не мог сказать, позволил ли он себе боготворить это место или Ронана, и он не знал, была ли тут разница.

Когда он открыл глаза, то увидел, что Ронан смотрел на него, как он смотрел на него на протяжении нескольких месяцев. Адам взглянул на него, как должен был бы глядеть на протяжении нескольких месяцев.

— Мне нужно погрезить, — сказал Ронан.

Адам взял за руку Девочку-Сиротку.

— Нам нужно погрезить, — поправил он Ронана.

Глава 43

В двадцати пяти минутах езды оттуда Гэнси бодрствовал, и у него были неприятности.

Он ещё не понимал, что у него были неприятности, а, зная семью Гэнси, он мог бы никогда этого не понять. Однако он смог это почувствовать наверняка, как ощутил сеть истории Глендовера, нависшую над ним. Раздражение в семье Гэнси напоминало приятный запах ванили. Который расходовали крайне экономно, редко сам по себе, и в целом идентифицировать его можно было только задним числом. Попрактиковавшись со временем, можно было научиться определять его привкус, но зачем? Тебе не кажется, что в этой булочке есть немного гнева? О да, думаю, совсем чуть-чуть...

Хелен злилась на Гэнси. Таков итог.

Семья Гэнси созвала в стенах школы один из инвестиционных фондов Гэнси. Это было удобное потрёпанное, старое школьное здание, расположенное в самых зелёных и отдалённых холмах между Вашингтоном, округ Колумбия, и Генриеттой, которое держали для того, чтобы краткосрочно сдавать в аренду. Остальные члены семьи остались там на ночь. Они пытались убедить Гэнси ночевать с ними, и он мог бы исполнить их просьбу, если бы не Ронан, если бы не Генри. Может, поэтому Хелен была раздражена.

В любом случае, он, безусловно, восполнил это путём привлечения интересных друзей, чтобы они смогли себя потешить. Гэнси любили радовать других. Гости означали большее количество людей, чтобы демонстрировать выработанные навыки приготовления пищи.

Но у него всё ещё были неприятности. Не со стороны родителей. Они были рады видеть его — «Как ты загорел, Дик» — и они были предсказуемо ещё больше рады видеть Генри и Блу. Генри сразу же прошёл своего рода тест друга-пэра, за место которого, казалось, всегда сражались Адам с Ронаном, а Блу... Что ж, что бы там ни привлекло самого молодого Гэнси в остро пытливом выражении лица Блу при первой встрече, очевидно, что то же самое привлекло и Гэнси постарше. Они сразу же начали расспрашивать Блу о профессиях её семьи, нарезая кубиками баклажаны.

Блу описала обыкновенный день на Фокс Вей 300 с гораздо меньшим удивлением и недоумением, нежели тогда, когда она описывала Гэнси в машине необыкновенный опыт своего отца по исчезновению в дереве. Она перечислила: экстрасенсорная горячая линия, очистка домов, медитационные круги и раскладывание карт. Её поверхностный метод описания только ещё больше очаровал родителей Гэнси; но если бы она попыталась

продать им это, то у неё бы ничего не вышло. Но она просто рассказывала, как оно было, и не просила, чтобы им это понравилось.

Находясь вместе с Блу там, Гэнси мучительно осознал, как все они, должно быть, выглядят в её глазах: старый мерседес на ходу, отутюженные штаны, даже кожа, ровные зубы, солнечные очки Барберри, шарфы Гермес. Сейчас через её объектив он мог видеть даже школу. В прошлом он не думал, что она выглядит очень дорогой – школа была скудно украшена, и он списывал это на строгость заведения. Но теперь, после общения с Блу, он замечал, что именно скудность заставляла школу выглядеть дорогой. Семье Гэнси не нужно было много вещей в доме, потому что каждый предмет, что у них был, служил конкретной цели. Не было дешёвой книжной полки, вынужденной служить подставкой для посуды. Не было и стола, на котором лежали документы, наряду со швейными принадлежностями и игрушками. Не было груды горшков и кастрюль в буфетах или вантузов в дешёвых пластиковых ведрах. Вместо этого, даже в таком разваливающемся школьном здании всё было эстетично. Именно это позволяли деньги. Помещали вантузы в медные ведёрки, лишнюю посуду убирали за стеклянные дверцы, игрушки — в резные сундуки, а сковородки развешивали на специальном креплении.

И ему стало не по себе при мысли об этом.

Гэнси старался перехватить взгляды Блу и Генри, чтобы понять, в порядке ли они, но трюк «действуй тонко» в комнате, полной Гэнси, не мог увенчаться успехом. Все Гэнси говорили на языке тонкости. Не было возможности скрыто попросить о спасении – все сообщения будут перехвачены. И, таким образом, лёгкий разговор продолжался, пока обед не переместился на крыльцо на заднем дворе. Генри с Блу сидели на стульях слишком далеко от него, чтобы он мог сбросить им с воздуха помощь.

Хелен решила сесть рядом с ним. Он съел целое ведро ванили.

— Директор Чайлд сказал, что ты припоздал со своими заявлениями в колледж, — объявил мистер Гэнси, наклонившись вперёд, чтобы зачерпнуть ложкой кинвы с тарелки.

Гэнси занялся отпугиванием комара от своего чая со льдом.

Миссис Гэнси из солидарности отмахнулась от невидимой мошки.

— Кажется, уже должно быть слишком холодно для насекомых. Наверное, где-то здесь проточная вода.

Гэнси тщательно стёр мёртвое насекомое с края стола.

— Я всё ещё в контакте с Дромандом, — сказал мистер Гэнси. — У него связи во всём историческом факультете Гарварда, если тебе ещё это интересно.

— Господи, нет, — отмахнулась миссис Гэнси. — Ну конечно, Йель.

— Что, как Эрлих? — Мистер Гэнси негромко рассмеялся только ему понятной шутке. — Пусть это послужит всем нам уроком.

— Эрлих – отдельная тема, — произнесла загадочный тост миссис Гэнси, и они чокнулись бокалами.

— Ты уже подал заявление? — спросила Хелен. В её голосе сквозила опасность. Не поддающаяся идентификации для тех, кто не был Гэнси, но достаточная, чтобы их отец нахмурился.

Гэнси, моргнув, поднял глаза.

— Ещё нет.

— Всё никак не могу запомнить сроки для таких вещей, — заметила миссис Гэнси. — Вроде уже скоро, да?

— Время пролетело незаметно. — Это самая простая из возможных теоретических версий. «Я должен буду умереть, прежде чем это станет важно, так что я растратил мои вечера на другое».

— Я читал о рассмотрении вопроса оформления академического отпуска, — сказал Генри. Он улыбнулся, когда миссис Гэнси поставила перед ним тарелку, и в этой улыбке было понимание того, что он свободно говорил на языке утонченности. — Предполагается, что подобное идёт на пользу людям вроде нас.

— Что за «люди вроде нас»? — спросила мама Гэнси, которой, похоже, понравилась идея общности между ними.

— О, ну, знаете, сверхобразованные молодые люди, которые доводят себя до нервных срывов в достойном стремлении к совершенству, — выдал Генри. Родители Гэнси рассмеялись. Блу ковырялась в своей салфетке. Гэнси был спасён; Блу попала в затруднительное положение.

Однако мистер Гэнси заметил это и перехватил мяч, прежде чем тот упал бы на землю.

— Блу, а я хотел бы почитать что-нибудь, написанное тобой, человеком, выросшим в доме экстрасенсов. Ты могла бы преподавать или написать мемуары, в любом случае, вышло бы потрясающе. У тебя такой неповторимый голос, даже когда просто говоришь.

— О, да, я тоже заметила модуляцию Генриетты, — тепло отозвалась миссис Гэнси; они были отличными командными игроками. Мяч пойман, очко в пользу Гэнси, победа за командой «Доброжелательность».

— Чуть не забыла про брускетту, как бы не сгорела, — вмешалась Хелен. — Дик, не сможешь её принести?

Команда «Доброжелательность» была внезапно расформирована. Гэнси собрался выяснить, почему у него неприятности.

— Конечно, — ответил он. — Могу ещё кому-нибудь что-нибудь принести, пока буду внутри?

— Вообще-то, было бы замечательно, если бы ты принёс мне каталог «мебель Элли», спасибо, — попросила мама. — Мне нужно позвонить Мартине, чтобы убедиться, что ей хватит времени.

Брат и сестра Гэнси направились внутрь, где Хелен сначала вынула поджаренный хлеб из духовки, а потом повернулась к нему.

— Помнишь, когда я просила: «Скажи мне, какую грязь я могу узнать про твоих братьев и друзей, чтобы можно было прибить её доску, прежде чем мама к тебе выберется»? — требовательно спросила она.

— Надеюсь, это риторический вопрос, — вздохнул Гэнси, украшая брускетту.

— Ты не дал мне никакой информации с того фронта, — сказала Хелен.

— Я же отправил тебе вырезки приколов Турецкой Недели.

— И всё же ты не упомянул о подкупе директора школы.

Гэнси перестал украшать брускетту.

— Ты, и правда, это сделал, — поняла Хелен, без усилий читая его. Сестра и брат Гэнси были настроены на одну и ту же волну. — Ради кого ты это сделал? Которого друга? Из трейлерного парка?

— Не обижайся, — сухо сказал Гэнси. — Кто тебе рассказал?

— Делопроизводство мне рассказало. Тебе, знаешь ли, нет ещё восемнадцати. Как тебе вообще удалось убедить Брулио написать тот документ? Я думала, он должен быть адвокатом отца.

— Это не имеет никакого отношения к отцу. Я не трачу его деньги.

— Тебе семнадцать. Откуда у тебя возьмутся другие средства?

Гэнси посмотрел на неё.

— Я так понимаю, ты прочла только первую страницу документа.

— Это всё, что получилось открыть на моём телефоне, — заявила Хелен. — А что? Что на второй странице? Боже правый. Ты отдал Чайлду свой склад, да?

Всё казалось предельно ясно, стоило ей это озвучить. Он полагал, что так и было. Один диплом Аглионбая в обмен на Фабрику Монмаут.

«Тебя, скорее всего, рядом не будет, чтобы скучать по ней», — сказал он себе.

— Прежде всего, что он такого сделал, чтобы заслужить подобную услугу? — требовательно спросила Хелен. — Ты с ним спишь?

Возмущение охладило его голос.

— Потому что дружба того не стоит?

— Дик, я вижу, как ты тянешься к высоким моральным принципам, но, поверь мне, у тебя не получается. Тебе нужна не просто стремянка морали, чтобы добраться туда, но и детское кресло, чтобы взгромоздить его сверху на лестницу. Ты хоть понимаешь, в какое невыгодное положение поставишь маму, если твоя дурацкая выходка всплывёт?

— Маму это не касается. Только меня.

Хелен склонила голову на бок. Обычно он не замечал разницы в возрасте между ними, но сейчас она совершенно точно была элегантной взрослой, а он был... неважно кем был он.

— Думаешь, прессу это будет заботить? Тебе семнадцать. Да Бога ради, он же был семейным адвокатом. Пример семейной коррупции и так далее, и тому подобное. Поверить не могу, что ты не мог хотя бы подождать окончания выборов, чтобы это проверить.

Но Гэнси не знал, сколько времени у него осталось. Он не знал, хватит ли его до окончания выборов. От подобной мысли сдавило грудь, и он тут же кратко задышал, поэтому как можно скорее прогнал эту мысль подальше.

— Я не подумал о последствиях, — согласился он. — Для кампании.

— Разумеется! Я вообще не представляю, о чём ты думаешь. По пути сюда я пыталась всё собрать воедино и просто не смогла.

Гэнси третировал дольку помидора на разделочной доске. Сердце у него в груди было неподвижным пёрышком. Значительно тише он произнёс:

— Я не хотел, чтобы он всё бросил из-за смерти отца. Он не желает ничего сейчас, но мне бы хотелось, чтобы у него это было потом, когда он поймёт, что всё же этого желал.

Хелен ничего не сказала, и он понял, что сестра изучала его, снова его читала. Он просто продолжил терзать дольку помидора, думая, как он на самом деле даже не был уверен, что Ронану вообще нужен диплом об окончании школы, и как он сожалел, что заключил сделку с Чайлдом, но, пока не сделал этого, мучился бессонницей. Он был неправ во многих вещах, а теперь, на исходе времени, слишком поздно что-то исправлять. Сохранение этого секрета наводило тоску и вызывало чувство вины.

К его удивлению, Хелен его обняла.

— Младший братишка, — прошептала она, — да что же с тобой не так?

Гэнси не из обнимающихся, а Хелен обычно не рисковала мять блузку и оставлять отпечатки от тонких золотых браслетов на своих запястьях, и что-то в сочетании всех этих факторов заставило Гэнси почувствовать себя в опасной близости к слезам.

— Что если я не найду его? — спросил, наконец, Гэнси. — Глендоваера.

Хелен вздохнула и отпустила его.

— Ты и тот король. Когда это закончится?

— Когда я найду его.

— Что потом? Что если ты, и правда, его найдёшь?

— Это всё, что есть.

Это не было хорошим ответом, и он ей не понравился, но она лишь сощурила глаза и расправила некоторые складки на своей блузке.

— Мне жаль, что я испортил мамину кампанию, — сказал он.

— Ты ничего не испортил. Мне просто придётся... Даже не знаю... Я найду какие-нибудь скелеты у Чайлда в шкафу, чтобы быть уверенной в его сговорчивости. — Хелен не выглядела совсем недовольной поставленной задачей. Ей нравилось организовывать факты. — Господи. Думаю, мне придётся иметь дело с дедовщиной и хранением марихуаны. Кстати, кто эта девушка там? Ты её уже целовал?

— Нет, — честно признался Гэнси.

— Стоило бы, — подсказала она.

— Она тебе нравится?

— Она странная. Ты странный.

Сестра и брат Гэнси улыбнулись друг другу.

— Давай отнесём брускетту, — сказала Хелен. — Чтобы пережить эти выходные.

Глава 44

Это была ошибка.

Адам понял это в тот же момент, как упал в тёмную пасть чаши для гадания, но он не мог оставить Ронана в его грёзах одного.

Его физическое тело сидело, скрестив ноги, в Барнс, посудина в виде керамической собаки служила ему чашей для гадания. Тело Ронана свернулось на диване. Девочка-Сиротка сидела близко к Адаму, вместе с ним всматриваясь в чашу.

Такова была реальность.

Но это тоже было реально: болезненная симфония, которой был Энергетический пузырь. Лес извергал черноту вокруг. Деревья плавилась в черноте, но в обратную сторону — длинные чёрные нити слизи текли в небо. Воздух содрогался и метался. Разум Адама не понимал, как обработать то, что он видел. Это был ужас сочившегося чёрным дерева, которое они видели раньше, только он распространился на весь лес, включая атмосферу. Если бы не осталось ничего от истинного Энергетического пузыря, было бы менее страшно — легче отмахнуться, как от ночного кошмара — но он всё ещё видел лес, с которым познакомился, тот боролся, чтобы сохранить себя.

«Энергетический пузырь?»

Ответа не последовало.

Он не знал, что с ним случится, если Энергетический пузырь погибнет.

— Ронан! — крикнул Адам. — Ты здесь?

Может, Ронан просто спал, а не грезил. Может, он грезил где-то ещё? Может, он прибыл сюда раньше Адама и уже убит во сне.

— Ронан!

— Кра, — простонала Девочка-Сиротка.

Несмотря на то, что он искал её, она не появилась в поле зрения. Она пришла с ним, войдя в транс в чаше следом? Мог ли Ронан нагрезить ещё одну в своих снах? Адам знал ответ — да. Он наблюдал уже, как негрешенный Ронан умирал перед реальным Ронаном. В этом лесу могло быть бесконечное число Девочек-Сироток. Чёрт побери. Он не знал, как её позвать. Но попытался:

— Девочка-Сиротка!

Как только он это прокричал, он пожалел. В этом месте всё было тем, чем ты это называл. В любом случае, ответа не последовало.

Он начал передвигаться по лесу. Он был достаточно осторожен, чтобы держаться за тело в Барнс. Его руки находились на холодной чаше. Бёдра на деревянном полу. Позади запах камина. «Помни, где ты, Адам».

Он не хотел снова звать Ронана, он не хотел, чтобы этот кошмар соорудил дубликат. Всё, что он видел, было ужасно. Здесь змея растворялась заживо, здесь олень замедленно вращал ногами на земле, а виноградные лозы прорастали сквозь его ещё живую плоть. Здесь было существо, которое не было Адамом, но всё же каким-то образом было одето так же, как он. Адам вздрогнул, но странный мальчик не обратил на него внимания. Он медленно ел свои собственные руки.

Адам содрогнулся.

— Энергетический пузырь, где он?

Его голос дрогнул, и Энергетический пузырь потянулся, стараясь успокоить своего мага. Перед ним возник камень. Вернее, он всегда там был, был так, как грёзы, как Ноа появлялся и исчезал. Адам видел эту глыбу раньше, её исчерченная поверхность была покрыта фиолетово-чёрными буквами, написанными почерком Ронана.

Адам обошёл его, когда что-то позади вскрикнуло.

Ронан был здесь. Наконец-то. Наконец-то.

Ронан кружил вокруг чего-то в выжженной траве между разрушенными деревьями; когда Адам подошёл ближе, то увидел, что это была туша. Трудно сказать, на что она походила раньше. Казалось, у неё была белая, как мел, кожа, но с глубокими рубцами на плоти, края которых сжались так, что порозовели. Узлы кишок свисали из-под жирного серого лоскута и цеплялись за смоченный красным коготь. Грибы прорывались сквозь все части туши, и было в них что-то жутко не правильное; на них было сложно смотреть.

— Нет, — произнёс Ронан. — Ох, нет. Ты ублюдок.

— Что это? — спросил Адам.

Рука Ронана нависала над двумя приоткрытыми бок о бок клювами, оба были обрамлены чем-то чёрным и пурпурно-красным, о чём раздумывать слишком сильно Адам не желал.

— Мой ночной кошмар. Боже. Дерьмо.

— Почему он был тут?

— Не знаю. Его заботило то, что заботило меня, — сказал Ронан. Он взглянул на Адама. — Это кошмар или реальность?

Адам выдержал его взгляд. Это то, где они сейчас: кошмары стали настоящими. Не было разницы между снами и реальностью, когда они вместе стояли в Энергетическом пузыре.

— Что здесь творится? — поинтересовался Ронан. — Я не могу слышать деревья. Ничего со мной не разговаривает.

Адам выдержал его взгляд. Он не хотел вслух произносить «демон».

Ронан попросил:

— Я хочу проснуться. Мы так можем? Не хочу ничего этого притащить с собой. И я не могу держать мысли... Не могу...

— Да, — перебил Адам. Он тоже не мог. — Надо сказать остальным. Давай...

— Кра!

Тонкий плач Девочки-Сиротки тут же зацепил Ронана; он вытянул шею, чтобы увидеть её среди тёмных ветвей и водоёмов.

— Оставь её, — сказал Адам. — Она с нами в реальной жизни.

Но Ронан колебался.

— Кра! — снова простонала она, и на этот раз Адам услышал боль в её голосе. Звук был слабым, детским и жалобным, и всё в нём программировало ответить. — Кра, succurro¹!

Невозможно было сказать, то ли это Девочка-Сиротка, которая была с ними в Барнс, то ли копия, то ли чудовищная, дьявольская птица с её голосом. Ронану было всё равно. Он всё равно побежал. Адам сорвался вслед за ним. Всё, что он миновал, было отвратительным: заросли ив осели друг на друга, птицы пели ноты задом наперёд, кулак из чёрных насекомых перелазил через остатки туши кролика.

Голос не принадлежал чудовищной, дьявольской птице. Это была Девочка-Сиротка или что-то, выглядящее как она, и она стояла на коленях в сухой траве. Она не плакала, но разразилась слезами, когда увидела Ронана. Когда он её достиг, запыхавшись, она с мольбой протянула ему руки. Адам не думал, что это копия; она носила его часы со следами зубов на ремешке, и, в любом случае, такому хилому Энергетическому пузырю не хватило бы сил, чтобы сотворить такую правильную копию.

— Succurro, succurro, — рыдала она. Помогите, помогите... Руки, что она протягивала к Ронану, были покрыты брызгами крови до локтя.

Ронан упал на колени, обхватив её руками, и Адаму каким-то образом было больно наблюдать, как яростно он обнимал своё маленькое, странное нагрешенное создание, и как

¹ (лат.) Помогите!

она зарылась лицом в его плечо. Он стоял с ней на руках, крепко её держа, и слушал её, отвечая: «Нет, ты молодец, всё будет хорошо, мы просыпаемся».

И тогда Адам увидел. Он увидел это раньше Ронана, потому что Ронан до сих пор не смотрел за Девочку. Нет, нет. Девочка-Сиротка остановилась здесь, не потому что дальше не могла бежать. Она упала тут на колени, потому что дальше не могла тащить тело. Тело было слишком нежным словом. Длинные пряди волос слиплись большими кусками, оно всё растянулось, как нить вязкого жемчуга. Вот как руки Девочки-Сиротки окрасились кровью – от тщетных попыток спасти.

— Ронан, — предупредил Адам, когда в него заполз страх.

На тон голоса Адама Ронан повернулся.

Краткий миг он смотрел только на Адама, и Адам желал удержать его в этом мгновении навсегда. «Просто проснись», — думал он, но знал, что Ронан так не поступит.

Взгляд Ронана опустил.

— Мама?

Глава 45

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она всегда была о Сером Человеке.

Серый Человек любил королей.

Он любил официальных королей. Тех, у кого были титул, корона и всё, к ним прилагающееся, но ему также нравились и неофициальные короли, которые правили, предводительствовали и управляли без благородной родословной или надлежащего трона. Ему нравились короли, которые жили в прошлом, и короли, которые жили в будущем. Короли, которые стали легендами только после смерти, короли, ставшие легендами при жизни, и короли, ставшие легендами, вообще не родившись на свет. Его любимцами были короли, которые использовали свою власть в погоне за познанием и миром, а не за статусом и собственностью, кто применил силу, только чтобы создать страну, которая не должна была жить насилием. Больше всех королей Серый Человек боготворил Альфреда, воплотившего всё это, покорившего склочничающих корошков Англосаксонской Англии, чтобы создать единую страну. Как же так получилось, что при всём огромном восхищении Серого Человека таким героем, он стал наёмным убийцей, а не королём?

Казалось странным, что он не помнил своего решения стать киллером.

Он помнил преподавательскую часть своей жизни, как историком вернулся в Бостон: лекции, доклады, званые вечера, архивы. Короли и воины, честь и вергельд¹. Конечно же, он помнил Гринмантлов. Но остальное было трудно собрать воедино. Сложно различить, что является истинным воспоминанием, а что было всего лишь сном. Тогда он нанизывал один серый день на другой и, казалось, потерял уже недели, месяцы или годы в таком туманном разобщении. Где-то там кто-то выдохнул слово «наёмник», и где-то там кто-то отказался от своей личности и стал Серым Человеком.

— Что мы ожидаем здесь найти? — спросила теперь его Мора.

Они вместе сидели в машине, направлялись в сторону Сингерс Фоллс. Наличие только двух Ламоньеров в продуктовом магазине не давало покоя Серому Человеку с тех самых пор, как он оставил их и провёл большую часть ночи, специально разыскивая третьего, наиболее неприятного брата. Теперь, хотя они потеряли из виду его взятый на прокат автомобиль, они продолжали ехать в сторону Барнс.

— Мы надеемся ничего не найти, — ответил Серый Человек. — Однако мы ожидаем найти третьего Ламоньера, роющегося в шкафах Найла Линча.

¹ Вёргельд (нем. Wergeld, от др.-верх.-нем. Wër — человек и Gëlt — цена) — денежная компенсация за убийство свободного человека, установленная в германских варварских правдах. Вёргельд выплачивался родом убийцы семье убитого, постепенно вытеснив кровную месть. Устанавливался в зависимости от социального положения убитого, его пола и возраста, от того, к какой национальности он принадлежал (галло-римской или германской).

Часть Серого Человека, которая раньше была наёмным убийцей, осталась не в восторге от настойчивого желания Мора поехать вместе с ним; его часть, очень влюблённая в неё, была глубоко удовлетворена.

— Всё ещё нет ответа от Ронана, — сообщила Мора, уставившись в телефон Серого Человека. Блу сказала, что утром Ронан Линч и Адам Пэрриш работали в Барнс.

— Возможно, он не отвечает на мой номер, — с сомнением произнёс Серый Человек. Также возможно, он был мёртв. С Ламоньером бывает очень трудно, когда тот загнан в угол.

— Возможно, — нахмурившись, эхом отозвалась Мора.

Они нашли Барнс выглядевшим как обычно идиллистически, всего с двумя машинами на гравийной площадке — БМВ Линча и трёхцветный драндулет Пэрриша. Арендованной машины Ламоньера нигде не было видно, но это не значило, что он не припарковал её где-нибудь поблизости и не вошёл в дом.

— Не говори мне оставаться в машине, — заметила Мора.

— И не мечтал, — ответил он, медленно открывая дверь, чтобы избежать её впечатывания в сливовое дерево, всё еще выращивающее едва скрываемые плоды. — Припаркованный автомобиль — уязвимое место.

Он достал пистолет, а Мора убрала его телефон в задний карман, и они толкнули входную дверь — не заперто. Им потребовалось очень мало времени, чтобы обнаружить Адама и Ронана в гостиной.

Они были не мертвы.

Но, однако, не совсем живы. Ронан Линч лежал без сознания на выпцветшем диване, а Адам Пэрриш завалился назад рядом с камином. Перед собачьей миской, не моргая, сидела, вытянувшись в струнку, юная девушка. С копытами. Никто из присутствующих в комнате не откликнулся на голос Мора.

Серый Человек обнаружил, что их состояние странным образом влияет на него, а это противоречило факту, что он убил отца Ронана. Но именно потому, что он убил Найла, теперь он чувствовал ответственность и вину, завывающие в коридорах его сердца. Теперь он принадлежал себе, и, будучи инструментом в чужих руках, он оставил Ронана и Барнс без защитника.

— Это магия или яд? — спросил Серый Человек Мору. — Ламоньер обожает свои яды.

Мора склонилась над гадальным шаром, а потом отпрянула.

— Думаю, это магия. Не то чтобы я хороша в той магии, с которой они играют.

— Может, нужно их встряхнуть? — предложил он.

— Адам. Адам, вернись. — Она дотронулась до лица Пэрриша. — Я не хочу будить Ронана на случай, если он держит вблизи душу Адама. Наверное... Я войду к ним и заберу Адама. Держи меня за руку. Не позволяй мне находиться там дольше... ну не знаю... девяноста секунд.

— Это опасно?

— Так умерла Персефона. Тело не может жить, если душа слишком далеко. Я не собираюсь там скитаться. Если он не близко, я вернусь.

Серый Человек поверил, что Мора знает свои пределы, как, он предполагал, она доверилась ему. Он положил пистолет на пол рядом со своей ногой — вне досягаемости для девочки, если это то, кем она являлась — и взял Мору за руку.

Та склонилась над гадальной чашей, и её глаза почернели. Он начал отсчитывать. Один, два, три...

Адам ахнул и дернулся. Он протянул руку, пытаясь ухватиться за поручень, которого не было, царапая ногтями гипс в лёгком припадке. У него все плыло перед глазами. Он с очевидным усилием попытался сконцентрироваться на Сером Человеке.

— Разбудите его, — велел он заплетающимся языком. — Не позволяйте ему оставаться там одному!

Девочка с копытами без какой-либо нерасторопности подскочила. (Серый Человек подумал, оглядываясь назад, что, возможно, она вообще не впадала в транс, а, вместо этого, в качестве прикрытия просто сидела совершенно неподвижно, когда Мора и Серый Человек вошли в дом — ужасная, но вполне правдоподобная мысль.) Она обхватила развалившегося Ронана и начала трясти его, прижимала руки к его щекам, била его в грудь, всё время приговаривая на каком-то языке, похожем на латынь, но не на латыни.

А потом случилось необычное. В принципе, Серый Человек знал, что такое бывает, но одно дело — знать, и совсем другое — видеть воочию.

Ронан Линч кое-что принёс из своих снов.

В данном случае: кровь.

В один момент он спал, а в следующий... проснулся, и его руки были испачканы запекшейся кровью. Разум Серого Человека тревожно метался между этими мгновениями, и он почувствовал, что аккуратно удалил самый сложный образ, тот, что был посередине.

Адам нетвёрдо вскарабкался на ноги.

— Верните Мору! Вы себе даже не представляете...

Да, девяносто секунд, прошло девяносто секунд. Серый Человек использовал руку Моры, чтобы оттащить её от гадалочной чаши, а так как она забрела недалеко, она сразу же к нему вернулась.

— О, нет, — произнесла она. — Это ужасно. Это так ужасно. Демон... о, нет.

Она тут же посмотрела на Ронана на диване. Тот не шелохнулся ни на йоту, однако его брови стали ещё выразительнее над закрытыми глазами. Вне его было мало крови по сравнению с тем, сколько её обычно внутри, и всё же почему-то эта картина выглядела смертельно опасной. Комбинация крови и грязи, частичек костей и внутренностей, прилипших к его ладоням.

— Твою мать, — яростно выдал Адам. Его начало трясти, хотя лицо не изменилось.

— Ронан пострадал? — спросила Мора.

— Он не может двигаться сразу, — сказал Адам. — Если приносит что-нибудь оттуда. Дайте ему секунду. Твою мать! Его мама мертва.

— Берегись! — закричала девочка. И именно это и только это уберегло Серого Человека от смерти, когда из-за угла появился Ламоньер с пистолетом.

Ламоньер не колебался ни секунды, заметив Серого Человека: увидеть его в этом пространстве значит застрелить.

Звук был больше комнаты.

Девочка пронзительно завизжала, и этот визг не был похож ни на что, издаваемое человеком, так мог бы вопить ворон.

Серый Человек, не медля, упал вниз, увлекая Мору за собой. Оказавшись на потертых половицах, в эту короткую секунду он обнаружил, что стоит перед выбором.

Он мог попытаться обезвредить эту часть Ламоньера, взять под охрану территорию и напомнить ему, что теперь, когда Гринмантл мёртв, Ламоньеру не нужно бы ссориться с Серым Человеком. Это не было настолько невозможно, насколько звучало: оружие находилось в досягаемости руки Серого Человека, и Адам Пэрриш уже зарекомендовал себя очень крутым и находчивым. Конечно, такие переговоры оставили бы Барнс открытым для интересов Ламоньера, а стоит Ламоньеру только увидеть девочку с копытами, тогда этот интерес будет вечным. Эта часть мира — наряду с Фокс Вей 300, Морой и Блу — будет всегда открыта для угрозы, если они не сбегут, как это сделали Деклан и Меттью Линч. Если он выбирает такой путь, то ему придётся быть постоянно бдительным, чтобы защитить их от заинтересованных сторон. Постоянно обороняться.

Или Серый Человек мог застрелить Ламоньера.

Это было бы объявлением войны. Две оставшиеся части Ламоньера не оставят такое безнаказанным. Но, возможно, именно война требовалась этому извращённому бизнесу. Без того уже опустившийся до опасной анархии в переулках и подвалах, похищений, наёмных убийц ещё до мистера Грея, и он становился всё более

неуправляемым. Может быть, нужно, чтобы кто-то снизу навязал правила наверху, чтобы приструнить этих грязных королей. Но это будет непросто и займёт годы, и не существовало никакого варианта, при котором Серый Человек оставался бы с Морой и её семьей. Ему придётся забрать опасность в другое место, и ему придётся ещё раз окунуться в тот мир.

Ему так сильно хотелось остаться там, где он начал подавлять насилие. В месте, где его учили снова чувствовать. В месте, которое он любил.

Прошла всего секунда.

Мора вздохнула.

Серый Человек выстрелил в Ламоньера.

Он был королём.

Глава 46

Для Блу не было невозможно поверить, что демон убил мать Ронана и убивал Энергетический пузырь. Когда они возвратились с обеда из школьного здания — получив множество звонков и от Ронана, и с Фокс Вей 300 — создалось ощущение, что насупил конец света. Кучи облаков переплетались над городом и внутри дома, где Серый Человек упаковывал несколько маленьких вещей, которые он оставлял.

— Вы убиваете демона, — объявил он всем. — Я сделаю всё возможное, чтобы справиться с остальным. Вернусь ли я в один прекрасный день?

Мора только положила руки ему на щёки.

Он поцеловал её, обнял Блу и ушёл.

Потрясённые Джими и Орла тоже ушли. Мора объяснила, что они не заслуживали быть на линии огня и отправляются погостить у старых друзей с Западной Вирджинии, пока не станет известно, что произойдёт с Генриеттой и экстрасенсами в ней.

Все приёмы были отменены, поэтому клиентов не было, и горячую линию установили так, что она отсылала каждого звонящего на голосовую почту.

Остались только Мора, Кайла и Гвенллиан.

Было ощущение, что наступал конец всего.

Блу поинтересовалась у Адама:

— Где Ронан?

Адам повёл Блу и Гэнси из Фокс Вей 300 в холодный день, двигаясь аккуратно, чтобы не сбросить Чейнсо, которая примостилась на его плече, низко повесив голову. Машина Ронана была припаркована на обочине через несколько домов.

Ронан неподвижно сидел за рулём БМВ, уставившись на какую-то точку на дороге за ними. Обман зрения скользнул по пассажирскому сидению... нет, это был не обман зрения. Там сидел Ноа, едва присутствующий и также неподвижный. Он и так сутулился, а когда бросил взгляд на швы Блу, ссутулился даже сильнее.

Блу и Гэнси подошли к водительской стороне и стали ждать. Ронан не опустил окно и не посмотрел на них, так что Гэнси попробовал отпереть дверь, обнаружил, что она не заперта, и открыл её.

— Ронан, — позвал Гэнси. Мягкость, с которой он это произнёс, едва не заставила Блу расплакаться.

Ронан не повернул головы. Его ноги покоились на педалях, руки — на нижней части руля. Лицо было совершенно бесстрастным.

Как горько было представлять, что он последний из Линчей, оставшийся здесь.

Рядом с Блу содрогнулся Адам. Блу обвила руку вокруг него. Как ужасно думать, что, пока они с Гэнси обедали, Ронан и Адам вместе прогулялись по аду. Доблестные маги Гэнси, оба сбитые с ног ужасом.

Адама снова тряхнуло.

— Ронан, — снова обратился Гэнси.

Очень тихим голосом Ронан ответил:

— Я жду, когда ты скажешь мне, что делать, Гэнси. Скажи мне, куда идти.

— Мы не можем исправить эту ситуацию, — произнёс Гэнси. — Я не могу её исправить.

Это не создало брешь в выражении лица Ронана. Ужасно было видеть его без огня или кислоты в глазах.

— Пойдём в дом, — предложила Блу.

Ронан не обратил на это внимания.

— Я знаю, что не могу это исправить. Я не дурак. Я хочу его убить.

Автомобиль застонал, уступая им троим большое пространство у открытой двери Ронана. Соседи ощущались близкими, настоящими и наблюдающими. В машине Ноа наклонился вперёд, чтобы иметь с ними зрительный контакт. Его лицо было печальным, он коснулся своей брови там, где были царапины у Блу.

«Это была не твоя ошибка, — мысленно обращалась к нему Блу. — Ты не расстроил меня. Пожалуйста, перестань от меня прятаться».

— Я не позволю ему добраться до Меттью, — сказал Ронан. Он вдохнул через рот, выдохнув через нос. Медленно и преднамеренно. Всё было медленно и преднамеренно, сглаживаясь до состояния малоэффективного контроля. — Я могу чувствовать его во сне. Могу чувствовать, чего он хочет. Он разрушает всё, что я нагрезил. Я не дам такому произойти. Я не собираюсь больше никого терять. Ты знаешь, как его убить.

Гэнси произнёс:

— Я не знаю, как найти Глендовера.

— Знаешь, Гэнси, — ответил Ронан, его голос в первый раз сбился. — Уверен, ты знаешь. И когда ты будешь готов его заполучить, я буду сидеть прямо тут и ждать, что ты скажешь, куда мне идти.

Ох, Ронан.

Глаза Ронана всё ещё были наведены на дорогу впереди. Слеза пробежала вниз по его носу и зацепилась за щёку, но он даже не моргнул. Когда Гэнси больше ничего не сказал, Ронан, не глядя, потянулся к дверной ручке, бездумно отстраняясь от дружеского участия. Он рывком высвободил дверь от руки Гэнси. И закрыл её с меньшим хлопком, чем тот, на который, как думала Блу, он был способен.

Они стояли снаружи автомобиля друга, не разговаривая и не двигаясь. Лёгкий ветерок волочил сухие листья вниз по улице в направлении взора Ронана. Где-то там монстр пожирал его сердце. Блу не могла много думать о деревьях Энергетического пузыря, подвергавшихся атаке, она становилась слишком беспокойной, даже чтобы стоять.

Она заговорила:

— На заднем сидении языковая коробка-пазл? Она мне понадобится. Я собираюсь побеседовать с Артемусом.

— Разве он не в дереве? — поинтересовался Адам.

— Ага, — согласилась Блу. — Но мы же какое-то время говорили с деревьями.

Всего несколько минут спустя она прокладывала путь через обнажённые корни бука к его стволу. Гэнси и Адам присоединилась к ней, но им было дано строгое указание оставаться на веранде снаружи задней двери и не подходить ближе. Это будет между ней, её отцом и её деревом.

Хотелось бы надеяться.

Она не могла сосчитать, сколько раз сидела под этим буком. Когда у других были любимый свитер, любимая песня, любимое кресло или любимое блюдо, у Блу всегда был любимый бук на заднем дворе. Конечно, не только это дерево — она любила все деревья — но именно это было постоянной величиной всей её жизни. Она знала впадины в его коре, и насколько оно вырастало каждый год, и даже особый запах его листьев, когда они

только начинали распускаться. Она знала его так же хорошо, как знала кого-либо ещё на Фокс Вей 300.

Теперь она сидела, скрестив ноги, среди развороченных корней с коробкой-пазлом, покоящейся на икрах и с блокнотом сверху. Изрытая земля была сырой и холодной под её ногами; возможно, будь она на самом деле практичной, она бы принесла то, на чём сидеть.

Или, наверное, лучше было чувствовать такую землю, какую чувствовало дерево.

— Артемус, — позвала она, — ты меня слышишь? Это Блу. Твоя дочь. — Как только она это сказала, она подумала, что, может быть, это была ошибка. Возможно, ему не стоило напоминать об этом факте. Она исправилась: — Дочь Моры. Извини заранее за моё произношение, но книг для этого мне не выдали.

У неё впервые появилась идея использовать коробку-пазл Ронана чуть ранее тем же днём во время разговора с Генри. Он объяснял ей, как пчела переводила его мысли чище, чем их переводили слова, как пчела, в принципе, была больше Генри, чем что-либо, что слетало с его губ. Это заставило её подумать о том, как деревья Энергетического пузыря всегда изо всех сил старались общаться с людьми, сначала на латыни, потом на английском, и что у них был другой язык, на котором, кажется, они говорили между собой – язык грёз, отображённый на этой коробке-переводчике Ронана. Артемус и отдалённо не казался способным выразить себя. Может, это поможет. По крайней мере, будет похоже, что Блу старалась приложить усилие.

Сейчас она крутила колёсико, переводя слова, которые хотела сказать на языке грёз, и записывала то, что получалось. Она прочитала написанные предложения вслух, медленно и без гарантии. Ей было известно о присутствии Адама и Гэнси, но это успокаивало, а не стесняло. Она делала перед ними и более глупо выглядящие ритуалы. Вслух предложения звучали немного похожими на латынь. В голове Блу они означали:

— Мама всегда рассказывала мне, что ты был заинтересован в мире, в природе и в том, как люди взаимодействуют с ними. Я подумала, может, мы могли бы побеседовать об этом на твоём языке.

Она хотела прямо спросить про демона, но она видела, как плохо получилось у Гвенллиан. Так что теперь она просто ждала. Задний двор был таким же, как и раньше. Её руки стали липкими. Она была совсем не уверена в том, что, как ожидала, это произойдёт.

Медленно она передвигала диски на коробке-пазл, чтобы перевести с английского другую фразу. Коснувшись гладкой, похожей на кожу, коры бука, она попросила вслух:

— Пожалуйста, по крайней мере, можешь сказать, что слушаешь?

Не так много, только шорох оставшихся сухих листьев.

Когда Блу была намного младше, она проводила часы напролёт за усовершенствованием версий экстрасенсорных ритуалов, на которые насмотрелась в семейном бизнесе. Она читала бесчисленное количество книг о таро, смотрела интернет-видео о хиромантии, изучала чайные листья, проводила сеансы в ванной в середине ночи. Пока её двоюродные сёстры без усилий говорили с мёртвыми, а мать видела будущее, Блу изо всех сил боролась хотя бы за намёк на сверхъестественное. Она часами напрягала уши в поисках потусторонних голосов. Пыталась предсказать, какую карту таро перевернёт. Ждала, когда ощутит, как что-нибудь мёртвое коснётся её руки.

Вот это именно оно.

Единственное, что немного отличалось, это то, что Блу начала этот процесс с оптимизмом. Прошло много времени с тех пор, как она обманывала сама себя, думая, что имеет связь с потусторонним. Если её это и не озлобило, то лишь потому, что она не думала, будто это из-за потустороннего.

— Я люблю это дерево, — наконец, сказала Блу по-английски. — Ты не можешь на него претендовать. Если кто и может жить внутри этого дерева, то это должна быть я. Я любила его дольше, чем ты мог бы его любить.

Вздыхнув, она встала, стряхивая грязь с ног. Она бросила унылый взгляд на Гэнси и Адама.

— Подожди.

Блу замерла. Гэнси и Адам резко заострили внимание на том, что собирался сказать Артемус у неё за спиной.

— Повтори, что ты сказала. — Голос Артемуса исходил из дерева. Не как глас Божий, но скорее как голос, приходящий из-за ствола.

— Что? — переспросила Блу.

— Повтори, что ты сказала.

— Я любила это дерево?

Артемус вышел из дерева. Точно так же, как Аврора выходила из скалы в Энергетическом пузыре. Было дерево, а потом мужчина и дерево, и затем только мужчина. Артемус протянул руки за коробкой-пазлом, и Блу отдала её ему. Он опустился на землю с коробкой-пазлом на коленях, сложив вокруг неё свои длинные конечности, медленно вращая диски и глядя на каждую сторону. Наблюдая за его длинным лицом, бледными губами и упавшими плечами, Блу поразились тому, как по-разному возраст отразился на Артемусе и Гвенллиан. Гвенллиан шестьсот лет безвременья сделали молодой и сердитой. Артемус выглядел поверженным. Она задалась вопросом: это из-за всех шестисот лет или только из-за последних семнадцати?

Она просто сказала так:

— Ты выглядишь уставшим.

Он взглянул на неё снизу-вверх, маленькие глазки светились на длинном лице, окружённые глубокими морщинами.

— Я устал.

Блу села напротив него. Она ничего не говорила, пока он продолжал проверять коробку. Было необычно определить истоки своих рук в его руках, через его пальцы, что были длиннее и бугристее.

— Я один из *tir e e'lintes*, — наконец, выдал Артемус. — Это мой язык.

Он повернул диски на стороне неизвестного языка, выложив *tir e e'lintes*. Перевод сдвинулся на английской стороне, которую он ей показал.

— «Древесные светочи», — прочитала она. — Потому что вы можете прятаться в деревьях?

— Они наши... — Он запнулся. Затем снова повернул диски и опять показал ей коробку. Дом-оболочка.

— Вы живёте в деревьях?

— В? С. — Он раздумывал. — Я был деревом, когда Мора и две другие женщины вытащили меня оттуда много лет назад.

— Я не понимаю, — по-доброму обратилась Блу. Ей не было неловко из-за правды о нём. Ей было неловко, потому что правда о нём предполагала правду о ней. — Ты был деревом или ты был в дереве?

Он посмотрел на неё скорбно, утомлённо и странно, а затем протянул ей свою руку. Пальцами другой руки он провёл по линиям на её ладони.

— Они напоминают мне о моих корнях. — Взяв её руку, он плашмя положил её на кожу бука. Его длинные бугорчатые пальцы полностью заслонили её маленькую ладонь. — Мои корни и твои тоже. Ты скучаешь по дому?

Она закрыла глаза. Почувствовала знакомую прохладную кору под кожей, и снова ощутила, как уютно находиться под его ветвями, на его корнях, прижиматься к стволу.

— Ты любила это дерево, — произнёс Артемус. — Ты уже мне это говорила.

Она открыла глаза. Кивнула.

— Иногда мы, *tir e e'lintes*, надеваем это, — продолжил он, роняя её руку так, что смог указать на себя. Затем он снова коснулся дерева. — Иногда мы надеваем это.

— Я бы хотела... — начала Блу и остановилась. В любом случае, ей не требовалось заканчивать это предложение.

Он кивнул один раз. И сказал:

— Вот так это начиналось.

Он рассказывал историю так же, как растёт дерево, начиная с семечки. Затем окапывая тонкими корнями, чтобы поддержать главный ствол, когда тот потянулся вверх.

— Когда Уэльс был молод, — поведал Артемус Блу, — там были деревья. Больше там деревьев нет, или их не было, когда я уезжал. Поначалу всё было хорошо. Деревьев было больше, чем *tir e e'lintes*. Некоторые деревья не могут удерживать *tir e e'lintes*. Ты знаешь такие деревья, даже самый бестолковый человек знает такие деревья. Они... — Он посмотрел вокруг. Нашёл глазами сорную, быстро растущую лжеакацию и декоративную сливу в соседском саду. — У них нет своей собственной души, и они не созданы, чтобы хранить чужие души.

Блу провела пальцами по обнажённым корням бука рядом со своей ногой. Да, она знала.

Артемус раскинул больше корней в своей истории:

— В Уэльсе хватало деревьев, которые могли бы хранить нас. Но прошли годы, и Уэльс превратился из страны лесов в страну костров, пашен, кораблей и домов; он стал страной всего того, чем могли бы быть и деревья, кроме разве что жизни.

Корни были зарыты; он перешёл к стволу.

— *Amae vias* слабели. *Tir e e'lintes* могут существовать только в деревьях поблизости, но мы тоже питаем *amae vias*. Мы *ose iteres*. Как небо и вода. Зеркала.

Несмотря на жару, Блу обняла себя руками, почувствовав озноб, будто бы от присутствия Ноа.

Артемус с тоской посмотрел на бук или на что-то мимо него, что-то гораздо старше.

— Лес *tir e e'lintes* это что-то, в действительности, словно зеркала, направленные на зеркала, направленные на зеркала, *amae vias* бурлит под нами, грёзы зажаты между нами.

Блу спросила:

— Как насчёт одного из них? Что за один из них?

Он печально рассматривал свои руки.

— Поблёкший. — Посмотрел на её руки. — Другой.

— А демон?

Это оказалось пропущено. Он покачал головой, вернувшись к рассказу.

— Оуэн не был обычным человеком, — продолжил он. — Он мог разговаривать с птицами. Он мог разговаривать с нами. Он хотел, чтобы его страна была необузданным магическим местом, местом грёз и песен, пересечённым мощными *amae vias*. Так что мы сражались за него. Мы все потеряли всё. Он потерял всё.

— Вся его семья погибла, — произнесла Блу. — Я слышала.

Артемус кивнул.

— Опасно проливать кровь на *amae via*. Даже немножко может посеять тёмные вещи.

Глаза Блу расширились.

— Демона.

Его брови свелись ещё больше по направлению к печальной стороне происходящего. Лицо стало портретом под названием «Беспокойство».

— Уэльс был разрушен. Мы были разрушены. *Tir e e'lintes*, кто остался, должны были спрятать Оуэна Глендовера до поры до времени, когда он снова смог бы воспрянуть. Нам нужно было спрятать его на время. Замедлить его жизнь, как мы замедляли свои в деревьях. Но в Уэльсе осталось слишком мало мест силы *amae vias* после работы демона. Так что мы бежали сюда, мы здесь умерли. Это трудное путешествие.

— Как ты встретил мою мать?

— Она пришла на дорогу духов, намереваясь пообщаться с деревьями, что и сделала.

Блу начала было говорить, потом остановилась, а затем снова начала.

— Я человек?

— Мора – человек.

Он не сказал «и я тоже». Он не был колдуном, он был человеком, который мог быть в дереве. Он был кем-то ещё.

— Скажи, — прошептал Артемус, — когда ты спишь, ты видишь сны о звёздах?

Это было уже слишком: демон, горе Ронана, истина о деревьях. К её удивлению, слеза навернулась на глаз и убежала; другая встала в очередь.

Артемус наблюдал, как та упала с её щеки, а затем сказал:

— Все *tir e e'lintes* полны потенциала, всегда в движении, всегда без отдыха, всегда в поисках возможностей дотянуться и быть где-нибудь ещё, быть чем-нибудь ещё. Этим деревом, тем деревом, тем лесом, вон тем лесом. Но больше всего мы любим звёзды. — Он бросил взгляд вверх, как будто мог видеть их днём. — Если бы только мы могли до них дотянуться, может быть, мы могли бы ими стать. Любая из них могла бы быть нашим домом-оболочкой.

Блу вздохнула.

Артемус снова взглянул на свои руки, казалось, они всегда заставляли его тревожиться.

— Эта форма не самая простая для нас. Я стремлюсь... Я только хочу вернуться в лес на дорогу духов. Но демон его разрушает.

— Как мы можем от него избавиться?

Очень неохотно Артемус сообщил:

— Кто-то должен добровольно умереть на дороге мёртвых.

Тьма так быстро опустилась на мысли Блу, что она дотянулась до бука, чтобы удержать баланс. Она в мыслях видела дух Гэнси, идущий по энергетической линии. Она внезапно вспомнила, что Адам и Гэнси находились в пределах слышимости; она совершенно забыла, что тут были не только они с Артемусом.

— Есть другой способ? — спросила она.

Голос Артемуса был по-прежнему тих.

— Добровольная смерть оплатит недобровольную. Таков путь.

Повисла тишина, ещё больше тишины, и, наконец, голос Гэнси раздался откуда-то рядом с домом:

— Что насчёт пробуждения Глендовера и использования его милости?

Но Артемус не ответил. Она упустила тот момент, когда он ушёл: он оказался в дереве, а коробка-пазл криво валялась в корнях. Блу оставили с этой ужасной правдой и больше ни с чем, даже без клочка героизма.

— Пожалуйста, вернись! — просила она.

Но осталось только волнение сухих листьев над головой.

— Ну, — произнёс Адам, его голос был таким же утомлённым, как и у Артемуса.
— Вот так.

Глава 47

Наступила ночь. Хотя бы на это ещё можно было положиться.

Адам открыл дверь БМВ со стороны водителя. Ронан не шелохнулся с того самого момента, когда он смотрел на него последний раз; тот сидел неподвижно, всё ещё уставившись на дорогу, ноги на педалях, руки на руле. Готовый двигаться дальше. В ожидании Гэнси. Это было не горе, это было более безопасное и более пустое пространство сверх него. Адам сказал Ронану:

— Ты не можешь здесь спать.

— Нет, — согласился Ронан.

Адам стоял на тёмной улице, дрожа от холода, переминаясь с ноги на ногу, ища любые доказательства того, что Ронан может сдвинуться с места. Было уже поздно. Час назад Адам позвонил Бойду и сказал, что так и не доберётся до утечки в выхлопе Шевелла, которую обещал посмотреть. Даже если он и мог заставить себя не спать, что у Адама почти всегда получалось, он всё равно не смог бы работать в гараже, зная, что Энергетический пузырь под атакой, Ламоньеры объединяют усилия, а Ронан в трауре.

— Ты собираешься зайти внутри и хоть что-нибудь съесть?

— Нет, — ответил Ронан.

Он был невыносим и ужасен.

Адам закрыл дверцу и слегка ударил кулаком три раза по крыше. Затем он зашёл с другой стороны машины, открыл дверь, убедился, что Ноа там нет, и забрался внутрь.

Ронан наблюдал за ним, он шарил возле регулятора положения сидения, пока не нашёл то, что позволило ему полностью откинуться, а потом жадно вцепился в аглионбайский пиджак Ронана. Что пиджак, что Девочка-Сиротка были безнадежно скомканы среди других вещей на заднем сидении — Девочка-Сиротка засопела и подтолкнула пиджак к его руке. Он подложил ткань себе под шею, как подушку, и прикрыл глаза от света фонарей рукавом.

— Разбуди меня, если потребуется, — попросил он и закрыл глаза.

Внутри Фокс Вей 300 Блу наблюдала, как Гэнси позволяет уговорить себя остаться вместо того, чтобы вернуться на ночь на Монмаут. Несмотря на то, что в доме полно было пустых кроватей, он занял диван, взяв просто лоскутное одеяло и подушку со светло-розовой наволочкой. Его глаза ещё не были закрыты, когда она поднялась наверх и уложила себя в постель в собственной комнате. В доме стало слишком тихо, когда все разошлись, и слишком громко на улице, где всё было таким угрожающим.

Она не спала. Она думала об отце, ставшим единым целым с деревом, и думала о Гэнси, сидящем в Камаро с опущенной головой, и думала о шёпоте тёмного спящего, на который натолкнулась в пещере. Складывалось ощущение, что конец близок.

«Спи», — велела она себе.

Гэнси спал в комнате на десять футов ниже. Это не должно иметь значение... Это не имело значение. Но она не могла перестать думать о его близости, о его невозможности. Об обещании его смерти.

Она заснула. Было темно. Её глаза не привыкли к такой темноте, а сердце наоборот. Никакого света. Было такая крошечная тьма, что глаза казались не важными. Теперь, когда она подумала об этом, то даже не была уверена, а есть ли они у неё. Странная мысль. А что у неё есть?

Прохладная влажность под ногами. Нет. Под её корнями. Звёзды, давящие сверху, такие близкие, что она, несомненно, могла бы дотянуться до них, если бы подросла всего на несколько дюймов. Тёплая, полная жизни оболочка коры.

Это была форма её души. Это было то, по чему она скучала. Вот, как она себя воспринимала в человеческой коже — древовидные чувства в человеческом теле. Что за неспешная, тягучая радость.

«Джейн?»

Здесь был Гэнси. Должно быть, он находился там всё время, потому что теперь, когда она об этом подумала, не смогла перестать его ощущать. Она была чем-то большим; он же был человеком. Он был королём, которого украли и спрятали в это дерево *tir e e'lint*, одной из которых была Блу. Она полностью окружала его. Радость от её предыдущего откровения медленно накладывалась на эту радость. Он был всё ещё жив, он был рядом с нею, она была к нему настолько близко, насколько это возможно.

«Где мы?»

«Мы — дерево. Я — дерево. Ты... ха ха. Не могу сказать. Это будет отвратительно».

«Ты смеёшься?»

«Да, потому что я счастлива».

Однако её радость начала медленно убывать, так как она почувствовала его учащённый пульс. Он боялся.

«Чего ты боишься?»

«Я не хочу умирать».

Это ощущалось как правда, но сложно было справиться с мыслями с любой скоростью. Это дерево было просто не приспособлено для основного качества Блу в её человеческом теле. Она стала ни то ни сё.

«Ты увидишь, если Ронан выйдет из машины?»

«Могу попытаться. Но у меня на самом деле нет глаз».

Она потянулась всеми доступными ей чувствами. Они оказались намного лучше её человеческих чувств, но их интересовали другие вещи. Было исключительно трудно сосредоточиться на делах людей вокруг основания ствола. Она до этого момента не ценила должным образом, сколько усилий требовалось деревьям, чтобы проявлять внимание к их потребностям.

«Я не знаю. — Она крепко держала его, любя и охраняя. — Мы могли бы просто остаться здесь».

«Я люблю тебя, Блу, но я знаю, что должен делать. Не хочу. Но знаю, что я должен делать».

Глава 48

Все звуки и запахи Фокс Вей усиливались после наступления темноты, когда затихали все его человеческие обитатели. Все ароматные чаи, свечи, специи становились более различимыми, каждый заявлял о своём происхождении, тогда как днём они смешивались в нечто, что Гэнси ранее идентифицировал как Фокс Вей. Теперь это ударило его, словно что-то мощное и домашнее, секретное и известное. Этот дом был местом магии, такой же, как и Энергетический пузырь, но вслушиваться в него нужно было сильнее. Гэнси лежал на диване под лоскутным одеялом, закрыв глаза в темноте, и слушал дребезжание воздуха или дыхания через вентиляционное отверстие, где-то листья или ногти царапали окно, стук треснувшей древесины или шагов в другой комнате.

Он открыл глаза, и там был Ноа.

Это был Ноа без дневного света, который покрывал то, кем он в действительности стал. Он стоял очень близко, потому что забыл, что живые не могут фокусироваться на предметах, расположенных ближе, чем на расстоянии в три дюйма¹. Он был очень холодным, потому что сейчас ему требовалось огромное количество энергии, чтобы оставаться видимым. Он был очень напуган, и, потому что Гэнси был напуган, их мысли переплелись.

Гэнси скинул одеяло. Он зашнуровал ботинки и надел пиджак. Тихо, с огромной осторожностью ступая по старому полу, он направился за Ноа из гостиной. Не включал никакого освещения, потому что его разум всё ещё был переплетён с разумом Ноа, и он использовал глаза Ноа, которые больше не волновало, темно было или нет. Мёртвый мальчик, вопреки ожиданиям, не вывел его на улицу, но шёл по лестнице на второй этаж. На первой половине ступенек Гэнси думал, что его увлекают в любимое место Ноа где-то в округе дома, на второй половине он решил, что его доставляют к Блу. Но Ноа миновал её дверь и ожидал его у подножия лестницы на чердак.

Чердак был заряженным местом, оккупированным сначала Нив, а потом Гвенллиан, двумя по-разному сложными женщинами. Гэнси не рассматривал ни одну их

¹ 3 дюйма = 76,2мм.

них в качестве плана дальнейших действий, но Ноа привёл его сюда, и теперь Гэнси колебался, удерживая ручку двери. Он не хотел стучать, он бы разбудил весь остальной дом.

Ноа подтолкнул дверь.

Та слегка приоткрылась – она не была заперта – и Ноа двинулся вверх по ступеням. Тусклый свет прибывал с крыши в сопровождении едкого прохладного аромата дуба. Казалось, открыто окно.

Гэнси последовал за Ноа.

Окно было открыто.

Гвенллиан превратила комнату в ведьминский хаос, здесь в настоящее время было полно очень странных вещей, но её самой не было, кровать оказалась пуста. Прохладный ночной воздух дул сквозь круглое отверстие, похожее на иллюминатор.

К тому моменту, когда Гэнси через него вылез, Ноа исчез.

— Привет, маленький король, — поздоровалась Гвенллиан. Она находилась на одном из дальних небольших несочетающихся углов крыши, ботинками упираясь в кровлю. Тёмный и необычный силуэт в заколдованном мерцающем свете уличных фонарей, льющемся снизу. При этом было в ней что-то величественное, в доблестном и высокомерном наклоне подбородка. Она похлопала по крыше рядом с собой.

— Это безопасно?

Она вскинула голову.

— Вот как ты умираешь?

Он присоединился к ней, осторожно проложив себе путь, пыль и сор с деревьев крошились под его ногами, и сел рядом. С этого наблюдательного пункта обзору предстали деревья и ещё больше деревьев. Дубы, которые были просто безликими стволами на уровне земли, представляли запутанными мирами восходящих ветвей на уровне крыши, их узоры делали тени, отбрасываемые оранжевым свечением вниз, ещё более многосложными.

— Хай хо хай хо¹! — запела Гвенллиан тихо и надменно. — Ты пришёл ко мне за мудростью?

Гэнси покачал головой.

— За смелостью.

Она его оценивала.

— Ты пыталась остановить войну своего отца, — пояснил Гэнси. — Заколов его поэта за обеденным столом. Ты должна была быть почти уверенной, что это не закончится для тебя хорошо. Как ты это сделала?

Её героический поступок свершился сотни лет назад. Глендовер не воевал на валлийской земле уже на протяжении веков, и человек, которого Гвенллиан пыталась убить, мёртв уже много поколений. Она старалась спасти семью, которая уже давно не существовала; она потеряла всё, чтобы сидеть на крыше Фокс Вей 300 совершенно в другом мире.

— Ты до сих пор не усвоил? Король действует так, как будут действовать другие. Ничего не приходит из ничего не приходит из ничего. Но что-то образует что-то. — Она рисовала в воздухе своими длинными пальцами, но Гэнси не думал, что то, что она рисовала, предназначалось для чьего-либо взора, кроме её собственного. — Я Гвенллиан Глен Дур, я дочь короля и дочь древесного светоча, и я сделала что-то так, чтобы другие что-то делали. Это по-королевски.

— Но как? — спросил Гэнси. — Как ты с этим управилась?

Она сделала вид, что ударила его ножом в бок. Потом, когда он печально посмотрел на неё, она рассмеялась, дико и свободно. После целой минуты веселья она произнесла:

¹ Песенка семи гномов из мультфильма «Белоснежка и семь гномов».

— Я прекратила спрашивать «как». Просто сделала. Голова слишком благоразумна. Сердце — абсолютное пламя.

Она больше ничего не сказала, а он больше ничего не спрашивал. Они сидели на крыше рядом друг с другом, её пальцы танцевали в воздухе, он наблюдал, как схожим образом танцуют огни Генриетты, попевая за скрытой и фыркающей энергетической линией.

Наконец, он произнёс:

— Не могла бы ты взять меня за руку?

Её пальцы перестали двигаться, и она хитро посмотрела на него, удерживая его взгляд долгую минуту, будто провоцируя отвести глаза или передумать. Он не поддался.

Гвенллиан наклонилась ближе, пахнувшая гвоздичными сигаретами и кофе, и, к его великому удивлению, поцеловала его в щёку.

— Храни тебя Бог, Король, — сказала она и взяла его за руку.

В конце концов, это был такой простой и незначительный жест. Раньше в своей жизни он уже ощущал такие вспышки абсолютной уверенности. Но правда в том, что он продолжал держаться от неё подальше. Мысль о том, сколько контроля над собственной жизнью он на самом деле имел, была гораздо более ужасающей. Проще верить, что он был величавым кораблём, брошенным судьбой, чем ведомым им самим.

Сейчас он бы направлял его, и, если бы у берега оказались скалы, то так тому и быть.

— Скажи мне, где Оуэн Глендовер, — велел он в темноту. Решительно и уверенно, с той же силой, которую он использовал, когда приказывал Ноа, приказывал скелетам в пещере. — Покажи мне, где Король-Вóрон.

Глава 49

Ночь взвыла.

Звук шёл отовсюду – дикий крик. Первобытный. Боевой клич.

Он становился всё громче и громче, и Гэнси с трудом встал на ноги, полуприкрыв руками уши. Гвенллиан восторженно, с азартом что-то выкрикивала, но шум заглушал её голос. Он заглушил шелест оставшихся дубовых листьев и шарканье обуви Гэнси о крышу, когда тот подошёл к кромке для лучшего обзора. Звук заглушил огни, и улица погрузилась во мрак. Крик заглушил всё, и когда он затих, и свет вновь появился, ниже посреди улицы стояло, растопырив копыта, белорогое чудовище.

Где-то там по-прежнему существовал обычный мир, мир светофоров и торговых центров, ламп дневного света на автозаправочных станциях и светло-голубых ковров в пригородных домах. Но здесь, сейчас существовали только мгновения до крика и после.

У Гэнси звенело в ушах.

Существо подняло голову, чтобы взглянуть на него блестящими глазами. Оно напоминало животное, название которого вертится на языке, пока его не увидишь, а потом это название ускользает, оставляя только ощущение от увиденного. Создание было старше чего бы то ни было, прекраснее чего бы то ни было, ужаснее чего бы то ни было.

В груди Гэнси пело нечто победоносное и напуганное; это было точно такое же ощущение, которое завладело им, когда он впервые увидел волшебный лес. Он осознал, что видел прежде что-то подобное этому существу: стадо белых зверей, бегущих по Энергетическому пузырю. Однако теперь, когда он смотрел на одного из них, Гэнси понял, что те животные были копией этого, его отпрысками, его нагребенными воспоминаниями.

Чудовище дёрнуло ухом, а затем погрузилось в ночь.

Гвенллиан спросила Гэнси.

— Ну, ты собираешься последовать за ним?

Да.

Она ткнула пальцем на буковые ветви, и ему не нужно было задавать вопросы. Гэнси быстро добрался до большой ветки, нависавшей над крышей, взобрался на неё, хватаясь для опоры за торчащие сучки. Он спрыгивал с ветви на ветвь, а потом и на землю, когда до неё осталось восемь-девять футов, ощутив при приземлении встряску, прокатившуюся по всему телу, от подушечек пальцев ног до зубов.

Чудовище исчезло.

Но благодаря птицам у Гэнси не было времени зафиксировать разочарование.

Они были повсюду: воздух пестрел и переливался перьями и пухом. Птицы кружили, пропадали из виду и резко падали вниз на соседних улицах. В пятна уличного света то и дело попадались крылья, клювы, когти. Большинство из них – вороны, но были и другие. Синички, гладкие траурные горлицы, небольшие сойки. Впрочем, более мелкие птицы, казалось, летали хаотичнее воронов, словно дух ночи захватил их в свой плен, не объяснив задачи. Некоторые из них пронзительно кричали или кудахтали, но в основном это был звук крыльев. Гудение, свист, хлопанье в бешеном полете.

Гэнси вышел во двор, и плотная стая тут же окружила его. Они вихрем летали вокруг, задевая его крыльями, прикасаясь перьями к его щекам. Он не видел ничего, кроме птиц, их тел и раскраски. Его сердце само было крылатым. Он не мог отдышаться.

Ему было очень страшно.

«Если не можешь не бояться, — сказал Генри, — бойся и будь счастлив».

Стая полетела прочь. Они призывали немедленно следовать за ней. Птицы закружили, сформировав над Камаро огромную колонну.

«Дорогу! — кричали они. — Дайте дорогу Королю-Вороны!» Их крик звучал достаточно громко для того, чтобы в домах стал загораться свет.

Гэнси забрался в автомобиль и повернул ключ зажигания – заводись, Свинья, заводись. Она, зарывав, ожила. Гэнси был одновременно и ликующим, и напуганным, и истощённым, и пресыщенным.

С визгом шин он погнался за своим королём.

Глава 50

Ронан действовал на аварийной батарее. Работал на круиз-контроле. Он был каплей воды, образованной на лобовом стекле. Малейшего толчка было бы достаточно, чтобы понесло вниз.

Потому что он практиковался держать тонкий баланс между бодрствованием и сном, не получалось, пока водительская дверь БМВ не распахнулась так, что он понял: что-то случилось. Шум был ужасающий, в особенности потому, что Чейнсо влетела в машину, как только дверь открылась. Девочка-Сиротка завизжала на заднем сидении, и Адам, подпрыгнув, проснулся.

— Я не знаю, — сказала Блу.

Ронан не был уверен, что это означало, пока не понял, что она обращалась не к нему, а к людям за своей спиной. Мора, Кайла и Гвенллиан стояли на дороге с ночным беспорядком во внешнем виде различной степени.

— Я говорила, я говорила, — каркала Гвенллиан. Её волосы были клубком из перьев и дубовых листьев.

— Ты спал? — спросила Блу Ронана. Он не спал. Он также не совсем бодрствовал. Он уставился на неё. Ему позабылась её рана, пока снова не попала на глаза; как жестокая подпись её на коже. Настолько вопреки всему, что обычно делал Ноа. Всё задом наперёд. Демон, демон. — Ты видел, куда уехал Гэнси?

Теперь он проснулся.

— Он на охоте! — с ликованием выкрикнула Гвенллиан.

— Заткнись, — неожиданно грубо произнесла Блу. — Гэнси отправился за Глендовером. Свинья пропала. Гвенллиан говорит, он пошёл за птицами. Ты видел куда? Он не берёт телефон!

Она драматично махнула рукой себе за спину, демонстрируя правду. Пустая обочина напротив Фокс Вей 300, улица, усыпанная перьями всех цветов, соседские двери, открывающиеся и закрывающиеся от любопытства.

— Он не может идти один, — сказал Адам. — Он сделает что-нибудь глупое.

— Я бесконечно в этом уверена, — ответила Блу. — Я звонила ему. Я звонила Генри узнать, можем ли мы использовать робопчелу. Ни один не берёт трубку. Даже не знаю, доходят ли до них звонки.

— Вы можете определить его местонахождение? — поинтересовался Адам у Моря и Кайлы.

— Он имеет отношение к энергетической линии, — попыталась объяснить Мора. — Как-то. Где-то. Так что я не могу его увидеть. Вот всё, что я знаю.

Разум Ронана завибрировал, когда с ним столкнулась реальность. Ужас каждого ночного кошмара, превратившегося в правду, дрожал в его пальцах на рулевом колесе.

— Может быть, я мог бы войти в транс, — предложил Адам. — Не знаю, пойму ли, где это. Если он где-то, где я не был, я не распознаю места, и мы должны будем собрать все подсказки воедино.

Блу гневно развернулась.

— На это потребуется вечность.

Ронана поразили перья, разбросанные по улице. Каждый их тонкий край казался острым, настоящим и важным против покрытых пылью событий предыдущих дней. Гэнси отправился за Глендовером. Гэнси пошёл без них. Гэнси ушёл без него.

— Я нагрежу что-нибудь, — заявил он. Никто не услышал его с первого раза, так что он повторил.

— Что? — спросила Блу в тот же самый момент, как Мора поинтересовалась:

— Какого рода что-нибудь?

А Адам произнёс:

— Но демон.

Разум Ронана всё ещё чувствовал недавний ужас от вида тела своей матери. Свежие воспоминания без труда смешивались со старыми, полученными, когда он нашёл тело отца, создавая ядовитый и увеличивающийся в объёме цветок. Он не хотел возвращаться в свою голову прямо сейчас. Но он бы вернулся.

— Что-нибудь, чтобы найти Гэнси. Вроде робопчелы Генри Ченга. Оно должно иметь только одну цель. Что-нибудь маленькое. Я смогу сделать это быстро.

— Имеешь в виду, что тебя могут убить быстро, — сказал Адам.

На это Ронан не ответил. Он уже пытался придумать, какую форму он бы смог быстро наделить таким умением. Что он наиболее безотказно смог бы создать, даже с отвлекающим ураганом из демона? Что-нибудь, что, он должен быть уверен, демон не испортит в тот же самый момент, как оно воплотится.

— Энергетический пузырь не может тебе помочь, — давил Адам. — Он может только мешать. Ты должен попытаться создать что-нибудь неужасное посреди всего того, что для начала кажется невыполнимым, а затем тебе надо притащить это и только это сюда из сна, что звучит даже более невыполнимо.

Ронан обратился к рулевому колесу.

— Мне известно, как работают грёзы, Пэрриш.

Он не сказал: «Я не могу выдержать даже мысль о том, что найду ещё и тело Гэнси». Он не сказал: «Если я не смогу спасти свою старую семью, смогу спасти новую». Он не сказал: «Я не дам демону забрать всё».

Он не сказал, что единственный настоящий ночной кошмар не был способен сделать что-нибудь, и что это, по крайней мере, уже было что-нибудь.

Он только произнёс:

— Я попробую, — и надеялся, что Адам понял всё остальное.

Адам понял. Поняли и другие.

Мора предложила:

— Мы сделаем всё возможное, чтобы помочь твоей энергии и сдержать что-нибудь из самого плохого.

Адам привёл сидение в абсолютно прямое положение и закрепил его. Он объявил:

— Я в транс.

— Блу, — обратился Ронан, — думаю, тебе лучше взять его за руку.

Глава 51

Камаро сломался.

Он всегда ломался и снова оживал, но сегодня ночью... сегодня ночью Гэнси в нём нуждался.

Как бы то ни было, он сломался. Гэнси добрался только до окраины города, когда машина кашлянула, и лампочки внутри потускнели. Он даже не успел среагировать, как автомобиль умер. Усилия тормозов и руля пропали, и он с трудом прижался к краю дороги. Гэнси предпринял попытку завести машину, посмотрел в зеркало, пытаясь увидеть, ждали ли его птицы. Не ждали.

«Дайте дорогу Королю-Вóрону! — паря в воздухе, кричали они. — Дайте дорогу!»

Проклятая машина!

Не так давно его автомобиль уже умирал таким же образом в кромешной ночи, оставив его в затруднительном положении на краю дороги, в итоге его чуть не убили. Адреналин брызнул в кровь так же, как и в ту ночь, мгновенно и безраздельно, как будто времени с тех пор и не проходило.

Он прокачал бензин, отпустил, прокачал, отпустил.

Птицы удалялись. Гэнси не мог за ними последовать.

— Давай же, — взмолился он. — Давай.

Камаро «не давал». Вóроны яростно кричали, похоже, они не желали его ждать, но ещё, казалось, тянули за собой силой. Слабо выругавшись, он вылез из машины и хлопнул дверью. Он не знал, что делать. Можно было бы пуститься в погоню бегом, пока их ещё видно. Можно было бы...

— Гэнси. — Генри Ченг. Он стоял перед Гэнси, его Фискер криво припарковался позади, дверь нараспашку. — Что происходит?

Невозможность присутствия Генри поразила Гэнси сильнее всего остального этой ночью, хотя именно это, на самом деле, было наименьшим из невозможного. Они находились недалеко от того района, где располагался Литчфилд, и Генри ясно прибыл сюда при помощи автомобиля, а не магии. Но всё же выбор момента был слишком очевидно на стороне Гэнси, а Генри, в отличие от воронов, не смог бы появиться только потому, что Гэнси приказал.

— Как ты тут оказался? — потребовал ответа Гэнси.

Генри указал на небо. Не на птиц, а на крохотное мерцающее тельце робопчелы.

— Робопчеле было сказано сообщить, если я тебе понадоблюсь. Так что я ещё раз спрашиваю: что происходит?

Вóроны всё ещё просили Гэнси следовать за ними. Они уже находились дальше, вскоре он не сможет их видеть. Пульс вырывался из груди. Огромным усилием он заставил себя сосредоточиться на вопросе Генри.

— Камаро не заводится. Те птицы. Они ведут меня к Глендоверу. Я должен ехать. Мне надо следовать за ними, или они будут...

— Стоп. Стоп. Залезай в мою машину. Знаешь что? Ты за рулём. Это всё пугает меня до смерти.

Генри бросил ему ключи.

Он забрался внутрь.

В этом была какая-то нездоровая правильность, как если бы Гэнси всегда знал, что погоня будет проходить именно так. Когда Камаро остался позади, время сместилось, и он оказался внутри. Над ними вóроны метались и разрывали черноту. Иногда они застывали на уровне зданий, иногда пропадали на уровне деревьев. Под последним городским фонарём они сверкали и мерцали, словно лопасти вентилятора. Гэнси и Генри проезжали последние остатки цивилизации и удалялись в сельскую местность. В голове Гэнси Генриетта была настолько велика, что его немного удивило, так как он не обращал на это внимания, насколько быстро огни маленького города исчезли в зеркале заднего вида.

За пределами Генриетты вороны разделились и отклонились на север. Они летели быстрее, чем, Гэнси считал, птицы могут летать, Погоня за ними была делом непростым; вóроны летели идеально прямо, в то время как Фискеру приходилось придерживаться дорог. Сердце Гэнст кричало ему: «Не потеряй их. Не потеряй его. Не теперь».

Он не мог отделаться от мысли, что это его единственный шанс.

Его голова не думала. Думало сердце.

— Вперёд, вперёд, вперёд, — подбадривал Генри. — Я взгляну, где копы. Вперёд, вперёд, вперёд.

Он набрал что-то на телефоне, а затем нагнулся, чтобы посмотреть, как снаружи машины робопчела убралась делать для него работу.

Гэнси двигался вперёд, вперёд, вперёд.

На северо-восток, по запутанным дорогам, на которых Гэнси, вероятно, бывал и раньше, но уже не помнил. Разве он не использовал весь штат? Вóроны вели их через горы по извилистым дорогам, которые превращались в грязь, а потом снова в асфальт. В какой-то момент Фискер прижался к склону горы, и взор уткнулся вниз, где оказался горный перепад и ни одного ограждения. Потом дорога снова вернулась к асфальту, и деревья скрыли небо.

Вóроны мгновенно стали невидимыми за чёрными в ночи ветвями и улетали в каком-то направлении без них.

Гэнси нажал на тормоз и опустил окно. Генри, не задавая вопросов, сделал то же самое. Оба парня наклонили головы и прислушались. Зимние деревья скрипели на ветру, в отдалении внизу катились по шоссе грузовики; вóроны безотлагательно зывали друг к другу.

— Туда, — тотчас же указал Генри. — Направо.

Фискер бросился вперёд. Гэнси решил, что они двигались вдоль энергетической линии. Как далеко полетят вóроны? В Вашингтон? Бостон? Весь путь через Атлантический океан? Он должен был верить, что они не полетели бы туда, куда он за ними не сможет последовать, потому что он уже сказал, что сегодня ночью всё закончится, и именно это он имел в виду.

Птицы безошибочно продолжали лететь. В темноте замаячил знак автомагистрали.

— Там было написано 66? — произнёс Гэнси. — Это съезд на трассу 66?

— Не знаю, чувак. Цифры меня запутывают.

Это было шоссе I-66. Птицы мчались вперёд; Гэнси выехал на трассу. Так было быстрее, но немного рискованнее. Если вóроны сменят путь, вариантов свернуть не будет.

Птицы не дрогнули. Гэнси прибавил скорости и ещё прибавил.

Птицы направлялись вдоль энергетической линии, возвращая Гэнси к Вашингтону и к дому его детства. У него возникла внезапная ужасная мысль, что именно туда они его и вели. Назад к дому Гэнси в Джорджтауне, где он выучил, что его конец был только началом, и, наконец, признал, что должен был вырасти, чтобы стать просто другим Гэнси со всем вытекающим.

— Что, говоришь, там было? I-66? — спросил Генри, снова печатая в своём телефоне, когда ещё один знак пролетел мимо них, объявляя трассу I-66.

— Как же ты водишь машину?

— Я не веду. Ты за рулём. Сколько миль, судя по столбикам?

— Одиннадцать.

Генри изучал телефон, от экрана лицо отсвечивало синим.

— Эй. Эй. Помедленнее. Копы в миле отсюда.

Гэнси позволил машине двигаться в планирующем режиме где-то близко к ограничению скорости. И конечно, тёмный раскрас полицейской машины заблестел где-то чуть меньше чем через милю после того, как на неё указал Генри. Генри отсалютовал копам, когда они проезжали мимо.

— Спасибо за службу, робопчела.

Гэнси напряжённо рассмеялся.

— Ладно, теперь ты... погоди. Робоплеча может найти нам съезд?

Вороны всё дальше с каждой милей удалялись от трассы, и теперь становилось совершенно понятно, что они отклонялись в сторону насовсем.

Генри тыкал в телефон.

— Две мили. Съезд номер двадцать три.

Две мили в постоянно расширяющемся треугольнике создадут большое расстояние между воронами и автомобилем.

— Робопчела может не отставать от птиц?

— Сейчас выясню.

Итак, они неслись вперёд, стаю в темноте становилось всё труднее разглядеть, и, наконец, она исчезла. Пульс Гэнси лихорадочно стучал. Он должен был довериться Генри; Генри должен был довериться робопчеле. На развилке Гэнси съехал с магистрали. Не наблюдалось никакого признака воронов: вокруг только обычная ночь Вирджинии. Он почувствовал себя странно, когда осознал, где они находились – возле Делоплейна, теперь уже довольно далеко от Генриетты. Это был мир старых денег, лошадиных ферм, политиков и миллиардеров шинных компаний. Это не место архаичной дикой магии. Днём оно раскрылось бы как место благородного очарования, место, так долго любимое и возделываемое, что было невозможно вообразить его потерявшим над собой власть.

— Теперь куда? — спросил Гэнси. Они ехали в никуда, в заурядность, в жизнь, которую Гэнси уже проживал.

Генри ответил не сразу, склонив голову над телефоном. Гэнси хотел втопить педаль газа в пол, но, если они выбрали неверный путь, в этом не было смысла.

— Генри.

— Прости, прости. Понял! Гони, сверни направо, когда сможешь.

Гэнси выполнил указания с такой оперативностью, что Генри положил руку на потолок, чтобы удержаться.

— Круто! — выдал Генри. — А ещё класс.

А потом вдруг снова возникли вороны, стая кувыркалась и преобразовывалась над верхней границей леса, идеально чёрная на фоне тёмно-фиолетового неба. Генри ударил по потолку в молчаливом триумфе. Фискер выехал на широкую, четырёхполосную трассу, пустую в обоих направлениях. Гэнси только начал снова разгоняться, когда вороны закружили птичьим торнадо, поднимаясь в полёте невидимым восходящим потоком, резко меняя линию поведения. Фары Фискера отыскивали в конце дороги вывеску частной недвижимости.

— Туда. Туда! — произнёс Генри. — Стой!

Он был прав. Птицы появились на подъездной дорожке к дому. Гэнси уже подорвался туда. Он изучил вид впереди, поблизости не было ни одного разворота. Он не потеряет птиц. Он их не потеряет. Опустив окно, Гэнси высунул голову наружу, чтобы убедиться, что ночная трасса позади была всё ещё тёмной, затем дал задний ход, коробка передач заскулила от возбуждения.

— Нормуль, — сказал Генри.

Фискер поднялся на крутую подъездную дорожку. Гэнси даже не затормозил, так как не считал, что кто-то может быть дома. Было поздно, он был странным и запоминающимся в таком роскошном автомобиле, и здесь был частный уголок старомодного мира. Это не имело значения. Он бы придумал, что сказать собственникам, если бы до этого дошло. Он бы не оставил воронов. Не в этот раз.

Фары осветили запущенное великолепие: огромные зубы ландшафтных камней, выстилающих подъездную дорожку, между ними росла трава; дощатый забор в четыре болтающихся доски; асфальт треснул и изрыгал мёртвые сорняки.

Ощущение, что время ускользало, теперь стало даже сильнее. Он был здесь раньше. Делал это или проживал раньше эту жизнь.

— Это место, чувак, — произнёс Генри, вытягивая шею, стараясь всё разглядеть. — Это ж музей.

Подъездная дорожка поднималась, пока не становилась выше границы леса и не достигала гребня. В конце дороги находился огромный круг, а за ним маячил тёмный дом. Нет, не дом. Гэнси, который вырос в замке, узнал замок, как только увидел. Этот был намного больше, чем нынешний дом его родителей, украшен колоннами, кровельным настилом, портиками и оранжереями, просторное образование из кирпича и сливок. Однако в отличие от дома его родителей древесина этого замка заросла высокой сорной акацией, а плющ заполз на кирпичную ограду лестницы, ведущей к парадной двери. Кусты роз вымахали неровными и безобразными.

— Не очень привлекательный видок, — подметил Генри. — Немного требует ремонта. Хотя было бы неплохо проводить на крыше зомби-вечеринки, йоу.

Пока Фискер медленно тащился по кругу, вороны наблюдали за ними с крыши и с ограды настила. Ощущение дежавю ворвалось в разум Гэнси, как когда он смотрел на Ноа и видел и живую, и мёртвую его версии.

Гэнси задумчиво коснулся своей нижней губы.

— Я бывал здесь.

Генри смотрел на воронов, которые неподвижно глядели в ответ. Ожидая.

— Когда?

— Я здесь умер.

Глава 52

Еще до того, как заснуть, Ронан знал, что находиться в Энергетическом пузыре будет невыносимо, но не осознавал насколько.

Это ухудшение невозможно было увидеть глазами, оно было на уровне эмоций. Демон по-прежнему работал над деревьями, землёй и небом, но также он разрушал и чувства леса, вещи, которые делали грёзу грёзой, даже если она не обладала каким-то чётким описанием. Теперь каждый виноватый вздох пропитывался подобием лжи. Это было сродни уханью желудка вниз, после обнаружения тела. Это было похоже на грызущее чувство подозрительности, с которым вы распрощались, потому что у вас и без того огромная проблема, и лучше бы вам было бы вообще умереть. Это был стыд вожеления того, что нельзя; это был гадкий трепет почти мертвеца. Это было всё вместе разом.

Прежде кошмары Ронана были чем-то одним или двумя из выше перечисленного. Крайне редко всё сразу. Такое бывало раньше, когда они хотели его убить.

Разница заключалась в том, что он тогда был одинок. Теперь же в мире бодрствования его поддерживали Мора и Кайла — Кайла, сидя на капоте его машины, а Мора — на заднем сидении. Он мог чувствовать их энергию, которая была будто руками, обхватившими его голову и блокирующими все ужасные звуки. И у него был разум Адама, здесь, в грёзах. В реальном мире тот снова впал в транс на пассажирском сидении, и в этот раз он стоял в разрушенном лесу, ссутулившись, с неуверенным лицом.

Ну нет. Ронану нужно было признаться самому себе, что, хотя они и упрощали всё, не существовало никакой разницы между его старыми ночными кошмарами и этим. Настоящая разница заключалась лишь в том, что тогда ночные кошмары хотели его смерти, и Ронан тоже её хотел.

Он осмотрелся в поисках безопасного места, места, где его творение могло бы спокойно, беспрепятственно развиваться. Такого места не существовало. Единственным, что осталось неиспорченным во сне, были Адам и он сам.

Значит, ему придётся полагаться на себя. Ронан прижал ладони друг к другу, представляя, как там формируется крошечный огненный шар. Демону было всё равно. Его уши уловили вздох. Несомненно, принадлежащий его отцу. Несомненно, преисполненный боли. Боли человека, умирающего в одиночестве.

«Твоя вина».

Ронан оттолкнул это. Он продолжал думать об искрящейся крохе, которую сооружал, чтобы найти Гэнси. Он представлял её вес, размер, структуру миниатюрных крыльев.

— Неужели ты думаешь, что я ради тебя здесь останусь? — холодно и отстранённо прошептал Адам ему в другое ухо.

Настоящий Адам стоял, повернув голову в сторону, в то время как неразумное факсимиле отца кричало ему в лицо, тембр его голоса до жути идеально походил на настоящий голос Роберта Пэрриша. Губы Адама исказились в фирменную линию, которая демонстрировала больше упрямства, нежели страха. Он неделями медленно высвобождал себя от пут настоящего отца; этому двойнику сопротивляться легче.

Жить можно.

«Я не прошу его остаться, — подумал Ронан. — Только вернуться». Ему безумно хотелось проверить, был ли объект в его руках тем, чем был задуман, но он чувствовал, как сильно демон жаждал изувечить этот предмет, извратить его, наградить противоположным предназначением, изуродовать. Сейчас лучше не держать его на виду, полагаясь только на то, что он создает нечто позитивное. Ему придётся держаться за представление, для чего предназначался этот объект, когда он будет принесён в реальную жизнь, а не за представление демона о том, чему бы мог послужить этот объект, когда будет принесён в реальную жизнь.

Что-то царапало шею Ронана. Ненавязчиво, безобидно, неоднократно, упорно, пока не проложило себе дорогу через верхний слой его кожи и не обнаружило кровь.

Ронан это проигнорировал, он чувствовал, как объект оживал в его пальцах.

Сон разбрызгал тело перед ним. Чёрное и порванное, изломанное и испорченное. Гэнси. Глаза ещё живы, губы двигаются. Разрушенный и беспомощный. Коготь одного из ночных кошмаров Ронана всё ещё цеплялся за угол рта, продырявив щеку насквозь.

Бессильный.

Нет. Ронан так не думал. Он чувствовал, как грёза трепетала в его ладонях.

Адам встретился взглядом с Ронаном, несмотря на то, что копия его отца продолжала орать на сына. Что бы за напряжение энергетического баланса он ни создавал, это отражалось на его лице.

— Готов?

Ронан надеялся, что да. Правда в том, что они действительно не узнают, кто выиграет этот раунд, пока не откроют глаза в БМВ.

— Буди меня, — велел он.

Глава 53

Гэнси уже бывал здесь семь с небольшим лет назад. Кое-что изменилось. Невероятно, но это был ещё один благотворительный вечер Конгресса. Гэнси вспомнил, как был взволнован тем, что он туда идёт. Вашингтон, округ Колумбия, летом был

удушающим и тесным, и его жители превращались в заложников с мешками на головах. Хотя Гэнси только что вернулся из заграничной поездки, где посещал монетный двор в Пенджабе (политическая поездка, цель которой так и осталась для него загадкой), путешествия заставляли юного Гэнси чувствовать себя более беспокойным. Только задний двор их Джорджтаунского дома был заполнен от стены до стены цветами старше Гэнси, и ему было запрещено ходить туда в летнее время, ведь там дремлют пчелы. И хотя его родители брали Гэнси на выставки антиквариата и в музеи, лошадиные скачки и шумные сборища художников, ноги Гэнси стали зудеть только сильнее. Он смотрел на все эти вещи. Он чувствовал себя жадным до новых диковинок и чудес, до того, чего раньше никогда не видел и не мог понять. Он хотел пуститься в дорогу.

Так что, хотя он не был в восторге от идеи политики, он был в восторге от идеи поездки.

— Будет весело, — сказал тогда его отец. — Там будут и другие дети.

— Дети Мартин, — добавила мать, и его родители обменялись пренебрежительными смешками, значение которых было известно только им двоим.

Гэнси потребовалось время, чтобы понять, что они предлагали ему эту новость в качестве стимула, а не просто как факт, например, перемены погоды. Гэнси никогда не находил детей веселыми, включая ребёнка, которым был сам. Он всегда смотрел в будущее, где мог бы изменить свой адрес по собственному желанию.

Теперь, несколько лет спустя, Гэнси стоял на опутанной плюшем лестнице и взирал на дверную табличку. «ГРИН ХАУС», — гласила она. — ИСТ.1824». При ближайшем рассмотрении было трудно сказать, почему дом выглядел гротескным, а не просто неопрятным. Присутствие воронов на каждой горизонтальной поверхности здания не вредило. Он толкнул входную дверь — заперто. Нажал на функцию «фонарик» на сотовом и заглянул в боковые окна, пытаясь разглядеть, что внутри. Он не знал, что искал. Осознавал, что поймёт, как только увидит. Возможно. Возможно, задняя дверь была незаперта, или окно могло оказаться открытым. Хотя не было никакой конкретной причины, почему интерьер заброшенного дома должен был хранить какой-нибудь секрет, имеющий отношение к Гэнси, часть его, которая была хороша в поисках шуток, тихонько постучалась в стекло, желая попасть внутрь.

— Взгляни на это, — окликнул его Генри с расстояния нескольких ярдов. Его голос был театрально удивлён. — Я обнаружил, что в какой-то момент в боковую дверь вломился корейский вандал-подросток.

Гэнси пришлось пробираться через клумбу мёртвых лилий, чтобы присоединиться к нему возле реже используемого бокового входа. Генри закончил с уборкой битого стекла из окошка, чтобы просунуть руку и открыть замок.

— Современная молодежь. «Ченг» не корейская же фамилия, не так ли?

— Мой отец — не кореец, — сказал Генри. — А я — да. Я получил это вместе с вандализмом от матери. Давай войдём, Дик, я же уже вломился.

Однако Гэнси колебался.

— Ты следил за мной с помощью Робопчелы.

— По-дружески. Это был дружественный жест.

Он, похоже, очень хотел, чтобы Гэнси поверил в чистоту его намерений, поэтому Гэнси быстро признался:

— Я это знаю. Просто... мне не встречались люди, которые бы так же, как я, заводили друзей. Так... быстро.

Генри изобразил дьявольские рожки.

— Джонг, бро.

— Что это значит?

— Кто его знает, — ответил Генри. — Это означает быть Генри. Это означает быть Ричардмэном. Джонг. Ты никогда так не говоришь, но так живёшь. Буду честным, я не ожидал найти такого парня как ты. Словно мы уже раньше встречались. Нет, не совсем.

Словно мы когда-то дружили, и мы сразу же делали друг для друга то, что сделали бы друзья. Не просто приятели. Друзья. Кровные братья. Просто чувствуешь это. «Мы» вместо «ты и я». Вот что такое джонг.

Гэнси же на определённом уровне знал, что это описание было нарочитым, преувеличенным, нелогичным. Но на более глубоком уровне он чувствовал, что это правда, и что ему это знакомо, и именно так можно было бы объяснить бо́льшую часть жизни Гэнси. Вот что он чувствовал по отношению к Ронану, Адаму, Ноа и Блу. Оказавшись рядом с кем-нибудь из них, он тут же ощущал облегчение. Он решил, что, в конце концов, он нашёл их. «Мы» вместо «ты и я».

— Хорошо, — согласился он.

Генри лучезарно улыбнулся, а потом открыл дверь, которую только что взломал.

— Итак, что мы ищем?

— Точно не знаю, — сознался Гэнси. Его пленил знакомый запах этого дома: что бы это ни было, оно заставляло пахнуть так всё колониальное старьё. Наверное, плесенью, самшитом и старой мастикой для пола. Он был поражён, но не определённым воспоминанием, а, скорее, беззаботностью эпохи. — Что-то необычное, полагаю. Думаю, это будет очевидно.

— Мы должны разделить, или это фильм ужасов?

— Кричи, если что-то начнёт тебя есть, — сказал Гэнси, обрадовавшись предложению Генри разделить. Он хотел побыть наедине со своими мыслями. Он выключил свой фонарик, в то время как Генри зажёл свой. Генри посмотрел на него так, будто собирался спросить, зачем он это сделал, на что Гэнси вынужден был бы ответить: «Чтобы обострить свои инстинкты». Но Генри лишь едва пожал плечами, и они разошлись.

Гэнси в тишине бродил по полутёмным коридорам Грин Хауса. Призраки следовали за ним по пятам. Здесь когда-то был сервант, фортепиано, группа стажёров, будущих политиков, казавшихся тогда такими искушёнными. Он встал в самом центре того, что когда-то было залом. Включившийся свет снаружи, когда Гэнси прошёл вглубь комнаты, напугал его. Дальняя стена зияла широкой зловещей чёрной пастью уродливого камина. На подоконниках валялись мёртвые мухи. У Гэнси возникло чувство, будто он остался последним живым человеком на земле.

Когда-то это помещение казалось огромным. Если бы он сощурился, то смог бы всё ещё увидеть ту вечеринку. Она всегда проводилась в определённое время. Если бы здесь был Энергетический пузырь, возможно, он бы переиграл ту вечеринку заново, перепрыгнув во времени, чтобы пересмотреть её. Эта мысль была одновременно тоскливой и неприятной: он был тогда младше и проще, не скованный никакими обязательствами или мудростью. Но он столько всего сделал между сейчас и тогда. И мысль, чтобы пережить это снова, опять извлекая тяжкие уроки, чтобы наверняка встретить Ронана и Адама, Ноа и Блу... утомляла и действовала на нервы.

Отставив зал, он прошёл по коридорам, подныривая под руки, которых здесь давно не было, извиняясь, когда оказывался посреди давно минувших разговоров. Там было шампанское, там была музыка, там был вездесущий аромат одеколона. «Как ты, Дик?» Он был в порядке, хорошо, первоклассно. Это были единственно возможные ответы на этот вопрос. Над ним всегда сияло солнце.

Он вышел на крыльцо и взглянул на чёрный ноябрь. Истрёпанная трава казалась серой в двигающемся свете; обнажённые деревья — чёрными; небо — тоскливо-пурпурным из-за грозно возвышающегося вдалеке Вашингтона. Всё было мертво.

Неужели он всё ещё знал тех детей, с кем играл на той вечеринке? В прятки: он спрятался так хорошо, что умер, и даже когда воскрес, был всё ещё скрыт от них. Он случайно наткнулся на другую дорогу.

Он толкнул дверь-ширму и ступил на влажную мёртвую траву заднего двора. Вечеринка тогда проходила и здесь, дети постарше тщетно пытались играть в крокет, спотыкаясь о воротца.

Серый фонарик, уже включенный Гэнси, осветил задний двор. Он пересёк газон, подойдя к кромке деревьев. Свет с крыльца добрался и сюда и проник дальше, чем Гэнси ожидал. Лес был не таким бурным, как он запомнил, хотя и не мог решить, было ли это от того, что он стал старше и уже исходил много лесов, или причиной тому было время года. Сейчас это место не походило на то, где можно было бы спрятаться.

Когда Гэнси уехал в Уэльс на поиски Глендовера, он стоял на краю многих таких мест, как это, мест, где велись бои. Он пытался представить, на что это похоже, находиться там в тот момент с мечом в руке, с лошастью под собой, вокруг потные и истекающие кровью люди. Каково быть Оуэном Глендовером, человеком, который знал, что они дрались, потому что он призвал их?

В то время как Мэлори без дела слонялся по дороге или возле машины, Гэнси уходил на середину поля, настолько далеко, насколько нужно было, чтобы отгородиться от всего современного. Он закрывал глаза, отключался от шума далёких самолётов, старался услышать звуки шестивековой давности. Более юная версия его питала крохотную надежду, что его могут посетить духи, что поле могут посетить духи: что он откроет глаза и увидит нечто такое, чего прежде не заметил.

Но у него не было ни малейших экстрасенсорных способностей, и минута, которая начиналась с одинокого Гэнси на поле боя, заканчивалась одиноким Гэнси на поле боя.

И вот он постоял на границе леса Вирджинии, возможно, минуту, пока не почувствовал себя странно, словно у него задрожали ноги, хотя это было и не так. А потом вошёл в лес.

Голые ветви над головой трещали на ветру, но листья под его ногами были влажными и безмолвствующими.

Семь лет назад он наступил здесь на шершней. Семь лет назад он умер. Семь лет назад он родился заново.

Он был тогда так напуган.

Зачем его вернули?

Сучки поймали его свитер за рукава. Он всё ещё не был на том месте, где всё случилось. Он сказал себе, что гнезда там больше нет; упавшее дерево, возле которого у него случился анафилактический шок, наверное, сгнило; оно было слишком тёмным в этом призрачном свете; он его не узнает.

Но узнал.

Дерево не сгнило. Оно не изменилось, осталось таким же крепким, разве что кора почернела от влажности и темноты ночи.

Вот где он почувствовал первое жало. Гэнси протянул руку, потрясённо, с любопытством изучая тыльную сторону своей ладони. И сделал ещё один неуверенный шаг. Здесь он ощутил их сзади шеи, нечто крадущиеся вдоль линии волос. Он не шлёпнул себя ладонью по тому месту, это никогда не помогало их смахнуть. Однако его пальцы всё-таки дёрнулись вверх в знак сопротивления.

Он сделал ещё один неуверенный шаг. Остался фут от того старого неизменившегося чёрного дерева. О которое Гэнси давным-давно споткнулся. Они ползали по его лицу, по векам, по дрожащим губам.

Он не побежал тогда. Да и, в любом случае, от них нельзя было бы убежать, оружие уже сделало своё дело. Ему вспомнилось, как он тогда подумал, что только испортит вечеринку, если появится, облепленный шершнями.

Он всего на мгновение опёрся на ладони, а потом перекатился на локоть. Яд разрушал его вены. Он лежал на боку. Сжался в комок. Мокрые листья прижимались к щеке, пока каждая его часть, казалось, задышалась. Он дрожал и угасал, ему было страшно, очень страшно.

«Почему? — гадал он. — Почему я? Какова цель?»

Он открыл глаза.

Он стоял, сжав руки в кулаки, и глядел на место, где всё случилось. Его, должно быть, спасли, чтобы найти Глендоваера. Его, должно быть, спасли, чтобы убить этого демона.

— Дик! Гэнси! Дик! Гэнси! — окликнул его Генри через двор. — Ты захочешь это увидеть.

Глава 54

Под домом находилось начало пещеры. Небольшая надземная расщелина, как та, в которую они вошли в Энергетическом пузыре. И не такая укрытая дыра в земле, как та, которую они использовали, чтобы зайти в грот, где была захоронена Гвенллиан. Это была влажная, широко открытая пасть прохода, обвалившиеся склоны грязи простирались по бетонным костям и кусочкам мебели, земля раскололась, и часть подвала упала в образовавшуюся яму. Её свежесть заставила Гэнси настороженно заподозрить, что она открылась, как результат его приказа, отданного Чейнсо на Фокс Вей.

Он просил увидеть Короля-Ворона. Ему показали путь к Королю-Ворону, и неважно, что земля должна была переместиться, чтобы заставить это произойти.

— Здесь чертовски требуется ремонт, — произнёс Генри, потому что кто-то должен был это сказать. — Кажется, по возможности хозяевам надо освежить подвал, если они хотят хорошо тут всё продать. Паркетные полы, обновить дверные ручки, может, вернуть сюда стену.

Гэнси присоединился к нему на краю пропасти и заглянул туда. Оба светили в яму телефонами. В отличие от свежей раны прохода, пещера внизу выглядела потёртой, сухой и пыльной, как будто она всегда существовала под домом. В ответ на его обращение был создан только вход.

Гэнси посмотрел в окно на припаркованный напротив Фискер, мысленно расставляя на прямой себя, шоссе, Генриетту и энергетическую линию. Конечно, он уже знал, что дом располагался на энергетической линии. Разве ему не сказали в самом начале, что он пережил свою смерть на энергетической линии только потому, что кто-то ещё где-то на ней умирал?

Он задался вопросом: был ли какой-нибудь способ попроще добраться до этой пещеры? Существовал ли где-то на энергетической линии другой естественный вход в неё, или она так долго ждала, чтобы он велел ей показаться?

— Ну, — в итоге вздохнул Гэнси. — Я пойду внутрь.

Генри засмеялся, а потом осознал, что тот говорил серьёзно.

— Разве ты не должен иметь при себе шлем и слугу для подобных экспедиций?

— Возможно. Но не думаю, что у меня есть время вернуться в Генриетту за амуницией. Мне просто нужно будет двигаться медленно.

Он не попросил Генри пойти вместе с ним, потому что не хотел, чтобы Генри почувствовал себя плохо, когда откажется. Он не хотел, чтобы Генри ощутил, будто Гэнси вообще ожидал, что Генри сделает подобное вместе с ним, словно он заберётся в яму в земле, когда единственным, чего Генри действительно боялся, были ямы в земле.

Гэнси снял часы и положил их в карман, чтобы они не цеплялись ни за что, если ему придётся карабкаться. Затем он подвернул брюки и ещё раз оглядел вход в пещеру. Было не страшно спускаться вниз, но он хотел быть уверенным, что сможет оттуда выбраться, если вернётся, а никого тут не будет, кто бы оказал помощь. Нахмурившись, он сходил за одним из стульев, который не сломался при крушении. Опустил его в темноту; чтобы это дало ему несколько дополнительных футов, если придётся выкарабкиваться обратно.

Генри наблюдал за всем этим, а потом сказал:

— Подожди. Ты же выбросишь своё милое пальто, белый человек. Возьми. - Он стянул с себя аглионбайский свитер и предложил Гэнси.

— Ну, ты буквально отдаёшь мне рубашку со своего плеча, — обменяв его на своё пальто, произнёс Гэнси. Он был благодарен. Он поднял взгляд на Генри: — Увидимся на другой стороне. Всё выше и выше¹.

Глава 55

Когда Гэнси прошёл через тоннель, он ощутил, как что-то вроде безумной радости и печали поднимается внутри него всё выше и выше. Вокруг не было ничего, кроме безликой каменной тропы, но всё же он не мог избавиться от чувства, будто всё правильно. Он представлял себе этот момент столько раз, и теперь тот наступил, Гэнси не мог припомнить разницу между тем, какой воображал себе эту ситуацию, и тем, с чем он столкнулся на самом деле. Не было несоответствия между ожиданиями и реальностью, как всегда ощущалось до этого. Он намеревался найти Глендовера, и сейчас он находил Глендовера.

Радость и печаль были слишком велики, чтобы вмещаться в его тело.

К нему снова пришло ощущение, что время ускользало. Здесь, внизу, это было осязаемо, как вода, несущаяся над его мыслями. Его посетила идея, что не только время проносилось вокруг, но и расстояние. Вполне возможно, этот тоннель изгибался и вёл его в совершенно иное место на энергетической линии. Пока шёл, он следил за батареей мобильного; она быстро истощалась из-за включенного фонарика. Каждый раз, когда он смотрел на экран, время менялось каким-то невероятным образом: иногда двигалось вперёд раза в два быстрее, иногда прыгало в обратную сторону, иногда задерживалось на одной и той же минуте на четыре сотни шагов. Порой экран мигал и полностью гас, увлекая за собой и фонарь, оставляя Гэнси на секунду в темноте, на две секунды, на четыре.

Он не был уверен, что будет делать, когда останется в темноте. Во время предыдущих миссий в пещерах он уже убедился, что очень легко упасть в отверстие, даже с фонариком. Даже несмотря на то, что пещера представляла собой больше коридор, чем грот, нельзя было определить, где она заканчивалась.

Ему нечему было доверять, кроме вóронов и чувства правильности происходящего. Все его шаги несомненно вели его к этому моменту.

Гэнси должен был верить, что свет не пропадёт, пока он не дойдёт туда, куда нужно. Это была та ночь, это был тот час; всё это время ему полагалось остаться в одиночестве.

Так что он шёл и шёл, а его батарея мерцала в большую и в меньшую сторону. Больше в меньшую.

Когда осталась только красная предупреждающая полоска, он замешкался. Он мог бы сейчас повернуть назад, и ещё ненадолго бы ему хватило света. Остальной путь пришлось бы проделать в темноте, но, по крайней мере, было известно, что по пути сюда не обнаружилось никаких ловушек. Или он мог бы продолжить идти вперёд, пока не исчезнет последний лучик света, надеясь что-нибудь найти. Надеясь, что ему свет не понадобится, как только он доберётся туда, куда направляется.

— Господи, — выдохнул вслух Гэнси. Он был книгой и открывал последние страницы, и он хотел добраться до финала и узнать, как всё пройдёт, но не желал, чтобы всё заканчивалось.

Он продолжил путь.

Немного позже свет погас. Его телефон умер. Он остался в кромешной темноте.

Теперь, когда он стоял на месте, он понял, что ещё было зябко. Холодная капля воды упала ему на макушку, а другая проскользнула за воротник рубашки. Он

¹ Excelsior – официальный девиз штата Нью-Йорк.

почувствовал, как плечи заимствованного у Генри свитера промокали. Темнота была чем-то существенным, она давила на него.

Он не мог решить, что делать. Устремиться вперёд дюйм за дюймом? Сейчас, когда он находился в абсолютной темноте, он хорошо помнил чувство, когда у тебя крадут почву из-под ног, которое испытал в пещере вóронов. Здесь не было ни страховочного каната, который бы его поймал. Ни Адама, который удержал бы от дальнейшего падения. Ни Ронана, который сказал бы, что гудящий рой, это не осы, а вóроны. Ни Блу, которая бы шептала ему, пока он снова бы не стал достаточно храбрым, чтобы спастись.

Тьма была не только в тоннеле, она оказалась внутри него.

— Ты не хочешь, чтобы я тебя нашёл? — прошептал он. — Ты здесь?

Тоннель остался тих, раздался разве что слабый шлепок воды, капающей с потолка на каменный пол.

Им завладел страх. Страх, когда это касалось Гэнси, приобретал очень специфическую форму. И, в отличие от ямы под Борден Хаусом, в таком месте страх имел силу.

Он осознал, что тоннель больше не был тих. На расстоянии уже начал формироваться звук: чрезвычайно знакомый звук.

Рой.

Это было не путешествие одинокого насекомого ниже по коридору. Не робопчела. Это был вибрирующий вой сотен тел, отражающийся от стен при их приближении.

И даже несмотря на тёмный тоннель, Гэнси ощущал тьму, что сочилась из дерева в Энергетическом пузыре.

Гэнси мог видеть, как вся история раскинулась в его голове. Он был спасён от смерти после укусов немногим более семи лет назад, когда умер Ноа. А теперь, так как дух Ноа разлагался, Гэнси бы снова умер от укуса. Возможно, не было никогда у всех событий другой цели, кроме как возврата к статусу кво.

Гул приближался. Теперь зазоры в жужжании оттенялись почти не слышными шлепками, насекомые рикошетили сквозь темноту по направлению к нему.

Он помнил, что сказал Генри, когда положил пчелу в ладонь Гэнси. Он говорил не думать о ней, как о чём-то, что может его убить, а скорее как о чём-то прекрасном.

Он мог так сделать. Он думал, что мог так сделать.

«Что-то прекрасное, — повторял он себе. — Что-то замечательное».

Жужжащий гул-шлепок-гул от стен приближался к нему. Он стал отвратительно громким.

Они были тут.

— Что-то, что мне не навредит, — вслух произнёс он.

В его глазах всё покраснело, затем почернело.

Покраснело, затем почернело.

Потом только почернело.

— Листья, — раздался полный умысла голос Ронана Линча.

— Пыль, — подхватил Адам Пэрриш.

— Ветер, — сказала Блу Сарджент.

— Дерьмо, — добавил Генри Ченг.

Свет исполосовал Гэнси и ушёл в сторону, в глазах покраснело и снова почернело. Фонарь.

При первом освещении Гэнси решил, что стены трепетали от шершней, но при втором он увидел, что там были только листья, пыль и лёгкий ветерок, который заставлял их бежать вниз по тоннелю. А в этом новом свете Гэнси обнаружил своих друзей, дрожащих в тоннеле, где были листья.

— Ты безмозглый засранец, — объявил Ронан. Его рубашка выглядела очень неопрятной, а на лице сбоку засохла кровь, хотя невозможно было определить, принадлежала ли она ему.

Гэнси не смог сразу обрести дар речи, а когда умудрился, то произнёс:

— Я думал, ты остался.

— Ага, я тоже, — ответил Генри. — А потом я подумал: «Я не могу позволить Гэнси Третьему бродить по таинственной яме в одиночку». У нас в запасе имеется несколько таких старых сокровищ; было бы так безответственно дать им разрушиться. Плюс, кто-то должен был привести остальную часть твоего двора.

— Почему ты ушёл один? — спросила Блу. Она обняла его, и он ощутил её дрожь.

— Я пытался быть героем, — признался Гэнси, крепко её сжимая. Она была реальной. Они все были реальными. Они все пришли сюда за ним посреди ночи. Полнота его шока указала, что даже часть его в действительности не полагала, что они бы сделали что-то подобное ради него. — Ребята, я не хотел, чтобы вы больше страдали.

Адам выдал:

— Ты безмозглый засранец.

Они беспокойно, неловко засмеялись, потому что им это было нужно. Гэнси прижался щекой к макушке Блу.

— Как вы меня нашли?

— Ронан чуть не умер, создавая что-нибудь, чтобы выследить тебя, — сказал Адам. Он указал, и Ронан открыл ладонь, где удобно устроился светлячок. В тот момент, когда его пальцы перестали служить клеткой, светлячок перелетел к Гэнси и уткнулся тому в свитер.

Гэнси осторожно вытащил его из ткани и бережно удержал в собственной руке. Он взглянул на Ронана. Он не сказал: "Я сожалею". Хотя сожалел, и Ронан это знал. Вместо этого он поинтересовался:

— Что теперь?

— Скажи мне попросить робопчелу найти твоего короля, — тут же ответил Генри.

Но Гэнси умел приказывать только магии и никогда не умел приказывать людям. Не так Гэнси велели кому-нибудь что-нибудь делать. Они просили и надеялись. Делали другим и молча надеялись, что те сделали бы что-то для них.

Они пришли сюда ради него. Они пришли сюда ради него.

Они пришли сюда ради него.

— Пожалуйста, — произнёс Гэнси. — Пожалуйста, помоги мне.

Генри подобрал пчелу в воздух.

— Я уж думал, ты никогда не попросишь.

Глава 56

Гэнси не знал наверняка, сколько они прошли, прежде чем он, в итоге, нашёл его.

Вот как это выглядело в конце: каменная дверь с вырезанными на ней вóронами и пчела из грёз, ползающая по плющу. Тоннель позади них вёл к дому из немагической юности Гэнси, не к лесу из удивительного настоящего Гэнси. Всё совершенно не походило на то, как он себе это представлял.

Это казалось очень правильным.

Он стоял перед орнаментом, чувствуя, как время вокруг ускользает, ощущая свою неподвижность в его стремительном море.

— Вы чувствуете это? — спросил он остальных. «Или это чувствую только я?»

— Подойди ближе с фонариком, — попросила Блу.

Генри отстал. Он был новичком в таком поиске, поэтому вежливо ждал. Вместо того, чтобы толпиться с ними, он просто вручил ей фонарик. Блу поднесла свет близко к камню, освещая мельчайшие детали. В отличие от предыдущей найденной ими гробницы, на которой было вырезано подобие рыцаря, на этой изображались вóроны над вóронами. Предыдущую обнаруженную могилу Ронан пнул, но с этой они обращались бережно. Адам смотрел на неё издали, сцепив будто замёрзшие руки. Гэнси потянулся за

сотовым, чтобы сделать обычное фото для своего архива, а потом вспомнил, что тот мёртв, и задумался, был ли в этом смысл, если это, и правда, могила Глендоваера.

Нет. Это мгновение принадлежит только ему, не широкой общественности.

Он опустил руку на дверь, прижав растопыренные пальцы, исследуя поверхность. Дверь слегка качнулась, давая понять, что открыть её будет просто.

— Без шансов же, что этот парень — зло, да? — поинтересовался Генри. — Я слишком молод, чтобы умирать. Очень, очень молод.

У Гэнси было достаточно времени за семь лет, чтобы рассмотреть все возможные варианты для короля за этой дверью. Он прочёл достаточно описаний жизни Глендоваера, чтобы знать, что Глендоваер мог быть как героем, так и негодяем, в зависимости от того, с какой стороны на него взглянуть. Он уже вытащил дочь Глендоваера из могилы и обнаружил, что это свело её с ума. Он прочёл легенды, обещавшие милость, и легенды, обещавшие смерть. В каких-то из них Глендоваер был одинок, в других его окружали десятки спящих рыцарей, которые проснутся вместе с ним.

В некоторых историях — в их истории — был демон.

— Ченг, можешь подождать снаружи, если боишься, — бросил Ронан, но его удаль была такой же тонкой, как паутина, и Генри смахнул её так же легко, как и всё остальное.

Гэнси произнёс:

— Я не могу гарантировать ничего относительно того, что находится по ту сторону. Мы все согласились, что милостью будет убить демона, верно?

Да, они согласились.

Гэнси надавил руками на мертвенно-холодный камень. Тот легко сдвинулся под напором, какой-то мудрёный механизм позволил камню повернуться. Гэнси подумал, что, возможно, это был и не механизм вовсе. Может, какая-та нагретая штука, нечто причудливое, не следующее законам физики.

Фонарик осветил убранство гробницы.

Гэнси вошёл внутрь.

Стены гробницы Гвенллиан были богато расписаны, птицы над птицами, преследующие ещё птиц, в красных и синих невыгоревших от света цветах. На самих стенах висели доспехи и мечи, в ожидании, когда же спящие будут разбужены. Гроб был поставлен на постамент и украшен замысловатой резьбой на крышке, изображавшей Глендоваера. Вся гробница соответствовала королевской семье.

Эта гробница, напротив, была обыкновенной комнатой.

Потолок был низким, высеченным из скалы: Гэнси пришлось немного наклониться; Ронану пришлось сильно наклониться. Стены были голым камнем. Лучик фонарика обнаружил широкую тёмную миску на полу, а в ней стояла еще более тёмная сфера. Гэнси уже знал достаточно, чтобы распознать гадальный шар. Блу провела фонариком дальше. В центре помещения находилась квадратная плита; на ней лежал рыцарь в доспехах; непогребённый и неприкрытый. В левой руке он держал меч, в правой — кубок.

Это был Глендоваер.

Гэнси видел это мгновение.

Время ещё более щедро ускользало вокруг него. Он ощущал вихри вокруг лодыжек, утяжеляющие ноги. Никакого шума. Нечему было шуметь, за исключением пяти бдительных подростков в комнате.

Он не чувствовал себя особенно настоящим.

— Гэнси, — прошептал Адам. Помещение поглотило звук.

Свет фонарика Блу скользнул мимо человека в доспехах к полу за ним. Там было второе тело. Они все обменялись мрачными взглядами, прежде чем начать медленно подползать к нему. Гэнси был гипер осведомлён о скрипе своих подошв, и все как один замерли и бросили взгляд на дверь гробницы. В нормально мире было бы довольно просто уговорить себя не бояться, что дверь захлопнется. Но они уже давно не жили в нормальном мире.

Блу продолжала освещать тело фонариком. Они увидели сапоги, кости и фрагменты истлевшей одежды неопределённого цвета. Тело раскинулось, частично прислонившись к стене, склонив череп так, будто смотрело на собственные ноги.

«Что я делаю?» — подумал Гэнси.

— Может, они умерли, пытаюсь сделать то же самое, что и мы? — спросил Адам.

— Только если будить королей было такой забавой в давние времена, — ответил Генри, — потому что этот парень упакован средневековым оружием.

Гэнси и Ронан присели на колени возле костей. На тело был надет меч. Ну, надет — это громко сказано. Меч пронзал грудную клетку. Кончик оружия выразительно торчал из лопатки.

— Точнее, времён Глендовера, — сказал Гэнси, скорее для того, чтобы почувствовать себя больше самим собой.

Наступила тяжёлая тишина. Все смотрели на Гэнси. Казалось, он должен произнести речь перед толпой.

— Хорошо, — произнёс он. — Я делаю это.

— Только быстро, — предложила Блу. — Мне очень не по себе.

Вот он, этот момент. Гэнси приблизился к телу Глендовера, одетому в доспехи.

Его руки направились к шлему. Сердце колотилось так, что ему никак не удавалось перевести дыхание.

Гэнси закрыл глаза.

«Я готов».

Он аккуратно высвободил кожаный ремешок на подбородке из холодного металла, а потом осторожно снял шлем.

Адам жадно втянул воздух.

Гэнси не стал. Он вообще не мог дышать. Он просто стоял, застыв, сжимая в руках королевский шлем. Он говорил себе вдохнуть, но не вдыхал. Он говорил себе выдохнуть, но не выдыхал. Он не шевелился и не говорил.

Глендовер был мёртв.

Глава 57

Кости.

Прах.

— Это... это так он должен был выглядеть? — спросил Генри.

Гэнси не ответил.

Глендовер должен был выглядеть не так, и всё же это не ощущалось ложью. Всё этим днём чувствовалось так, будто было прожито ранее, нагрето, переделано. Сколько раз Гэнси боялся, что найдёт Глендовера, только чтобы обнаружить, что тот мёртв? Единственное, Гэнси всегда боялся, что найдёт Глендовера слишком поздно. На минуты, дни, месяцы после смерти. Но этот мужчина был мёртв веками. Шлем и череп оказались просто металлом и костями. Гамбезон¹ под кольчугой был нитками и прахом.

— Мы... — начал Адам и неуверенно остановился. Он положил руку на стену гробницы.

Гэнси прикрыл рот ладонью, ему казалось, его дыхание сметёт останки Глендовера прочь. Остальные всё ещё стояли в шоке. Ни у кого не было слов. Для него всё длилось дольше, но они были столь же обнадёженными.

— Мы должны пробудить кости? — спросила Блу. — Как скелеты в пещере костей?

Адам произнёс:

— Это то, что я собирался сказать, но...

¹ Гамбезон — длинная, набивная подоспешная одежда

Он снова затих, и Гэнси знал почему. Пещера костей была завалена скелетами, но ещё она была изначально наполнена жизнью. Магия и возможности потрескивали в воздухе. Идея пробудить те кости казалась невероятной, но не невозможной.

— У меня нет моего усилителя грёз, — заметил Ронан.

— Пробудить. Его. Кости, — эхом повторил Генри. — На самом деле, я не хочу тут выглядеть скептиком, так как вы все явно в таком эксперты, но...

Но.

Ронан сказал:

— Тогда давайте это сделаем. Давайте это сделаем быстро. Ненавижу это место. Кажется, оно съедает мою жизнь.

Такая горячность помогла Гэнси сфокусировать свои затуманенные мысли.

— Да, — согласился Гэнси, хотя не чувствовал даже отдалённой уверенности. — Давайте сделаем так. Возможно, пещера костей была пробной попыткой именно для этого, и поэтому Энергетический пузырь привёл нас сюда.

Кости в той пещере не остались живыми надолго, но он предполагал, это не имело значения. Им только нужно, чтобы Глендовер пробудился на такое время, какого бы хватило, чтобы одарить их милостью.

Сердце Гэнси запнулось от мысли о попытке вырвать и милость, и цель своего существования, прежде чем Глендовер обернётся прахом.

Лучше, чем ничего.

Итак, молодые люди попытались собраться, как делали в пещере костей, Генри стоял позади, любопытный и настороженный. Адам растопырил пальцы на стенах гробницы, чувствуя какое-то подобие энергии, которую можно было бы проецировать. Он двигался и двигался вокруг могилы, очевидно нерадостный от того, что обнаружил. В конце концов, он остановился там, откуда начал, и положил руку на стену.

— Здесь хорошо, как и в любом месте, — сообщил он, но не казался при этом полным надежд. Блу взяла его за руку. Ронан скрестил свои руки. Гэнси осторожно положил ладонь Глендоверу на грудь.

Всё казалось притворством. Чепухой. Гэнси попытался собраться со стремлениями, но чувствовал себя опустошённым. У него стучали колени, не от страха или гнева, а от какой-то более обширной эмоции, которую он отказывался признавать горем.

Горе означало, что он уже сдался.

— Пробудись, — сказал он. А затем опять, стараясь немного больше: — Пробудись.

Но это были просто слова.

— Пробудись, — снова повторил он.

Голос, и ничего больше. *Vox et praeterea nihil*¹.

Первый момент осознания уступал место второму и третьему, и каждая новая минута открывала перед ним некоторые аспекты, которые Гэнси не позволял себе пока обдумывать. Не будет никакого пробуждения Глендовера, так что не будет никакой милости. Нельзя будет вымолить жизнь Ноа, нельзя поторговаться против демона. С Глендовером, наверное, никогда не была связана магия; возможно, его труп доставили в Новый Свет, только чтобы похоронить вне досягаемости англичан; вероятно, Гэнси нужно уведомить об этой находке историческое общество, если бы она была обнаружена обычным способом. Если Глендовер всегда был мёртв, он не мог быть тем, кто оставил Гэнси в живых.

Если Глендовер не спасал жизнь Гэнси, то он не знал, кого благодарить, кем быть или как жить.

Никто ничего не говорил.

Гэнси коснулся черепа, провёл пальцем по скуле, по лицу своего обещанного и погубленного короля. Всё было сухим и серым.

¹ (лат.) Голос, и ничего больше.

Всё кончено.

Этот человек никогда не собирался чем-либо быть для Гэнси.

— Гэнси? — позвала Блу.

Каждая минута уступала место другой, а затем следующей, и медленно погружалась в его сердце вплоть до самого центра.

Всё кончено.

Глава 58

Гэнси уже и забыл, сколько раз ему говорили, что ему предначертано величие.

Это всё, что было?

Они вышли на солнце. Коварная энергетическая линия украла у них часы, а они даже не ощутили этого, и теперь они сидели в драном Грин Хаусе всего в нескольких сотнях ярдов от того места, где умер Гэнси. Он уселся в зале, прислонившись к стене, он весь поместился в квадрате солнечного света, проходящего сквозь грязные окна со многими стёклами. Он провёл рукой по лбу, хотя не устал – он был таким бодрым, что был уверен, энергетическая линия как-то тоже повлияла на это.

Всё кончено.

Глендовер мёртв.

«Предначертано величие», — говорили экстрасенсы. Один в Штудгарте. Один в Чикаго. Один в Гвадалахаре. Двое в Лондоне. Тогда где же оно? Может, он его уже истратил. Вероятно, величие всегда являлось только способностью находить исторические безделушки. Возможно, величие проявлялось лишь в том, чем он мог быть для других.

— Давайте убираться отсюда, — предложил Гэнси.

Они отправились назад в Генриетту, две машины следовали близко друг к другу.

Всего несколько минут потребовалось телефону Гэнси, чтобы восстановить заряд, после того, как его подключили к прикуривателю, и всего несколько секунд потребовалось сообщениям, чтобы на него посыпаться – все сообщения, которые приходили, пока они были под землёй. Жужжание сообщало о каждом; мобильный не переставал жужжать.

Они пропустили благотворительный вечер.

Энергетическая линия забрала у них не часы. Она отняла у них день.

Блу зачитывала ему сообщения, пока он не смог больше этого выносить. Они начинались с вежливого вопроса, подрулит ли он несколькими минутами позже. Блуждали в беспокойстве, размышляя, почему он не отвечает на телефон. Опускались до раздражения, не определившись, почему он полагал, что было уместно опаздывать на школьное торжество. А затем перепрыгивали на гнев и направлялись к обиде.

«Я знаю, что у тебя есть собственная жизнь, — произнесла его мать на голосовой почте. — Я просто надеялась стать её частью на несколько часов».

Гэнси чувствовал, как меч сквозь его рёбра выходит с другой стороны.

До этого он снова и снова проигрывал в голове неудачу в пробуждении Глендовера. Теперь же он не мог остановиться и не прокручивать картину, как его семья ожидает его в Аглионбае. Мать, думающая, что он просто припозднился. Отец считающий, что он ранен. Хелен... Хелен, знающая, что он занят чем-то для себя. Её единственное сообщение пришло под конец ночи: «Полагаю, король всегда будет побеждать, не так ли?»

Ему бы надо им позвонить. Но что он скажет?

Вина возростала в его груди, горле, за вёками.

— Знаешь что? — в итоге заявил Генри. — Останови. Вон там.

Гэнси молча приблизил Фискер к площадке для технических остановок, куда тот указал; БМВ последовал за ними. Они припарковались на соседних местах напротив

броского кирпичного здания, содержащего туалеты; их автомобили были там единственными. Солнце уступило место облакам; похоже, будет дождь.

— А теперь выметайся, — велел Генри.

Гэнси взглянул на него:

— Что, прости?

— Заглуши автомобиль, — пояснил Генри. — Я знаю, тебе это надо. Тебе это нужно с тех пор, как мы поехали. Выметайся.

Гэнси собрался было возразить, но обнаружил, что слова на языке казались довольно ненадёжными. Точно так же, как вибрация в коленях в гробнице; к нему подкрадывалась дрожь.

Поэтому он ничего не сказал и вышел. Очень тихо. Он думал отправиться в туалеты, но в последний момент свернул к месту для пикника рядом с площадкой для технических остановок. Вне поля зрения автомобилей. Очень спокойно. Он дошёл до одной из скамеек, но не сел на неё. Вместо этого он медленно опустился напротив и обхватил руками голову. Слегка склонившись, лбом коснулся травы.

Он бы не смог припомнить последний раз, когда плакал.

Он оплакивал не только Глендовера. Он оплакивал все версии Гэнси, которыми он был последние семь лет. Гэнси, который подгонял его своей молодостью и целеустремлённостью. И Гэнси, который подгонял его своим повышенным беспокойством. И именно того Гэнси, который должен был умереть. Потому что это имело своего рода роковой смысл. Чтобы спасти Ронана и Адама, требовалась смерть. Поцелуй Блу, как предполагалось, был смертелен для её настоящей любви. Смерть Гэнси в этом году была предсказана. Это он. Это всегда был он.

Глендовер был мёртв. Он всегда был мёртв.

А Гэнси вроде как хотел жить.

В конце концов, Гэнси услышал шаги, приближающиеся по листьям. Это тоже было ужасно. Он не хотел вставать и показывать им своё заплаканное лицо и принимать их жалость; мысль об этой доброте из самых лучших побуждений была почти столь же невыносима, как мысль о его скорой смерти. Впервые Гэнси прекрасно понял Адама Пэрриша.

Он развернулся и встал с таким достоинством, какое только смог собрать. Но это оказалась только Блу, и почему-то было совсем не унижительно, что она видит, как он сорвался. Она просто наблюдала за ним, пока он стряхивал с брюк сосновые иголки, а затем, когда он сел верхом на стол для пикника, она опустилась рядом, пока остальные покидали автомобили, чтобы посмотреть, чем они заняты.

Они встали полукругом возле его стола-трона.

— По поводу жертвы, — начал Гэнси.

Никто ничего не произнёс. Он даже не смог понять, сказал ли он это вслух.

— Я что-нибудь сказал? — уточнил Гэнси.

— Ага, — ответила Блу. — Но мы не хотели об этом говорить.

— Я прошу прощения за элементарный вопрос, — вставил замечание Генри, — будто я опоздал на урок. Но я не думаю, что твой отец-дерево дал нам иной демоноубивающий совет.

— Нет, только про жертву, — сказала Блу. И робко добавила: — Думаю... он, должно быть, знал о Глендовере. Может быть, не всё целиком. Он мог разобраться во всём, когда болтался вокруг, после того, как сблизился с мамой, или, может, с самого начала. Но я считаю, он был одним из магов Глендовера. Наверное, так же, как тот... другой парень.

Она имела в виду другое тело в гробнице. Было не сложно следовать за историей, которую она придумала, историей про Артемуса, пытающегося усыпить Глендовера и делающего какую-то ошибку.

— Итак, мы остались с жертвой, — нажимал Гэнси. — Разве что у вас есть идеи получше, Адам?

Адам, нахмурившись, смотрел на разбросанные сосны, отделяющие площадку для пикника. Он ответил:

— Я пытаюсь придумать, что ещё бы удовлетворило магию энергетической линии, но добровольная жизнь за недобровольную жизнь не предполагает замены.

Гэнси ощутил укол страха.

— Ладно тогда.

— Нет, — вмешался Ронан. Это не прозвучало в виде возражения, злости или расстройства. Он просто сказал «нет». По факту.

— Ронан...

— Нет. — По факту. — Я не для того приехал вытаскивать тебя из этой дыры, чтобы ты намеренно умер.

Тон Гэнси соответствовал его тону.

— Блу видела мой дух на энергетической линии, так что я уже знаю, что умру в этом году. Лезвие Оккама¹ предполагает, что простейшее объяснение является верным. Мы решили, что это я.

— Блу что видела? — потребовал ответа Ронан. — Когда ты собиралась мне рассказать?

— Никогда, — ответила Блу. Это не прозвучало в виде возражения, злости или расстройства. Просто «никогда». По факту.

— Не смотри на меня так, — продолжал Гэнси. — Я не хочу умирать. Вообще-то, я в ужасе. Но я не вижу других вариантов. И правда в том, что я хочу сделать что-нибудь от себя перед тем, как умру, и я думал, это что-то, связанное с Глендовером. Очевидно, нет. Так что я мог бы с таким же успехом сделать что-то значимое. И... королевское. — Последнее слово было немного мелодраматичным, но ситуация была мелодраматичной.

— Думаю, ты путаешь королевское с мученическим, — вмешался Генри.

— Я открыт для других вариантов, — сообщил Гэнси. — На самом деле, я бы их предпочёл.

Блу резко проговорила:

— Мы твои маги, верно?

Да, его маги, его двор, ему, их королю, нечего предложить, кроме своего пульса. Как правильно ощущался каждый момент, когда он всех их встретил. Как неизбежно, что они погрузились во что-то большее, чем даже этот момент.

— Да, — согласился он.

— Я просто... Мне кажется, должно быть что-то, что мы вместе можем сделать, как в пещере костей, — продолжила она. — Это не сработало в гробнице, потому что там не было жизни, с которой можно было начать. Или чего-то ещё. Там не было энергии. Но если у нас будет больше правильных частей?

Гэнси произнёс:

— Я не достаточно хорошо понимаю магию.

Ронан вставил:

— Пэрриш понимает.

— Нет, — возразил Адам. — Не думаю, что понимаю.

— Лучше, чем кто-либо из нас, — настаивал Ронан. — Подкинь нам идею.

Адам пожал плечами. Он сжимал вместе руки так крепко, что костяшки побелели.

— Может быть, — начал он, затем остановился. — Может быть, ты сможешь умереть, а потом вернуться. Если мы используем Энергетический пузырь, чтобы убить тебя каким-нибудь образом, не повредив твоё тело, это бы спровоцировало задержку

¹ Лезвие Оккама – принцип «лезвия Оккама» состоит в следующем: если некое явление может быть объяснено двумя способами: например, первым – через привлечение сущностей (терминов, факторов, фактов и проч.) А, В и С, либо вторым – через сущности А, В, С и D, – и при этом оба способа дают идентичный результат, то считать верным следует первое объяснение. Сущность D в этом примере – лишняя: и её привлечение избыточно. Проще говоря, «Не следует множить сущее без необходимости».

времени, как 6:21. Минута проигрывается снова и снова, так что, не знаю, ты бы не ушёл слишком далеко от тела. Не стал бы слишком мёртвым. А потом... — Гэнси слышал, что Адам выдумывает, пока продолжает рассказывать правдоподобную сказку для Ронана. — Это должно происходить в Энергетическом пузыре. Я мог бы войти в транс в пространстве грёз, пока Блу бы всё усиливала, и во время одного из порывов времени мы могли бы велеть твоей душе вернуться в тело, прежде чем ты действительно погибнешь. Таким образом ты бы выполнил требования к жертве и умер. Ничего не говорит о том, что ты должен оставаться мёртвым.

Повисла долгая пауза.

— Да, — сказал Гэнси. По факту. — Это кажется правильным. Достаточно королевски для тебя, Ронан? Не мучничество, Генри?

Они не выглядели взволнованными, но они выглядели готовыми, а это всё, что имело значение. Они просто должны были желать верить в это, а не действительно верить в это.

— Давайте поедem в Энергетический пузырь, — предложил Гэнси.

Они только двинулись назад к машинам, когда Адам напал на Ронана.

Глава 59

У Ронана ушло слишком много времени, чтобы осознать, что Адам его убивал.

Руки Адама сомкнулись на шее Ронана, давя на его артерии большими пальцами так, что костяшки побелели, глаза закатились. Ронан видел происходящее вспышками; его тело уже минуту находилось без воздуха, и это сказывалось. Он чувствовал пульс в глазных яблоках.

— Адам? — требовательно окликнула его Блу.

Часть Ронана всё ещё думала, что произошла ошибка.

Он урвал глоток воздуха, пока они вдвоём отступали к соснам, окружающим место для пикника. Остальные кружили вокруг, но Ронан не мог сосредоточиться на том, что они делали.

— Борись, — прорычал Адам Ронану, тонко, отчаянно, словно животное, которое схватили за горло. Однако в то же самое время, когда его голос протестовал, тело прижало Ронана спиной к стволу сосны. — Ударь меня. Сбей с ног.

Демон. Демон действовал его руками.

Каждый удар сердца Ронана был шарниром в поезде, сходящем с рельс. Он схватил Адама за запястья. Они показались ему хрупкими, окостеневшими, холодными. Выбор стоял между смертью и причинением вреда Адаму, то есть выбора не было вообще.

Адам неожиданно потерял равновесие, упал на колени, но быстро поднялся на ноги. Генри отскочил назад, когда Адам попытался вцепиться ему в лицо, что казалось ужасающе неправильно. Ни один человек так бы не дрался, а это существо, владеющее его руками и глазами, не было человеком.

— Остановите меня! — умолял Адам.

Гэнси схватил Адама за пальцы, но тот легко их высвободил. А потом вцепился ими в ухо Ронана, пытаясь оторвать его, а другой рукой ударил Ронана в челюсть, рванув её в другую сторону. Его глаза пристально смотрели налево, в ожидании неожиданностей, которые могли бы его остановить.

— Остановите меня...

Страдания представляли собой разорванную на кусочки бумагу. Ронан думал о том, насколько это больно, а затем он позволил себе погрузиться в болевые ощущения ещё глубже, и высвободился из захвата Адама. Блу, воспользовавшись возможностью, бросилась вперёд и схватила Адама за волосы. Адам мгновенно развернулся и, нанеся быстрый, острый удар, заставил разойтись её швы.

Блу выдохнула от шока, когда с века снова чернотой закапала кровь. Гэнси оттащил девушку, прежде чем Адам успел бы ещё раз её оцарапать.

— Просто врежьте мне, — жалобно просил Адам. — Не позволяйте мне это делать.

Казалось, должно быть просто: их было четверо на одного Адама. Но никто из них не хотел вредить Адаму Пэрришу, и неважно, насколько злобным он стал. А демон придал конечностям Адама суперсилу: его не заботила ограниченность возможностей человека, которому они принадлежали. Ему было плевать на боль. Ему было плевать на последующую жизнь. Поэтому костяшки Адама пролетели мимо Ронана и без малейшего колебания врезались в ствол сосны, в то время как сам Адам ахнул от боли. Общее дыхание окружило их белой пеленой, напоминающей облако пыли.

— Он собирается сломать Адаму его чёртовы руки, — сказал Ронан.

Блу схватила Адама за одно запястье. Раздался ужасный треск, когда Адам развернулся в противоположном направлении и выхватил у неё из просторного кармана свитера складной нож. Лезвие обнажилось.

Он привлёк их полное внимание.

Его закатившиеся глаза, контролируемые демоном, сосредоточились на Ронане.

Но Адам — настоящий Адам — тоже сосредоточился. Он оттащил своё тело подальше ото всех, уронив себя на лавку для пикника, а потом проделал это ещё раз, пытаясь попасть по руке, держащей нож. Когда он успешно прижал её своим весом, другая рука карабкалась наверх. Быстро, словно кошка, она царапала-царапала-царапала его собственное лицо. На коже в мгновение ока бисером выступила кровь. Рука вонзалась сильнее. В наказание.

— Нет, — произнёс Гэнси. Он не мог этого вынести. И побежал к Адаму. Когда он подоспел к нему, схватив за озлобленную руку, Генри уже был у него за спиной. И как только Адам замахнулся на Гэнси ножом, Генри перехватил правое запястье Адама, давя всем своим весом на его руку. Адам глазами рвал и метал, взвешивая свой следующий шаг. Следующий шаг демона.

Всё, что волновало Адама, это его независимость.

Пока Адам дёргал запястьем в руках Генри...

— Остановись, идиот, ты же сломаешь себе руку!

...и бил кулаком по зубам Гэнси...

— Адам, всё в порядке, мы знаем, что это не ты!

...Ронан обнял Адама за плечи, прижав их к себе.

Он был обезврежен.

— Forsan et haec olim meminisse juvabit¹, — сказал Ронан Адаму в слышащее ухо, и Адам, тяжело дыша, обмяк. Его руки всё ещё дёргались, готовые к насилию.

Он выдохнул:

— Ты засранец. — Но Ронан расслышал, насколько тот был близок к слезам.

— Давайте-ка свяжем ему руки, пока во всём не разберёмся, — предложила Блу. — Ты не могла бы... ой, какая же ты умница, спасибо.

Это было обращено к Девочке-Сиротке, которая уже поджидала завершения потасовки и протягивала длинную красную ленту неизвестного происхождения. Блу приняла её и втиснулась между Гэнси и Генри.

— Дайте мне немного пространства... сведите вместе его запястья.

— Нет, Президент, — вмешался Генри, тяжело дыша, — скрести их вот так. Ты разве не видел ни одного процедурала?

Блу скрутила пальцы Адама, что потребовало ловкости, так как те всё ещё жили собственной жизнью, а затем связала его по-прежнему буйные запястья вместе. Она намотала на них ленту целиком и перевязала её. Плечи Адама всё ещё дёргались, но он не мог расцепить переплетённые и связанные пальцы.

Наконец-то стало тихо.

¹ (лат.) Возможно, когда-нибудь мы будем об этом вспоминать.

С глубоким вздохом Блу отступила назад. Гэнси заботливо коснулся её окровавленного лба, а потом посмотрел на костяшки пальцев Генри, которые так или иначе пострадали в этой потасовке.

Руки Адама перестали дёргаться, когда демон понял, что они надёжно связаны. Адам выглядел жалко. Его голова покоилась на плече Ронана. Он весь трясся и не упал лишь потому, что Ронан не позволил. В нём прорастал новый ужас. Длительность этой одержимости, испорченность Адама Пэрриша, мертвенность Глендовера.

Девочка-Сиротка подобралась ближе. Она аккуратно расстегнула грязный ремешок на своем запястье и нацепила часы на ему на руку, выше ленты. А потом поцеловала его в предплечье.

— Спасибо, — произнёс он глухо. А затем, обращаясь к Гэнси, понизив голос, добавил: — Я мог бы тоже стать жертвой. Меня уничтожили.

— Нет, — одновременно возразили Блу, Гэнси и Ронан.

— Давайте не сходить с ума только потому, что он пытался кого-то убить, — попросил Генри, облизнув костяшки пальцев.

Адам, наконец, поднял голову.

— Тогда тебе лучше прикрыть мои глаза.

— Что? — озадаченно переспросил Гэнси.

— Потому что, — с горечью в голосе добавил Адам, — иначе они предадут тебя.

Глава 60

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она была о Сондок.

Она не хотела становиться международным торговцем предметами искусства и мелким криминальным авторитетом. Началось всё с простого желания чего-то большего и превратилось в медленное осознание того, что нечто большее никогда не будет достигнуто на выбранном ею пути. Она была замужем за умным человеком, с которым познакомилась в Гонконге, и у неё было несколько смыслённых детей, которые в большинстве своём уродились в него, за исключением одного, и она понимала, по какому сценарию пойдёт её дальнейшая жизнь.

А потом она сошла с ума.

Безумие было недолгим. Возможно, у неё был год припадков и видений, и её находили рыщущей по улицам. И когда она оказалась по другую сторону, то обнаружила, что у неё глаза ясновидца и прикосновение шамана, и она может сделать себе на этом карьеру. Она сменила имя на Сондок, и так родилась легенда.

Она вела себя удивительно каждый день.

Роботизированная пчела оказалась именно той отправной точкой, на которой она поняла, что встала на скользкую дорожку. Генри, её средний сын, ярко сиял, но он, казалось, не умел источать этот свет. И поэтому, когда Найл Линч предложил найти ей безделушку, небольшой предмет, волшебную игрушку, чтобы помочь ему, она прислушалась. Как только она увидела красивую пчелу, ей тут же захотелось именно её. Конечно, он также показал её Ламоньеру, Гринмантлу, Валкизу, Макки и Ксаю, но это было ожидаемо, потому что он был негодяем и ничего не мог с этим поделать. Но когда он познакомился с Генри, то позволил Сондок взять её себе почти даром, и она этого не забыла.

Конечно, это был подарок и наказание, поскольку позже из-за него Ламоньер похитил Генри.

И она хотела за это отомстить.

Она ни о чём не сожалела. Не могла заставить себя сожалеть; даже когда возникала угроза жизни её детям. Этот путь был изначально предопределён, и ей было хорошо на нём, даже когда становилось очень трудно.

Когда она оказалась рядом с Серым Человеком, старым наёмником Гринмантла, на парковке Академии Аглионбай и обнаружила, что кровь на его ботинках принадлежала Ламоньеру, ей немедленно стало интересно, что он может рассказать.

— Дивный новый способ ведения бизнеса, — сказал Серый Человек, понизив голос, когда парковка начала заполняться небольшим, но убедительным количеством людей грозного вида. Не то чтобы они выглядели опасными. Это было необязательно. Просто странно, давало понять, что они смотрят на мир иначе. Они очень отличались от тех, кто приехал в школу накануне вечером. Технически обе эти группы имели непосредственное отношение к политике. — Этичный способ. Тот самый, где вне мебельных магазинов нет никаких вооружённых охранников, чтобы мешать людям дубасить сотрудников и выносить диваны. Вот такой бизнес я хочу.

— Это будет непростая задача, — согласилась Сондок, точно таким же тихим голосом. Она не сводила глаз с подъезжающих машин и со своего сотового. Она знала, что Генри было приказано держаться подальше, и доверяла ему, он не станет высовываться, но она также ни на йоту не доверяла Ламоньерам. Не стоило искушать их, показывая, что Генри (и, как следствие, его пчела) находились в непосредственной близости. — Люди привыкли выносить диваны, и никому не нравится прекращать воровать диваны, потому что остальные не согласны.

— Вначале могут потребоваться убеждения, — заметил Серый Человек.

— Ты об этом твердишь много лет.

— Это мой долг, — ответил он. — А до тех пор я готов собрать приличное количество людей, заинтересованных в такой концепции. Людей, которые мне нравятся.

Наконец, объявился Ламоньер, один из них на телефоне. Его лицо позволяло предположить, что он пытался связаться с третьим, но третий был не в состоянии ответить. Серый Человек хотел обсудить с ними случившееся после продажи. Убедительным способом, которому поспособствовало некое поистине фантастическое оружие, что он нашёл на ферме Линча.

Сондок сказала:

— Я не из тех людей, которые вам нравятся.

— Вы из тех, кого я уважаю, что почти одно и то же.

Её улыбка сообщила, она знала, что он нарочно ей льстит, и, тем не менее, приняла это.

— Может быть, мистер Грей. Это соответствует моим интересам.

Именно тогда прибыла Пайпер Гринмантл.

Правда, сначала появилась не она, а страх, а уж потом Пайпер. Это ощущение накрыло их, словно волна тошноты, окатив с ног до головы, заставив руками вцепиться в горло, а коленями рухнуть на тротуар. Стояла середина дня, но небо неожиданно потемнело. Это был первый признак того, что торг будет чем-то из ряда вон.

Итак, сначала появился страх, потом Пайпер. Она прилетела, и это стало вторым признаком того, что всё будет необычным.

Когда она приземлилась, стало очевидно, что прибыла она на ковре из крошечных шершней, которые растворились в воздухе, стоило им коснуться асфальта.

Она хорошо выглядела.

Это было поразительно по нескольким причинам: во-первых, потому что ходили слухи, будто она умерла прежде, чем её манерный муж был до смерти зажат осами у себя в квартире, и она определённо была не мертва. Во-вторых, потому что она держала чёрного шершня, который был почти в фут¹ длиной, и большинство людей не выглядели такими спокойными и собранными как она в присутствии жалящих насекомых любого размера.

¹ Фут приблизительно равен 30 см

Она подошла к Ламоньерам, явно намереваясь чмокнуть их в щёку, но те отшатнулись от насекомого. Это был третий признак, что происходит нечто необычное, потому как Ламоньеры, как правило, всегда выглядели безмятежно.

— Нехорошо, — произнёс себе под нос Серый Человек.

Потому что теперь было очевидно, что страх исходил то ли от Пайпер, то ли от шершня. На Сондок продолжали накатывать тошнотворные ощущения, болезненные воспоминания о её сумасшествии. Потребовалось мгновение, чтобы она поняла, что ей устно напоминали о том времени, когда она сходила с ума — она слышала слова, звучащие прямо в голове. На корейском.

— Спасибо всем, что пришли, — чинно начала Пайпер. По тому, как она склонила голову, сузила глаза, Сондок поняла, что Пайпер тоже слышала шёпот. — Теперь, когда я одна, я намерена продвигаться самостоятельно в бизнесе поиска дорогостоящих магических предметов, курируя только самую необычную и потустороннюю хрень. Я надеюсь, вы станете мне доверять как источнику качественного товара. А начнём мы с него — это именно то, ради чего вы все здесь собрались. — Она подняла руку, и шершень сдвинулся чуть дальше в сторону. Толпа вздрогнула, как единое целое; что-то было не так. Страх плюс размер, реальный вес существа, переместивший ткань её рукава. — Это демон.

Да. Сондок в это верила.

— Он оказал мне милость, о чём вы, наверное, догадались, глядя на мои превосходные волосы и кожу, но я готова передать его другому пользователю с тем, чтобы найти следующую грандиозную штуковину! Всё дело в процессе, верно? Верно!

— Это... — начал было мужчина, принадлежащий одной из групп. Родни, так его звали, как полагала Сондок. Похоже, он не знал, как закончить свой вопрос.

— Как это работает? — поинтересовалась Сондок.

— Чаще всего я просто прошу его что-нибудь сделать, — ответила Пайпер, — и он исполняет. Я не очень-то религиозна, но у меня есть ощущение, что кто-то с некоторым религиозным багажом за спиной мог бы заставить демона проделать прикольные фокусы. Он сделал мне дом и эти туфли. А что он мог бы сделать для вас? Любой хлам. Начнём торги, папуля?

Ламоньер всё ещё не совсем оправился. И присутствие демона не улучшало его состояние, а только ухудшало. Возникало ощущение, противоположное привыканию к демону. Оно напоминало рану, которая увеличивалась и пульсировала болью. Шёпот было очень трудно выдержать, потому что он являлся не совсем шёпотом. Это были мысли, легко перемешивающиеся с собственными, поэтому сложно было расставить приоритеты. Сондок пережила год безумия, потому она справлялась. Мысли демона можно легко распознавались: они были самыми уродливыми, призывающими к худшему, теми, которые разрушают мыслящего.

Некоторые собрались уходить, не говоря ни слова, попятились к своим машинам, пока не дошло до беды. И пока всё не стало отвратительным. Совсем.

— Эй! — окликнула Пайпер. — Не смей вот так уходить от меня. Демон!

Шершень пошевелил антеннками, и люди задёргались. Они закрутились, широко распахнув глаза.

— Видите, — сквозь зубы сообщила Пайпер, — это, и правда, очень удобно.

— Мне кажется, — осторожно заметил Ламоньер, глядя на замерзших покупателей, потом на лица своих партнёров и затем на свою дочь. — Возможно, это не самый лучший метод показывать, какова от него польза.

Под чем он подразумевал, что демон всех пугает, и сложно отделаться от мысли, что все могут в любой момент умереть, а это плохо для бизнеса как настоящего, так и будущего.

— Только не применяй ко мне свои позитивно-агрессивные приёмы, — возразила Пайпер. — Я прочла статью, как ты занижал ценность моей личности всю мою жизнь, и вот тому конкретный пример.

— Это конкретный пример того, что ты переоцениваешь свои знания, — ответил Ламоньер. — Твои амбиции постоянно опережают образование! Ты даже не знаешь, как передать демона другому владельцу.

— Я захочу этого, что не понятно? — удивилась Пайпер. — Он должен оказать мне милость! И сделать то, что я скажу.

Но Сондок не считала, что это было то же самое.

— Думаешь? — поинтересовался Ламоньер. — Ты контролируешь его, или он контролирует тебя?

— Ой, да я тебя умоляю, — отмахнулась Пайпер. — Демон, разморозь этих людей! Демон, пусть станет солнечно! Демон, пусть моя одежда вся побелеет! Демон, делай, что я говорю, делай, что я говорю!

Люди оттаивали; небо на секунду стало раскалённо-ярким; её одежда потеряла цвет; демон зажужжал, поднимаясь в воздух. Шёпот в голове Сондок стал свирепым.

Ламоньер выстрелил в свою дочь.

Раздавшийся звук был не громче хлопка из-за глушителя. Ламоньеры выглядели потрясёнными. Оба не произнесли ни слова, только смотрели во все глаза на её тело, а потом на демона, нашептавшего им это сделать.

Теперь все сбежали. Раз Ламоньер выстрелил в собственную дочь, значит, могло произойти что угодно.

Демон приземлился на рану на шее Пайпер, его лапки утопали в крови, голова опустилась к отверстию от пули.

Он начал меняться. Она начала меняться. Всё разрушалось, озлоблялось и извращалось.

— Позвони мне, — велела Сондок Серому Человеку, — и вали отсюда.

Раздался запоздалый крик Пайпер. Сондок и не поняла, что та была всё ещё жива.

Кровь вокруг её шеи казалась чёрной.

Амбиции, жадность, ненависть, насилие, неуважение, амбиции, жадность, ненависть, насилие.

Она умерла.

Демон начал расти.

Разрушитель, разрушитель, я пробуждаюсь, я пробуждаюсь, я пробуждаюсь.

Глава 61

Адам не мог решить, было ли это худшим, что с ним случилось, или это таким казалось, потому что он недавно был так бессмысленно счастлив, что сравнение делало ситуацию таковой.

Он находился на заднем сидении БМВ, руки намертво связаны, глаза намертво чем-то прикрыты, одно ухо не слышит. Ему даже не казалось всё это реальным. Он чувствовал себя утомлённым, но не сонным, измотанным усилием, направленным на способность принимать участие в собственном сознании. И всё же демон изредка работал над верёвкой — отчего его кожа пела от боли — и закатывал глаза против воли Адама. Блу сидела рядом с ним, а Девочка-Сиротка по другую сторону от неё по его просьбе. Он не знал, сможет ли высвободиться из верёвки, но понимал, что демон навредит Блу только в попытке добраться до Ронана или Девочки-сиротки. Так, по крайней мере, они бы были предупреждены, если бы такое случилось снова.

Боже, Боже. Он едва не убил Ронана. Он бы его убил. Совсем недавно обжимался с Ронаном, и при этом его руки бы погубили его, пока Адам наблюдал.

Как бы он после ходил в школу? Как бы он делал хоть что-нибудь...

Его дыхание предало его, потому что Блу прислонилась к его плечу.

— Не надо... — предупредил он.

Она приподняла голову, но затем он ощутил, как её пальцы нежно поглаживают его волосы, а потом касаются кожи щеки, которую он сам себе ободрал. Она ничего не говорила.

Он закрыл глаза под повязкой, слушая неторопливый стук дождя по лобовому стеклу, шуршание стеклоочистителей. Он понятия не имел, насколько близко они находились к Энергетическому пузырю.

Почему он не может придумать другой способ принести жертву? Гэнси торопится это сделать только из-за него, из-за того, как его сделка обернулась бедственным положением. В конце концов, Адам, так или иначе, убьёт его, как в своём видении. Обратная, косвенная версия вины, но Адам у штурвала всё тот же. Но нельзя было отрицать, что Адам – единственный, кто сделал положение таким бедственным.

Плохое чувство шипело в Адаме, но он не смог бы сказать, вина это или предупреждение от Энергетического пузыря.

— Что это? — голос Гэнси раздался с пассажирского сидения. — На дороге?

Блу отстранилась от Адама, он слышал, как она втиснулась между водителским и пассажирским местами. Казалось, она сомневается:

— Это... кровь?

— Откуда? — спросил Ронан.

— Может, ниоткуда, — ответил Гэнси. — Она реальна?

Ронан сообщил:

— Дождь по ней попадает.

— Мы должны... мы должны по ней проехать? — осведомился Гэнси. — Блу, на что похоже лицо Генри? Можешь увидеть?

Адам почувствовал, как его задело тело Блу, когда она повернулась посмотреть на следующий позади Фискер. Его руки, бесконечно голодные, напряглись и дёрнулись. Демон ощущался... близко.

Блу сказала:

— Дай мне телефон. Я позвоню маме.

— Что происходит? — поинтересовался Адам.

— Дорога залита, — объявила Блу. — Правда, это выглядит как кровь. И в ней что-то плавает. Что это, Гэнси? Это... лепестки? Синие лепестки?

В машине повисла тяжёлая тишина.

— Вы когда-нибудь ощущали, словно вещи проходят полный цикл? — тихо произнёс Ронан. — Вы...

Он не закончил предложение. Автомобиль был снова тих, неподвижен... Видимо, он ещё не решил, стоит или нет ехать через разлив.

— Полагаю, мы... Господи, — оборвал сам себя Гэнси. — Господи. Ронан?

Ужас обволакивал его слова.

— Ронан? — повторил Гэнси. Раздался металлический шлепок. Стон сидения. Возня. Машина под ними сдвинулась со свирепостью, с которой Гэнси переместил свой вес. Ронан всё ещё не отвечал. Рёв ворвался в его слова. Двигатель: Ронан нажимал педаль газа, пока не была включена передача.

Тошнотворная тревога в Адаме переросла в набат.

Рёв внезапно прекратился; автомобиль заглох.

— О нет, — воскликнула Блу. — О нет, и девочка!

Она быстро отодвинулась от Адама; он услышал, как она открыла дверь с другой стороны. Холодный влажный воздух ворвался в БМВ. Открылась другая дверь, и следующая. Все, кроме двери Адама. Снаружи послышался голос Генри, глубокий, серьёзный и полностью лишённый юмора.

— Что происходит? — требовал ответа Адам.

— Можем мы... — Блу казалась на полпути к рыданиям, её было слышно снаружи водительской двери. — Можем мы это с него содрать?

— Не надо, — задыхался Ронан. — Не трогайте... не надо...

Водительское кресло отодвинулось так стремительно, что ударило Адама по коленям. Адам услышал звук, который, несомненно, издавал втягивающий воздух Ронан.

— О Господи, — снова произнёс Гэнси. — Скажи, что я могу сделать.

И снова дёрнулось кресло. Руки Адама впились в сидение позади него совершенно против его воли. Что бы ни происходило, они желали помочь этому случиться быстрее. На переднем сидении телефон Ронана начал звонить, звонить и звонить. Это был тихий, бестолковый рингтон, который Ронан установил на входящий вызов Деклана.

Худшим было, что Адам знал, что это означало: что-то происходило с Меттью. Нет, худшим было, что Адам ни с чем ничего не мог поделать.

— Ронан, Ронан, не закрывай глаза, — молила Блу, и теперь она плакала. — Я звоню... Я звоню маме.

— Ничего себе, отойдите! — заорал Гэнси.

Весь автомобиль качался.

Генри настойчиво спрашивал:

— Что это?

— Он принёс это из своих снов, — сказал Гэнси. — Когда отключился. Оно нам не навредит.

— Что происходит? — потребовал ответа Адам.

Голос Гэнси был тихим и печальным. Он достиг края и сорвался.

— Он разрушается.

Глава 62

Невозможно поверить, что Адам думал, будто предыдущее мгновение было худшим.

Это было хуже: быть связанным с закрытыми глазами на заднем сидении автомобиля и знать, что приглушённые прерывистые звуки издавал Ронан Линч, который с трудом делал каждый вздох, как только приходил в себя.

Сколько в Ронане было бравады, а не осталось ничего.

И Адам был ничем, только оружием, чтобы побыстрее его убить.

У него возникло такое чувство, будто прошло уже много лет с тех пор, как он заключил сделку с Энергетическим пузырьём. «Я буду твоими руками. Я буду твоими глазами». Гэнси чертовски боялся и, может быть, не зря. Потому что здесь и сейчас Адам был лишён всех возможностей. Настолько легко и просто оставшись без сил.

Его мысли сейчас воевали друг с другом, и Адам сбежал в самое тёмное место под повязкой на глазах. Это была опасная игра, входить в транс, когда Энергетический пузырь подвергался такому удару, когда остальные были заняты тем, что следили, не начал ли он умирать на заднем сидении, но это был единственный способ выжить рядом с вымученным дыханием Ронана.

Он умчался далеко и быстро, бросив подсознательное вдали от осознанных мыслей, настолько далеко, насколько мог абстрагироваться от реальности автомобиля, и так быстро, как только смог умудриться. От Энергетического пузыря осталось очень-очень мало. В основном тьма. Возможно, он даже заблудится, как...

Персефона.

Персефона.

Как только он мысленно произнёс её имя, то понял, что она была с ним. Он не мог сказать, откуда это знал, так как не мог её видеть. На самом деле он ничего не видел. На самом деле он обнаружил, что очень хорошо осознавал ткань повязки на глазах и тупую

боль в пальцах, переплетённых и прижатых друг к другу. Ещё сильнее он осознавал свою физическую реальность; когда-то обосновавшуюся в его бесполезном теле.

— Это ты затолкала меня сюда, — упрекнул он.

— Цыц, — ответила она. — Главным образом, ты позволил, чтобы тебя сюда затолкали.

Он не знал, что ей сказать. Он был до боли снова рад чувствовать её присутствие. Не то чтобы Персефона, неуловимая Персефона, была созданием, которое дарило комфорт. Но её фирменный здравый смысл, мудрость и правила очень его успокаивали, когда вокруг творился хаос, и даже если она толком ещё ничего не сказала, само воспоминание о том комфорте подарило ему прилив необъятного счастья.

— Я уничтожен.

— Ммм.

— Это моя вина.

— Ммм.

— Гэнси был прав.

— Ммм.

— Прекрати мычать!

— Тогда, может, стоит прекратить говорить то, что утомило меня ещё несколько недель назад.

— Всё же мои руки. Мои глаза. — Когда он назвал их, он их почувствовал. Царапающие руки. Подвижные глаза. Они были в восторге от уничтожения Ронана. Это было их целью. Как же они стремились помочь в такой ужасной задаче.

— С кем ты заключил сделку?

— С Энергетическим пузырьём.

— Кто использует твои руки?

— Демон.

— Это не одно и то же.

Адам не ответил. Вновь Персефона дала ему совет, который был хорош в теории, но его невозможно применить на практике. Это была мудрость, не руководство к действию.

— Ты заключил сделку с Энергетическим пузырьём, не с демоном. Даже если они выглядят одинаково и чувствуются одинаково, они не одинаковые.

— Они чувствуются одинаково.

— Они не одно и то же. Демон не может претендовать на тебя. Ты его не выбирал. Ты выбрал Энергетический пузырь.

— Я не знаю, что делать, — выдал Адам.

— Нет, знаешь. Ты должен продолжать выбирать его.

Но Энергетический пузырь умирал. Скоро, наверное, вообще не останется возможности выбирать. Скоро, возможно останутся только разум Адама, его тело и демон. Он не произнёс этого вслух. Да это было и не нужно. Здесь его мысли и слова — одно и то же.

— Это не делает тебя демоном. Ты будешь одним из тех богов без магической силы. Как они называются?

— Не думаю, что есть такое слово.

— Король. Наверное. Мне нужно уже идти.

— Персефона, пожалуйста... мне... — тебя не хватает.

Он был один. Она ушла. Он остался, как и всегда, в равной степени спокойным и неуверенным. С ощущением, что он знал, как двигаться дальше; с сомнением, что он способен на это. Но в этот раз она прошла ужасно долгий путь, чтобы дать ему хороший урок. Он не знал, видит ли она его сейчас, но не хотелось её подводить.

И ещё правда состояла в следующем: если он думал о том, что любил в Энергетическом пузыре, то было совсем несложно отличить Энергетический пузырь от демона. Они были обращены на одной почве, но не имели ничего общего друг с другом.

«Эти глаза и руки мои», — подумал Адам.

Так оно и было. Ему не нужны доказательства. Это стало фактом, как только он поверил.

Он повернул голову и сдвинул повязку с глаз.

Он увидел конец света.

Глава 63

Демон медленно работал с фибрами грезящего.

Их было сложно уничтожить, этих грезящих. Такое количество грезящего существовало вне его физического тела. Столько сложных их частей запутывалось в звёздах и корнях деревьев. Так много от них бежало вниз по течению рек и взрывалось в воздухе между дождевыми каплями.

Грезящий сражался.

Демон был по части уничтожения и небытия, а грезящий — созидания и наполненности. Этот грезящий был таким до крайности, новый король в своём придуманном королевстве.

Он сражался.

Демон продолжал ломать его в бессознательном состоянии, и в те короткие разрывы темноты, грезящий ухватился за свет и, когда вернулся обратно в сознание, вытолкнул грёзу в реальность. Он сформировал колышущихся существ, земные звезды, пылающие короны, золотые ноты, которые пелись сами, мятные листья, разбросанные по окровавленному асфальту и клочки бумаги со словами, написанными неровным почерком: «Unguibus et rostro»¹.

Но он умирал.

Глава 64

Желать жить, но согласиться умереть, чтобы спасти других — вот это мужество. Это должно было быть величием Гэнси.

— Всё должно случиться теперь, — сказал он. — Я должен сейчас принести жертву.

Когда настал момент, в нём была некоторая красота. Гэнси не хотел умирать, но, по крайней мере, он поступал так для этих людей, его обрётённой семьи. По крайней мере, он делал это для людей, которые, как он знал, будут по-настоящему жить. По крайней мере, он погибал не бессмысленно закусанный осами. По крайней мере, на этот раз это будет иметь значение.

Вот где он собирался умереть: на наклонном поле, усеянном дубовыми листьями. Чёрное стадо паслось далеко вверх по склону, размахивая хвостами, когда дождь падал неровными короткими промежутками. Трава казалась поразительно зелёной для октября, и полнота цвета на фоне по-осеннему ярких листьев заставляла всё выглядеть, словно на фото в календаре. На мили вокруг никого не видно. Единственное, что было не к месту, это усыпанная цветами кровавая река на извилистой дороге и парень, умирающий в машине.

— Но мы где-то поблизости от Энергетического пузыря! — возразила Блу.

Телефон Ронана снова звонил: Деклан, Деклан, Деклан. Всё везде разваливалось.

В глазах Ронана на краткий миг мелькнуло сознание, они были залиты чернотой, дождь из мерцающей гальки распространялся от его руки и скользил до конечной

¹ (лат.) Когти и клюв.

остановки на кровавом асфальте. Девочка-Сиротка безумно и безучастно наблюдала с заднего сидения, тьма медленно бежала из её ближайшего уха. Когда она заметила, что на неё смотрит Гэнси, она только открыла рот в беззвучном: «Кра».

— Мы на энергетической линии? — Всё, что имело значение, это что они были на линии, так жертва засчитается для убийства демона.

— Да, но мы где-то поблизости от Энергетического пузыря. Ты просто погибнешь.

Одна из замечательных черт Блу Сарджент — она никогда не оставляет надежды. Он бы сказал ей об этом, но знал, что это только больше её расстроит. Он произнёс:

— Блу, я не могу смотреть, как Ронан умирает. И Адам... и Меттью... и всё это? У нас больше ничего нет. Ты ведь уже видела мой дух. Ты уже знаешь, что мы выбрали!

Блу закрыла глаза, и из них скатились две слезинки. Она не плакала громко или так, чтобы упросить его сказать что-нибудь другое. Она была созданием, полным надежд, но ещё она была здравомыслящим созданием.

— Развяжите меня, — попросил Адам с заднего сидения. — Если ты собираешься делать это сейчас, ради всего святого, развяжите меня.

Его повязка сползла с глаз, и он смотрел на Гэнси, он, а не демон. Его грудь быстро вздымалась. Если бы существовал другой способ, Гэнси знал, что Адам бы ему рассказал.

— Это безопасно? — поинтересовался Гэнси.

— Безопасно как жизнь, — ответил Адам. — Развяжи меня.

Генри ждал хотя бы чего-нибудь, что можно сделать — он явно не знал, как обработать ситуацию, не имея задания — так что он кинулся развязывать Адама. Встряхнув покрасневшие запястья, освобождённые от ленты, Адам первым делом коснулся макушки Девочки-Сиротки и прошептал:

— Всё будет хорошо.

А затем выбрался из машины и встал перед Гэнси. Что они могли сказать?

Гэнси стукнул кулаком по кулаку Адама, и они кивнули друг другу. Глупый, неадекватный жест.

Ронан на краткий миг прорвался в сознание; из машины высыпались цветы таких оттенков синего, каких Гэнси никогда не видел. Ронан замер на месте, как всегда после того, как грезил, и тьма медленно потекла из его носа.

Гэнси никогда на самом деле не понимал, что означала для Ронана необходимость жить со своими ночными кошмарами.

Теперь он это понял.

Времени не осталось.

— Спасибо за всё, Генри, — обратился Гэнси. — Ты принц среди людей.

Лицо Генри не выражало ничего.

Блу сказала:

— Ненавижу это.

И всё же так было правильно. Гэнси почувствовал, как ускользает время — в последний раз. Ощущение, что делал это раньше. Он нежно коснулся тыльной стороной ладоней её щёк. И прошептал:

— Всё будет хорошо. Я готов. Блу, поцелуй меня.

Рядом с ними моросил дождь, поднимая красно-чёрные брызги, заставляя лепестки вокруг трепетать. Нагретые штуквины из на миг исцелённого воображения Ронана укладывались у их ног. В дождь всё в этих горах пахло осенью: дубовая листва и сенокос, озон и потревоженная пыль. Здесь было красиво, и Гэнси это любил. Потребовалось много времени, но он в итоге заканчивал жизнь там, где хотел.

Блу поцеловала его.

Он достаточно часто об этом мечтал, и вот это случилось, воплотилось в жизнь. В другом мире всё было бы так: девушка мягко прижалась своими губами к губам юноши. Но в этом мире Гэнси почувствовал эффект сразу. Блу — зеркало, усилитель, странная полудревесная душа с магией энергетической линии, бегущей по венам. И Гэнси —

возрождённый однажды силой энергетической линии, давший энергетической линии сердце другой вид зеркала. И когда они направили себя друг на друга, тот, кто слабее, уступил.

Сердце Гэнси было подарено энергетической линией, не выращено.

Он отпрянул от неё.

Вслух, с умыслом, голосом, который не оставлял места для сомнений, он произнёс:

— Да будет демон убит.

Как только он это сказал, Блу крепко обвила руки вокруг его шеи. Как только он это сказал, она уткнулась лицом в его лицо. Как только он это сказал, она удерживала его, словно крик. Люблю, люблю, люблю.

Он бесшумно упал из её рук.

Он был королём.

Глава 65

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она всегда была о Ноа Жерни.

Проблема мёртвого состояния заключалась в том, что твои истории переставали быть прямыми линиями, они становились цикличными. Они начинались и заканчивались в одно и то же мгновение: в мгновение смерти. Было трудно сосредоточиться на других способах рассказа историй и помнить, что живые заинтересованы в определённом порядке событий. В хронологии. Так это называется. Ноа же больше интересовал духовный вес минуты. Момент убийства. Вот эта история. Он никогда не переставал подмечать этот момент. Каждый раз, когда он видел его, он замедлялся и смотрел, вспоминая в точности все физические ощущения, которые испытывал во время убийства.

Убийство.

Иногда он попадался в петлю постоянного понимания того, что его убили, и ярость заставляла его крушить вещи в комнате Ронана или сбрасывать горшок с мятой со стола Гэнси, или бить по окну на лестнице в жилище.

Порой вместо петли он попадал в этот момент. В момент смерти Гэнси. Снова и снова наблюдал за смертью Гэнси. Гадая, был бы он таким же смелым в лесу, если бы Велк попросил его умереть, а не заставил. Он так не думал. Он не был уверен, были ли они вообще приятелями. Иногда, когда он возвращался, чтобы увидеть всё ещё живого Гэнси, он забывал, знал этот Гэнси или нет о том, что умрёт. Так просто знать всё и вся, когда время циклично, но очень сложно вспомнить, как этим пользоваться.

— Гэнси, — сказал он. — Это всё, что есть.

Это был неправильный момент. Между тем, Ноа затянуло в жизнь духа Гэнси, что оказалось совсем другой временной линией. Он отодвинулся от неё. Не в пространстве, а во времени. Это немного напоминала на игру со скакалкой втроём – Ноа больше не помнил, с кем он такое делал, он лишь припоминал, что когда-то это делал – нужно было дожждаться подходящего момента, чтобы прыгнуть, или тебя сбивала скакалка.

Он не всегда помнил, зачем это делает, но он помнил, что он делает: ищет, когда Гэнси впервые умер.

Он не помнил тот первый раз, когда сделал выбор. Теперь это было тяжело — помнить, что являлось воспоминанием, а что повторялось на самом деле. Он даже не был уверен в настоящий момент, что из этого происходит.

Ноа только понимал, что должен продолжать до этого мгновения. Ему нужно лишь продержаться осязаемым достаточно долго, чтобы удостовериться, что всё останется верным.

Вот он: Гэнси, такой юный, дрожащий и умирающий в древесных листьях в то же самое время, как Ноа вдали от него дрожит и умирает в листьях другого леса.

Время всегда одно и то же. Как только Ноа умер, его дух, полный энергетической линии, одаренный милостью Энергетического пузыря, прочувствовал каждый момент, что испытал в жизни и собирался испытать. Очень просто казаться мудрым, когда время циклично.

Ноа склонился над телом Гэнси и произнёс в последний раз:

— Ты будешь жить из-за Глендовера. Кто-то другой умирает на энергетической линии, когда не должен, так что ты будешь жить, когда не должен.

Гэнси умер.

— Прощай, — шепнул Ноа. — Не упускай.

Он тихо ускользнул от времени.

Глава 66

Блу Сарджент позабыла, сколько раз ей говорили, что она убьёт свою настоящую любовь.

Её семья торговала предсказаниями. Они читали карты, они проводили сеансы, и они переворачивали чайные чашки на блюдца. Блу никогда не была частью этого, кроме одного важного момента: она была человеком с самым затянувшимся предсказанием в доме.

«Если ты поцелуешь свою истинную любовь, он умрёт».

Большую часть своей жизни она размышляла над тем, как это произойдёт. Её предупреждали все виды ясновидящих. Даже без намёка на экстрасенсорные способности она жила, опутанная миром, который был в равных частях настоящим и будущим, всегда зная в каком-то смысле, куда направляется.

Но не теперь.

Сейчас она смотрела на мёртвое тело Гэнси в забрызганном дождём свитере с v-образным воротником и думала: «Я понятия не имею, что в данный момент происходит».

Кровь стекала с дороги, и вóроны приземлились в нескольких ярдах, чтобы её клевать. Все признаки демонической активности разом исчезли.

— Поднимите его, — начал Ронан, и затем ему пришлось собраться, чтобы закончить, прорывав: — Поднимите его с дороги. Он не животное.

Они оттащили тело Гэнси в зелёную траву на обочине. Он всё ещё выглядел абсолютно живым; он был мёртв около минуты или двух, и, пока не начал разлагаться, большой разницы между смертью и сном не было.

Ронан присел рядом с ним, чернота всё ещё пачкала его лицо под носом и вокруг ушей. Его нагретый светлячок покоился на сердце Гэнси.

— Проснись, засранец, — просил он. — Ты подонок. Не могу поверить, что ты...

И он заплакал.

Рядом с Блу и Генри стоял Адам с сухими щеками и мёртвыми глазами, а Девочка-Сиротка обнимала его руку, будто успокаивала плаксу, пока тот уставился в пустоту. Его часы подрагивали на одной минуте снова и снова.

Блу перестала плакать. Она заранее израсходовала все свои слёзы.

До них доносились звуки Генриетты; где-то завывли скорая или пожарная. Ревели двигатели. Слышался громкоговоритель. На дереве поблизости пели птицы. Коровы по полю приближались к ним, любопытно, как долго они там находились.

— Я действительно не знаю, что делать, — признался Генри. — Я думал, всё закончится не так. Я думал, мы все поедем в Венесуэлу.

Он состроил гримасу и был практичен, и Блу видела, что это единственный способ, которым он мог справиться с фактом мёртвого тела Ричарда Гэнси, лежащего в траве.

— Не могу об этом думать, — искренне сказала Блу. На самом деле она не могла думать ни о чём. Всё сразу закончилось. Каждый кусочек её будущего в первый раз в её жизни оказался не написан. Им полагалось позвонить в 911? Практические соображения о

мёртвой настоящей любви простирались перед ней, а она обнаружила, что не в состоянии чётко сфокусироваться ни на одном из них. — Я, правда, не могу... вообще думать. Словно у меня над головой абажур. Я продолжаю ждать... не знаю чего.

Адам внезапно сел. Он вообще ничего не сказал, но прикрыл лицо руками.

Генри очень неровно вдохнул.

— Нам надо убрать машины с дороги, — выдал Генри. — Теперь, когда ничего не кровоточит, движение будет... — Он сам себя остановил. — Это неправильно.

Блу покачала головой.

— Я просто не понимаю, — продолжал Генри. — Я был так уверен, что это... всё изменит. Не думал, что конец будет такой.

— Я всегда знала, что конец будет такой, — произнесла она, — но это всё ещё не кажется правильным. Это когда-нибудь будет казаться правильным?

Генри переминался с ноги на ногу, глядя на другие автомобили, не делая движений в сторону их машин, несмотря на предыдущее заявление о дорожном движении. Он взглянул на часы – как и часы Адама, они всё ещё беспокойно пытались выйти за пределы тех же самых нескольких минут, хотя и не так яростно, как раньше – и повторил:

— Я просто не понимаю. В чём тогда смысл магии, если не в этом?

— В чём?

Генри вытянул руку в сторону тела Гэнси.

— В том, чтобы он был мёртв. Вы говорили, вы маги Гэнси. Сделайте что-нибудь.

— Я не маг.

— Ты только что убила его своими губами. — Дальше Генри указал на Ронана. — Этот только что нагрел кучу дерьма около машины! Этот спас собственную жизнь в школе, когда хрень упала с крыши.

Внимание Адама резко сфокусировалось на этой фразе. Горе заточило тон его речи, словно кончик ножа.

— Это другое.

— Какое другое! Это тоже ломает правила!

— Потому что одно дело – ломать законы физики магией, — рявкнул Адам. — И другое – вернуть кого-то из мёртвых.

Но Генри был неумолим.

— Почему? Он уже однажды возвращался.

С этим невозможно было поспорить. Блу произнесла:

— Это опять же требовало жертву. Смерть Ноа.

Генри не успокаивался:

— Так найдите другую жертву.

Адам огрызнулся:

— Себя предлагаешь?

Блу понимала его злость. В этой ситуации любой градус надежды выдержать было невыносимо.

Наступила тишина. Генри снова смотрел на дорогу. Наконец, он сказал:

— Будьте магами.

— Заткнись! — внезапно рявкнул Ронан. — Заткнись! Я не в состоянии это вынести. Просто хватит об этом.

Генри фактически даже отступил на шаг, настолько неистовым было горе Ронана. Они все замолчали. Блу не могла прекратить смотреть на подрагивающие стрелки на часах Генри. Чем дальше они удалялись от поцелуя, тем стрелки становились всё менее безумными, и Блу ничего не могла поделать, но опасалась момента, когда время возвратится в совершенно нормальное состояние. Казалось, когда это произойдёт, Гэнси будет действительно, поистине мёртв.

Минутная стрелка дрогнула. Она дрогнула снова.

Блу уже устала от прямой времени без Гэнси на ней.

Адам поднял взгляд оттуда, где сидел на траве. Его голос был тихим.
— А что Энергетический пузырь?
— А что Энергетический пузырь? — переспросил Ронан. — Он недостаточно силён, чтобы ещё что-нибудь сделать.
— Знаю, — ответил Адам. — Но если ты попросишь... он мог бы умереть ради него.

Глава 67

Независимо от того, с какого места вы начали знакомиться с этой историей, она была об Энергетическом пузыре.

Энергетический пузырь не был лесом. Энергетический пузырь был тем, что в данный момент выглядело как лес. Это была такая своеобразная магия, которая означала, что он всегда одновременно очень стар и юн. Он всегда изучал и будет изучать себя. Он всегда жив и в ожидании нового возрождения.

Прежде он никогда не умирал нарочно.

Но его никогда об этом и не просили.

«Пожалуйста, — сказал Грейворен. — Amabo te¹».

Но такое невозможно. Не так, как он себе это представлял. Жизнь за жизнь — достойная жертва, блистательное основание для потрясающей и особой магии, но Энергетический пузырь не совсем смертный, а мальчик, которого эти люди хотели спасти, был именно таким. Это всё не так просто, типа Энергетический пузырь умирает, а тот воскресает. Для того, чтобы вообще что-нибудь получилось, Энергетическому пузырю придётся основной своей сущностью принять человеческий облик, и даже сам Энергетический пузырь не был уверен, что такое возможно.

Разум мальчика-мага прошёл сквозь изодранные в клочья мысли Энергетического пузыря в попытках узнать, что было возможным, проецируя собственные образы, чтобы помочь Энергетическому пузырю понять цель воскрешения. Он не понимал, что ему самому это было гораздо сложнее осознать, чем Энергетическому пузырю; Энергетический пузырь всегда умирал и снова воскресал; когда все времена были одинаковы, воскрешение просто означало перемещение сознания из одной минуты в другую. Энергетическому пузырю не составляло труда представить бесконечную жизнь, чего не скажешь о возвращении к жизни человеческого тела на определённый срок.

Энергетический пузырь приложил все усилия, чтобы показать ему реальность, однако с нюансами возникли проблемы из-за истощённости энергетической линии. Ведь даже та тонкая связь, которую им удалось нащупать, стала возможной лишь потому, что с ними была дочь экстрасенса, которая всегда в той или иной форме усиливала и Энергетический пузырь, и мага.

Энергетический пузырь пытался заставить их понять, что он ориентирован на создание. Созидание. Творение. Он не мог уничтожать себя ради такой жертвы, потому что это было против природы. Он не мог совсем умереть, чтобы вернуть человека к жизни. Проще создать копию только что умершего человека, но им не нужна была копия. Они хотели того единственного, которого только что потеряли. Но невозможно вернуть его прежнего; его тело необратимо умерло.

Но, может быть, он мог бы преобразовать его во что-то новое.

Только нужно вспомнить, что из себя представляют люди.

Картинки быстро передавались от Энергетического пузыря к магу, и он нащёптывал их дочери экстрасенса. Она начала транслировать свою зеркальную магию на деревья, которые ещё остались в Энергетическом пузыре, и она шептала "пожалуйста", и *tir e e'lintes* признали её одной из своих.

А затем Энергетический пузырь приступил к работе.

¹ (лат.) Пожалуйста

Люди были такими хитрыми и сложными существами.

Когда он начал ткать жизнь и исключать себя из пространства своих же грёз, оставшиеся деревья загудели и запели все вместе. Давным-давно их песни звучали по-разному, но на этот раз они пели песни, которые им подарил Грейворен. Это была плачущая, восходящая мелодия, одновременно наполненная горем и радостью. И когда Энергетический пузырь извлекал квинтэссенцию своей магии, эти деревья начали падать одно за другим.

Печаль дочери экстрасенса прорвалась сквозь лес, и Энергетический пузырь тоже признал её и вложил в жизнь, которую творил.

Другое дерево упало и ещё, а Энергетический пузырь снова и снова возвращался к людям, которые обратились к нему с просьбой. Ему нужно вспомнить какие они. Ему нужно вспомнить, чтобы стать достаточно маленьким.

Пока лес уменьшался, Энергетический пузырь накрыла волна отчаяния и удивления Грейворена. Деревья пытались его успокоить своей песней, песней возможностей, силы и грёз, и тогда Энергетический пузырь собрал воедино его трепет и вложил в жизнь, которую творил.

И наконец, сквозь оставшиеся деревья вихрями просочилось тоскливое сожаление мага. Кем бы он был без всего этого? Просто человеком, человеком, человеком. Энергетический пузырь в последний раз прижал листья к его щеке, а потом они взяли такую человечность и вложили в жизнь, которую творили.

Это был почти человеческий облик. Очень похожий. Нет в мире совершенства.

Дорогу Королю-Вóрону.

Упало последнее дерево, и леса не стало, всё погрузилось в абсолютную тишину.

Блу коснулась лица Гэнси. Она прошептала:

— Пробудись.

Эпилог

Июньские вечера в Сингер Фоллс были очень красивыми. Сочный и тёмный мир, окрашенный всеми оттенками зелёного. Деревья, повсюду деревья. Адам вёл по извилистой дороге назад в Генриетту ловкий маленький БМВ, который пах Ронаном. Радио играло жуткое техно Ронана, но Адам его не выключал. Мир казался таким огромным.

Он возвращался в трейлерный парк.

Время пришло.

От Барнс до трейлерного парка было минут тридцать езды, так что у него имелось достаточно времени, чтобы передумать и вернуться в церковь Святой Агнесс или на фабрику Монмаут.

Но он проехал мимо Генриетты в трейлерный парк, а потом направился по длинной, ухабистой дороге к трейлерам, поднимая шинами тучи пыли у себя за спиной. К машине, чтобы броситься за нею вслед, повыскакивали собаки, которые исчезли, стоило ему подъехать к своему старому дому.

Ему не нужно было спрашивать, неужели он, и правда, на это решится.

Он же здесь, не так ли?

Адам поднялся по хрупкой лестнице. Краска, которой когда-то были выкрашены ступеньки, теперь облупилась, растрескалась, а древесину испещрили идеально круглые отверстия, оставленные пчёлами-плотниками. Эта лестница не сильно отличалась от той, что вела в его квартиру над церковью Святой Агнесс. Разве что ступеней меньше.

Остановившись возле двери, он какое-то мгновение изучал её, гадая: стоит стучаться или нет. Ещё несколько месяцев назад он жил здесь, приходил и уходил, когда вздумается, но ему казалось, что с тех пор прошли годы. Он казался себе выше, чем тогда, хотя, конечно, вряд ли он сильно вытянулся за лето.

Этот трейлер больше не был его настоящим домом, поэтому он постучал.

Он ждал, убрав руки в карманы выглаженных штанов цвета хаки, глядя то на чистые носки своих ботинок, то снова на пыльную дверь.

Дверь открылась, на пороге глаза в глаза стоял его отец. Адам почувствовал немного больше доброжелательности к прошлой версии самого себя, той, которая боялась превратиться вот в этого мужчину. Потому что хоть с первого взгляда и казалось, что Роберт Пэрриш и Адам Пэрриш не похожи, в глазах Роберта Пэрриша было нечто такое замкнутое и самоуглублённое, что напоминало Адаму самого себя. Было что-то знакомое и в движении бровей; в бороздке между ними, форма которой была точным очертанием продолжающихся различий между жизнью, какой она могла быть, и жизнью, какой она на самом деле была.

Адам не был Робертом Пэрришем, и он простил тому прошлому Адаму боязнь такой возможности.

Роберт Пэрриш смотрел на своего сына. У него за спиной, в полумраке, Адам заметил мать, которая глядела мимо Адама на БМВ.

— Впусти меня, — попросил Адам.

Отец помедлил, дёрнув ноздрей, но отступил в дом. Он развернул руку в некоем издевательском приглашении, в притворном жесте верности лжекоролю.

Адам вошел внутрь. Он и забыл, какими сжатыми здесь были их жизни. Он забыл, что кухня являлась гостиной и спальней родителей, рядом с которой находилась крошечная комнатка Адама. Он не мог винить их в том, что они отрезали это пространство, потому что в доме просто было невозможно остаться в одиночестве. Он и забыл, что клаустрофобия выводила его из себя, как и страх.

— Хорошо, что позвонил, — произнесла его мать.

Он всегда забывал, как она тоже привыкла его изгонять. Её слова представляли собой неясный вид нападок, который испарялся из памяти куда проще, чем удары отца, приходящиеся на рёбра юного Адама, когда тот терял концентрацию. Была причина, почему он научился прятаться в одиночестве, подальше от неё.

— Мне не хватало тебя сегодня на выпускном, — ровным голосом сообщил Адам.

— Я не чувствовала, что мне будут рады, — сказала она.

— Я же попросил тебя прийти.

— Ты всё испортил.

— Это не я всё испортил.

Она отвела взгляд, она, по большей части, пропадала при первых признаках активного конфликта.

— Чего ты хочешь, Адам? — спросил отец. Он всё ещё смотрел на его одежду, будто решил, что, должно быть, это она изменилась. — Не думаю, что ты пришёл сюда умолять нас пустить тебя обратно. Теперь, когда ты окончил учебу и водишь тачку своего бойфренда.

— Я пришёл узнать, есть ли хоть малейшая возможность наладить отношения с родителями, перед тем как уеду в колледж, — ответил Адам.

Рот его отца находился в движении. Сложно сказать, то ли он был потрясён заявлением Адама, то ли тем фактом, что у Адама вообще имелся голос. В этой комнате голос Адама был редким гостем. Самого Адама тоже озадачивало, почему он так долго считал это нормальным. Он помнил, как соседи отворачивались, увидев его разбитое лицо. Он по глупости привык считать, что они ничего не говорили, потому что считали: он так или иначе такое заслужил. И вот теперь он гадал, сколько из них ютились на полу перед своими диванами или прятались в своих комнатах, или плакали под маленькими крыльцами в сильный дождь. Его охватило внезапное желание спасти тех, других Адамов, скрывающихся у всех на виду, хотя он и не был уверен, что они его послушают. Это поразило его, как порыв Гэнси или Блу, словно в его сознании появилась та крошечная

героическая искра, он понял, что она появилась благодаря его уверенности, будто он спас себя, будто он мог бы спасти ещё кого-нибудь.

— Именно ты сделал это невозможным, — сообщил отец. — Именно ты всё испортил, как и сказала твоя мать.

Теперь Адаму казалось, что отец скорее раздражает его, нежели внушает страх. Язык его тела — сутулые плечи, опущенный подбородок — говорил о том, что он ударит Адама не раньше, чем своего босса. В последний раз, когда он поднимал руку на своего сына, ему пришлось вытаскивать из неё ужасную занозу, и Адам видел, что его всё ещё не отпустило ощущение отрицания того мгновения. Адам был другим. Даже без сил Энергетического пузыря он чувствовал, что его глаза мерцали сталью, и он не пытался этого скрыть. Он маг.

— Пап, всё давно было испорчено, — парировал Адам. — Ты знал, что я оглох на одно ухо? В зале суда ты постоянно перебивал меня, когда я говорил об этом.

Отец презрительно фыркнул, но Адам не дал ему заговорить:

— Гэнси отвез меня в больницу. А это должен был сделать ты, папа. То есть, я хочу сказать, что этого вообще не должно было случиться, но, если произошёл, и правда, несчастный случай, ты должен был быть там со мной.

Даже когда он выдал всё, что хотел, то не мог поверить, что наконец-то высказался. Он когда-нибудь высказывал хоть что-то отцу, будучи уверенным в своей правоте? Неужели за всё это время он ни разу не сумел заглянуть ему в глаза? Он не мог поверить, что ему не страшно: отец не был пугающим, ведь ему уже не было страшно.

Его отец бесновался и убрал руки в карманы.

— Папа, я оглох на одно ухо из-за тебя.

Теперь отец смотрел в пол, из-за чего Адам понял, что тот ему поверил. Наверное, это было единственное, чего Адам ждал от этой встречи: отведённый взгляд отца. Уверенность в том, что его отец знал, что сделал.

Роберт Пэрриш поинтересовался:

— Чего ты хочешь от нас?

По дороге к трейлерному парку Адам много размышлял. Что он по-настоящему хотел, это быть предоставленным самому себе. Не отцу, который больше не мог по-настоящему вторгаться в его жизнь, но самой идее, что у того всё равно было больше власти.

— Я думаю о тебе каждый раз, когда не могу понять, откуда доносится чей-нибудь голос, который меня зовёт, когда я ударяюсь головой о душ, и когда автоматически вставляю наушники в оба уха. Как считаешь, у нас может быть будущее, когда я стану вспоминать о тебе и помимо этих случаев?

По их лицам он мог сказать, что вряд ли в ближайшем будущем получит от них утвердительный ответ, но это ничего. Он пришёл сюда без каких-либо ожиданий, так что не разочаровался.

— Не думаю, что знаю, — наконец, ответил отец. — Ты вырос и стал тем, кто мне не очень по душе, и я не боюсь в этом признаваться.

— Справедливо, — согласился Адам. Мнение отца больше не очень его волновало. Гэнси сказал бы: «Я ценю вашу честность». И Адам позаимствовал из воспоминаний силу вежливости. — Я ценю твою честность.

Лицо отца наглядно продемонстрировало, что Адам просто прекрасно проиллюстрировал свою точку зрения.

— Я бы хотела, чтобы ты звонил, — вмешалась в разговор мать. — Мне бы хотелось знать, чем ты занимаешься.

Она подняла голову, и свет через окно отобразился идеальным квадратом на её очках. И точно так же мысли Адама замелькали вдоль времени, его логика воспользовалась теми же каналами, что обычно использовало его экстрасенсорное восприятие. Он видел себя, стучавшегося в дверь, по другую сторону которой стояла она

и молчала. Он видел, как стучался, в то время как она, задержав дыхание, находилась у задней части трейлера и ждала, пока он уйдёт. Он даже видел, как звонит, а она держит в руке дребезжащую трубку, но не отвечает. Но ещё он видел, как она листает брошюру колледжа, как вырезает статью о нём из газеты. Как она помещает на холодильник фотографию, на которой он улыбается в элегантном костюме.

В какой-то момент она отпустила его и не хотела принимать обратно. Она просто желала посмотреть, что с ним будет.

Но и это ничего. Всё в порядке. Это уже кое-что. С этим он мог жить. Наверное, только это ему и оставалось.

Он задумчиво стукнул по шкафу около себя, а потом достал ключи от БМВ.

— Хорошо, — произнёс он.

Подождал мгновение, давая им возможность заполнить пространство, чтобы превзойти все ожидания.

Они не стали. Адам поставил планку на высоту, выше которой они прыгнуть не могли.

— Я сам найду выход, — сказал он.

Он ушёл.

На другом конце Генриетты Гэнси, Блу и Генри только что выбрались из Свиньи. Генри вышел последним, так как он ехал на заднем сидении, и почти вывалился из-за пассажирского кресла. Закрыл дверь и хмуро на неё взглянул.

— Тебе надо её захлопнуть, — пояснил Гэнси.

Генри её закрыл.

— Захлопни, — повторил Гэнси.

Генри захлопнул дверь.

— Так грубо, — заметил он.

Они находились здесь, в таком уединённом месте, из-за Ронана. Сегодня после обеда он выдал им расплывчатые инструкции – по-видимому, они были в поисках подарка к выпускному для Блу. Она закончила школу несколько недель назад, и Ронан дал понять, что её ожидает подарок, но он отказался уступать и выдать к нему маршрут, пока Гэнси и Генри тоже не выпустились. «Подразумевается, что вы будете использовать эту штуку вместе», — зловеще сообщил он. Они просили его пойти — и на выпускной, и на охоту за подарком — но он лишь ответил, что оба этих места для него наполнены плохими воспоминаниями, и они увидятся по ту сторону.

Так что теперь они спускались по пыльной тропе в направлении дремучих зарослей деревьев, которые скрывали от их взора всё по ту сторону. Погода стояла приятная и тёплая. Насекомые уютно устраивались на футболках ребят и вокруг их щиколоток. Гэнси чувствовал, будто делал это раньше, но не мог сказать, делал или нет. Теперь он знал, что ощущение ускользающего времени, с которым он так долго жил, было результатом не первой его смерти, а, скорее, второй. Побочным действием всякой всячины, которую собрал Энергетический пузырь, чтобы снова дать ему жизнь. Людям не полагалось проживать все времена сразу, но Гэнси всё равно приходилось это делать.

Блу потянулась взять его за руку во время прогулки, и они весело связали пальцы в узел. Они были свободны, свободны, свободны. Школа закончена, и перед ними простиралось лето. Гэнси поборолся за академический отпуск длиною в год и выиграл; Генри уже его запланировал. Это было на руку, так как Блу провела месяцы, планируя, как после окончания школы подешевле пешком путешествовать по всей стране, место назначения – жизнь. Лучше это делать в компании. Лучше было втроём. «Три, — всегда говорила Персефона, — самое сильное число».

Сейчас они миновали границу леса и очутились на огромном заросшем поле типа тех, что были не редкостью в этой части Вирджинии. Пушистые уши ягнёнка возвышались посреди травы; чертополох был всё ещё невысоким и коварным.

— О, Ронан, — вздохнул Гэнси, хотя Ронана, чтобы это услышать, тут не было, просто он осознал, куда завели их инструкции Линча.

Поле было заполнено автомобилями. Практически одинаковыми. Но практически все имели ту или иную странность. Практически все – белые Митсубиши. Трава, растущая вокруг, и пыльца, покрывающая лобовые стёкла, делали пейзаж довольно апокалиптическим.

— Я не желаю брать ни один из них для нашего великого турне по Америке, — с отвращением сообщил Генри. — Мне всё равно, что они бесплатны, и мне всё равно, если они магические.

— Согласен, — произнёс Гэнси.

Блу, впрочем, казалась равнодушной.

— Он сказал, тут будет одна, и мы поймём, что она для нас.

— Ты знала, что это машина? — задал вопрос Гэнси. Он был неспособен добиться от Ронана ни малейшей подсказки.

— Я не собиралась следовать его указаниям совсем без информации, — парировала Блу.

Друзья пробирались через траву, саранча с шумом проносилась перед ними. Блу и Генри сосредоточенно занялись поисками, сравнивая автомобили. Гэнси мешкал, чувствуя, как летний ветер наполняет лёгкие. К выпускному подарку его привела тропа, описавшая широкую окружность.

— Ребята, я нашёл.

Кое-что было очевидно не к месту: неистово-оранжевый старый Камаро стоял посреди новеньких Митсубиши. Он был настолько явно идентичен Свинье, что Ронан, должно быть, нагрезил его.

— Ронан думает, он такой забавный, — усмехнулся Гэнси, когда Блу и Генри подошли ближе.

Генри оторвал от своей руки клеща и бросил его в поле, чтобы тот присосался к кому-нибудь другому.

— Ребят, он, что, хочет, чтобы вы водили похожие автомобили? Выглядит как-то сентиментально для человека без души.

— Он мне сказал, что у неё под капотом есть что-то, что мне понравится, — заявила Блу. Она прошла вперёд и нащупала рычажок, открывающий капот. Приподняв его, она захохотала.

Они заглянули внутрь, и Гэнси тоже рассмеялся. Потому что внутри моторного отсека этого Камаро не было ничего. Никакого двигателя. Никаких внутренних механизмов. Только пустое пространство до травы, растущей вокруг шин.

— Максимально экологичный автомобиль, — заключил Гэнси в тот же момент, когда Генри поинтересовался:

— Думаете, она, правда, поедет?

Блу захлопала в ладоши и запрыгала на месте; Генри щёлкнул её на память, но она была слишком радостной, чтобы скорчить ему рожицу. Проскакав к водительскому месту, она забралась внутрь. Её было едва видно над приборной панелью. Но улыбка была по-прежнему огромной. Ронан пожалеет, что пропустил это, но Гэнси понимал его причины.

Секундой позже с рёвом ожил двигатель. Или, скорее, с рёвом ожил автомобиль. Кто знает, что там вообще издавало звук. Блу выдала чумовой вопль ликования.

Перед ними простирался год, волшебный, громадный и совершенно не написанный.

Непостижимо.

— Думаешь, она когда-нибудь сломается? — Гэнси перекричал шум двигателя.

Генри засмеялся.

— Это будет потрясающее путешествие, — отметил он.

Независимо от того, с какого момента вы начали знакомиться с этой историей, она была об этом месте: длинный отрезок гор, что накрывал особенно мощную часть энергетической линии. Месяцы назад здесь был Энергетический пузырь, населённый грёзами, цветущий магией. Теперь это был просто обычный лес Вирджинии, зелёные боярышники и мягкие платаны, дубы и сосны, все тонкие из-за усилий, затраченных, чтобы прорасти сквозь скалы.

Ронан считал его достаточно милым, но он не был Энергетическим пузырём.

Вдоль одной из насыпей костлявая копытная девочка весело пробивалась через подлесок, напевая и издавая отвратительные чавкающие звуки. В лесу её интересовало всё, а интересоваться значило пробовать на вкус. Адам говорил, что она очень походила на Ронана. Ронан собирался принять это за комплимент.

— Опал, — рявкнул он, и она выплюнула кусок гриба. — Хватит гонять балду!

Девочка поскакала, чтобы его догнать, но не остановилась, когда достигла цели. Она предпочитала вести бурную деятельность по кривому периметру вокруг него. Что-то другое могло бы создать видимость добровольного послушания, а она делала очень многое, чтобы этого избежать.

Впереди окликнула Чейнсо:

— Кра!

Она продолжала кричать, пока Ронан её не догнал. Конечно, она обнаружила что-то неуместное. Он распинал листья. Там оказался металлический артефакт, возраст которого на вид измерялся веками. Это был диск от колеса Камаро 1973 года. Он соответствовал древнему невозможному диску, которые они обнаружили на энергетической линии несколькими месяцами ранее. Тогда Ронан решил, будто это означает, что в какой-то момент будущего они разобьют Камаро в погоне за Глендовером, а изгиб времени на энергетической линии забросит их назад в прошлое, а потом снова вперёд. На энергетической линии все времена были одним и тем же.

Но казалось, будто они ещё не добрались до этого места: на энергетической линии их ожидали будущие приключения.

Это была захватывающая и ужасающая перспектива.

— Хорошая находка, паршивка, — сказал он Чейнсо. — Пошли домой.

*

Вернувшись в Барнс, Ронан подумал обо всём, что он любил и не любил в Энергетическом пузыре, и что бы он сделал по-другому, если бы проявил его сейчас. Что бы придало ему больше защищённости от угроз в будущем, что бы сделало его способным лучше связываться с другими местами, подобными Энергетическому пузырю на линии, что бы сделало его более истинным отражением Ронана.

Потом, удерживая всё это в голове, он забрался на крышу и уставился в небо.

А затем закрыл глаза и начал грезить.